

СМЕНА

ноябрь
2000

Дюбуа и дуба Черные пумы

Фрэнсис Керрис **Убийца из Альбукерке**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор*Михаил Кизилов***Редколлегия:****зам. главного редактора***Борис Данюшевский**Николай Левниев***зам. главного редактора***Сергей Попов***главный художник***Виталий Федоров***редактор отдела****литературы и искусства***Тамара Чингина*

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

11 2000
ноябрь (1633)

Сдано в набор 17.9.2000.
Подписано к печати 17.10.2000.
Печать офсетная.
Заказ № 2625
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2000.

60 *Владимир
Виноградов*
**В ВАГОНАХ
С СЕВЕРА**
Рассказ

130 *Урсула Кершис*
**УБИИЦА ИЗ
АЛЬБУКЕРКЕ**
Детектив

4 *Борис Сопельняк*
**НЕЗРИМЫЕ
СЛУГИ ЗАКОНА**

16 *Лора Великанова*
**СИРОТА
С КАЗАНСКОГО**

32 *Светлана
Бестужева-Лада*
**ВЕЧНАЯ
ЖЕНСТВЕННОСТЬ**

83 *Майя Орлова*
**ВВЕРХ
ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ**

90 *Галина Калининна*
**У РЕКИ, ГДЕ ЖИВУТ
ОЛЕНЕВОДЫ**

244 *Наталья Бехтерева:*
**"НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
МОЗГ СРАВНИВАЮТ
С КОМПЬЮТЕРОМ"**

264 *Андрей Шарасов*
**ОТКУДА
НАЧИНАЕТСЯ
ГАНГРЕНА**

ноябрь '2000

В НОМЕРЕ:

стр. 112

На 1-ой обложке:
фотоэпид.
EAST NEWS.

стр. 78

40 *Любовь Русева*
ЧЕРНЫЕ ПАПЫ

54 *Семен Фарада:*
**"МИР СПАСАЮТ
ЖЕНЩИНЫ"**

78 *Елена Прокофьева*
ЛОРД-"СУПЕРСТАР"

112 *Людия Байрамова*
ПЕРУДЖИНО

234 *Иван Зюзюкин*
**ЧЕСТНОСТЬ
СЕРДЦА И УМА**

260 *Галина Сирик*
**"РУКИ ВВЕРХ",
НО ВСЕМ
НЕ СТРАШНО...**

стр. 32

28 *Шатьяна Смертина*

*Станислав-Андре
Стиман*
**ВОСЕМНАДЦАТЬ
ПРИВИДЕНИЙ**

Респектабельность и порядок, царившие в частном колледже французского городка Меремон, нарушились страшным событием — одна из девушек, обучавшихся в колледже, была найдена в постели задушенной собственной косой. В Меремон прибывает комиссар Брош из сысской полиции, но, одновременно с ним, к делу подключается сыщик-любитель Дезире Марко, которому и удастся раскрыть тайну необычного преступления...

*Александр
Экштейн*
**ЛЮДИ
ПОЛНОЙ ЛУНЫ**

В заключительной книге трилогии (первые две — "Солнечный убийца" и "Тибетские качели" — печатались в "Смене" № 12, 1999 г. и № 8, 2000 г.) вы встретитесь с уже знакомыми героями — следственной группой таганрогской милиции, но главный акцент автор делает на мистических тайнах, окружающих секретные организации МОАГУ и "Ужас"...

декабрь 2000

12

АНОНС:

По следам преступника идет... филолог

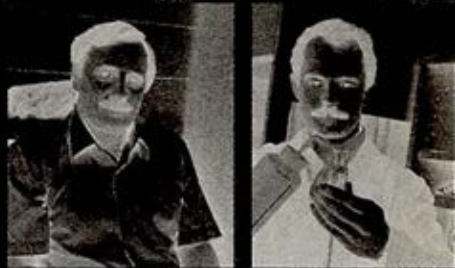
Таких экспертов, как подполковник милиции Анатолий Номисаров, в России всего пятеро, причем трое из них работают в системе МВД. Если учесть, что до недавнего времени такого понятия, как авторская экспертиза, в природе не было, к пришедшим в органы внутренних дел филологам относились с нескрываемым скептицизмом. Но когда по обрывку бумаги с текстом, написанным левой рукой да еще печатными буквами, филологи определили не только возраст, пол, профессию, родной язык, но и уровень образования анонимного автора, следователи коренным образом изменили свое мнение об "очаринах из университета".

По большому счету все началось с омерзительного преступле-

ния, произошедшего в одном приволжском городе. Насмотревшись американских фильмов, в которых обаятельные гангстеры похищают детей состоятельных родителей, а потом с необычайной легкостью получают миллионные выкупы, местные отморозки решили заняться киднеппингом в своем областном центре. Вычислить небедную семью и похитить малолетнего ребенка особого труда не составляло, как не составляло труда поднудить родителям записку с требованием выкупа и угрозами убить ребенка, если к определенному сроку деньги не будут собраны.

Назначать они более или менее разумную цену, перепуганные до смерти родители эту сумму тут же бы выложили, но бандиты заломили такой огромный куш, что собрать столько денег к установленному сроку не было никакой воз-

НЕЗРИМЫЕ

СЛУГИ ЗАКОНА

Борис СОПЕЛЬНЯК

мощности. Пона продавали имущество и влезали в долги, у похитителей лопнуло терпение, к тому же им очень хотелось показать свою крутизну: ребенка они просто-напросто убили, а труп выбросили в кусты.

На ноги была поставлена вся милиция, но убийц не нашли. Как это часто бывает, от безнаказанности негодяи обнаглели и через месяц похитили еще одного ребенка. И снова к указанному в подброшенной записке сроку деньги собрать не удалось, а на берегу был обнаружен детский труп. Вы не поверите, но ровно через месяц был похищен и убит третий ребенок! Тут уж на улицы вышел весь город и потребовал от властей либо поймать убийц, либо катиться из города к чертовой матери.

— К делу подключилась бригада московских сыщиков, — вспо-

минает подполковник Комиссаров. — Перед отъездом на Волгу они обратились ко мне с просьбой провести автороведческую экспертизу подброшенных записок. Первое, на что я обратил внимание, это едва уловимое смешение русского языка и какого-то другого. Но какого? Когда я погрузился в изучение диалектических ошибок, то понял, то записки писал один и тот же человек и что он... азербайджанец. Изучив длину предложений, в том числе количество сложносочиненных и сложноподчиненных, а также долю многосложных слов, я пришел к выводу, что образование у автора не выше среднего.

Обратил внимание и на то, что он слишком правильно называет различные учреждения, расположенные поблизости от того места, куда надо было положить деньги. Но наиболее интересным было ис-

Анатолий Номиссаров

пользование терминов, характерных для жителей конкретного микрорайона: высотный дом они называли башней, парк — выгулом, столовую — обжорной.

Все это позволило сделать вывод, что автор записки живет, скорее всего, в известном нам микрорайоне. Когда сыщики получили данные о национальности убийцы, его возрасте, образовании и вероятном месте проживания, найти его стало делом техники. А вскоре была задержана и отдана под суд вся банда.

— Это тот самый случай, — не удержался я, — когда побеждает интеллект, когда мозги эксперта сильнее тупой самоуверенности преступника. А где этому учат? Где готовят экспертов-автороветов?

— Нигде... Я, например, окончил филологический факультет Одесского университета, правда, уже после службы на флоте. Там-то я и понял, что у меня какое-то особое чутье на слова, а также на речь, причем как письменную, так и устную. Поняло это и командование Тихоокеанского флота, определив меня в разведку. Так как я до-

вольно прилично знал английский, меня посадили на подслушку. В разгаре была вьетнамская война, в небе полно английских, американских и австралийских самолетов, в море туда-сюда снуют их корабли, и все обмениваются крайне важной информацией: куда летят или идут, каким курсом, какая цель их интересует... По двенадцать часов в сутки не снимал я наушников и так изучил все тонкости английского языка, что с первой фразы отличал американца от англичанина или австралийца. Так что в тот момент, когда эскадрилья подлетала к цели, ее уже ждали. А если учесть, что англичане летали несколько иначе, нежели американцы, то и встречу им готовили соответствующую их привычкам.

Эти знания пригодились и в дальнейшем. Тема моего университетского диплома называлась так: "Идентификация национальностей, говорящих на английском языке".

— И вас не пригласили в ФСБ или, еще лучше, в ФАПСИ? — удивился я. — Как они могли прозевать такого уникального специалиста, ведь людей с вашим даром и вашим опытом раз-два и обчелся?

— Тогда все это называлось КГБ... Не исключено, что такое предложение могло бы и поступить, но раньше это сделал один московский профессор, который присутствовал на защите диплома: он посоветовал идти в ВНИИ судебных экспертиз. Я последовал его совету и десять лет проработал в этом институте. Там я одним из первых получил вот этот, чрезвычайно ценный для меня документ, — протянул он "Свидетельство на право производства судебно-автороветческих экспертиз".

— То, что по какой-нибудь записке вы можете определить возраст, пол и даже родной язык автора, я понял. Но профессия? Как вы ее-то определяете?

— Это как раз не самое сложное. Если в тексте вместо "хорошо" написано "железно" или "потрясно", вместо "скандалить" или "ругаться" — "выступать", значит автор побывал в зоне или, по меньшей мере, прибалтнен — так как пользуется воровским жаргоном. А вот если он написал "я играл на театре" или "он ходил на "Палладе", значит, в первом случае он театральный работник, а во втором — моряк. На этом, кстати, погорел один бывший офицер. Помните дело о похищении двух ценнейших скрипок из Музея музыкальной культуры имени Глинки?

Еще бы мне не помнить это дело! В составе следственной бригады работал один мой знакомый, который так много рассказал, что мы чуть было не сняли фильм об этом интереснейшем расследовании. Но того, что я узнал от Анатолия Комиссарова, он мне не рассказывал. А сюжет интереснейший! Поиски раритетных скрипок, одна из которых сделана руками легендарного Страдивари, довольно долго были безрезультатными. Сыщики понимали, что продать такую скрипку на толкучке или сплавить третьеразрядному музыканту дело дохлое: во-первых, не хватит денег, а во-вторых, с таким инструментом нельзя появляться на людях: скрипок Страдивари так мало, что они наперечет, и все музыканты знают, в чьих они руках.

Значит, покупателем мог быть коллекционер, причем не обязательно российский... Чтобы инструменты не ушли за границу, был уси-

лен контроль на таможенных и пограничных постах. Чтобы схватить за руку потенциального покупателя внутри страны, был установлен негласный надзор за всеми коллекционерами и состоятельными любителями музыки. Сыщиков ежеминутно дергало начальство, возмущалась общественность, начали посмеиваться зарубежные коллеги... Ни одного следа!

И вдруг, несколько недель спустя, появился реальный след: пришло письмо с требованием выкупа. Это значит, что вся предыдущая работа была проделана не зря: ни вывезти за границу, ни продать скрипки внутри страны похититель не смог. Началась игра с телефонными звонками, перлюстрацией писем, наблюдением за почтовыми отделениями — результат по-прежнему нулевой.

— И тут кому-то пришло в голову показать эти письма мне, — рассказывает Анатолий Юрьевич. — Нельзя ли, дескать, хотя бы приблизительно установить личность автора? Не в том, конечно, смысле, что описать его внешность и сообщить адрес, а хотя бы что-нибудь, что помогло бы сузить район поиска или определить контингент подозреваемых. И я с этой задачей справился! — не без гордости заметил Комиссаров. — Как я это сделал — профессиональная тайна, но по нескольким обмолвкам и способам описания улиц, домов и площадей я установил, что автор писем или был, или является военнослужащим, причем с высшим образованием. Остальное было делом техники: сыщики довольно быстро вычислили автора писем, а потом повязали и всю банду. Скрипки, к счастью, не пострадали и были возвращены в музей.

Выслушав благополучный финал "скрипичной истории", я решил задать моему собеседнику вопрос, который мучает меня уже очень давно:

— Знаете, что больше всего поражало меня, когда я получал разрешение поработать в когда-то наглухо закрытых архивах ОГПУ-НКВД-НГБ? — начал я издавна. — Не звериные хватки следователей, которые до полусмерти избивали Всеволода Мейерхольда, не палаческие замашки их руководителей в штанах с лампасами, которые топтали своими хромовыми сапогами Михаила Кольцова, Лидию Русланову или Зою Федорову, а так называемые чистосердечные признания подследственных, написанные собственной рукой. Не буду говорить о том, что все они, как правило, признают себя шпионами двух-трех держав, я о другом, — о языке и стиле этих признаний. Они написаны таким кондово-юридическим языком, которого не могли знать ни актрисы, ни писатели, ни режиссеры. Короче говоря, нет никаких сомнений, что все эти "чистосердечные признания", за которыми последовали самые суровые приговоры, вплоть до расстрельных, написаны под диктовку.

Тогда на эти диктанты никто не обращал внимания, для судей из печально известных "троек" и Особых совещаний такого рода "чистосердечные признания" были нормой. А как сейчас? Являются ли для судей "чистосердечные признания" бесспорными? Не отправляют ли их к вам на экспертизу? И если отправляют, то какими бывают последствия? Если вам неудобно отвечать как офицеру милиции, то ответьте как ученый-филолог, —

вспомнив о корпоративных чувствах, добавил я.

— Вообще-то такие вопросы называют некорректными, — одним движением распушил усы мой собеседник, — и отвечать на них не обязательно, но я отвечаю. И, знаете, почему? Потому что наболело! Сколько перспективнейших дел было развалено в суде из-за того, что ретивые следователи заставляли писать под диктовку эти самые "чистосердечные признания"! У подсудимого пять классов образования, он слово "корова" пишет через "а", а в "чистосердечном признании" — сложнейшие юридические термины с причастными и деепричастными оборотами. К счастью, мы живем не в 30-40-е годы: судьи такие диктанты, как правило, ставят под сомнение, отправляют на автороведческую экспертизу и дело либо закрывают, либо возвращают на доследование. Кстати говоря, именно по этой причине развалилось нашумевшее в свое время "узбекское хлопковое дело": многие чистосердечные признания оказались надиктованными следователями генеральной прокуратуры.

— А что это за история с профессором, который подрабатывал тем, что писал кандидатские диссертации богатеньким оболтусам? — поинтересовался я.

— Если честно, распространяться на эту тему не очень хочется. Стыдно, очень стыдно за солидного ученого, доктора исторических наук, но, как говорится, истина дороже. А началась эта история так...

По одному из запутанных дел проходил кандидат исторических наук, но по тому, как он общался, говорил, писал и что знал, на кандидата наук он никак не тянул. Но

диссертация была написана и блестяще защищена! Когда следователь обратился ко мне с просьбой произвести автороведческую экспертизу этой диссертации, я больше месяца изучал доклады, статьи и монографии... его научного руководителя, как оказалось, того самого профессора. В экспертном заключении я, ни секунды не колеблясь, написал, что автором кандидатской диссертации является профессор: лексические и индивидуальные особенности его письма выдали профессора с головой. Припертые к стене неоспоримыми фактами, и он, и его протеже вынуждены были признаться в сговоре. В результате один лишился кандидатских норочек, а другой прячет глаза от своих коллег.

— Так что же получается? Выходит, что ни черкнуть, как говорят на воровском жаргоне, маляву, ни отправить анонимку, ни даже скопировать у нескольких авторов статью или книгу, не оставив при этом следов и не подписав себе приговора, практически невозможно? — задал я еще один некорректный вопрос.

— Если по следу идет филолог, а точнее, эксперт-авторовед, то никакие ухищрения не помогут: личность автора будет установлена, а что он за свои деяния получит — дело следствия и суда.

Деньги — всему голова

Слова, вынесенные в заголовок, придумал не я, они родились в народе. Но вот что удивительно: в те годы, когда жизнь на Руси была нормальной, эта кощунственная поговорка забывалась. А в смутные времена всплывала и становилась одной из самых популярных.

Почему? Да потому, что с какой-то роковой закономерностью нашу страну поражает духовная чума — и тогда честь, достоинство, любовь, верность, короче говоря, все, на чем стоит душа человеческая, становится товаром, который можно купить, продать, заложить, обменять, превратить в вексель или золотой сертификат. А раз так, то можно купить государственную тайну, голос думного дьяка, секретный панет генерала или схему подземных ходов под Кремлем или Белым домом.

Да, деньги — это деньги... Их любят и проклинают, носят и транжирят, складывают в кубышку и бросают на ветер, ради них идут на смерть и преступление — проще говоря, вся жизнь человеческая так или иначе крутится вокруг денег. Но есть люди, которые в деньгахкупаются, сотнями миллионов пропускают через свои руны, но счастливее от этого не становятся, так как воспринимают их точно так же, как сапожник сделанный им башмак, а хлебопек — булку. Вы, конечно же, догадались, кого я имею в виду — это те, кого раньше называли монетными мастерами, а теперь — работниками Гознака.

Надо ли говорить, что во все времена эта профессия была одной из самых таинственных, почетных и... опасных. Сколько мастеров было четвертовано, утоплено, прибито гвоздями к воротам монетных дворов, но все равно находились люди, которые не выдерживали соблазна и, если так можно выразиться, начинали работать налево. Фальшивомонетничество — вот бич, который преследует человечество с первых шагов его существования. Что только ни служило людям деньгами — шкуры животных,

ракушки, собачьи зубы, человеческие черепа, листья табака, копченые циновки — и во все времена приходилось казнить прохиндеев, которые пытались вместо них всучить шакальи зубы, обезьяньи черепа или листья лопуха.

А какие имена, какие люди возглавляли шайки фальшивомонетчиков! Первым венценосным фальшивомонетчиком был римский император Калигула, его примеру последовал французский король Филипп IV, затем — Фридрих II, Наполеон и даже гордость человечества греческий философ Диоген.

Российские "умельцы" были не хуже европейских и шли с ними нога в ногу. Грех "подделки денег" есть и на купцах, и на боярах, и даже на втором царе из дома Романовых — Алексее Михайловиче. Расплавивались за этот грех, само собой, не высокопоставленные особы, а воровские мастера — так называли чеканщиков, которые подделывали монеты: еще при Петре I им заливали горло раскаленным оловом, а потом отсекали руки и ноги. Потомки грозного императора наказание смягчили, но на всех денежных знаках ставили предупредительную надпись: "За подделку кредитных билетов виновные подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы".

Со временем императоры, цари и короли поняли, что жестокими наказаниями проблему не решить и пошли другим путем: они начали искать людей, которые физически не способны к предательству, и именно им стали доверять изготовление монет и ассигнаций. Как это ни странно, но именно этот метод оказался самым надежным: за более чем двести лет изготовления

бумажных денег в России случаев предательства среди мастеров не зафиксировано.

Иное дело — фальшивомонетчики, которые пытаются раскрыть секреты изготовления банкнот. Они всегда были, есть и будут. Но подделка — это подделка. А вот дубликат, равный оригиналу, это совсем другое дело. Мы еще вернемся к этой теме, и я попытаюсь доказать, что изготовить дубликат, равный оригиналу, практически невозможно. Так что по большому счету бороться с фальшивомонетничеством проще простого: надо наладить массовое производство аппаратов, которые могли бы со стопроцентной гарантией отличить оригинал от подделки.

— Вашим бы устам, да в Боговы уши, — усмехнулся мой собеседник, а им был начальник отдела по борьбе с фальшивомонетничеством Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД России полковник милиции Владимир Усков. — И аппараты, о которых вы говорите, есть в каждом обменном пункте, и народ стал более внимательным и осторожным, но, как оказалось, фальшивомонетчики тоже не дремлют — их продукция становится все более качественной, порой настолько качественной, что распознать подделку может только высококвалифицированный эксперт.

Без экспертов мы вообще ни шагу! А если учесть, что фальшивомонетничество принимает все более массовый характер, нагрузка на плечи экспертов ложится все более высокая. Судите сами. Если в конце 80-х мы ежегодно выявляли не более ста преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, то только за шесть

месяцев этого года таких преступлений выявлено около семи тысяч, а к уголовной ответственности привлечено более тысячи человек.

— А нагие банкноты чаще всего подделывают? — поинтересовался я.

— Основная масса — сторублевки. Но довольно много и пятистурблевки. Хорошо "идут" и доллары, особенно стодолларовые купюры: за полгода мы изъяли подделок на сумму около трех миллионов долларов.

— На скамью подсудимых попадают только сбытчики или изготовители тоже?

— В основном, к сожалению, сбытчики. Закон в России таков, что если нет сбыта, то нет и состава преступления. Иначе говоря, мы можем выйти на подпольный цех, где банкноты печатают миллионами штук, а хозяин скажет, что хотел их использовать в качестве обоев: мечта, мол, такая с детства, только об этом и думал — и все, никакого обвинения предъявить ему мы не сможем. Таких случаев в нашей практике сколько угодно. Один почтенный отец семейства, например, изготовил на цветном нсеронсе довольно солидное количество сторублевки. Задержали не старина, а его сына, который стибрил у бати несколько банкнот и попытался их сбыть. Так вот посадили не отца, а сына!

А на одной шумной свадьбе мать невесты решила, если так можно выразиться, шинануть и разбросала у ног зятя полчемодана сторублевки. К счастью, обалдевший зять к деньгам не притронулся: скорее всего, решил, что они никуда не денутся. А вот кое-кто из гостей хрустящие буманки

подобрал и с утра пораньше рванул в магазин — там-то их и повязали. Вы думаете, тещу привлекли к ответственности? Ничего подобного. "Я просто пошутила, — заявила она. — Хотела показать, что для такого зятя мне ничего не жалко. А то, что деньги фальшивые, я знала: купила их по дешевке".

Еще оригинальнее поступила довольно многочисленная компания картежников. Так как нарманных денег, чтобы рассчитываться за проигрыши, у них не было, они отпечатали довольно приличную сумму на нсеронсе. Когда их накрыли, любители расписать пулюку ничего не скрывали, они сделали эти деньги для расчетов между собой, а то, мол, играть как-то скучно. К их счастью, ни одна банкнота не вышла за пределы квартиры, а раз так, то и привлекать к ответственности их не за что.

Анекдотических историй, подобных вышеизложенным, в тот день я услышал немало, но еще больше — рассказов об очень серьезных и запутанных делах, когда сыщикам удалось вывести на чистую воду и отправить на скамью подсудимых хорошо организованные и отлично оснащенные банды фальшивомонетчиков.

Как мы уже убедились, фальшивомонетчики очень умело используют глупости и недоработки российского законодательства. Иначе говоря, изготовитель редко занимается сбытом, а сбытчик, как правило, нлянется, что сам крепко погорел, приобретая эти деньги около обменного пункта. Такие уловки, конечно же, помогают, но далеко не всегда. Как только поддельные банкноты попадают в 8-й отдел Экспертно-криминалистического

центра, тут-то их изготовителям и крышка.

— У нас хранится 650 тысяч карточек с информацией обо всех видах подделок абсолютно всех банкнот, — рассказывает заместитель начальника отдела полковник милиции Евгений Стариков. — Фальшивомонетки чрезвычайно изобретательны, техника у них суперсовременная, но горят они, как правило, на одном и том же: сделать дубликат, равный оригиналу, практически невозможно. Возьмем, скажем, нашу 500-рублевку. Вот эти черточки и точки, сделанные для слепых, на оригинале выпуклые — это для того, чтобы слепые могли определять ту или иную банкноту на ощупь. А вот фальшивки — одна, другая, третья... Выпуклые эти точки? Нет, совершенно плоские.

А тип-эффект, который, кстати говоря, посоветовали ввести Гознаку именно мы! Все ксероксы и принтеры сойдут с ума, а сделать этого не смогут. Посмотрите на эту коричневую полоску. На первый взгляд, она однотонная, да? А теперь посмотрите под углом. Что там проступило? Совершенно верно, буквы РР. Невозможно подделывать и то, что мы называем микропечатью. Взгляните на эти невинные полоски. Говорят они о чем-нибудь? Не говорят. А теперь возьмите лупу. Что там написано? Правильно, Банк России. В другом месте цифры: 50, 50, 50 или 100, 100, 100.

Очень надежный элемент защиты и вот этот герб на 500-рублевой банкноте. Он сделан цветопеременной краской, и в зависимости от того, под каким углом на него смотреть, герб меняет свой цвет от оранжевого до зеленого. Такой

краски ни у кого нет, ее делает всего одна швейцарская фирма, и никому, кроме Гознака, причем в строго определенном количестве, не продает.

Кстати говоря, именно в нашем отделе работает уникальный специалист, который о красках знает все. Напитан Пучнов по составу красителей может даже определить, с одного принтера сняты фальшивки или с разных. Именно с его помощью в Дагестане накрыли банду, которую возглавлял один высокопоставленный чиновник: дети гор наладили массовое производство долларов, которые сбывали в Москве и Санкт-Петербурге. Когда фальшивки попали в руки оперативников, не было никакой возможности доказать, что они дагестанские, но Геннадий Пучнов провел сверхсложный анализ и по составу красок установил, что фальшивые доллары сделаны в Дагестане, — не без гордости закончил Евгений Васильевич.

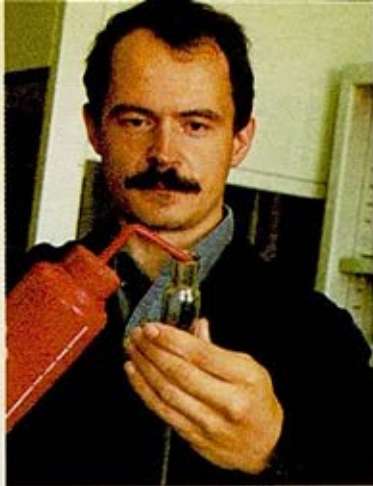
Дагестан — это что, это близко, да и горские "умельцы" не столь искусны, нежели их заграничные коллеги. Несколько лет назад во Владивостоке было выявлено и изъято из обращения великолепно сделанных фальшивок на сумму в 500 тысяч долларов. Они были столь высококачественны, что их принимали за подлинные и приборы инфракрасного излучения, и установили магнитной идентификации, и даже банковские контрольные аппараты. Местные прохиндеи такие банкноты сделать не могли — не те у них руки, не тот уровень культуры, да и грамотешки маловато. Значит, фальшивки привезли... Но откуда? Не из Чечни же или Дагестана — тамошняя продукция хорошо известна. Сыщники сби-

лись с ног, но все их усилия были напрасны.

И все же Бог на этом свете есть! Однажды во время таможенного досмотра у северокорейского дипломата Ли Мун Му было обнаружено 30000 незадекларированных долларов, которые он вез в Россию. Совершенно случайно рядом с таможенником оказался оперативник, который ради интереса решил проверить банкноты на подлинность. Никаных сомнений, доллары подлинные! Но оперативник оказался въедливым и, не доверяя самому себе и зная, что истинные профессионалы работают в ЭНЦ, отправил несколько банкнот в Москву. Тут-то все и прояснилось: сто-долларовые банкноты оказались высококачественной подделкой, причем со всеми нюансами, замеченными у банкнот, изъятых во Владивостоке ранее.

Посадить корейца не удалось — у него был дипломатический иммунитет, и его пришлось выслать. А вот выяснить, где расположена подпольная фабрика, печатающая дипломатические супердоллары, так и не смогли. Поэтому не исключено, что она работает и сейчас, наводняя и Россию, и другие страны своими суперподделками.

Все дела, связанные с разоблачением и осуждением фальшивомонетчиков, как правило, начинаются с задержания сбытчиков. Иначе говоря, сперва в руки оперативников попадает подделка, а потом, если удастся, выходят на ее изготовителя. Но бывает и наоборот. Очень редко, но бывает. Именно такая история произошла десять лет назад в Иркутске... Пятеро студентов купили ящик пива и расположились на берегу Ангары,

Геннадий Пучов

чтобы обмыть успешно сданную весеннюю сессию. Все шло нормально, пона не начали бросать камешки: кто первым попадет в торчащую из воды корягу.

Первым попал Андрей, но не в корягу, а во что-то металлическое, от чего, звонко дзиньнув, камень отскочил в сторону. Ребята спустились к воде и с удивлением обнаружили какую-то медную пластину, а при ней — стеклянную подставку. Когда пластину отмыли, то поразились еще больше: на меди четко проступали очертания... пятирублевой купюры. Пригляделись и к подставке: там были видны следы краски. Поняв, что они нашли нечто очень важное, ребята обшарили берег, и нашли еще несколько хорошо сохранившихся медных пластин. В тот же день они сдали свои находки в милицию.

Тут уж за дело взялись оперативники! Прочесав берег, они обнаружили еще пять клише для печатания 5-рублевой купюры. Само собой, находки тут же передали экспертам. И тут выяснилось, что хотя клише сделаны достаточно профессионально, для печатания денег

они не пригодны, так как "недостаточно углублены пробельные элементы, а это значит, что при печати не получится красочного изображения".

Вывод был ясен: фальшивомонетчики выбросили пластины потому, что знали об их непригодности для печати. Но ведь это не значит, что у них нет и вполне пригодных! Так оно и оказалось... Через несколько дней в Перми всплыла первая подделка. Потом — в Кунгуре, Нагли, Челябинске, Магнитогорске, Москве, Новосибирске, Омске — всего в 36 регионах страны.

Когда иркутский школьник нашел на газоне еще одно бракованное клише, стало ясно, что фальшивомонетчики работают именно в этом городе. В МВД немедленно была создана оперативно-следственная группа, которую возглавил уже знакомый нам Владимир Усков. После того, как подделки попали в Среднюю Азию, Усков вычислил, что такого многолюдного города, как Ташкент, сбытчикам не миновать. Проанализировав всю имеющуюся информацию, Усков понял, что сбытчик покупает какую-нибудь мелочь, рассчитывается поддельной купюрой, а на сдачу получает вполне нормальные деньги. Захватив с собой несколько фальшивок, Усков и его сотрудники обошли все рынки, газетные киоски и всякого рода мелочные лавки Ташкента, инструктируя продавцов, как отличить подделки от подлинных банкнот и что надо делать, если появится человек с фальшивкой.

Аналитический талант Ускова увенчался полной победой! Через несколько дней на одном из рынков Ташкента при попытке рассчи-

таться подделкой за купленный пучок лука был задержан сбытчик, русский по национальности. Запаниковав и поняв, что крепко впался, он пытался выбросить свои сумки и удрать, но сотрудники милиции были начеку.

На первом же допросе выяснилось, что некто Гуринов — житель Иркутска. При нем, как явствует из протокола, "оказалось 2111 государственных назначаемых билетов СССР пятирублевого достоинства, изготовленных не производством Госзнака". В сумке Гуринова было обнаружено несколько пучков укропа, лука, чеснока, множество всевозможных приправ, а также большое количество рублевков, трехрублевков и медной мелочи. Это значит, что многие торговцы так и не распознали фальшивых пятерок, и только Захро Юсупова оказалась бдительнее всех. Оперативники кинулись по рядам — и нашли у торговцев 25 поддельных пятерок.

Припертый к стене, Гуринов признал, что фальшивые дензнаки "печатал сам, у себя дома". Но несколько позже, как следует поразмыслив, заявил, что признания у него "выбиты методами физического воздействия, сумку с деньгами он нашел в электричке и понятия не имел, что купюры фальшивые".

Простоват был Гуринов, ох, простоват и, видимо, плохо знал, с кем имеет дело! А, между тем, сотрудники Ускова не сидели без дела и в автоматической намере хранения ташкентского вонзала нашли сумку с вещами Гуринова. Кроме рубашек и брюк, на дне сумки лежало триста новеньких 5-рублевых купюр. Гуринов, само собой, сказал, что знать не знает,

чья сумка, но вызванная из Иркутска его жена опознала и сумку и вещи мужа.

Дал свои результаты и обыск на иркутской квартире Гуринова: там нашли полиграфические вальцы, ручной пресс, краски, клей и многое другое. Тогда же оперативники вышли на компаньона Гуринова — некоего Варфоломеева, который ухитрился спрятаться от милиции... в психиатрической больнице, куда, как он позже признал, устроился по знакомству. Поняв, что сыщину сели ему на хвост, Варфоломеев сумел сбегать на пару дней домой, уничтожил подпольную лабораторию, а то, что не смог уничтожить, выбросил в Ангару — туда, где когда-то утопил свои экспериментальные клише его поделщики.

— Завершить это дело без моего участия практически было невозможно, — вспоминает полковник Старинов. — В качестве эксперта мне трижды пришлось выезжать в Иркутск. Я исследовал фальшивые купюры, печатные формы, бумагу, изъятую из домашней библиотеки специальную литературу и даже "малаяву", иначе говоря, записку, которую Гуринов пытался передать на волю. Пришлось мне выступать и в суде, на этот раз в качестве процессуального эксперта. Триста томов насчитывало это уголовное дело! И завершилось оно весьма суровым по тем временам приговором.

А вот одно из последних по времени интересных дел: на этот раз судили изготовителей, причем москвичей. Михаил Беляков и Вера Агапова, приобретя капельно-струйный принтер, делали такие роскошные фальшивки, что эксперты вынуждены были признать,

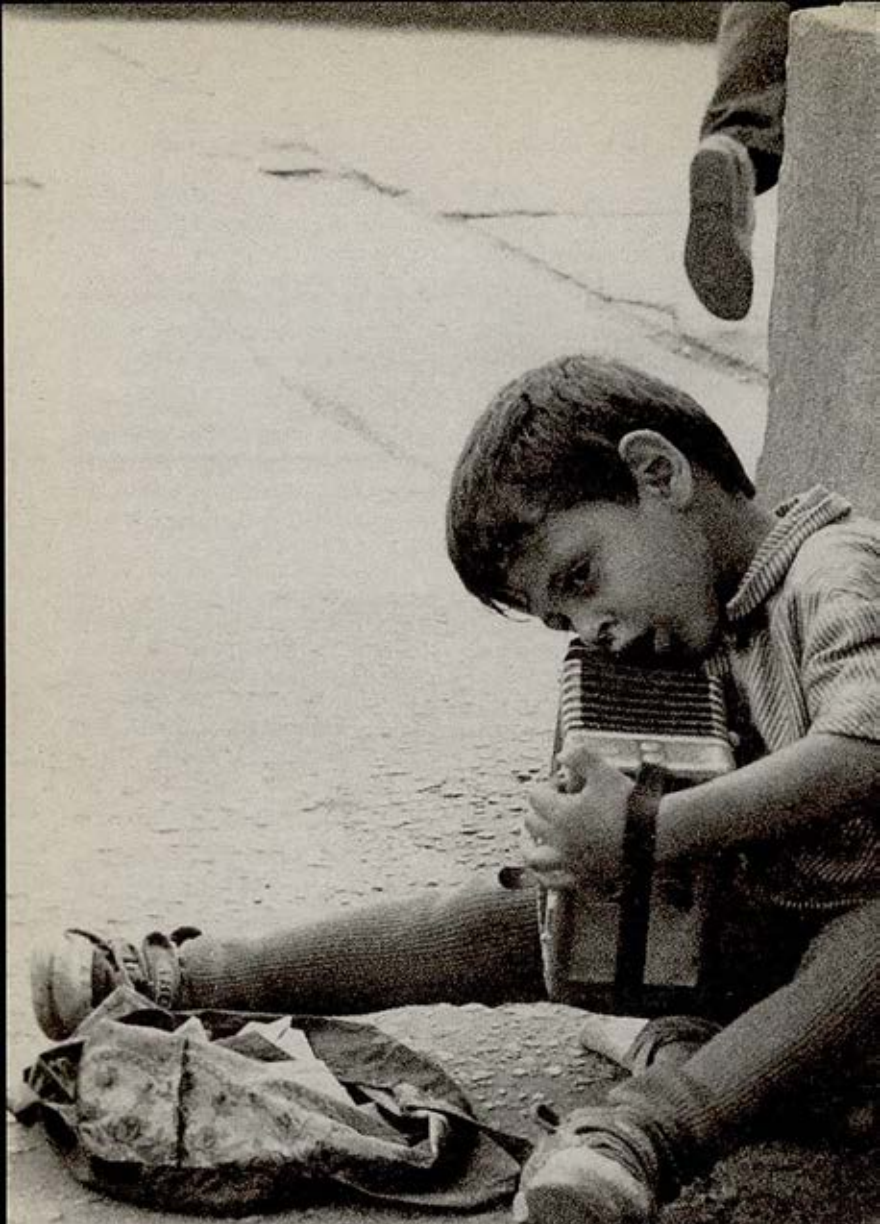
что "данные купюры изготовлены с нанесением водяных знаков, по форме, размеру, цвету и основным реквизитам они имеют значительное и устойчивое сходство с подлинными денежными купюрами, что в обычных условиях реализации денег вызывает сложность в обнаружении подделки и дает возможность их использования в денежном обороте".

По восемь лет с конфискацией имущества получила криминальная парочка, так что у них будет время подумать, что все-таки лучше — зарабатывать деньги или делать их на ксеронсе.

Как это ни грустно, но такого рода преступлений в России с каждым годом все больше: напомним, что за последние шесть месяцев выявлено около семи тысяч преступлений. А ведь это только надводная часть айсберга. Специалисты считают, что не разоблаченных фальшивомонетчиков в десятки, а то и в сотни раз больше.

Да, деньги — это деньги... Их любят и проклинают, копят и транжирят, складывают в кубышку и бросают на ветер, ради них идут на смерть и преступление — проще говоря, вся жизнь человеческая так или иначе крутится вокруг денег. Недаром почти 200 лет назад наполеоновский министр Талейран очень цинично и в то же время очень точно сказал: "Главное качество денег — это их количество".

Пока люди будут думать именно так, фальшивомонетчикам быть. Но их жизнь не будет сладкой, потому что все чаще на их пути будут встречаться сыщину Владимира Усова и эксперты Евгения Старинова. ■

В России сегодня:

**4 миллиона беспризорников,
500 тысяч юных алкоголиков,
14 тысяч малолетних наркоманов,
50 тысяч подростков-заключенных...**

СНЕЖОК С КАЗАХСТАНА

Лора ВЕЛИКАНОВА

По мнению экспертов Министерства внутренних дел России, три причины мешают сегодня снижению преступности: бурное распространение наркотиков, алкоголизация населения и рост числа детей-сирот и беспризорных. Рост числа сирот и беспризорных, подчеркивают эксперты, особенно опасен.

Дочки-матери

Нинак не уходит из памяти теперь уже давняя трагедия, заставившая всех нас в течение нескольких дней приникать к экранам телевизоров, прислушиваться к радионовостям: не сообщат ли, что двухмесячный младенец, похищенный из коляски, которую мать на 10 минут оставила без присмотра у магазина, наконец, найден. Увы, ничего хорошего нам так и не сообщили, грудничка, как и преступника, конечно же, не нашли. А очередная новость она оказалась еще страшней: мама малыша выбросилась из окна восьмого этажа.

Не стану здесь давать оценку этому поступку безутешной женщины, а вот другая молодая и очень симпатичная женщина, тоже мама, у которой с ребеночком, тьфу-тьфу, все в порядке, поскольку он присмотрен и ухаживан бабушкой, считает, что кончать жизнь самоубийством из-за украденного сыночка глупо. Логина примерно

такая: вполне вероятно, что там, куда младенца продадут, ему будет гораздо лучше, чем здесь. А себе можно завести другого сыночка. Мухом-то у той несчастной не украли... Моя юная собеседница пожала худенькими плечами и при этом мило улыбнулась.

Такой вот поворот темы, тоже вполне в общем-то закономерный. Потому что если бы мы и в самом деле с любовью и пониманием относились и к своим, и к чужим детям, разве они стали бы в массовом порядке убегать из семей, предпочитая жить где угодно, вплоть до подвалов, чердаков, вокзалов, ветхих домов, но только не с родителями. А уж как, судите сами.

По данным столичных медико-статистических служб, за полтора года стали мамами 10 москвичек моложе четырнадцати лет, 858 — в возрасте от 14 до 17 лет, 1810 — от семнадцати до восемнадцати. 7920 несовершеннолетних (в возрасте до 15 лет) сделали аборт, 6224 младенца юные мамочки бросили в родильных домах, 76 передали своих новорожденных в дома ребенка на "временное содержание". Важная деталь — этих детей никто не имеет права усыновлять, так что если родные мамочки не вспомнят о своих дочках и сыночках и не заберут их, то они обречены на сиротство.

Надо еще иметь в виду, что в эту страшноватую статистику не входят те девочки, которые делали аборт в коммерческих структурах: официальная статистика их не учитывает. Не ведется подсчет и криминальных, то есть самых опасных аборт.

Единственная в Москве организация, пытающаяся помочь де-

вочкам-мадоннам, называется "Голуба". Она опекает около ста маленьких мам, их дочек и сыночек. Некоторые взяты на патронажное обслуживание. Одну из таких рано повзрослевших девочек, находящихся в экстремальной ситуации, зовут Галя. У Гали двое детей, но находиться с ними в родном доме невозможно, там идет постоянная пьянка, которая, естественно, сопровождается столь же постоянными дебошами. И деваться некуда. На приют, где и Гале, и ее детям было бы спокойно, рассчитывать не приходится — у властей денег на подобную "роскошь" нет, у олигархов тем более.

Чтобы хоть как-то помочь делу, "Мединформфильм" снял получасовую киноленту "Дочки-матери". Это тоже история еще не достигших совершеннолетия, но уже ставших мамой и папой, Веры и Максима, у них растет сынок. В отличие от всех других, им удалось создать семью, наладить отношения с собственными родителями. "Это большое счастье иметь ребенка", — говорит с экрана Максим. И нет сомнения, говорит искренне. Только надолго ли их хватит, вот вопрос. Они же сами совсем еще дети, им в школе надо учиться, а не собственного ребенка растить. Между тем это, увы, единственная история подобного рода со счастливым пона, а не трагическим, как обычно, концом. Потому что растет и растет число сирот при живых, теперь уж 13-14-летних родителей, все увеличивается и увеличивается количество аборт, а также "отказниц" от новорожденных.

Призрак равнодушия, нелюбви к ближнему, даже если он родной ребенок, похоже, и в самом деле

бродит среди нас. Как этому противостоять?

"Только не отправляйте меня домой..."

С Аней А. я познакомилась в спецотделении городской Морозовской больницы. Спецотделение (даже два: для малышей от ноля до трех лет и для детей от 3-х до 14-15), в котором лечат Аню А., создано для сирот и беспризорных. Мы с Аней сидим в ее палате вдвоем, все дети ходячие и их увели в игровую, чтобы дать нам поговорить.

Я включаю диктофон. "Анечка, ты давно в больнице"? — "С 28 марта". — "Порядочно. И как себя чувствуешь?" — "Теперь уже хорошо. Меня вылечили". — "От чего?" — "Они оставили меня на три дня без еды". — "Они — это кто?" — "Родители. Папа, мама и Лешка". — "Брат?" — "Да". — "И куда же они на три дня уехали?" — "На дачу. Оставили меня одну дома, закрыли в комнате. Я была голодная. Знаете такие мультивитамины? Я целый пузырек съела и вся опухла. Они приехали в воскресенье. Я лежала на полу, не могла ходить. Вызвали "скорую", и она меня отвезла. Меня дома бьют, и теперь я не хочу домой. Хочу, чтобы меня определили в приют". — "Родители у тебя сильно пьющие?" — "Нет. Папа только иногда. Просто мама меня не любит". — "И ты согласна лучше пойти в приют, чем жить дома?" — "Я согласна пойти куда угодно, только не домой". — "А здесь, в больнице, тебе нравится?" — "Нравится. Я здесь уже была раньше". — "Долго?" — "Три месяца". — "К тебе ребята, врачи, сестры хорошо относятся? Обстановка здесь нор-

мальная?" — "Нормальная... А про маму я вообще говорить не хочу, она у меня не родная. Папа родной, а она нет". — "Родная мама умерла?" — "Нет. Ее посадили в тюрьму. Три года она посидела, потом умерла. Нам бумагу прислали". — "Она тебя любила?" — "Любила". — "Не обижала?" — "Иногда била, на лестницу пальной выгнала, бутылной голову пробивала".

Потом я поговорила с Элиной Р. "Тебе родители дали такое красивое имя — Элина. Где же они?" — "Моя мама дома". — "Почему же ты здесь, а не дома?" — "Мама меня выгнала". — "За что?" — "У мамы все время нервы, нервы". — "Тебе сколько лет?" — "21 сентября будет 11 лет". — "Ты в каком классе учишься?" — "Ни в каком". — "Почему?" — "Мама не пускала. Она меня бьет. Очень сильно. Стулом может побить. Я к ней больше не поеду. Я здесь полечусь и в приют опять уеду. Там меня все знают. Там хорошо..."

Беседую с лечащими врачами и убеждаюсь: девочки ничего не выдумали, с такими мамами и папами, которые их родили и обязаны были вырастить, действительно жить невозможно, это нелюди. Элину иногда называют как в приюте, — "сирота с Казанского", поскольку милиция обнаружила ее канто ночью, голодную и грязную, на полу Казанского вонзала. Ехать домой девочка категорически отказывалась, плакала, показывала синяки и кровоподтеки, говорила, что мама ее убьет. Когда проверили, все подтвердилось, мать лишили родительских прав, а Элину определили в приют... Так девочка с красивым именем стала не маминой дочкой, а "сиротой с Казанского..." Зато без синяков и кровоподтеков.

Ничуть не веселее и Анина история. Она и в самом деле поступила в Морозовскую с жуткой токсикоаллергической реакцией — съела банку "Центрума" — и следами многочисленных побоев: ее зверски избил 16-летний брат. Состояние девочки, когда ее привезли, было настолько тяжким, что ей пришлось надолго установить капельницу. Выхаживали Аню в боксе.

Инна Робертовна, лечащий врач отделения для детей-сирот и беспризорных: "Девочку будут оформлять в приют. Она из асоциальной семьи. Отец пьет, брат избивает, там еще две неродные сестры живут. Она некормлена. Вы обратили внимание — Аня и сейчас еще синюшная, весит всего 30 килограммов, хотя ей 13 лет. Девочке все время кажется, что ей недодают еду в сравнении с другими детьми. Она постоянно испытывает чувство голода. Очень детишек жалко".

И вот еще что узнала я от врачех этого трудного спецотделения. С первых дней жизни дети из асоциальных семей испытывают недостаток эмоционального общения. Последствия такие: 99 процентов из них страдают отклонениями в психическом и речевом развитии. У всех стоит диагноз: "Задержка психического развития" и "Задержка речевого развития". Аню А., к примеру, возили на исследования к генетику. У нее подозревали генетическую патологию. Диагноз и в самом деле оказался неутешительным — олигофрения. Так что в обычной школе Аня учиться не сможет, ей придется посещать вспомогательную. А лечиться в обычном отделении больницы? Конечно, вполне допустимо, но комп-

лексного обследования и лечения, которые проводят в спецотделении Морозовской, девочка, конечно, не получила бы. Все отделения стационаров узко специализированы. А здесь проводят и неврологические, и урологические, и психологические, и кардиологические обследования. Генетическое тестирование, например, Ане проводили в Филатовской больнице. "Наших детей всюду принимают и любые обследования им делают бесплатно" — с гордостью сказали мне лечащие врачи этого вовсе не элитарного "спецонтингента".

После старшеньких я отправилась к малышам, тем, кому от "нуля". Боже мой, какое же тут горе! То есть здесь, в больнице, в своем отделении, им хорошо. Они лежат (был мертвый час) чистенькие, ухоженные, накормленные, присмотренные, но почти все они тяжко, некоторые неизлечимо больны, иные из-за болезни патологически уродливы. Что с ними будет? Что будет с девочкой, которая самостоятельно не может ни сосать, ни глотать, ее мать тяжелая наркоманка. Питают кроху с помощью зонда. А рядом девочка — ей около двух месяцев — с крошечным личиком и огромной, вытянутой как-то по горизонтали головкой. Диагноз: "прогрессирующий гидроэнцефалит", или, попросту говоря, водянка головы.

По словам невропатолога отделения, очень многие детки поступают с внутренними инфекциями: хламидиозом, герпесом (это нынче бич), которые очень тяжело лечатся. Откуда вся эта гадость? От беспутных мамочек, которым поставить диагноз вовремя невозможно — в консультации в период беременности они, конечно же,

не ходят, врачи их в глаза не видят. О них вообще большей частью мало что известно. В свое спецотделение груднички нередко попадают прямоком из мусорных контейнеров.

Роддомовские сироты, конечно, лучше, особенно если их милые мамочки — честные "отказницы", которые удосужились официально оформить свое нежелание когда-либо в будущем увидеть собственное дитя. В этих случаях о маме, а, значит, и о ребенке из документов хоть наную-то информацию можно получить. Хуже, когда не успев, что называется, снести яйцо, кунушна сбегает. Такие дети так же загадочны, как и контейнерные. Их больной организм приходится разгадывать, как кроссворд, по клеточкам.

Врачи спецотделения подтверждают данные медицинских статистиков: да, мамы катастрофически помолодели. Много несовершеннолетних, почти того же возраста, что лежат в этом же отделении для старших. Был уже мальчик от 13-летней. Много азербайджанок, украинок, молдаванок. Детские дома, оказывается, вообще очень неохотно берут младенцев с органическими поражениями, с болезнью Дауна, например, или той же олигофренией. Им подавай здоровеньких. А где же таких взять, если вылечивать пороки развития мы все еще не умеем? С другой стороны, откуда этим детям взять здоровье, если их, детей, выбрасывают из домов, как котят.

Одного такого поднидыша нашел в урне, что стоит у больничного подъезда, сам главврач Морозовской Михаил Анисимович Корюшин. "Иду, — говорит, — на работу. Слышу, кто-то пописывает.

Открыл урну, а там младенчик в тряпочки завернут, уже подмерзший, дело было зимой. Вытащили его, отходили, подлечили. Потом передали в дом ребенка".

Михаил Анисимович и был инициатором создания спецотделения для маленьких сирот и беспризорников. Как ни странно, сюжет развивался вначале весьма бесконфликтно. Комитет здравоохранения Москвы поддержал инициативу Морозовской больницы, разрешил открыть отделение на 50 коек. Утвердили штатное расписание с учетом специфики. Дали ставки психолога, невропатолога, логопеда, даже профессора. Михаил Анисимович взял двоих, каждому — по полставки, учитывая, что профессор не должен сидеть в отделении целый день. Набирали персонал исключительно по желанию, что позволило создать команду, способную сделать жизнь больных сирот настолько сносной, насколько это вообще возможно в назенном заведении.

Хотя проблемы начали тут же высканивать со всех сторон, словно черти из табакерок. Первая — одежда. Больница не детский дом, ей не положены средства на покупку пижамок, платьиц, штанишек, чулочек и носочков. А детишки в отделение поступали в таких одеждах, от которых надо было немедленно избавляться, — рваное, грязное, заскорузлое, Бог знает, чем зараженное, завшивленное. Все приходилось тут же снимать, обливаться антисептиком и сжигать. Чтобы не заразить гадостью всех прочих. Сонгли. А что надевать? Нянечки, сестры, врачи потащили из дома — кто от детей, кто — от внуков. На первое время эту амбразуру закрыли. Со второй оказа-

лось еще сложнее. Маленькие "чертенята" не понимали слова "нельзя", "порядок", "тишина". Они вообще ничего не хотели брать в голову. Все ломали, корежили, ссорились, дрались, матерились, назалось, с ними вообще совладать не удалось. Удалось все-таки. Постепенно ребята начали привыкать к "людским", человеческим отношениям, канто выправляться. На все это ушел год, не меньше, после чего Михаил Анисимович Норнюшин, наконец, согласился выступить по первому каналу телевидения, рассказать о спецотделении, попросить помощи. Выделили главврачу Морозовской всего полторы минуты. Кто его услышал? Иностранцы. В больницу стали приходить посылки из Германии, США, Италии, Голландии. Привозили детские вещи — не новые, но в хорошем состоянии. А что же наши богатенькие? Ни один не откликнулся, не пришел на помощь.

"А вот кому мы очень благодарны, — сказал мне Михаил Анисимович, — так это Детскому фонду. — За его счет нам удалось отремонтировать оба корпуса, где находятся два наших спецотделения, полностью оснастить их кроватками, шкафчиками, столиками, стульчиками, тумбочками, другим оборудованием. Итальянцы привезли нам игрушки для малышей. И сейчас это два самых лучших отделения в больнице".

Наступил новый этап. В спецотделение Морозовской потянулись ходоны: "Хотим усыновить (удочерить) ребеночка". В том числе ходоны из-за рубежа. Им отдавали не здоровых, а только больных детей, с нарушениями нервной системы, иногда без пальчиков, а то и без кисти, хроменьких. Они брали лю-

бых. Готовы были выхаживать. "Я подписывал бумаги и радовался, что эти дети будут в хороших руках, — рассказывает Михаил Анисимович. — А потом появилась статья в газете, в которой говорилось, что наших детей за рубежом превращают чуть ли не в подопытных кроликов, что отдавать маленьких сирот иностранцам — преступление. Мне пришлось выступить против такой точки зрения, поскольку незадолго до этой статьи я ездил в Италию и посетил одну из семей, в которой уже год жили двое наших малышей. Я увидел счастливых, веселых ребят. У них, как и у родителей, были счастливые лица. Проверил я семью и во время поездки в США, убедился, что девочке повезло, что она, обреченная, казалась бы, на вечное сиротство, обрела за океаном любящих, заботливых родителей, которые сумеют вырастить ее здоровой. И потому, когда пишут, что усыновители производят над детьми эксперименты, я этому не верю, считаю это чушью".

Сейчас трудности спецотделения пошли по второму кругу. Игрушки быстро истрепались, платья и штанишки изнашивались. И спонсорский бум кончился.

Правда, Комитет здравоохранения Москвы по-прежнему помогает. И лекарствами больница обеспечена, и с питанием дела обстоят хорошо. А вот игрушки, одежда... Так что пусть услышат этот SOS Морозовской больницы наши новые и старые богатые соотечественники.

Напоследок прошу Михаила Анисимовича перечислить патологии, которые для детей-сирот особенно типичны. Вот этот грустный перечень: заболевания легких — пневмония, заболевания

почек — нефриты, заболевания печени, позвоночника и, конечно, нервной системы. Очень распространен диабет. Иногда милиция подберет на улице, привезет, думают, ребенок умер. А он в коме. Выживают...

Хоть какой-то лучик света в крошечной тьме сиротского бытия. Спасибо, что он есть.

"Маме я ни к чему..."

На вопрос: "Почему на Западе охотно усыновляют российских детей, в том числе инвалидов?", начальник управления Министерства образования РФ Валентина Березина отвечает: потому что там, на Западе, статус человека, его вес, авторитет во многом зависят от того, сколько детей он воспитывает. Чем больше детей, тем солидней твой вес в обществе. Это почти идеология, подчеркивает Березина. Не имеешь детей, к тебе относятся иначе, хуже. И все социальные льготы направлены на то, чтобы стимулировать рождаемость.

А у нас? У нас отношение к рождению в чужих семьях детей развивается по весьма сложной кривой. Первенца мы, как правило, приветствуем. При появлении на свет второго ребенка проявляем беспокойство: "Да сумеет ли она вырастить двоих?" Ну, а третьего или, не дай Бог, четвертого решительно не приемлем: "Почему это я должен платить налоги на содержание их "выводка"?"

В итоге все подозревают и не любят всех: родители — детей (вполне образованные мамы при анонимном анкетировании признавались, что терпения на ребенка не хватает настолько, что они то и дело срыгаются и готовы

бить своих дочек и сыночков), дети — родителей. Нынче выражение "Доверчив, как ребенок", фиксируют психологи, неактуально. Скорее можно сказать, что оно преобразовалось в противоположное: "Недоверчив, как ребенок". И удивляться тут нечему.

Недавно мне довелось побывать в Лиговской воспитательной колонии, что под Рязанью. В ней отбывают наказание 427 девочек в возрасте от 14 до 21 года, которых именуют здесь не малолетними преступницами и не заключенными (несмотря на наличие колючей проволоки и вышек с вооруженными дозорными), а воспитанницами. Что же они, эти воспитанницы, натворили? За что наказаны несвободой? Подавляющее большинство — за кражи (52 процента), грабежи (23,9 процента), разбойные нападения (13,4 процента) и убийства (8,9 процента). С удивлением спрашиваю начальника колонии полковника Ананьева: "Выходит, чуть ли не каждая четвертая девочка, ваша воспитанница, не просто воровка, но грабительница, а каждая одиннадцатая — убийца?" "Я 20 лет работал в колонии строгого режима, — отвечает полковник, — но редко сталкивался с тем, что нахожу в делах наших девочек. Мороз по коже идет, волосы на голове шевелятся..."

Я познакомилась с рядом подобных дел, два из которых коротко хочу изложить.

Первое: "Дело № 2 — 6994". Умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью в поселке Бумажная фабрика Почепского района Брянской области. Убийц двое — девушки 20 и 14 лет. Причина убийства — неприязненное отношение той, что стар-

ше, к жене своего любовника, матери двоих детей — полутора и трех лет. Обстоятельства дела: 28 июля две разновозрастные подруги собрались у старшей, чтобы обсудить важную проблему: как избить ненавистную соперницу. Гадали и так и эдак, пока младшая не предложила: "Давай лучше ее убьем. Чтобы больше не возникала". Старшая тут же согласилась, и они принялись разрабатывать детальный план. Он сводился к тому, чтобы сначала ударом молотка оглушить "гадину", потом задушить ее веревкой, положить труп в мешок и утопить в реке.

На следующий день подельницы, распив бутылку спиртного, переоделись и, прихватив с собой веревку, около часа ночи проникли в дом к врагине. Старшая тут же накинулась на нее с кулаками, а малолетка схватила на веранде молоток, нанесла им несколько ударов по голове несчастной, после чего набросила на нее веревку, второй конец которой подхватила старшая. Она же нашла в доме топор, обухом и клинком которого принялась наносить удары по шее, в грудь и другие части тела. Младшая от нее не отставала. В общей сложности, прежде чем лишить жизни мать двоих детей, убийцы-девочки нанесли ей около ста телесных повреждений, "умышленно причиняя жертве, — как записано в приговоре, — особые страдания". Когда она перестала наконец подавать признаки жизни, подруги ушли из дома, заперев дверь на замок.

Обе убийцы признаны вменяемыми. Старшую приговорили к 14 годам лишения свободы в колонии строгого режима, младшую — к восьми годам в Лиговской вос-

питательной колонии. Что тут скажешь? Прав начальник колонии: не то что мороз по коже, с ними, девочками-малолетками, и их делами недолго и с ума сойти.

Второе дело — Амельхаровой Гюльзар Хайдаровны. 1983 года рождения, ученицы 11 класса гимназии, тоже малолетней убийцы, только не чужой мамы, а родного отца. Случилось это так. 15 мая 1999 года около 15 часов на крыльце дома между Хайдаром Амельхаровым и его дочерью произошла ссора. Причина: он обещал Гюльзар деньги, чтобы она могла приодеться, но обманул ее, не дал.

После ссоры отец зашел в дом и лег на кровать, он был пьян. Дочь взяла на веранде колун, подошла к задремавшему отцу и, толкнув его в плечо, потребовала, чтобы он немедленно поднялся. "Вставай, — закричала она, — или я убью тебя!" Отец приоткрыл глаза, поднял голову и сказал только одно слово: "Уйди". Этого оназалося достаточно, чтобы дочь нанесла отцу четыре удара колуном по голове, причинив ему, как говорится в приговоре, "черепно-мозговую травму, вдавленный перелом височно-теменной кости слева, ушиб головного мозга тяжелой степени и рубленую рану лобной области слева, представляющие опасность для жизни". Представляете, наной силы были удары разозленной гимназистки, жандущей приодеться?!

В Лиговской воспитательной колонии создана большая психологическая служба, что, на мой взгляд, свидетельствует о достаточно четких целях, ради которых образовано это учреждение, далеко не только карательное. С помощью фактов и цифр психологи "нарисовали" коллективный порт-

рет колонисток. Что же он собой представляет?

Основными поставщиками малолетних правонарушительниц остаются города — 82 процента горожанки. Но и село, увы, подтягивается. Еще совсем недавно на него приходилось не больше десяти процентов сбившихся с пути девочек, сейчас, как видим, 18 процентов. При этом подавляющее большинство и городских, и деревенских преступниц — из малообеспеченных, неблагополучных семей (81,7 процента), добрая половина которых имеет только одного родителя, чаще всего, разумеется, мать, причем, как правило, не самую лучшую. Почти 5 процентов родителей сами пребывают в местах лишения свободы и столько же лишены родительских прав, итого — каждый десятый. Каждая четвертая дочка не получает из дома никаких вестей, им никто из родных не пишет. "Я про маму говорить не буду, — сказала мне колонистка из Екатеринбурга. — Я лучше, если можно, передам привет тете Гале Беловой, нашей соседке. Она пишет мне. А маме я ни к чему..."

При последнем анонимном опросе — в колонии их проводят регулярно — почти каждая вторая воспитанница (48 процентов) призналась, что подвергалась в семье систематическому избиению, две трети (71 процент) — что их родители хронические алкоголики либо наркоманы, а больше половины (54 процента) — что в раннем детстве кто-то из ближайшего окружения их изнасиловал.

Образование? Либо совсем низкое, либо никакого: 62 процента от колонии нигде не учились и не работали. Начальник колонии: "Спросишь, сколько тебе лет?" —

отвечает: "Пятнадцать". "Ну и сколько классов закончила?" — "Три". Или того хуже: 17 лет, а в школе вообще никогда не училась".

Итог? Только 15 процентов лиговских воспитанниц, судя по опросам, не баловались наркотиками, а 40 процентов употребляли их систематически. И практически почти все (97 процентов) вступали в половые связи, в большинстве своем, как я уже говорила, не по своей воле.

Насилие, как известно, порождает насилие. 14-17-летние подростки, свидетельствуют и милициски, и социологические данные, — самая опасная категория правонарушителей. Именно они, чаще всего в группах, совершают наиболее жестокие преступления. Так что мои наблюдения оказались вовсе не случайными. Наоборот, изучив несколько дел лиговских воспитанниц, я попала, можно сказать, "в яблочко". Да, со стороны "поколение пехт" выглядит лихо: в "кислотной" одежде, с резиновой "ригли" и роликовыми коньками, собирающиеся на тусовку в ночной клуб, где можно, смазав лицо "клерасилом", потанцевать рейв и попробовать легкие наркотики. Но это лишь одна, достаточно невинная, сторона вещного мира нынешних тинейджеров. Но есть и другая, когда в погоне за этим свернувшимся вещным миром не останавливаются перед убийством отца, — как быть с ней?

И как быть с тем, например, что, по данным Минздрава, на 10 апреля 2000 года в России было зарегистрировано 347 детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей, большинство которых наркозависимые. И по прогнозам специалистов число младенцев,

зараженных СПИДом "вертикальным" путем, то есть от матери к ребенку, будет расти с колоссальной скоростью. В ближайшие 5 лет, прогнозируют специалисты, ВИЧ-инфицированные мамочки могут родить 12 тысяч больных ребят.

Вот и судите теперь сами: мать, награждающая ребенка вирусом иммунодефицита, либо по пьянке превращающая дочь в беспризорницу, "сироту с Казанского", отец, пропивающий дом и все, что в нем, по сути дела толкающий девочку на убийство, насильники "из ближайшего окружения", — разве не по их "велению" и "хотению" "поколение next" становится таким, каким нам очень не хочется его видеть, — агрессивным, жестоким, безжалостным?

Во время моего пребывания в Лиговской колонии туда вернулась воспитанница, у которой не-

задолго до этого закончился срок и она уехала домой. Но там, как она оказалось, ее никто не ждал (как пояснил полковник Ананьев, — это обычное явление). Мать куда-то исчезла, отчим стал ее домогаться. Куда идти? Она сделала правильный выбор, отправилась обратно в колонию, к единственным близким ей людям. Как помочь девочке? Работа есть, пожалуйста, но без жилья. Спасибо, у колонии есть друзья, евангелисты-баптисты, они сумели найти для нее и жилье, и работу. В другой раз так благополучно все может и не закончиться. Воспитанница плюнет на все и свернет на старую дорожку. И это тоже обычное явление.

Так что беспризорных и безнадзорных мальчигов и девочек останется только пожалеть, даже самых плохих. Таними их сделали вполне взрослые дяди и тети,

Жестокое отношение к детям в семьях приводит к страшным последствиям: в 1999 году зарегистрировано более 15 тысяч посягательств на жизнь детей, в том числе 200 убиты своими родителями; 1500 подверглись сексуальному насилию; 2 тысячи покончили жизнь самоубийством.

очень похожие на ту маму, которая "куда-то исчезла", на того отчима, который стал домогаться падчерицы, на то "ближайшее окружение" несчастных детей, в котором залог их бед. Хорошо, что рядом живут и совсем, совсем другие взрослые. Тание, как Михаил Анисимович Корнюшин, главврач Морозовской больницы, сумевший засветить лу-

чик света в крошечной тьме бытия больных детей-сирот и беспризорных. Как педагоги и воспитатели Лиговской колонии, жалеющие своих девочек. Как "Голуба", опекающая мам-малолеток. На них и им подобных, приходящих туда, где беда, можно сказать, вся наша надежда. ■

фото **Владимира Чейшвили**

Татьяна СМЕРТИНА

* * *

Я пробовала Нежность
Изобразить пером.
Как тяжело — пером.
Пером — что топором.
Фиалки взять бы дрёму,
Панбархатную глуть,
Лилейную корону,
И водорослей чуть...

Но падает в безбрежность
В полусознание Нежность —
Бред розовый, обман...
На таволге туман...

В замедленном движенье
Безумие истома:
Сплю в поле...
Сновиденья...
И прядей завихренья
На золоте соломы...

* * *

Зачем мне сетовать
На юное обличье?
Изгибы, линии, анархия волос...
Но пленом кажется
Весь мрамор мой девичий —
Сверкнуть,
Осыпаться бы инеем в мороз!

Всей сжаться в искру
И в полёте раствориться!
И разом созерцать
Семь Столбовых Миров!
А я —
Пред зеркалом, в венце из медуницы,
О Князе думаю, ломая тонко бровь...
И даже этот мир забыла вновь!

Под крыльями ключиц —
Лишь розы и любовь...

* * *

Баня лесная. Ночь.
Да, я — земная дочь.

Баню яркую калила,
Аж до звона тело била —
Золоти меня, Ярило!
В снег чистейший упала,
Где снегов туга волна,
Руки бело раскрывала —
Серебри меня, луна!

В яркой бабкиной поневе
Крест я клала Параскеве...

Где-то отрок молодой
Тихо бродит — будет мой!
Завяжу косою очи,
Отыщу его средь ночи
И раскроюсь белизной:
Боже! Будь Он — не слепой!

* * *

Попал в междурамье
Слепой мотылек.
В колени стекает
Смолистая шаль...

Вновь душу зовет
Нежно-белый листок,
И манит перо
В многоточную даль...

Сейчас я пройду
Сквозь три белых стены,
Пусть сердце пораню,
Прольется коса, —

Но бритвой печали
И стоном струны
Красивый Твой профиль
Впишу в небеса...

* * *

Любила очень плакать тайно,
Молчать, как будто бы взлетать.
Невидимое — видеть явно.
До острой боли сострадать
Цветку, травине и птенцу,
Соседской бабке и слепцу...

Ещё — тому в ящицкой песне,
Кого сумели так предать,

*Что даже силы нет для мести,
Лишь просит лошадей не гнать.*

*Сквозь ельник едет. Рассвело.
И конь ступает тяжело.*

*...Уж век прошел!
А он все бредит,
И через ельник едет, едет...*

** * **

*Я уходила в сини лепестка,
Я исчезала в солнце упоённо,
Я танцевала в золоте песка,
И на луне мерцала обнажённо...*

*Я плавно молнии свивала в сноп,
Пока конь белый подо мной безумел,
Венок купальский на жемчужный лоб
Шелками вился, чтобы свет не умер...*

*Так почему же в глухомань лесов
Я ухожу под тонкие ольшины,
Где кто-то воет средь дремучих мхов,
И мрак сгорает в пламени рябины...*

*Куда еще мне? Небо и земля
Как будто бы меня не держат больше?
Чем всё понятней, тем безумней я,
Тем я прозрачней среди белой рощи...*

** * **

*Ты мнишь, что ты в вихре событий.
Что ты — их претайный творец.
Что истина — сейфик раскрытый,
Что власть — самый высший венец!*

*На очи сползает тот "венчик" —
Не видишь исподья борьбы:
Ты просто звенящий бубенчик
В руках игроков и судьбы.*

*Мог розы бы нежить в охапке!
Но жуткий ты выбрал удел:
Всю жизнь проболтался на шапке
И в такт дураку лишь звенел!*

СТРЕЛЕЦ

23 ноября — 21 декабря

**Продолжаем
наш астрологический календарь**

Стрельцы необычайно откровенны. У них, как говорится, что на уме, то и на языке. Подобная неосмотрительность в разговоре часто дорого им обходится. Но, несмотря на то, что Стрелец (совершенно этого не подразумевая) может сильно вас задеть, на него невозможно долго сердиться.

Стрельцы никогда не пройдут равнодушно мимо, если кто-нибудь обращается к ним с просьбой о помощи.

Несправедливое обвинение в любом нечестном поступке способно вызвать в Стрельце бешеную ярость, но потом он сам же бросится просить прощения. Вся беда в том, что Стрельцы сначала говорят и делают, а уж потом думают. Стрельцы обожают животных. Поэтому вы нередко можете встретить их гуляющими с собакой.

Будучи страстными натурами, Стрельцы часто полностью отдаются делу, которому посвятили свою жизнь, будь то религия (к которой многие Стрельцы испытывают явное тяготение), профессия или благотворительность.

В любви Стрельцы очень романтичны, но не всегда постоянны. Стрельцы необычайно щедры, отличаются феноменальной памятью. Они в деталях могут рассказать вам, что произошло в определенный день десять и даже двадцать лет назад. Правда, при этом им ничего не стоит терять перчатки и кошельки и не помнить, куда они положили ключи, но это уже совсем из другой оперы.

Будучи по натуре необычайно правдивыми, Стрельцы никогда не лгут.

Мы долго думали, кого же нам выбрать как наиболее яркого представителя этого знака? И выбрали ту, которая сама о себе говорит как о типичном Стрельце. Если внимательно взглядеться в ее жизнь, то становится понятно: Анастасия Вертинская действительно прекрасная представительница своего знака.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Вечная женственность

Она ворвалась в нашу жизнь с ветром романтических, полных надежд 60-х. Трудно тогда было найти человека, не посмотревшего хотя бы раз "Алые паруса", "Человека-амфибию" и "Гамлета". Еще труднее было найти мужчину, оставшегося равнодушным к невероятному очарованию исполнительницы главных женских ролей в этих фильмах. Анастасия Вертинская стала символом романтической женской красоты, символом Вечной Женственности.

Глядя на нее сегодня, невозможно поверить, что прошло почти сорок лет, что позади долгие годы работы в кино, в "Современнике". Время не властно над красотой и обаянием этой женщины, и это не удивительно: Стрельцы живут в своей стихии — огненной — и либо быстро сгорают в ней, либо возрождаются буквально из пепла еще более прекрасными, чем были.

В Анастасии Вертинской все необычно. Дочь всемирно знаменитого шансонье Александра Вертинского и его красавицы-жены Лидии, она унаследовала от родителей и красоту, и талант, привнеся в них собственное непо-

вторимое очарование. Отец баловал своих "ангелат" — Настю и ее старшую сестру Марианну, но вдруг спохватился:

"Помню, как однажды отец решил отправить нас с сестрой в пионерский лагерь. Само решение пришло к нему так: мы сидели за столом с двумя боннами, он внимательно посмотрел на меня и на Машу и сказал моей маме: "Лиля, у меня такое впечатление, что мы воспитываем наших дочерей не как советских гражданок". Тогда-то нас и снарядили в пионерский лагерь. Нам собрали два кожаных немецких чемодана, туда положили шерстяные гамаши, рейтузы, свитера, платья — такие, третьи, десятые, дали гору продуктов и отправили радостно туда, где должны сделать из нас этих самых советских гражданок. О, это был опыт, действительно! Ничего не помню об этом лагере, кроме диного чувства голода и еще как мы ходили с Машей воровать хлеб ночью в столовую и как ели чернику в лесу. Вначале она отгоняла от меня комаров, потом я. А когда мы приехали домой, у нас был один фибровый чемодан на двоих, в котором сестре

принадлежала майка голубая, застиранная, с вышитым "Юля Н.", а у меня были сатиновые трусы, на которых было вышито "4-й отряд". И с диним матом на все буквы алфавита, расчесывая вшивые головы до крови, мы ввалились в квартиру. Не поздоровавшись с ошеломленными папой и мамой, мы рванули на кухню и руками стали есть котлеты, так же матерясь, пукая и рыгая. Остолбенелый папа долго стоял в прихожей, потом как-то молча ушел в свой кабинет и долго сидел там в большой растерянности. Бабушка стала изучать наши волосы и обнаружила лагерных вшей. Нам намазали головы керосином, завернули в полотенца и стали ждать, пока пройдет двое суток, после которых вши должны погибнуть, но когда развернули полотенца, вши ползли не обращая никакого внимания ни на бабушку, ни на ее керосин. Тогда нас обрили наголо и отправили с двумя боннами на курорт — вновь отдохнуть после лагеря.

Есть фотография, где мы с Машей, лысые и тощие, с нескрываемой злобой на лице сидим на голых камнях. А рядом стоят застывшие в ужасе бонны. Все было поздно. Советская власть плюс электрификация всей страны вошли в нас с сестрой со всей неотвратимостью. После лагеря мы стали бандитничать, хулиганить, убегать из дому. Довольно быстро этот период прошел, и все вернулось на круги своя, но сильный, мощный вихрь, называемый "влиянием действительности", потряс нашу жизнь до основания".

И все-таки Анастасия Александровна явно преувеличивает и

конетничает. Никакие пионерские лагеря, никакая советская власть, не говоря уже про электрификацию, не могли уничтожить то, что было дано от природы. Когда началась ее артистическая карьера, она, по ее собственному признанию, вдруг стала ощущать физическое присутствие отца рядом с собой. Часто, стоя за кулисами, она чувствовала, как он смотрит на нее откуда-то, словно благословляя на этот путь. От отца же она унаследовала несомненную тягу к Франции, оставаясь — безусловно и безоговорочно — абсолютно русской актрисой. У Александра Вертинского было множество причин попытаться стать франкоязычным шансонье, тем более, что он был именно шансонье. Но он этого не сделал. Он двигался за русской публикой, и когда русские колонии таяли в одном месте, он переселялся в следующее. Поэтому он и оказался во второй половине 30-х в Китае. Там, в Шанхае и Харбине, жили тогда несколько сотен тысяч русских. Его ностальгия заметна всем, кто слышал не одну-две, а много вещей Вертинского.

У Анастасии, по ее собственному признанию, было счастливое детство. Хотя, когда ей было пятнадцать лет, отец умер, и это был страшный удар, от которого она не могла оправиться долгие годы. Сейчас она вспоминает свою жизнь дома с папой как чистую идиллию. Собственно, она-то ее, по-видимому, и сформировала. Уже потом, когда Настя "вышла в люди", она столкнулась совсем с другой действительностью. Ведь ее отец был идеалист. За годы своих скитаний он

фото Валерия Плотникова

так намучился, что, когда вернулся с семьей в Россию, его ностальгия многое определила в воспитании детей. Он воспитывал их в особой любви к Родине, к дому, к елке, к праздникам, к семейному и дружескому застолью, к каким-то традициям. И со-

вершенно упустил вопрос практического опыта.

Анастасия Вертинская очень рано начала свою карьеру. В пятнадцать лет — первый фильм, первый успех и все, что с ним связано. Это оказалось огромным испытанием, к которому она

была не готова. По своей натуре человек необщественный, Анастасия любит уединение и никогда, как сама неоднократно признавалась, не собиралась становиться артисткой.

"Во многом этот выбор за меня сделала мама. Что-то понимать более или менее я стала уже после "Гамлета", благодаря Козинцеву. Но с самого начала столкнулась с тем, что меня воспринимали в нашей театральной и кинематографической среде только как дочь Вертинского — или просто как красивую женщину. А мне хотелось доказать всем, что я прежде всего актриса. На это ушли годы, жизнь ушла. И когда наконец я доказала все, что смогла, то поняла: я уже больше ничего не хочу доказывать! А хочу только одного — быть дочерью Вертинского.

Не знаю, но, может быть, именно мой ранний дебют стал причиной того, что теперь я почти не испытываю интереса к своей профессии, к сцене, к кинематографу. Все, что угодно, но — другое! Я очень увлечена преподаванием. Мне нравится режиссура, только не лицедейство".

И еще ей нравится Россия. Именно отец когда-то вложил в сознание своих дочерей мысль, нет, твердое сознание, что есть место, которое называется Родиной, где есть Рождество, Вербное Воскресение, Пасха с нуличками, дачная жизнь, где так много всего — ты это или чувствуешь, или не чувствуешь. Вертинская — чувствует.

Но чувствует она не только это. Например, чрезвычайно беспристрастно относится к оценке собственного характера:

"Я Стрелец, если это вам что-то говорит. Этот знак вообще не для женщины. Он предполагает целеустремленный и авторитарный характер, привычку лидировать. Из своих положительных качеств я могу упомянуть врожденное чувство справедливости и милосердия. Наверное, это подвигло меня на то, чтобы возглавить Благотворительный фонд актеров. Теперь я уже не могу жить без этого, это моя жизненная миссия — помогать актерам. Впавшим в бедность, оказавшимся в беде и просто старым. Я знаю, что чересчур резна и прямолинейна, вечно говорю то, что думаю, в ситуациях, когда следует быть дипломатичнее. Конечно, жизнь смягчает такие характеры. Но прошло очень много лет, прежде чем я научилась некоторой осторожности, тому, что следует быть терпимее к недостаткам людей. Сегодня я легче прощаю. Но есть вещи, которые не приму никогда: человеческую мизерность, готовность унижаться по расчету".

И никогда не унижалась, даже в самые трудные для себя времена, когда у нее был рубль в кармане и они с сыном Степаном на этот рубль порой жили два дня. Когда они въехали в новую квартиру, в ней на полу лежал только один матрас, не было ни кровати, ничего, и они с сыном ходили на Пушкинскую площадь, там была столовая "Кафе-молочная", где давали манную кашу, которая стоила семь копеек, а что-то чуть более "солидное" — двенадцать копеек. Но эти годы Вертинская вспоминает с какой-то удивительной ностальгией.

Влияние отца незримо сказало еще в одном: в личной жизни Вертинской. Как она сама с сожалением отмечает, рядом с ней никогда не было человека, который смог бы заменить ей отца. Она искала мужчину, который был бы намного старше ее, умнее, мудрее. Но Бог не дал ей такого счастья, потому что, когда Он что-то дает (а она считает, что ей при рождении было дано немало), что-то, наверное, и отнимает.

Анастасия Вертинская дважды была замужем и оба раза не смогла выдержать испытание браком. Причем винит в этом одну себя, вернее, свой характер, ту свою личность, которая, быть может, и не нужна в браке. Личность-то романтическая, но непостоянная!

Первый брак был с Нинитой Михалковым, и продержался этот союз неполных четыре года. Анастасия была уже знаменитостью, Никита тоже снялся в своих первых фильмах. Вокруг них круговерть поклонников и поклонниц, а у Ниниты уже тогда была вполне определенная "формула жены": жена должна сидеть в усадьбе, то бишь на даче, рожать детей, варить варенье и ждать мужа. Анастасия теоретически полностью согласна с этой формулой, но сама под нее, увы, никогда не подходила. Разойдясь с Нинитой, она сохранила к нему уважение, никогда не сказала сыну ни одного дурного слова про отца. Разрыв был болезненным, но никогда не лилась грязь, поскольку никто, в общем-то, не виноват в этом разводе: две сильные личности, да еще творческие, да еще совсем в молодом возрасте не могут ужиться в браке.

Вторым мужем Анастасии Вертинской стал Александр Градский. Этот брак, как легко догадаться, постигла судьба первого, причем по тем же самым причинам. Неудачный опыт двух замужеств усилил неприязнь Вертинской к браку, и больше она замуж не выходила.

"Я чрезвычайно ценю одиночество. Это не значит, что я зачеркнула личную жизнь, но дверь, на которой написано "Брак, семья и милая жизнь", я закрыла. При том, что я все равно семейный человек. Моя семья — это сестра, племянницы, мама, сын, жена сына, моя внучка. Я о них бесконечно и постоянно забочусь. После отца единственный мужчина, которого я боготворю, это мой сын. Может быть, оттого, что я очень много вложила в его воспитание. Было время, между его 18 и 22 годами, когда мне казалось, что все посеянное в него не возшло, а вырос один чертополох. Теперь я понимаю, что все было правильно, просто в этом возрасте они всегда идут наперекор. Сегодня я вижу, что он умнее меня".

Но в жизни Анастасии Вертинской всегда существовала еще одна проблема: ее красота. Да-да, та самая внешность, которой безумно завидовали — и завидуют! — миллионы женщин, и от которой глаза миллионов мужчин заволаниваются мечтательной дымкой. Искушение красотой — трудное искушение и не всякий способен его достойно выдержать. Вертинская, похоже, смогла.

"Мне кажется, есть страны, где родиться красавицей — это примерно то же, что выиграть

счастливый лотерейный билет. Скажем, в Америке это почти гарантированный путь к успеху — в шоу-бизнесе, рекламе или просто при богатом муже. Не берусь судить, хорошо это или плохо в целом, но хорошо уже то, что, идя этими проторенными путями, красивая женщина быстро попадает в условия защищенности. У нас таковой предопределенности нет, защититься от всякого, кто посмотрит на тебя, как на законную добычу, сложно. Если говорить о моем личном опыте, то мне всегда было очень тяжело. Со стороны это выглядело моей озлобленностью, но мало кто знал, как мне трудно. Я разговаривала резко, я отшивала мужчин. Это шло от каного-то страха, что на меня смотрят как на общественное достояние. Для меня моя красота была тяжким бременем, аскезой. Что касается узнаваемости, она была еще одним моим крестом и только усиливала мои комплексы. Я пряталась за черные очки, за платочки. Меня бесило то, что мой размеренный образ жизни бесповоротно нарушен. Я больше не могла, как любила, ходить по рынку, выбирая свой пучок укропа или редиски... В 16 лет я уже имела славу, которая в Америке предполагала бы наличие телохранителей и виллы. А ведь я еще училась в школе, и мне хотелось сходить с подругами в кино, но меня сразу узнавали... Это при моей-то любви к одиночеству, тишине и созерцательной жизни! Я, кстати, такой и осталась, тусовки для меня мучительны".

Анастасия Вертинская совершенно спокойно относится "к бегу времени", к тому, что становится старше. Она считает, что у ка-

ждого возраста — свое счастье, и не хотела бы вернуться в свою раннюю молодость, где было столько ошибок, столько глупостей, так впустую тратилось время. Это то, чего она сегодня старается не допускать. Она — верующий человек, стала очень религиозной в последние десять лет и считает, что это необходимо человеку, потому что он как бы переосмысливает свою жизнь и постепенно избавляется от суеты и от гордыни. Истинный Стрелец!

Хотя — какая там гордыня! Даже к своей внешности Анастасия относится более чем объективно, более того — с самоиронией:

"У меня нет мази Азазелло, я не знаю никакого петушиного слова. "Портрет Дориана Грея" — произведение важное и для косметологии. Надо побеждать в себе гнев и бешенство, то, что человек делает, и даже то, что он говорит, может уродовать его".

Свою жизнь Вертинская тоже обновила — ушла из МХАТа. В никуда, совершенно не представляя, что будет делать дальше. У нее, по ее собственным словам, будто стальное кольцо разжалось вокруг горла. Первое время свет воли был так ярон, что у нее даже появилось чувство, будто она, как дядя Ваня, и "не жила" до сих пор.

Впрочем, жизнь преподнесла ей еще один сюрприз. Судьба последнего большого фильма, в котором она снялась — "Мастер и Маргарита" режиссера Юрия Кара, — оказалась поистине булгаковской.

"Съемки были крайне сложными, и я терпела те же самые физические испытания, что и моя

героиня *Маргарита*, — в первую очередь мы с ней пострадали от холода, особенно при съемках бала, причем у меня, как и у нее, разболелось колено. Отснятый материал очень хорош. Я чрезвычайно самокритична, но тут сказала себе: "Настя, ты похожа на *Маргариту*". Сегодня фильма нет, его надо монтировать с самого начала, но это требует вложений, а кино быстро устаревает. Думаю, какие-то высшие силы не дают осуществиться экранизации "*Мастера и Маргариты*".

Я хотела понять, каная она, *Маргарита*, а точнее, что мне играть. Любовь? Но у *Булганова* не только про это. Ведьма? Но это смешно. Ведьма — это, скорее, логическое состояние, которое испытывают время от времени все женщины. Я хотела сыграть милосердие, которое все еще живо в душе у людей".

Вертинская всегда в движении, в каких-то переездах, проектах, планах, она как будто живет на колесах. При этом сама домосед. Любит свою квартиру в знаменитом кооперативе на Садовой. В доме тихо. Натертый сверкающий пол, хрустальные канделябры, фамильный, какой-то немного дамский антиквариат, который хорошо сочетается с розовой обивкой современных кожаных диванов. В золоченых старинных рамах фотопортреты А. Н. Вертинского и самой хозяйки. Бросается в глаза бесспорное сходство: та же горделивая посадка головы, острый профиль, красивые руны. И та же глубинная мудрость мироощущения:

"Я думаю, определяющим в моей жизни было странное оз-

рение: если что-то происходит, то это происходит не зря и надо менять свою судьбу. Как ни странно, это пришло ко мне в тридцать три года. Понимаете, ведь в этом есть определенное унижение, когда любой ценой ты хочешь добиться своего — какой-то главной роли, или чужого мужчины, или еще чего-то. А может быть, самое важное, чему должен научиться человек, — это умение отстоять свою личность. Ты должен быть свободен. Это формула жизни. Если что-то поработает тебя, ты должен это отринуть. Может быть, потому, что я по гороскопу *Стрелец*, я стремлюсь к свободе.

Человечу даны не только чувства, но и разум. На него надо в жизни уповать. Разум — это замечательная сила, гораздо сильнее, чем мы предполагаем. Это как бы моя первая заповедь. Раньше часто замечала, что когда я была влюблена в какого-то человека, а он, может быть, вполне сознательно заигрывал с другой женщиной, то делала одно и то же упражнение — заставляла себя повернуться спиной к этой сцене. Мне было грустно, но я запрещала себе на нее смотреть, кидать обидные или злые взгляды. Очень важно в жизни вовремя повернуться спиной".

Вот такая она — сегодняшняя *Ассоль*. Но если задуматься: что случилось с героиней "*Алых парусов*" в дальнейшей жизни? *Александр Грин*, настоящий сказочник, умело поставил многоотчие. А впереди была целая жизнь.

Как и у самой *Анастасии Вертинской*. ■

Любовь РУСЕВА

рисунок Галинада Ногожидова

УЗОРЫ ПАМЯТИ

Ну, ты иезуит!" — вам приходилось слышать такую обидную фразу в свой адрес? Наверное, приходилось. А знаете ли вы что-либо об этих людях? Кто они? Хитрые, коварные и лицемерные; члены могущественного ордена, который свергал и возводил на трон королей, который являлся государством в любом государстве, который направлял европейскую политику и контролировал мировую экономику. Почему одни люто ненавидели и проклинали этих людей в черных сутанах, а другие преклонялись перед ними, готовы были жертвовать не только состоянием и своей жизнью, но и благополучием близких и родных?

"... Если мы действительно *хуже воров и злодеев*, — писал русский иезуит Мартынов Самарину, — объясните Бога ради, каким образом *художникам такого рода* позволено не только существовать и размножаться, но еще учить, преподавать, совершать духовные требы и т.д., и притом в странах самых просвещенных, каковы: Франция, Бельгия, Англия, Германия? Каким образом стокая полиция до сих пор не открыла ни малейших следов какого бы то ни было преступления, совершенного нами? Каким образом самые ярые враги нашего общества доселе не могли уличить нас ни в каком злодеянии? И не странно ли, что за эту попытку взялись вы, и где же? в стране, где около полустолетия нет ни одного из наших, где, следовательно, о нас знают только по романам, понаслышке, и тогда как в западных странах, где мы действуем среди бела дня, где нас насчитывают сотнями и тысячами, где притом немного более, думаю, гласности, нежели в России, подобные попытки сделались крайне пошлыми и тешат разве одну толпу?.."

В 1865 году в Москве распространились слухи, что правительство России намеревается разрешить иезуитам вернуться в государство. Известие взбудоражило город, в прессе началась очередная истерия. Вскоре эти слухи были официально опровергнуты, тем не менее, интерес к таинственным, наводящим ужас иезуитам, остался. Рассказы об их чудовищных проделках леденили кровь почтище, нежели современные фильмы ужасов об оборотнях. Кто не помнит их сатанинские внушения и соращение в католицизм не только молодежи, но и умудренных опытом людей? — сотни православных изменили вере отцов. Кто не помнит пансиона Николая и Грубера? — вся элита получила там образование и воспитание. А их учение о правомерности цареубийства?!

Материалы Самарина об иезуитах, опубликованные в аксаковской газете "День", оптимизма не прибавили. Иван Сергеевич Аксаков (к чести редактора) поместил в своей газете и ответные письма отца Мартынова, русского иезуита, жившего в Париже. "...Еще страннее ваши доводы. Так, по-вашему, мы опаснее всех преступников потому, что у нас совесть извращена, и что наша *деятельность почти неосознаема, неуловима*."

Помилуйте! Ведь мы не духи бесплотные; мы такие же люди, как и все прочие, и наша деятельность существенно ничем не отличается от деятельности остального католического духовенства. Разве мы составляем какое-либо тайное общество? Разве мы не проповедуем на весь мир?..”

Читая Самарина и других обличителей иезуитов, липкий страх охватывает все твое существо. Читая иезуитов, веришь им, и тебя переполняет негодование против воинствующего невежества, которое на протяжении четырех с половиной веков остервенело борется с лучшими умами человечества. Так кто же они — иезуиты?!

Основатель

В марте 1522 года в церкви Монсератского аббатства, близ Барселоны, появился испанский кавалер. Рыцарь простоял целую ночь с оружием в руках перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. После продолжительной молитвы кавалер повесил свой меч и кинжал над алтарем и произнес обет Христу и Его Пречистой Матери совершить путешествие в Иерусалим для обращения неверных. Кавалер отдал свою богатую одежду нищему, облекся в рубище и отправился в путь.

Тем кающимся рыцарем был дон Инниго-Лопес де Рекальде Лойола. Родился он в 1491 году в замке Лойола и был младшим из 13 детей. Лойолы относились к одному из самых древних аристократических родов Испании, который пользовался при дворе большими привилегиями. Юность он провел при королевском дворе в качестве пажа Фердинанда Католического. Достигнув рыцарского звания, Лойола участвовал в военных походах, проявлял храбрость, усердие к церкви и любезность к дамам. Одним словом, вел обычную для рыцарей жизнь, полную разгула страстей и разнообразных приключений. Игнатий был мало образованным человеком, но при этом обладал чрезвычайным честолюбием, всегда и во всем желал быть первым.

Во время войны с французами Карл V поручил Лойоле защиту Пампелуны, главного города Наварры. Спасая город, Игнатий был тяжело ранен осколком ядра в левую ногу. Отправленный в отцовский замок, рыцарь подвергся мучительной операции, которую перенес с героическим стоицизмом, но нога срослась неправильно, ее пришлось ломать еще дважды. Кроме того, под коленной чашечкой образовался костяной нарост. Лойола не мог примириться с таким уродством и приказал отпилить себе ногу.

Вынужденное бездействие и муки отрешили Лойолу от мирской суеты, светские развлечения потеряли в его глазах свое прежнее обаяние. Игнатий увлекся чтением жития святых. Подлинный переворот в его внутреннем мире совершила книга о мужестве святого апостола Петра. Рыцарь с детства поклонялся Святому Петру, именно ему он приписал и свое выздоровле-

ние. Мысли о подвигах святого Петра пробудили в душе Лойолы новые силы, он стал мечтать о поприще апостола, и со всей страстью своей рыцарской души поклялся посвятить остаток жизни подвижничеству. Он решил сделаться духовным воином Христа, Богородицы и святого Петра, вождем Христовой милиции. Тогда-то Лойола и предстал перед чудотворной иконой, где дал обет, но отправиться в Палестину ему помешала чума.

Только в 1523 году Игнатий сначала отправился в Италию, а оттуда пилигримом в Иерусалим, где не встретил сочувствия католического духовенства и вернулся в Европу. Убедившись, что для достижения поставленной великой цели нужны основательные знания, он в 33 года стал изучать философию, богословие и в то же время учить крестьянских детей. Деятельность Лойолы вызвала подозрение инквизиции. Преследования заставили его покинуть Испанию и поселиться в Париже, где он надеялся найти среди университетской молодежи сторонников и основать миссионерское общество. Для поступления в Сорбонну Игнатию недоставало знаний, и он должен был предварительно пройти классы грамматики и философии.

Подружившись с воспитанниками парижского университета, Лойола собрал их 15 августа 1534 года на Монмартре, где в церкви св. Марии они дали обет целомудрия и бедности, а также поклялись посвятить свою жизнь миссионерской деятельности. Для обращения неверных в христианство нужны были немалые средства. Лойола отправляется на родину, где его тогда уже считали святым и где благочестивые люди щедро снабдили его средствами на богоугодное дело. Но попасть в заветную Палестину снова не удалось — помешала война между Венецией и Турцией. В этом Лойола усмотрел волю Всевышнего, значит, решил он, ему предназначается другое поприще.

Общество Иисуса Христа

И ему действительно предназначался другой жребий. В 1537 году Игнатий Лойола и его товарищи приняли священнический сан. Новых проповедников охотно слушал народ, только кардиналы и аристократы высказывали недовольство. Тогда Лойола добился личного свидания с папой и тем совершенно обеспечил свое положение. Игнатий представил папе проект нового ордена, который назвал обществом Иисуса. Лойола обрекал свой орден на борьбу против “адских чудовищ и порождений сатаны”, т.е. против реформаторов, против протестантов. Кроме трех обычных обетов — целомудрия, бедности, послушания, он еще ввел постоянное послушание Христу и папе. Название ордена “Иезуиты” происходит от латинского написания имени Христа.

В 1540 году устав ордена Иисуса Христа был утвержден папской буллой. Первым генералом ордена стал его основатель Игнатий Лойола, до фанатизма преданный католической церкви. Организаторский талант его поражал всех, сам же он превыше

всего ценил практическую мудрость. От новых членов ордена требовал слепого и неограниченного повиновения. "Отречение от собственной воли, — писал Игнатий, — есть больший нравственный подвиг, чем воскрешение из мертвых". Упражнения для духовного самоочищения и перерождения расписаны по неделям. Наставления святого Игнатия и в наше время не потеряли своего значения. Вот лишь несколько из них: "Нет бури более предательской, чем полное затишье; нет врагов более опасных, чем отсутствие всяких врагов". "Обличать чужие недостатки — значит открывать свою собственную слабость". "Тот, кто всецело отдался бесконечной любви, сделался способным вечно верить любви и совершенствоваться ею".

Члены общества Иисуса не были ни монахами, ни священниками, не входили в состав ни черного, ни белого духовенства. Именно благодаря тайне усиливалось их влияние. Иезуиты, сильные благодаря папским привилегиям, считали долгом чести не допускать, чтобы какая-либо власть, светская или церковная, вмешивалась в управление орденом, судила его статуты. Незыблемость первоначальных конституций — основа, на которой строилась организация ордена, он предпочитал скорее погибнуть, чем дотронуться до них. Даже когда встал вопрос о существовании ордена, иезуиты не пошли на сделку и не изменили свою святыню. Людовик XV, сочувственно относившийся к иезуитам, предложил генералу Риччи внести некоторые изменения в статуты ордена и тем самым избежать его уничтожения.

— Да будут так, каковы есть, или да не будут! — ответил генерал.

В единстве и необыкновенной внутренней цельности конституций иезуитов заключалась их сила, но, вероятно, и в этом же их слабость. В общей части конституций святой Игнатий сформулировал принципы, при помощи которых может быть сохранено и увеличено благосостояние общества. Цель общества — служить Христу, прославлять его и спасти души. Игнатий указал и специальные обязанности своих учеников, которые должны отличать их от членов других орденов.

Иезуиты должны быть образованными, интеллигентными, здоровыми людьми и выполнять свои задачи, живя в миру. Единственное отречение, которое от них требуется, — отречение от всякой личной выгоды. Все должно быть подчинено обществу, Церкви и Богу.

Прежде всего, члены братства должны приобрести солидные познания и уметь передавать их другим людям. Они должны научиться управлять людьми. Коллегии и университеты должны находиться под руководством лиц, которые не будут искать личной выгоды и сумеют отличить талантливых людей, чтобы сделать из них профессоров и коадьюторов. Иезуиты не должны получать никакого жалования, должны отказываться от всяких доходов и собственности. Они не могут стремиться к

церковным должностям, а принимают их только в том случае, если их обязывает к этому повиновение. Всеобщая субординация должна поддерживаться, опираясь на милосердие и взаимную любовь. Необходима совершенная умеренность в духовном и физическом труде; нужно пользоваться милостями святого престола и искренне стремиться к одному лишь спасению душ. Последнее предписание касалось заботы о здоровье. Предписывалось помещать дома общества в здоровых местностях. Каждый должен стараться соблюдать конституции и знать ту часть их, которая касается его.

Организацию ордена можно уподобить кольчуге, сотканной из крепких и гибких колец. Она делает орден неуязвимым и в то же время эластичным. Воля, сила и совесть каждого члена ордена переданы в руки генерала, в котором каждый иезуит должен видеть самого Христа. Генерал избирался пожизненно генеральной конгрегацией, в состав которой входили все провинциалы и по одному депутату от каждой провинции. В пределах же определенной территории (провинции) руководил орденном провинциал, назначаемый генералом. У провинциала были ассистенты и наблюдатель. Провинциал наблюдал за учителями и учениками высших школ и коллегий, за деятельностью престарелых членов общества Иисуса. Ему непосредственно подчинялись начальники домов, в которых жили профессы, ему же подчинялись и ректоры коллегий.

Контроль за личным составом ордена был организован так, что в руках генерала сосредотачивались все сведения о каждом иезуите. Он знал степень образованности каждого члена общества, знал все о его занятиях, способностях и наклонностях.

Все члены общества делились на 4 степени. Желающие стать иезуитами поступали в разряд выжидающих. В течение 20 дней они жили в домах испытания, где подвергались наблюдению и расспросам. Те из них, которые были наделены хорошим здоровьем и большими умственными способностями, принимались в разряд испытуемых, и на протяжении 2 лет проходили суровую школу орденской дисциплины. Затем испытуемый давал обет целомудрия и послушания и поступал в разряд схоластиков. До этого момента испытуемый мог свободно, без объяснения причин, выйти из ордена, но с переходом в разряд схоластиков он мог выйти из ордена только с разрешения начальства.

Схоластики в течение 5 лет изучали общие науки и философию, затем столько же лет преподавали эти науки младшим членам. После этого человека посвящали, и он еще 5 лет изучал богословие, затем один год повторял все, что было им пройдено за годы учебы, и только тогда, по достижении тридцатилетнего возраста, он получал священнический сан и повышался в степень коадьюторов.

Кoadьюторы действовали в интересах общества, но им еще не раскрыты тайные пружины того механизма, часть которого

они составляют. А высшую ступень составляли профессы, именно они к трем обычным монашеским обетам присоединят четвертый — исключительного повиновения папе. Только профессы допускаются к высшим должностям ордена, избирают из своей среды генералов.

Образование общества Иисуса стало кульминационным моментом в развитии монашества. Общество Иисуса не только добровольно поступило на службу церкви и сумело заставить мир повиноваться ей, но оно само стало одной из мировых сил. Начиная с папы Павла III до Клементя XIV, не было папы, которому не приходилось бы бороться против заносчивости и непокорности иезуитов. Орден, учрежденный для укрепления колебавшегося папского авторитета, приобрел с течением времени такое влияние и власть в церкви, что подчинил себе даже ее главу и заставил пап служить интересам ордена. Начиная с Игнатия Лойолы, в Риме стали сосуществовать два папы: белый и черный — иезуитский генерал.

Но орден иезуитов явился кульминацией развития не только монашества, но и образования, потому что был преимущественно орденом преподавателей и ученых, являлся самой большой школьной организацией, которая когда-либо существовала в мире. 2/3 его учреждений были школами, а 4/5 его членов были студентами и учителями. Главная задача ордена — воспитание подрастающего молодого поколения. В XVII-XVIII веках в Европе почти все пансионы, школы, семинарии и училища находились в руках иезуитов. Орден являлся совершенным монополистом в области образования и воспитания.

Враги иезуитов твердили, что успех их заключался в том, что они учили бесплатно. Это не соответствовало действительности. Люди отдавали своих детей иезуитам, и государство тратило огромные средства на содержание их школ исключительно потому, что система и уровень преподавания у иезуитов были невероятно высоки. Разработанный ими в 1599 году первый школьный закон был величайшим законом во всей мировой истории образования и имел огромное значение для целого ряда наций.

Во время революционных потрясений в Западной Европе защитницей римско-католической церкви явилась православная Россия. Иезуитский и мальтийский ордена нашли радушный прием в столице православного государства. Понемногу они стали влиять на внешнюю политику, а частично и на внутреннюю. В то же время иезуиты явились наставниками той среды русского юношества, перед которой должно было впоследствии открыться обширное поле государственной деятельности.

Иезуиты в России

В южной и западной русских областях, завоеванных польско-литовским государством, иезуиты появились во второй половине XVI столетия. Они основали здесь школы, перевели

книги на русский язык, построили множество монастырей и совершили столько чудес, что в течение XVII века в Литве появилось больше святых, чем во всей Европе за все предшествующие века. Особенно заботился о распространении иезуитизма Стефан Баторий. Взяв в 1579 году Полоцк, польский король основал здесь иезуитскую коллегию, отдав в ее распоряжение все местные православные монастыри и церкви с их имениями. Иезуиты немедленно стали повсеместно открывать школы и семинарии для воспитания юношества.

К этому же периоду относятся попытки проникновения иезуитов в наше Отечество. Первым явился в Московию знаменитый Антоний Поссевин. Посланный папой в качестве посредника между Баторием и Иваном Грозным, он пустил в ход все свое искусство дипломата и оратора, чтобы побудить русского царя обратить весь наш народ в католицизм, но добился только некоторых льгот для римско-католических подданных России.

После Поссевина в Россию прибыли другие иезуиты, но так как их деятельность здесь была обречена на провал, то центром иезуитства стала униатская Литва, откуда и распространялась пропаганда на Московскую Русь. Прежде всего иезуиты воспитали несколько молодых русских миссионеров и указали им поле деятельности в их Отечестве. Таким образом они проникли на Украину, на Подол, в Белоруссию и Волынь.

В правление царевны Софьи в Россию прибыли два французских иезуита с грамотой от Людовика XIV. Французский король просил пропустить их в Китай. Россия отказала в этой просьбе, так как отношения между Москвой и Версалем были натянутыми. Сами же иезуиты были приняты ласково, им покровительствовал образованнейший человек в государстве — князь Василий Васильевич Голицын. В 1684 году иезуиты прибыли в Россию с австрийским послом Жировским. Они стали совершать богослужение для иностранных католиков под покровительством австрийского посольства в Москве, а через некоторое время им удалось основать в столице маленькую колонию. Затем открыли школу для русской молодежи, стали распространять католические иконы и книги религиозного содержания на русском языке. По Первопрестольной поползли слухи, что эти слуги дьявола стараются совратить в католицизм женщин, с которыми у них не только духовная связь.

После падения правительства царевны Софьи, по просьбе патриарха Иоакима, иезуиты были выдворены из России. Император Леопольд напрасно требовал, чтобы им было разрешено возвратиться в Москву: русское правительство отвечало, что иезуиты не могут быть терпимы в России, потому что они вмешиваются в не относящиеся к религии политические дела.

Несмотря на строгий запрет появляться ученикам Игнатия в пределах Московского царства, они упорно проникают сюда в довольно значительном количестве. Первоначально иезуиты не

испытывали гонений со стороны Петра Великого. Они открыли в Москве коллегию, с помощью которой наняли себе много сторонников. Русское правительство смотрело сквозь пальцы на эту пропаганду в угоду австрийскому двору. Но когда между обоими дворами произошла ссора, Петр Великий в 1719 году вторично изгнал иезуитов.

Вновь появились в России иезуиты только спустя полвека при Екатерине II. В 1772 году состоялся первый раздел Польши, по которому в состав Российской империи вошла Белоруссия. Четвертый год Россия вела кровопролитную изнурительную войну с Османской Портой, поэтому для нее жизненно важным было добровольное и скорейшее принятие присяги местным населением. Польское католическое духовенство, враждебно настроенное против русских, с благословения папы Римского развернуло бурную деятельность по срыву присяги. Своими проповедями духовники разжигали ненависть к русским, восстанавливали их против правительства. В этот критический момент неоплачиваемую услугу оказали России именно иезуиты. Они первыми присягнули на верность русской императрице. Влияние ордена на народ оказалось столь огромным, что поразило не только русское правительство, но и Рим.

Присоединение к России большого количества католиков явилось реальной угрозой прямого вмешательства папства в дела государства. Началась борьба между русской императрицей и Римским папой. Екатерина стремилась освободить католическую церковь от зависимости Рима. И в этом деликатном и сложном деле на помощь императрице снова пришли иезуиты.

Настал 1773 год — черный “адский” год для иезуитов: 16 августа последовало папское бреве об уничтожении ордена. Русская императрица не позволила его обнародовать в своих владениях, благодаря чему орден продолжал существовать. Тщетно старался папа убедить русскую императрицу признать его бреве, в ответ Екатерина только расширяла права иезуитов. Но, сохраняя орден в своем государстве, Екатерина обезопасила свою власть, вырвав “жалю” у столь мощной и всесильной организации. Государыня лишила орден автономии, подчинила его власти епископа, с одной стороны, а с другой, — светской власти. Екатерина II строго очертила круг обязанностей иезуитов: через них она повелевала католическим населением, им поручила воспитание и образование детей и юношей в присоединенных землях.

Католические священники с пеной у рта кричали, что Екатерина II уничтожает истинную веру и католическую церковь. На защиту русской императрицы поднялась армия иезуитов, которые буквально рвали на куски папскую власть, доказывая законность действий Екатерины в отношении католической церкви.

— Где же чище сохранилось латинство? — в Риме ли, или в России, и кто католичнее — папа ли Римский, уничтоживший этот орден, или Екатерина II, давшая жизнь этому ордену?

Ответ был в пользу Екатерины Великой. На эту тему появились целые сочинения, где проводилась одна главная мысль: уничтожение иезуитского института есть уничтожение латинского вероисповедания, без иезуитов католики перестают быть католиками, не Рим теперь столица и центр латинства, а Белоруссия, в которой одной только остались иезуиты. Можно ли было найти лучших адвокатов, чем иезуиты, в деле спора Екатерины с папою?

Наивысшего могущества и расцвета в России орден достиг в короткий период правления императора Павла I. В этот период Общество Христа возглавлял Грубер.

Генерал иезуитского ордена Гавриил Грубер родился в Вене в 1740 году. Этот энциклопедически образованный человек посвящал весь свой досуг наукам и искусствам, был историком и механиком, лингвистом и гидравликом, математиком и физиком, химиком и медиком, музыкантом и живописцем... Он превосходно говорил на многих языках и был глубоко светским человеком. На церковной кафедре он являлся красноречивым проповедником, а в гостиных умел самый туманный богословский вопрос изложить в легкой, увлекательной форме. Мягкостью характера и приветливостью Грубер снискал себе всеобщее расположение.

После уничтожения австрийским императором общества Христа, Грубер стал мечтать о Петербурге, что было важно не только для его научной деятельности, но и для положения иезуитского ордена. Аббат отправляется в столичную академию наук для представления некоторых своих изобретений в области механики и гидравлики. Он ознакомил академиков со своим проектом осушки болот и с изобретенными им водяными воздушными насосами, а также с ножницами для стрижки тонкого сукна.

Для проектов необходимы были большие средства, и Грубер ищет меценатов среди русских вельмож. Где бы аббат ни появлялся: в светских ли гостиных, в академии наук, на публичных собраниях — он обращал на себя всеобщее внимание, каждого увлекал беседой. Молва о Грубере, как о необыкновенном ученом и благочестивом человеке, дошла и до императорского дворца. Вскоре аббат оказал царственной чете такую услугу, благодаря которой он стал вхож во дворец.

Тяжело заболела императрица Мария Федоровна: более месяца она мучилась невыносимой зубной болью. Все старания врачей оказались безуспешными. Узнав о страданиях государыни, Грубер предложил свои услуги. Иезуит был немедленно вызван во дворец.

— Вы беретесь вылечить ее величество?.. Не слишком ли много смелости у вас, господин аббат? — сурово встретил иезуита император.

— При помощи Божией, я надеюсь прекратить страдания ее величества. — Грубера не смутил испытующий взгляд импера-

тора. — При этом, государь, может, впрочем, встретиться весьма важное препятствие. Мне необходимо будет остаться на несколько дней при ее величестве, чтобы беспрестанно следить за ходом болезни и тотчас подавать помощь.

— Я согласен удовлетворить ваше требование, господин аббат, но с тем, что и я буду наблюдать за вашим лечением.

Павел приказал поставить в кабинет императрицы ширмы и там устроил для себя временную опочивальню. Со стороны иезуита это был рискованный шаг — в случае неудачи он оказался бы в равелине Петропавловской крепости. После первого же приема лекарства императрица почувствовала существенное облегчение, а после повторного приема она повеселела. Повеселел и император, который стал приветливо улыбаться Груберу. Через несколько дней государыня окончательно избавилась от страданий. Со свойственной ему живостью Павел благодарил аббата и хотел пожаловать ему Анненский орден.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить вашему императорскому величеству мою беспредельную благодарность, но, к прискорбию моему, я никак не могу принять жалуюмую мне вами награду. Уставы Общества Иисуса не позволяют его членам носить какие-либо знаки отличий, но обязывают их служить государям и подданным только *“ad majorem Dei gloriam”*.

— Только для увеличения славы Божией, — повторил по-русски девиз иезуитов император. — Прекрасно!.. Вот истинно бескорыстная цель! А между тем на таких людей клеветуют и злословят их...

— Клевета и злословие всегда приходится на долю добродетелей.

С этого наступило золотое время для ордена в России. В ту пору Груберу было 60 лет и он по праву считался одним из самых влиятельных распространителей иезуитизма. Он вызывает в Петербург самых прославленных иезуитов и блестящих проповедников: для итальянцев — Кайетана Анжиолини, для французов — Дидье Ришардо, для немцев — Георгия Ротенштейнера и для поляков — Фаддея Гаттовского. Грубер сумел заставить петербургское общество заговорить об иезуитах, произвел эффект, привлек к церкви избранное петербургское общество, возбудил удивление и похвалы ордену иезуитов.

Орден иезуитов оказался мощной силой — в результате русские аристократы, столичное образованное общество приняли католицизм.

“Действительно, на первых порах латинская Петербургская церковь сделалась в руках иезуитов театром, где искусные актеры старались всячески произвести эффект, завоевать себе общественное мнение и собирать себе дань похвал и удивлений. Начались пышные служения, явился отличный орган, загремела проповедь, украшенная всеми цветами иезуитского крас-

норечия, сопровождаемая смелыми телодвижениями, поражающая быстрыми оборотами речи; всем бросалось в глаза необыкновенное благоговение служения, какое-то безустальное усердие исповедывать каждую неделю прихожан, а особенно набожных старушек... Мало этого: при церкви явилась аптека, в которой безвозмездно раздавались бедным лекарства, и даже нечто вроде фабрики разных механических изделий, на которой можно было заказать некоторые вещи и покупать... Все эти нововведения сделались в руках иезуитов могущественным рычагом, посредством которого они производили в петербургском обществе говор, шум, трескотню и болтовню о их дарованиях, необыкновенных талантах, о их благочестии, назидательно и неудержимо действующем на посторонних; все эти приемы глубокого лицемерия и ханжества приобретали им ежедневно друзей, почитателей и покровителей среди образованного, по преимуществу высшего общества”.

Не менее проповедничества поразило россиян и образование иезуитов. Немало иезуитов попало в Россию в связи с революцией во Франции. Эмигрировавший знаменитый граф Шуазель привез с собой в Петербург необыкновенного педагога — аббата Николая. Русские аристократки умоляли Шуазеля позволить их сыновьям слушать лекции иезуита вместе с его детьми. Этой чести могли быть удостоены сыновья немногих русских вельмож, а стремление обучаться у знаменитого французского педагога пробудилось у многих. Так на Фонтанке, рядом с домом князя Юсупова, появился знаменитый аристократический пансион аббата Николая. Первыми воспитанниками были дети князей Юсуповых, Голицыных, Гагариных, Волконских, братья Орловы, Нарышкины, Меншиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Полтарацкие, Дмитриевы и другие. Родственники обучавшихся юношей не могли нахвалиться их успехами, о чем свидетельствует огромное количество документов. Вместить всех желающих пансион Николая не мог, и Грубер добивается разрешения на постройку Петербургского коллегиума.

В 1803 году Грубер открывает в Петербурге благородный пансион. Перед открытием пансиона он опубликовал в газете условия приема, учебную программу, условия жизни и учебы. “XII. Желательно, чтобы родители сами приходили видеть детей своих в пансионе... XIII. Величайшее прилагается попечение и здоровье детей, даются им рекреации и нужные отдохновения, содержится самая исправнейшая чистота, пища здоровая и избыточная... нанимается лекарь от дому для бдения над здоровьем, для предварения болезней или для скорейшей помощи...”.

Курс наук в школе продолжался 6 лет. Класс делился на две части — римскую и греческую. В римской сидели прилежные и успевающие ученики, а в греческой — неисправные и ленивые.

Не наставники, а сами воспитанники определяли степень своих успехов, и место каждого в списке зависело от голосов самих воспитанников. Лучшие ученики в зависимости от своих успехов носили название императоров, цезарей, консулов, трибунов и т.п., имена их вписывались в особый листок, который вставлялся в рамку, висевшую на стене, каждое имя было украшено и расписано фольгой, рамка запиралась особым ключом, к которому привязывалась красная ленточка. Ключ этот хранился у императора.

Вновь поступившему давался дядька из самых одаренных воспитанников, который отличался особенной памятью. Некоторые такие дядьки были "справочной книгой" по всем наукам. Наравне с умственным развитием уделялось большое внимание и физическому развитию юношей. Хорошее здоровье считалось залогом успехов в учебе — "в здоровом теле здоровый дух". Запрещалось вредное для здоровья умерщвление плоти, тяжелые посты. Никогда ученики не должны были сидеть за партой более 5 часов в день. Спортом и укрепляющими здоровье играми воспитанники занимались на свежем воздухе.

Обращение префектов, подпрефектов и наставников со своими воспитанниками было самое ласковое и вежливое. Воспитанники иезуитских школ отличались неутомимостью, терпением, исполнительностью. Какая-то особенная печать лежала на людях, вышедших из иезуитских школ.

Поэтому не удивительно, что не только католики, но и протестанты и христиане охотно отдавали своих детей иезуитам. Дети за короткий срок радовали родителей успехами в учебе и окрепшим здоровьем.

Успехам ордена нанесла сильный удар трагическая смерть Грубера, сгоревшего во время пожара в иезуитском доме в ночь с 25 на 26 марта 1805 года. Пожар начался в полночь с комнат самого генерала. Грубер, задыхаясь от дыма, побежал к окну, чтобы выскочить или позвать кого-нибудь на помощь. Но помощь была невозможна: дом снаружи и внутри был охвачен пламенем.

При Александре I иезуиты распространились по всей России и даже проникли в Сибирь. Православная церковь почувствовала угрозу. Пропаганда общества Иисуса была направлена прежде всего на знать и высокопоставленных лиц. Массовый переход в католичество и популярность учебных заведений свидетельствовали об успешной деятельности иезуитов в России. Это бесповоротно решило их судьбу в империи. В 1815 году они были изгнаны из Петербурга и Москвы, а в 1820 — из всей России.

Умер великий Игнатий Лойола в 1556 году, он похоронен в Риме в церкви Иисуса Христа. В 1622 году папа Григорий XV канонизировал основателя самого могущественного католического ордена.

В этой просторной и уютной московской квартире живут четверо. Все они — актеры. Два поколения, работающие в двух столичных театрах — на Таганке и в академическом молодежном. Еще одно актерское поколение — ушедшее — незримо присутствует в портретах, фотографиях, в памяти, в самой ауре дома.

Жизненный ритм здесь складывается соответственно профессии хозяев: в зависимости от репертуара театров. И — что тоже естественно для артистов — от других творческих дел: кинопроб и съемок, концертов, антреприз, выступлений на радио, телевидении... Впрочем, младшее поколение утверждает, что здешний уклад подчинен также двум давним обитателям этого дома: овчарке Рику и кошке Шуре.

“ СЕМЕН ФАРАДА:

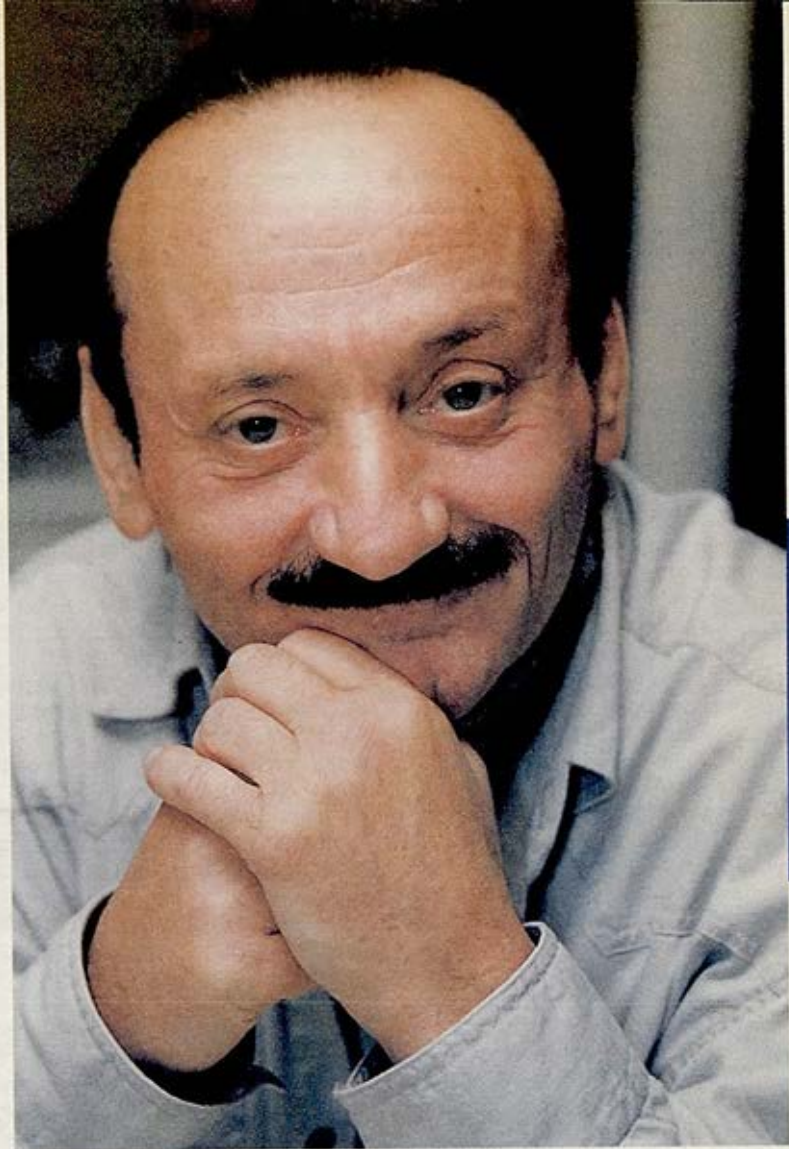
МИР спасают ЖЕНЩИНЫ

Народный артист Семен Фарада и заслуженная артистка России Марина Полицеймако — люди не просто разные, но буквально противоположные, настоящие антиподы. Просто диву даешься: ну что почти тридцать лет связывает романтическую, открытую, излучающую доброту Марину и колючего, прагматичного, насмешливого Семена, который не поймешь, когда шутит, а когда всерьез говорит.

— А что же тут непонятного? — торжественно вопрошает Семен Львович в свойственных ему интонациях. — Связывает нас наш любимый сын Михаил. Ему и его жене Оле скоро будет по двадцать пять, и они уже седьмой год вместе.

С первой нашей встречи Ма-ша (так называют Марину близкие) — мой ангел-хранитель и путеводная звезда. И в жизни, и на сцене. А Миша прочно скрепил, сцементировал чувства, возникшие раньше. И чувства были не-

простыми: ведь у нас обоих это не первый бран.

И действительно, у Марины есть еще один сын — от первого брана. Уже несколько лет Юрий с женой и детьми живет за границей. Он дизайнер, художник по металлу.

Марина Полицеймано и Семен Фарада встретились в Театре на Таганке, в труппу которого Юрий Любимов пригласил Семена. Пригласил совершенно неожиданно для самого Фарады: фактически, как в таких случаях говорят, "с улицы".

— Я ведь по образованию не артист, а инженер-энергетик, — поясняет Семен Львович. — Окончил МВТУ, работал по специальности, служил на флоте. Но с детства выступал на сцене: в школьной, студенческой, воинской самодеятельности, работал в эстрадном театре-студии МГУ "Наш дом", из которого вышло немало нынешних знаменитостей. Но профессиональным артистом вроде бы становиться не собирался, выходя на сцену, скорее экспериментировал над залом: проверял силу своего воздействия на людей. И вдруг сам Любимов берет меня в прославленный театр! Поверил, что я смогу играть в его тогда самых популярных спектаклях, на которые ломилась вся театральная Москва! С тех пор и навсегда благодарен Юрию Петровичу и всему коллективу, который меня — непрофессионала — принял с пониманием, уважительно. И все же я очень сильно, даже болезненно ощущал, что попал в среду мне не свойственную. Вот тогда и пришла на помощь Маша, не только талантливая актриса, но и душевно щедрый человек. И мне, мятущемуся, ищущему самого себя, ведущему жизнь бесталковую и непутевую, колоссально повезло, когда моим спутником в жизни и профессии стала женщина цельная, преданная...

В отличие от Фарады, Марина Полицеймано актриса потомственная. Старшее поколение театралов помнит ее знаменитого отца Виталия Полицеймано, одного из ведущих артистов прославленного питерского БДТ. Мать тоже была артисткой. И еще художником-любителем — возможно, в нее пошел старший внук Юра. В родительском доме часто бывали Николай Чернасов, Юрий Толубеев, Галина

Уланова, Юрий Тимошенко и Ефим Березин (Тарапуньна и Штепель) и еще много замечательных артистов, режиссеров, композиторов.

В такой семье, в таком окружении и формировался характер Марины, ее отношение к жизни, людям, искусству.

— Маша и в обыденной жизни такая же, — говорит Семен. — Она упорно верит в лучшее. Открыто, недежурно относится абсолютно к каждому человеку. Я — не к каждому. И вообще к жизни отношусь совсем не романтично, скорее иронично. Часто удивляюсь, как терпеливо и стойко Маша — как и другие наши женщины — переносит все, что происходит в нашей действительности. Настоящий стоик — не понимаю, как это сочетается с такой романтичностью, неисправимой верой в добро. Но, видимо, именно эти качества буквально магнитом притягивают к Маше молодежь. Не она от молодых актеров, а молодые от нее постоянно подпитываются, заряжаются энергией, оптимизмом, любовью к профессии.

Тем не менее знаменитый отец Марины не просто возражал против будущей профессии дочери — он всячески этому препятствовал. Даже, воспользовавшись положением, обзвонил театральные вузы с просьбой Марину не принимать. Мотивировка: с ее непробивным характером она, конечно же, не сможет добиться результатов, достойных ее способностей. Помогать же дочери своим авторитетом он считал недостойным и нечестным. И три года Марина отработала на конвейере в производственном объединении "Светлана", в три смены... Но потом все-таки пошла в театральное...

За ее плечами несколько кино- и телефильмов с заметными ролями: "Табачный капитан", "Успех", "Вам что, наша власть не нравится?", "Финтивный брак", "Попугай, говорящий на идиш"... В телесериале "Михайло Ломоносов" Марина сыграла императрицу Анну Иоанновну. И все же... Дело не в том, что не предложена та роль, в которой запомнят все и навсегда, как это случилось с Семеном. Ей нужна не популярность, увы, преходящая и по большому счету не приносящая истинного счастья, но не хватает соответствующих ее дарованию ролей.

Однако парадокс в том, что почти столь же болезненно ощущает ту же проблему не востребова- ности и вроде бы гораздо более благополучный, обласканный знаменитыми режиссерами, известный и популярный Семен Фарада.

— Наши замечательные кино- режиссеры безжалостно и односто- ронне эксплуатируют его как номинанта, — огорчается Марина, — в то время как у него потрясающий тра- гиномический дар. Ведь Любимов не случайно взял его в труппу: яркая индивидуальность, глубокое и своеобразное ощущение мира, изумительное чувство юмора! Он и меня этим покорила с первой встречи.

Переживают свою недовостре- бованность каждый по-своему. Семен — исходя иронией, разме- ниваясь на рекламу, периодически погружаясь в болезненную хандру. Марина — стоически неся свой крест, не жалуясь.

Однако все это отнюдь не озна- чает смирения. С актером и режис- сером Николаем Новиновым Мари- на Полицеймако создали свой ма- ленький театр-дуэт. Первый спек- такль по пьесе Е. Греминой "За зер-

калом" играли: Николай — юного, рано умершего при загадочных об- стоятельствах фаворита Екатери- ны II Сашеньку Ланского, Мари- на — великую императрицу. Теперь на сцене театра "Вернисаж" можно увидеть их новый спектакль-дуэт "Легенда об Анне и Людвиге" по пьесе Александра Мишарина. И уже задумана новая постановка. Артисты сами себе режиссеры, ху- дожники, декораторы, музыкаль- ные оформители; слава Богу, за символическую плату помогают ко- стюмеры и осветители, друзья и единомышленники.

— Ну, а сын в кого?

— Он Полицеймако, в мать и деда! И фамилию их носит! — Се- мен Львович не может скрыть ра- достного восхищения. — Он дос- тойный продолжатель антерской династии. В нем ярко видны на- следственные качества: это не- обыкновенно работоспособный, беспокойный, ищущий и несом- ненно одаренный человек, в его годы уже заметная личность. И в то же время он современен, в от- личие от нас, родителей, умеет себя предлагать, показать. Много работает на радио, телевидении, в антрепризе, несколько излиш- не, с моей точки зрения, форси- руя процесс самоутверждения. И я, и тем более Маша такими ни- когда не были: не мы — нас долж- ны были искать и приглашать.

Ольга, жена Михаила Поли- цеймако, его фамилию не взяла, самоутверждается под собствен- ной: Лысан. Познакомились моло- дые люди в ГИТИСе, учились на одном курсе у педагога Александр- а Бородина. Что же — любовь с первого взгляда?

— Представьте себе, нет, — разочаровывает Оля. — Сначала

друг друга и не заметили. Я обратила внимание на Мишу, когда мы стали работать над этюдами. Вот тогда, еще толком не зная, кто он, из какой семьи, сразу поняла, что передо мной самый умный и добрый человек из всего моего окружения. И в этот дом я впервые пришла, совсем не представляя, к кому иду. Тогда в Москве был путч, и Миша предложил переждать тревожное время у него дома. Запомнилось, что Марина Витальевна первым делом заставила меня позвонить родным в Челябинск, успокоить, что я жива...

За годы, что здесь обитает молодая актерская семья, квартира заметно преобразилась. Марина не без гордости говорит, что все бытовые перемены — старания молодого поколения.

— Да, в домашних переустройствах у каждого из нас своя роль, — весело подтверждает Михаил, — Я — реформатор, Оля — дизайнер, мама — исполнитель, а отец — наблюдатель.

— Ну не только! — похоже, не слишком шутливо возмущается

явно задетый Семен Львович. — Я вижу свои обязанности в семейной финансовой стабилизации. Мужчины у нас добытчики. А вот домашнее хозяйство по старинке на плечах прекрасной половины человечества. Я, снажем, могу себе позволить захандрить, проигнорировать какое-то важное дело, а Маша — никогда. Как и все наши женщины, независимо от материального положения. Она тянет на себе двойной, если не тройной воз. Вообще мне стыдно за нас, мужчин. Мы погрязли в эгоизме, политике, демагогии и только на словах благодарны женщинам, на которых, кроме их и без того нелегкой ноши, взвалили еще и чисто мужские

проблемы. На себя у них зачастую уже нет ни сил, ни времени.

Такие печальные размышления могут быть неожиданными для тех, кто знаком с Семеном Фарадой лишь по его замечательным киноработам. И вовсе не удивят тех, кто видел его в театре в булгановском "Мастере и Маргарите" и спектакле по И. Бабелю. Не случайно его самый любимый артист — тоже трагикомик: Чарли Чаплин.

— Наверное, десятки раз видел каждый его фильм, но до сих пор не могу смотреть без слез или смеха, — говорит Фарада. — Вот

недавно пошел в Дом

Ханжонкова на ретроспективу чаплинских работ. Я так хотел, что

нынешняя

ничему не удивляющая

публика

выразила

недовольство моим поведением. Адми-

нистрации

неудобно было вывести меня из зала — и они отсадили меня в отдельную лужу... Так вот именно Чаплин, великий комик, неповторимо ярко и глубоко показал трагедию человека! А сейчас, при виде большинства развлекательных программ, особенно телевизионных, все чаще ловлю себя на мысли, что наше общество деградирует в понимании того, что смешно, что грустно, а что пошло.

Все это печально и горько.

Окончательно не извериться и не разочароваться мне опять же помогает Маша, которая выше случая, выше любого кризиса. Что бы

вокруг ни происходило, как бы ни было тяжело, она несет свою ношу с величайшим достоинством. И

театр — не просто ее профессия, работа, театр — ее жизнь, состояние души. При любых невзгодах и

нездоровье она на сцене, как птица Феникс, рождается заново. И

это дает силы жить, веру и надежду многим людям. Разумеется, и

нам, нашей семье.

■

Беседовала

Эдда ЗАБАВСКИХ.

В ВАГОНАХ С

Владимир ВИНОГРАДОВ

Вагон первый

Не успел паровозик узкоколейки, дерзко свистя и набирая прыть, раскатать вагон, в котором мы везли Волкова, как начальное молчание взорвала оглушительная песня.

“Ма-ма, я до-октара люблю-ю! Ма-ма, за до-октара пойду! Доктар дела-аит а-аборты, па-асылаит на-а курорты. Вот за что я доктара люблю-ю!” — орали в десятки глоток бабы и девки и, казалось, не валкий ход мчавшегося поезда расшатывал сидячий, без перегоронок, набитый до отказа, жестко-скрипучий вагон, а сам объединенный крик из женских грудей, освобожденных пока что для песен. И я подумал о лихой женской неуправляемости. Беда тем, кто не улавливает ритма их дыхания, не различает тональности смеха, кто принимает женские слезы за водичку из неприкрученного крана. Сведешь любимую татуировку с тела, но попробуй излечить мстительные ожоги на сердце от жгучих брызг из злых глаз.

С дальней скамьи угрюмились недобрые парни, едва перешагнувшие совершеннолетие. Они не отзывались на песню и близость разгоряченных, пахучих женских тел, на сообщество с ними. Резкая смена реальности в их жизни только начала пошевеливать винты и шурупы в застывшей мозговой смазке, и они изредка роняли из сомкнутых ртов междометия, воробьиноподобные звуки в один-два слога и кривые усмешки.

“Ма-ма, я летчика люблю-ю! — снова затянула синеглазая запевала лет двадцати со светло-русым растрепом по плечам и золотистыми веснушками на миловидной, бледной мордашке без подкраса. Оскалив белозубый рот, будто развалилась в кресле стоматолога, хотя явно не знала пломб, деваха честно призналась мамаше, что теперь “любит” летчика, который, не в пример ковыряльщику, “высоко летает и много денег получает”.

В черном распахе грубой телогрейки контрастно смотрелась нежная, белая, под лебединый пух, шея, оголенная от тонкого горла с голубой жилкой до ключиц и “таинственной” впадинки, едва прикрытой чистой рубашкой с самодельным бантиком. Девственно не тронутая грубыми лапами и нещадящими поцелуями, сама шея опровергала фальшь забубенной песни, а там, откуда следовала девушка в сборище товаров, не водилось названных героев и вольного разгула с любовным обменом. Зато навалом — скверны, грязи, грубости, извращенной похоти и цинизма.

СЕРБА

В наборе мечтательных любовей нам, сыщикам из МУРа, поихнему — легавым, — уж точно не нашлось места, подумал я, обозревая “а капеллу”. Я один сидел лицом ко всем пассажирам на угловой скамье у выхода, чтобы предупредить возможность внезапного нападения. Состав вез амнистированных, в трех других вагонах мотало мужиков. Хорошо, что вагоны не соединились переходами, но и конвоя не предусмотрели. Везли ведь как бы перерожденных.

Напротив — капитан милиции Ермаков и старший лейтенант Рыжов. Ребята хорошие и надежные. Старлей глубоко втянул в левый рукав черной кожанки руку с браслетом наручников, которыми приковал к себе правую зэка Волкова, и, как бы досыпая, привалился к окну. Волкову приказали упрятать и свою, сидеть тихо и не дергаться. “Если что, тебе будет первая. Понял?” — заботливо и весело предупредил Рыжов. Зэк успел отмотать от “червонца” пятерик и, естественно, понял.

Специалист по сейфам, Волков пошел навстречу разосланному по колониям призыву Московского уголовного розыска: “очиститься от нераскрытых преступлений, тем самым очистить и собственную совесть”. А при отказе светила новая посадка с добавкой срока. “Вор в законе” Волков по кличке Вольф ухватился за обещание: за содействие смягчить режим наказания и зачесть прежние преступления без “довеска”, но мог воспользоваться и необременительной командировкой в пристойных условиях. Для новых встреч по дороге в КПЗ на Петровке, в столичном СИЗО, на обратном этапе. Все не скука и — куча новостей. Однако Волков сразу усек, что попал не к фраерам. Достанут. И решил присматриваться и кумекать. Но если ему надоело жить и приспичило выйти в герои всех “зон” в России, то может заблажить и устроить знатный хипеж. Амнистированные мужики могли поддержать, но страшнее — бабье. С истошными воплями, яростью истерик и ногтями — все пустят в ход. А в ответ — стрелять?

На три ствола по восемь патронов. Столько же в запасных обоймах — смертоубийственный арсенал. Для самоуспокоения. А пусти в ход — трибунал! Смерть блажного, везомого под стражей, зачтут как норму, но остальные трупы? Особенно женщин и сопляков с заднего ряда — всех положат на нас. Неразумных, халатных, не обеспечивших.

Ермаков прикрывал левый бок все чувшего долговязого и жилистого Волкова. Что роилось в его башке? Внешне без напряжения, но и не расслаблен — по цепочке наручников биотоком доходило до Рыжова. Может, больше нас опасался бабьего взрыва и первой пули. Хорошо, что пели, не шептались, а плясать пойдут? В освобожденном трансе любую русскую пляску не остановить. “Почему нельзя? За что? Или нам век свободы не видать?” И закрутится вихрь, почище половецкой, всех заведет, ослепит, раскидает... Зря к бабью посадили.

Капитан поглядывал в окно на живопись в высокой раме, наполовину из яркой сини осеннего неба. С редкими облачками, скорей к снежку, чем к дождю. А понизу не уходила из обзора рыжая равнина, в кочках, под пятнами и лохматыми вихрами осоки, будто бесчисленные головы из бараков, где месяцами волянили свои цирюльники. Кусты и кустишки предзимней раскраски. Зелено-бурой, огненно-желтой, малиново-красной. Лужи и лужицы — осколки с неба, побитого кем-то очень злым на него. Оттого и белые облачка походили на клочки ваты, которой заткнул дыры в сини кто-то очень добрый. Разнопородные, скособоченные деревца, подрубленные, переломанные теми же злыднями. А те, что оставались доживать или догнивать, тянули вверх ручки с редкими листочками, словно записки с жалобами, в тщетной надежде исправить искривленную жизнь свою, здешних людей и всего края.

— Тимофеич, — прилепил я к Ермакову отчество легендарного казака, — ты сам-то родом не из этой благодати? — И кивнул на рыжую масть за окном, схожую с ермаковской. Глаза капитана — из тех же осколков. — Не в здешней капусте нашла тебя мама?

“Тимофеич” блеснул на меня правым оком, будто дульным срезом, и тихо помянул мать. Не свою. Рыжов хохотнул.

— Не трогай его, Володя. Ему бы сейчас “калгановой”. Ты почти трезвенник, где тебе понять человека.

На слова старлея Волков отреагировал улыбкой. “А капелла” перешла на “Горькую рябину”. Обстановка, похоже, разряжалась. После трех бутылок “московской особой”, из дома, остальной путь заливала настойка со станций ОРСы железных дорог, готовясь к встрече дорогих амнистированных, навезли побольше, но похуже. Буфетчицы отвечали внаглую: “Иначе чем поить братву? Все разнесут!” На болотах рос именно калган, из семейства розоцветных. Эта дрянь и розоватым цветом, и запахом походила на свекольный самогон, который гнали на войне.

Ермаков остро нуждался в похмелке. К сытному завтраку в офицерской столовой колонии из суточного борща, битков “повертухайски”, как назвал блюдо Рыжов, и кружелей желудевого кофе, не догадались поднести стопарики. “А ведь, небось, пронесят в зону”, — сказал я, и мученик изрек убежденно: “Пронесят”.

Офицеры колонии довели нас на “козле” до узкоколейки. Потом в вагон ворвалась галдящая женская толпа. А на магистральной станции бабы вместе с мужиками рассыпались, будто по кустам. Словно колонна, на которую махнул конвой.

Вагон второй

Подкатил скорый, “Северное сияние” или “Полярная звезда”, не помню. За пару минут поднялись в купейный, но внутри — осеклись. Нам требовалось отдельное, только крайнее купе, и около проводников. Чтобы не водить зэка в туалет по всему кори-

дору и иметь связь с начальником поезда, через него с линейной милицией. Но пассажиры заняли все купе по трое, по двое. Пили, жевали, спали, болтали, кадрилились. Обжились. В дороге свои отношения. В уюте под стук колес особая потягуня к выпивке и закуске, мимолетным знакомствам, воспоминаниям, откровению с чужими. Скоротечная любовная романтика без обременительных последствий.

Переговоры об одном купе на нас четверых зашли в тупик. Проводница заявила: "Я не вправе заставить. Они на местах согласно билетам".

— Но и ты, Рыжов, купил в Москве согласно...

— У вас — по двое в разных.

— Куда смотрел?! — рыкнул капитан.

— Но в соседнем купе есть наши места? — прорезался подконвойный, как бы претендуя на свое. Женщина поджала губы. — Тогда одевайте мне оба браслета.

— Зачем?

— Сейчас поймете.

Капитан снял с Рыжова его долю стального металла и навесил на Волкова. Тот со звоном и стуком откатил дверь к соседям и, вытянув кулаки с блестящими наручниками, вперся...

Теплейшая компания из четверки мужчин и смазливой брюнетки, прильнувшая к разноцветной снеди и воткнутому в центр коньяку "Двин", разом обернулась, словно куры с насеста, вылупила буркалы и подавилась весельем. Кранты балдежу! Финал из "Ревизора".

— Кто здесь временные, встать! И с вещами на выход! — рявкнул Саня Волков вертухаям, и мужчинка, толстый, круглый, стриженный под кокос, выполз из-за стола, будто из-под камня. Его черный, горбоносый сосед приподнялся. Дамочка у окна, погасив яркие угольки на личике, прижала к малиновому рту ладошку в перстеньках.

— Вы, мадам, остаетесь под мою личную охрану. — Она дико завизжала. Волков, стряхнув галантность, прикрикнул:

— Ша, мокрохвостка! — Надолго обеспечив ее покорность. Двое мужчин выкатились. — А тебе, бревно, вторую телеграмму? — к явному хозяину купе в синем спортивном костюме. — Прилип к балеринке почтовой маркой — рупь сорок. Ждешь штемпеля? Или она твоя внучка?

— Я... я согласно купленному, — посерел тот губами до цвета недельных котлет. — Признание озадачило Волкова на секунду. Крикнул: — Мамаля, этому другу падших девочек обеспечьте лучшее место. Ближе к галюну. Ему плохо. Вылазь, кореш, и не забудь свой сидор. Чей "Двин"? Абрека? Пошлем на экспертизу. Капитан, вам, должно быть, известна новая мода — травить попутчиков снотворным. Усыпят — и нет кассы! А вы — юная, доверчивая, снасилничать могут. Ишь, четверо на одну! Харчи тоже подозрительно недешевые... Как же, тетя, вышло, что на на-

ших законных местах оказались посторонние личности? Начальника! Быстро! — Тетка пошла мелкой дрожью, будто жидкость в полном стакане, когда поезд мельтешит. — Крохоборы! Бороться сил не хватает.

— Ладно, — сказал я, локализуя ситуацию и меняя гнев на милость. — Всем чай, да не жидок. Один — до чифиря. Рецепт в уме? И девушке найдите место. Не у сортира.

Помилованная проводница сорвалась исполнять. Девушка пискнула некормленной кошечкой:

— А мне можно выйти? — Хотя Саня присел деликатно.

— Если мы в тягость, — ответил Волков. — Или они вас сняли из тамбура?

— У меня билет в это купе! — возмутилась девица.

— Отчего тогда град нервных вопросов? Будьте как дома при желанных гостях. Подполковник, — произвел он меня из лейтенантов, — лично проводит и устроит.

Юная леди подбросила мне взгляд, как большие звезды на погоны.

— Меня Лилиан зовут.

— Меня — Лаврентий Павлович, — представился Волков, — не обессудьте. Подполковника — Владимир. Простой и доступный, как и я. Капитан — Ермак Тимофеич. Назван отцом в пику Кучуму. А старлея — в честь “железного Феликса”, проще — Феля.

— Ты что несешь? — не понял юмор Рыжов.

— Прости, Феля. Мадам, он из тамбовских. Чистая антоновка. Имя известного гуманиста ему поперек горла.

— А почему на вас, Лаврентий Павлович, одеты эти... И вообще... — Вытянув губки, повела глазами по его серо-черному одеянию — от шапки из некрашеного кроля, отстрелянного, небось, еще в 37-ом, до кирзовых сапог, но с фасонистыми отворотами и ушками.

— А вы приметливы, милая. Если имели в виду кандалы, то они исторического значения. В омской крытке сам Достоевский носил. Читали “Записки из Мертвого дома”? Жаль. Везем в музей. И носим поочередно, чтобы не утратить. Взгляните на левое запястье у Фели. След, как у Федора Михайловича. “Преступление и наказание”, думаю, читали? Прекрасно! Но мало читать. Каждому стоит пройти через это.

— У нас с Лавриком по этому вопросу большой спор, — вступил я. — Уж очень сильны убеждения у коллеги. Хочет страдать. Русская искаженная натура!

— Не надо, Володя! Страдания очищают...

— Сейфы, — брякнул и хохотнул Рыжов.

— Что с них взять, Лиля. Между прочим, очень интересуются моим рефератом “От наказания к преступлениям”. Закрытым наглухо.

— Как интересно! — воскликнула Лиля.

— Да, через очищение. Володя ждет - не дожидется полной рукописи. — Волков присоединился к смеху Рыжова. — Мои друзья не шибко уважают классику, их к детективам тянет, — и шепнул ей: — Сблизимся, Лиличка, расширю ваш кругозор. А шмотье на мне — маскировка. По причине особого задания. Вон, у ребят, “дуры” с собой, ну, пистолеты. Что дрожишь, как колибри? У меня самого мандраж. Но от нежной страсти. Век свободы не видать! А ты, как Красная шапочка у Серого волка: “Почему у тебя зубки такие, бабушка?”

Вольф поливал, плел кружева. “Оставь вдвоем — обесточит девку”. Впрочем, обычный поездной кадрез. Саня взял граненый стакан.

— Рванем, Лилиан, для храбрости! Твой бокал? — Поставил перед ней и вытянул из гастрономического букета — копченая колбаска, сыр, грудинка, икра, крутые яйца, соленые огурчики — бутылку с напитком цвета мореного дуба. Откупоренная, но не початая. Налил пальца на три. — Пригуби. Но — до дна! За нашу суровую службу. “За нашу и вашу свободу!”

— А почему не налили себе? И остальным? — Молодая женщина красиво играла “бокалом” в холеной ручке.

— Лично я завязал. Лет с пяток назад. Подполковник подтвердит. — “Да-да”, — кивнул я. — И вы, капитан, не тянитесь к бутылке, юнцам подавая не лучший пример... Мои боевые соратники, Лиля, члены общества периодической трезвости. Ничего крепче минеральной, к примеру, “калгановой”. Вот ротмистр, перебрал и мается. — Рыжов опять заржал. Ермаков отвернулся и сплюнул. Лилиан слепила длинные ресницы и очаровательно высадила тройную порцию. Пошарила глазами по блюдечкам.

— Коньяк! — содрогнулся Саня, будто хватанул бокал денатурата. — И огурцом? Я при входе в наш бар заметил лимон. Ну, суки позорные, слиняли и уперли! Тогда вместо витамина — конфетку. Битте, как говорят в Гейдельберге. Мы, когда страивались, одним леденцом обходились.

— Почему леденцом и одним? — подняла бровки.

— Валюту берегли. А леденец грызть — соседей разбудишь. И надолго хватает.

— Как интересно!

— У нас все занимательно. Мы — коренные москвичи, но оксфорд не кончали. А университеты прошли почище пешковских. Вы, Лиличка, нетронутый лист белой бумаги, а мы... Я вот в числе прочих языков, могли заметить, по фене ботаю. Сленг. Откуда, спросит Красная шапочка. В Лос-Анджелесе наблатыкался ребенком, когда у деда, эмигранта, царского генерала, гостевал. Пахан вместо “Артека” направил. Пляжи, кинозвезды, казино, негры, в натуре, в буру режутся. Худой пример мальчонке? Охранника ко мне приставил, чтоб не сперли для выкупа. Киднеппинг. С той поры я полицаев ох, как люблю! — покосился на Ермакова.

Вольф имел семь классов с коридорами и кончал сейфы в плохо охраняемых конторах. Был довольно начитан, но обычно не балаболит, хотя имел язык острее финяря. Здесь разговорилась ситуация, "добрая компания" и особенно "линда". Пускай. С разговорчивым легче. Контакты не за документы, за язык цепляют.

— А ты кушай. Трофейное. Но — в борьбе роковой. — Она засмеялась. — Еще буль-буль? Самую буленьку.

— А себе? А им? — бормотала Лиля.

— Я же пояснил: они в начальном периоде трезвости. Выпей за маму. Сколько тебе? Семнадцать? Двадцать семь? Не зря капитан на меня волком зырит — малолетку спаиваю. Прими на грудь. Вон какая! — Лиличка невольно прикрыла ручкой высокую и, не ошибусь, упругую грудь, и приняла.

— Я словно в тумане, полузабытьи, круговороте.

— Вы, Лилиан, одна за четырех мужиков стараетесь. Но чем жлобам вонючим оставлять, лучше я этот пузырь о свою дыню грохну. Еще чуток? Тогда разбей бокал, в нем нет вина!

Вошла проводница с чаем, кофейно-красным, четыре стакана. Перед Саней участливо поставила деготь. "Икебана!" — воскликнул он, отхлебнув чифиря. Разобрали стаканы, хрустели обертками сахара, печенье, вафель.

— Хватать на халыва, девочка, не наш закон, — произнес веско Волков. — "Двинчок", не ошибусь, бамбук со шиобелем выставил. Кавказцы — известные шмарагоны... Позвольте я вам своих корешей представлю. Сам Самыч — капитан Грум-Гржимайло. Владимир — войсковой старшина из терских казаков. В чекистском кожгане — поручик Голицын. И — ваш неотъемлемый телохранитель. Повторите по складам. Приятно слышать и мечтать... Корнет Оболенский! — Он вскочил, как пружинный стилет, шлепнул ладонью о бобрин, шмякнул пяткой о пятку кирзой. Ее высоко поднятые брови, словно вороны, схватили оторопевшую добычу — глаза.

— Ничего странного, — сказал Саня. — Сочетание судеб. Света прямых потомков. В любой районной библиотеке потребуйте "Бархатную книгу" и убедитесь. Звания, признаюсь, переименовал. Из ностальгии. Тайная слабость. От деда. Воззрились на мои персты с синими знаками? Был в плену вымирающего племени. Подробности у Миклухи-Маклая.

Саня впал в грусть.

— Сам Самыч, господин ротмистр, развяжите пятилетний узел. Грудь ломит, суставы скрипят, смазки требуют. Сердца не слышу.

— Перемаешься, корнет, — буркнул ротмистр.

— Не один ты страдаешь, — добавил, хохотнув, поручик.

— Спасибо, сэры, ободрили. Эх, Лилиан, тоскую по малиновому звону серебряных шпор. Дед обещал отдать свои, конногвардейские. Техасский ковбой! А мне — не малиновый звон, так хотя бы в малину... Служба!

— Лаврик! Господи! Я сама так люблю эту ягоду — малину.

— Как много общего! По лицу, чудному, вижу: из дворянок. Зарайского уезда. Одна из твоих бабок точно закончила ПТУ для благородных девиц. Не отрицай. Здесь все свои, столбовые. Больно за Россию. Немедленно — по одной за матушку! — Налил в два стакана, но из своего перелил в ее “бокал”. — Выпьешь за меня, декабристка! Вылитая француженка Полина. Та в АкатуйЛаг за мужем пошла. Ты не на Кузнецком мосту по торговой части? В Малаховке. С барахлом? То есть замужем. В разводе? Умница! Все предусмотрела. Ротмистр, своей властью объявляй помолвку. И — свадьбу. В Малиновке. Пьем, суженая, за первую брачную ночь. До дна! Сам Самыч, ты же не феодал, не отнимешь первую? Господа офицеры, где же ваше “горько”?

Подавляя смех, ротмистр дышал, как при икоте, сшибая ее. Багровый поручик, держась за живот, выполз в коридор. Войсковой старшина мешал смех с жалостью к дурочке, познающей “счастье трудных дорог”. Она поправляла нетвердой лапкой растреп прически, плавала мокрым черносливом в частоколе ресниц и падала на надежное плечо корнета. Что-то возжигалось в его мозгу. Больше, чем от похоти оголодавшего самца. Надрывный, недобрый юмор приобретал оттенки, не свойственные блатарю. В его перехваченных мною взглядах отражалось что-то похожее на сочувствие. И осаждалось на жестких губах, умягчая складки. Испортила “песню” проводница.

— Девушка, место для вас готово. Пятое купе, нижняя полка.

Лиля заколебалась, ища согласия у Сани. Волков очнулся от думы в обиженной трезвяком башке:

— Может, оставим юную леди, господин капитан. Ну, куда она на ночь глядя?

— Оставьте трепотню, Оболенский!

— Маманя, снесь изымите из обращения в свою пользу. Бутыл не троньте. — И запел: — Прощай, любовь, завяли хризантэ-эмы, гаа-алоши жмут и-инам не па-апути... И-итак всю жисть при-ибой, атбой с ка-анца-ми и вы-ыхади с вещами под канвой!... Статъя и сро-ок, конец, на-ача-ало, мотай ма-ачало-оло да фи-ина-ла, финала-а жизни-и ракавой! Позвольте, ротмистр, набулькать гостье на посошок? Святой обычай джентльменов.

— Хватит! — рывкнул капитан, а Лиля, мотая всклокоченной головкой, прижала бутылку, в которой плескалось не более трети, все к той же великолепной груди и прокричала: “Хамам ни-зачто!” И, уцепившись за Саню, свесилась к полу, будто к глади пруда, поглотившей кого-то очень близкого ей, и закрутила сосуд. Глядя на вытекающие остатки пахуче-меняющей жидкости, Ермаков схватился за голову. Рыжов догадался:

— Дала призыв играть в поцелуи.

Лиля отозвалась. Как анаконда дрессировщика крепко обвилась вокруг Сани, щедро мажа несъеденной помадой его суровые щеки. На миг оторвалась и, сжигая раскаленными углями, впи-

лась уже очищенным ртом в его стальные губы. Крутой поцелуй длился так долго, что я испугался: не привезем ли в МУР задушенный труп? Лиля резко отбросила жертву любви роковой и обольстительно переползла на другую — Ермакова. И обессиленно зависла.

Нет, в нем было что-то от Грума. Он бережно снял то, что ему досталось как “Сам Самычу”, горячее и упругое, но повядшее, и передал Рыжову. Тот принял сонную и уложил на мою полку, опустив ее головку мне на колени. “Спасибо за подарок”, — сказал я.

— Малость соснет и проводим. Есть возражения?

Не принявший ни капли Саня виделся пьяным вдрызг. Очнувшись, вскричал: “Пристегните меня к скобе!” — “Успеется”, — пообещал Ермаков. Тогда зэк выдал заезженную сентенцию: “Нет в жизни счастья”. И подчеркнул: “Так пишут не в ваших отчетах, а на телах. Моих, не ваших однополчан”.

Спустя час, не более, Лилиан вышла из хмельного сна, похлопала ресницами, потянулась сладко и улыбулась. Села, подтянув колени к подбородку. Прозрачный нейлон под зеленой юбкой показал длину неплохих ног. Саня отвернулся. Посчитал своей и не хотел делить ни с кем. Лиля опустила ноги на пол, не прикрыв колени, отняла от окна сумку и вынула причиндалы для макияжа. Стала расчесывать волосы сильными взмахами. Они блестели и переливались. От мямли, позволившей себя напоить, ничего не осталось. Столкнись Вольф с ней опять, кто и в чьих руках окажется? Накрасила губы, подчеркнув карандашом четкую рамку и отказ от любых поцелуев, подзагнула ресницы. Я почувствовал, что подпадаю под ее обаяние. Саня мог настоять, чтобы его не только пристегнули “кандалами” к скобе, но и не мешали повеситься на ней.

Девушка щелкнула замком, заправила белую кофточку в юбку, встала, огладив бедра. Готовая в поход и оказавшись высокой и стройной. И прервала немую сцену, не менее выразительную, чем та, когда мы вперлись в ее законное купе.

— Прощайте, корнет.

— Прощайте, Лилиан, — ответил охрипшим голосом “Оболенский”. Сантименты проявляют воры-салаги. У таких, как Вольф, остается только жестокость.

Она все же ступала не совсем твердо. Мотал и скорый. Но ей шло. Не нарочито поигрывала бедрами. Было на что посмотреть тому, кто нес следом чемодан. Она перекинула через руку кофту и пальто. В пятом купе прежних попутчиков не оказалось. Она сказала: “Хорошо”. Потом быстро написала на бумажке свое имя и телефон. “Передайте ему, пожалуйста”. Я пообещал и пожал тонкую холодную руку.

Утром у разносчицы Рыжов принимал огненные, стальные чаши с солянкой. Ермаков громоздил хлебные ломти, звенел ложками. “Четыре... Три”, — отрезал Волков.

— Ясненько, — произнес я. — Его блатное благородие не желает делить хлеб-соль с ментами.

— Объявляем голодник, — заключил Рыжов.

Солянка искушала ароматом, рвала ноздри, гнала слюну, поджимала желудки. Мысли вертелись вокруг жратвы, как пчелы над вареньем, но одна прорвалась извне.

“Отчего Лилиан простилась с одним Саней? Знала же, что все — до Москвы. В одном вагоне не раз еще встретимся. Но — не с Саней. Поняла, что дверь в наше купе будет заперта, как в камере? Из выложенной ей лапши не сглотнула ни единой лапшинки. Тогда кто она? И кто мы со своим шутком гороховым? Чертова девка! Не грош ей цена на нашем базаре”. Мое открытие оборвал Ермаков:

— Ладно, змей, на Петровке я сварганю тебе не такое блюдо.

— Нет уж, жрать или поститься, как любить и ненавидеть, личное дело каждого, — вмешался я. — Сам с ним разберусь. За тем и послан. С его рефлексами, обычаями, делами. А ты, друган, не вероти нос от хлеба насущного. Бог посылает.

— Не привык, но уступаю... Можно я своей черпалкой? Этими только по стенкам скрести. — Волков достал из мешка деревянную ложку, не крашеную, но вырезанную лагерным умельцем объемно и красиво. Отчерпав с половину, стер пот со лба и, сквозь общие всхлипы и всхлюпы, отметил: — Давно такого супца не едал. Густота. Сметанка.

— Какая густота? Ни маслин, ни почек. Колбаса и огурцы с картошкой.

— Ты, Владимир, невезучий, — отвалил на передых от хлебовой гонки Рыжов. — Мне вторая маслинка попалась, а через почки что протекает? За солянкой Саню бы послать. Хамье опять лимон сперло.

— За добавкой? Готов! — Мы засмеялись. Ермаков сказал веско:

— Саня ту дармовую снедь ни в жисть бы не взял. Да, Волков, готовься к большему. У нас ваши делишки потоком текут, а у вас, преступивших, они как метки судьбы. Не наколки: “Они устали” или “Не забуду мать родную”. Пора, в самом деле, почувствовать усталость от дерьма и матерей пожалеть. Твоя, справлялись, жива, работает и ждет дорогого сыночка, — Волков поднял голову. — Дадим свидание. По-человечески. Успокой ее. Впрочем, дело твое.

— Не колонешься до конца, — вставил я, — все равно дадим, но не тебе, матери. Все обмозгуй. Двадцать пятый распечатал, не малолетка. И чужие висяки не снимай. Западло. А вы, столбовые друганы, Ивану Грозному скажите, как увидите, — так мы называли начальника МУРа, — чтобы Саню никому другому не передавал... Двое суток подождешь. Кимарь, не скучай. А мне вечером сходить. В колонии неподалеку, в “особняке”, один “матрасный” насчет мокрянки что-то вспомнил. Отпетые в разум входят. И в Вологде остановка, допрос в СИЗО.

— Откуда это в вас, начальник, феня задержалась? Все хотел спросить.

— Грехи молодости, Санек. Кое с кем по спортивному бревну в обнимку гулял. — Ребята засмеялись.

— И ни разу не споткнулись?

— Спотыкался, но балансировал. Видишь — не ты меня, а я тебя везу. — Опять засмеялись. — Не везуха, Саня, а призвание и тормоза.

Рыжов швырнул ложку в судок от досады, что солянке “абзац”, и за меня:

— Начальство ну никак не может уважить чистой командировочкой, без всяких нагрузок.

Через сутки, уже после Вологды, в поезде под тем же номером, судьба подготовила мне новых знакомых. С общением не казенным, житейским, пускай с озорством, но и с дружелюбием. Не нарочитым, с человеческими чувствами и пониманием.

Вагон третий

Поезда с востока на запад, с севера на юг везли не живых людей, а марионеток, восковые фигуры, нелепые манекены. Одни дергались в броуновом движении, спонтанно ломая направления, другие оплывали до неузнаваемости, иные омертвели в страхе и беспомощности. Стихия пира, неуправляемых эмоций, жестоких страстей. Торжество безрассудной вседозволенности и неминуемой расплаты. И все — вне контроля.

Амнистия — слепая надежда и жуткая неизвестность. Легкость прощения и сладость свободы. Ласковые встречи и открытие измен. Соединение семей и сведение счетов. Расплата за долги, пустой поиск работы и отказ в прописке. Многие могли сказать: да будь она проклята!

Казалось, в серо-черных дымках из паровозов клубилось, растекаясь по окрестностям, собранное дыхание всех, а искры высекали окаменевшие сердца. В затаившихся городках, поселках, селах, полустанках, мимо которых проползали змееподобные составы с огоньками-глазками по всему телу, люди крестились и шептали: “Спаси и пронеси!” Эти Богом спасаемые поселения испокон веку не щедро, по-городскому, но сами поставляли несчастных. Вернется — хорошо, затеряется — на то воля Господня. Оттого не приманивали маячками ламп в долгие предзимние ночи.

По оперативной привычке — прикрыть тыл — я не пошел в глубь плацкартного вагона, а присел с краю первой же боковой полки. Обвел взглядом пассажиров отсека и получил кое-какой обзор прохода. И пожалел, что не предъявил проводнице муровскую книжечку, не воткнулся в ее двухместное купе. Крупным планом и в отдалении картина удручала. Когда-то художник Ярошенко написал полотно “Всюду жизнь”. Эту мог принять за жизнь только беглец из ада. Я чудом не упал, проскользив по густой луже из бормотухи и крови. Осколки зеленой “бомбы” зубри-

лись из этого желе, символа эпохи. О табачное марево поломал лучи юпитер из "Мосфильма". Из тумана лыбились морды, похожие на противогазы. Мои новые попутчики.

Большая часть публики состояла из "мужиков"-зэков, не принятых воровской средой. К ним эта кодла отвалила бригадиров, нарядчиков, хлеборезов, кухню, прочих придурков и расконвоированных. Сбитая каста держала мазу наглостью и беспощадностью. Первых перевернула, как песочные часы, и прикладывала. Одного блатари припечатали до кровящи. Хорошо, если не прихлопнули совсем. Выяснил в процессе обмена любезностями.

На амнистию навалился дембель. С Мурмана, Архангела, Северодвинска, Воркуты, морских баз, плавсостава, "зеленых" частей. Превосходили всех морячки Северного флота. Расхристанностью, разнузданностью, громкостью и пьянством. То и дело проносились в кабак на колесах, возвращаясь более нетрезвыми и неся в руках, карманах, под мышками вино и пиво. Их десанты штурмовали буфеты на "банах", превосходя отвагой храбрых отцов и дедов последней войны. Пассажирам, купившим билеты в плацкартные, еще лучше, общие вагоны — притоны, братва протягивала десятки клешней и помогала влезать и втаскивать узлы и чемоданы. А уж потом определяли счастливицам места на вторых и третьих полках. Никого не насиловали. Но уступчивые скоро превращались в "безотказок" — занимай очередь. Перепадало и блатным: "Хватай, керя, вкуснячку на леденец. Боевая терка. Абстрагнись в натуре".

В Москве меня принимали за кого угодно; артиста, художника, спортсмена, позже — тренера, но редко по специальности. Здесь "фары" не светили, а прожигали. Чутье на "друзей-чекистов" острее заточек. Я сидел тихо, как мышь под веником. А что оставалось? За поясом пистоль, в чемоданчике, под сменой белья, рубашкой, бритвенным прибором, "прятались" протоколы допросов в "особняке" и документы из вологодской тюрьмы. Пригляделся к полутрупы на моей полке. На голове полотенце, как чалма на индусе. Дышал тяжело. Спал или в бессознательке? На поперечной полке слева дрых "с правами", занимая сидячую. На верхних не разглядел, но кемарили. На нижней наискосок располагались "противогазы". К окну придвинулся шкафом бывалый, в годах. В плечах под бурой телогрейкой слиплось не менее четырех коромыслов. Из-за тельника торчала шея, как нерасколотое сосновое полено. Явный туз. Рядом шестерка той же масти. Козырной буркнул: "Не психари, Шкалач, потыкай стукача. Отпузырился — обначь. Не отдавать же хрусты лекарям".

Чердачный вор мягко подхиялял к "индусу" и запустил грязные руки под его пиджак в кровавой замазке. Такого моя муровская натура выдержать не смогла: "Отшкни, падло!"

— Отец, ведь этот шкипер — мне, в натуре, — тявкнул шкалан. Шкаф выдержал положенную паузу до шухера и вяло откликнулся:

— Вырос мне дуб из навоза. Шкалач, не дуплись до поры, а исполняй, что сказал. А ты, корефан, поквакал и — в тину! Тимуровец, блин.

— Я же сказал: отвали от болезного. И неча лаялку раскрывать — прольешь помои. Тебя, мураш, мутер заждалась, а ты при говне мухой вьешься. — Шкаф заржал и резко осекся, произнес:

— Это ты мне отколол феню-мулю. Могу стерпеть, коли возник с хозяйских нар, а не волчара тамбовский. А по вихрам, случаем, не дуболом ли ты без кокарды?.. Шкалач, мент он поганый! Чую, дура у него под клифтом. Ошманай-ка залетного.

Воренок посунулся вперевалку, танцуя. Любят рисоваться. Разум мой, как сырое коко в кипяток, треснул и потек:

— Угадал, пердило. Сам уважу твою шестерку. — И стволом “макаревича” скакуну в зубы. От страшной боли шкет взвыл и осел в чужое желе, давясь крошечком и кровью, потекшей меж прижатými пальцами в синих метках. — Чужую пил, сявка, попробуй на вкус свою. Полезней.

Вскочил второй прыщ, что кемарил на левой койке, внаглую. Но мы с паханом будто сговорились. Я “макаровым”, передернув затвор, шкаф — черно-зеленой бутылью из-под столика, пособи-ем к циррозу печени, откинули вбок вторую шестерку. К побитой. Очистили простор для диалога.

— Ну, Ваня, сдавайся, друган, на милость ментовки или... — предупреждая не столько пахана, сколько тормозя себя. “Ваня” выбрал свое. Взмахнул “бомбой”, отколол дно о край полки, и пошел на врага страшным оскалом. Я успел пожалеть путевых обходчиков этой дистанции вонючей дороги: нагибаться и собирать меня по кускам для торжественных похорон в милицейском клубе на Новослободской, и спустил курок.

Коллеги поймут, какой надо иметь тормоз, чтобы не влепить бандиту пулю между глаз. Я расколол “удар по печени”. Я уже тогда презирал крепленое, на сахаре, поило и оросил рыло напротив винным дождем, а на плешь страдальца положил терновый венец из зеленых осколков. Шкаф завалился со всеми створками, аж треснул, а ведь делали не из опилок. Даже не погрозил указательным перстом, лишь показал фиксатую пасть из голубого металла. “Уж не из платины?” — подумал я. И сказал, добрея:

— Не спи, замерзнешь. У меня еще семь маслят и восьмерик в запасе. Так что не теребите мне нервы. Я — в психу. В вашей малине мне терять нечего. Поднимешь хипеж — всем карачун. Подтверди им, отец, — махнул теплым стволом в пахана на отдыхе, в тине. — Не вставать до особого. Обоим плашмя! Мордами в хлебо-во! И других раздолбаев... обереги. Эй, наверху, без парашютов не прыгать. Весь десант пересчитаю.

Морская братва всунулась на шум. Обратился с речью-призывом:

— Морячки, видите, что творится! Если не пропили ваши пряжки, тогда подсобите. Мотайте на мозги и кулаки, и — в по-

мощь! Главстаршина, вижу тебя, — за командира. Организуй патруль по кубрику. С проверкой на вшивость. Всех блатарей в два отсека. Под караул. Иначе, морячки, вам к мамам не добратся, невест не обнять с такими попугчиками. Дошло?

— Понял! — отозвался морпех с толстыми лычками из надренного металла, самоделки. — А то, командир, совсем заскучали. Разомнемся. Для пользы дела и порядка ради.

— А вы, красивая и несчастная в этом бедламе, — заметил я проводницу, — передайте срочно директору ресторана — от подполковника ФСБ, — поднял себе звание и поменял службу, — чтобы закрыл свой кабак — на “учет шницелей”. Транзиты за пойлом отменяются до утра... Старшой, повяжи наперед эту тройку, на остановке сдадим в линейный отдел. Раненого мужика — в медпункт. Эй, под крышей, кончай дрыхач. Кидай ножи и документы и скользи на поверку!

Спрыгнули трое. Ножей при них не оказалось. Документы в порядке. Отвели в те же отсеки. Подбежал морпех.

— Товарищ подполковник, у нас один автандил залупается.

— Успокой по кумполу. Предупреди, что сдадим в ментовку. Не хочет культурно — свой “капказ” не побачит.

На станции задержанных увели. Мужика в чалме унесли санитары. Он предупредил побег на зоне, затеянный паханом, за что и покалечили. Двое милиционеров остались записывать показания очевидцев избиения. Я успел подобрать гильзу и вырезать пулю из вагонной переборки. Выбросил в окно.

Подошла ночь. Вагон постепенно угомонился. Морячки стали дремать на “боевом посту”, да и блатным не терпелось добраться до дому. Миловидная проводница заманила меня в свою каюту. “Отдохните спокойно. Я вас запру”. “Зачем же снаружи? Лучше изнутри”. — Она двусмысленно погрозила маленьким пальчиком.

Внизу кто-то спал. Повесил полупальто и полез наверх. Вдруг спящий или спящая — цап меня за колено. В темноте не разглядел. “Тогда подвиньтесь. Присяду. Кто вы?”

— Племянница проводницы, Ксюша. Я видела, как ты их. Блеск!

— И что ты здесь делаешь, Ксюша? Откуда и куда?

— Пыталась заснуть, да сон потеряла. Еду в Москву, домой... Тебя ждала.

— Меня? — засмеялся. — Хорошая шутка — дразнилка. И давно ждешь, глаз не смыкаешь? Сколько лет и зим?

— Теперь поняла, что со вчерашнего дня. Не думала, не гадала, но как увидела... мента в работе.

— Можно? — не дожидаясь разрешения, повел ладонью по теплой обнаженной руке, направляя к шее. По ней — до лица. Подобно слепцу обвел горячо дышащий овал, откинул прядь со лба, пригладил шелковистые волосы. Молчала. Положил руку на грудь. Не отбросила. Ждала ласку? Под левым медно-твердым по-

лушарием стук, казалось, заглушал колесный. Поискал и нашел бантик. — Сама пришла? — Подтвердила жарким шепотом. — И веснушки не потеряла? — Тихо хихикнула.

— Ничего не потеряла. Все сохранила.

Она кинула руки под одеяло, изогнулась и что-то отбросила к стенке. Одно из великолепных женских движений, сильнее любых клятв.

— Иди ко мне, — позвала, нервно обрывая дыхание. — Иди же! — и отбросила одеяло.

Я ощутил ее, будто раскусил пирожок. Горячий. С клубничным вареньем. Начинка впрямь обожгла. Ни проглотить, ни выплюнуть. Замер. Подтолкнула нетерпением тела:

— Что же ты?

— Не торопись.

Обычно так говорят женщины мужчинам. Она дрожала в жадном ознобе, и этот озноб требовал долгого утоления, не наскока. Кто-то когда-то почал ее, но женщиной не сделал. Подчиняясь, они подчиняют сильнее и получают больше своенравных. Стало страшно жалко ее.

— Я ничего такого не знаю. Мне не было восемнадцати, когда один парень... Через этого подонка оказалась в тюрьме. Два года прошло.

“Прошло-пролетело”. Срок, страшный для любой женщины, когда взаперти. На воле терпят годами. В неволе бесятся. Мужчин не допускают к ним, подбираются коблы, самое гнусное... Отбросил грязь.

— Все это не новость, девочка. Выброси из головы и не рассказывай. Никому не доверяй.

— И тебе?

— Чем я лучше других?

Она прижалась что есть мочи и отпрянула. И стала повторять так раз за разом. Не сдерживал, подчинился ритму, перевода на свой, укрощая как в танце. И ласковых слов не надо, красивых прозвищ. Боялся, сорвет пошлостью и обернется случкой. Любой подарок должен быть хорошо упакован. Не любовником, хотя бы на час, а будто отец дочери, досказал:

— О любви — ни ползвуча, Ксюшенька.

— Что же тогда со мной? — отстранилась, возмущенная. Сильно и нежно вернул.

— Голод, Ксения. Ты утоляешь естественный голод нормальной здоровой девушки. Независимый от твоей хорошенькой головки и нетронутого сердца.

И целовал кудряшки с запахом земляничного мыла. Синие глаза, черные в темноте. Россыпь невидимых веснушек. Мягкий подбородок, лебединую шею. Плечи и огрубевшие ладошки.

Одни, имея широчайший выбор, брали по расчету или капризу. Другие, слабые, отдавались. Кто из них познал такой голод? Эта девочка только брала. По великому праву женщины. И

если выбрала тебя, гордись, мужик. Она не забудет, и тебе не забыть.

Благодарный за ее выбор, я разряжал, остро и сладостно, испытанное не более получаса назад там, в вагоне смертельное напряжение. И девочка словно споткнулась — сломалась и содрогнулась в испуге, со сдавленным вскриком. Откинулась и затихла, всхлипывая ребенком. И призналась:

— Боже, такого еще не было. Никогда. Ты слышишь? Веришь? Не было.

Я понял ее открытие самой себя. А еще через минуту она отмотнулась головой по набитой ватой, как моя башка, подушке и произнесла: — Ну, ты даешь, сыщик! — И тоже засмеялась.

Я включил ночную лампочку. Она сидела в прилипшей от пота рубашонке, будто вылезла из ванны.

— В тебе, девочка, все натуральное. Особенно твои белокурые волосы и зубы. Это — наглядно. До остального не мне копаться. Не судьба. Ты — подарок обстоятельств. Но очень хороший. Красивый. От макушки до пяток. Как это все сохранила? Иди ко мне.

Потрясенная, облитая маскировочным светом, она бросилась отдать мне, случайно избранному, первому после двухлетней разлуки с мужчиной, всю натуру сердца и тела, шепча: "Пока мы с тобой! Пока мы с тобой!"

Поезд нес нас к Москве. Далее — поврозь. Я покрывал ее всю, от пухлых губ до коленок и ступней, поцелуями, жадными, как ее первый порыв. Мелькали иплыли над нами огни. Поезд тормозил вместе с нами и стоял вместе. С ним притихали и дожидались разбега. Только к утру Ксения взмолилась и разметала тонкие руки, сильные, но надломанные, ни вкалывать, ни ласкаться.

Поезд двигался медленно, как утомленная близостью женщина. Я закутал мягкую и податливую, но крепкую фигурку в одеяло, сотканное будто из колючей южной травы, и прижал к себе. — Ради всего святого, — прошептал, — ни за что назад.

— И ты меня просишь, отпуская совсем?

Уже в Москве, на перроне, я дал ей номер телефона, но, сверхосторожный, предупредил, чтобы звонила в крайнем случае. Будто не осознавал, что для нас все случаи крайние, как пластины вагонных переходов, пока бьются друг о друга. Ксения живой дышала рядом. В черной телогрейке на рубашонке с бантиком, беленькая и голоногая, в каких-то баретках, не такая уж сильная, она выпускала слезинки из светло-синих глаз, они огибали пухлые губы и пропадали. Все существо ее звало к себе.

— Я позвоню, когда дойду до последнего отруба.

Она не позвонила. Спустя долгое время я решил, помня ее твердый и честный тон, значит, не дошла до отруба. И — слава Богу. Сам бы нашел, но что я мог ей предложить?

А милицейские будни текли своим чередом. Волков честно "отдал" шесть сейфов, не погрешил. Хотя навьючил к старому ис-

ку, но сказал: “До кучи”. Я доказал прокурору, что тягать парня по новой в суд нецелесообразно и против муровского обещания. Начальник МУРа подписал бумагу в колонию: поставить Волкова к труду на нелегкие, но льготные зачеты. Чтобы от пяти неотбытых лет отгрыз сколько возможно. Это могло решить его судьбу.

А она, судьба, успела явиться на Петровку к Сане Волкову перед обратным этапом. В лице Лилиан, великолепно красивой и уверенной в себе.

— Зачем же вы так, шеф? — возмутился не ожидавший ее явления в МУРе Волков. Растерялся, ослеп, оглох и поник головой наш “корнет Оболенский”.

— Не шуми, Сашок, я все о тебе знаю. И с добрых слов твоего “шефа”, и сама — не дура. Знаю больше, чем ты сам о себе. Все взвесила и примерила. Оттого и не исчезла, — выдала ему простое и прямое признание.

— Но это... когда ждут, — сказал парень, как бы сопротивляясь нереальному счастью, нагрянувшему на него.

— Буду ждать... Но если тебе не под силу завязать с прошлым, скажи честно, сейчас скажи, и я отвяжусь. Насильно мила не будешь.

— Ну, Лиля! Ну, шеф, в натуре! “Отвяжусь”! “Насильно мила!”

— Перестань паясничать, Волков! Уйдет с концами и... окурочки с неба?

— Уйду, Саша, и не вернусь. Никогда.

— Да ты что, жена мне? — покосился на пакет с гостинцами, что она принесла.

— Сам же сватался или забыл? Я запьянела, а помню. Кавалер капли не принял и забыл.

— Так мне же не давали!

— И правильно делали... Так вот заявляю официально: буду ждать суженого, — и улыбнулась. От таких женских улыбок у мужиков кровь вскипает, надежда крепнет.

Лиля тучку нагнала на свой светлый лучик:

— Вы нас за дур держите, но мы посильней вас многих. И не рыбешки на крючках. Можем перекусить и сорваться.

— Это уж точно, — сказал я, видя, что Волков ищет моей поддержки, будто его, как пловца, спасательным кругом по башке долбануло. — Санек, женщины загадочней сейфов. Ждешь кучу бабок, а кто-то до тебя его вычистил. Подумаешь, зря вскрываю, пустышка, а в нем — жемчуга стакан... Подфартило тебе. Может, судьба, исключительный момент в жизни.

“И в моей практике редкостный. Знать бы, как дальше пойдет”? Досказал:

— Забирай, друг, такую девушку, — и отвернулся к окну.

Они обнялись. Я не торопил. Редкие мгновения. ■

Елена ПРОКОФЬЕВА

Одаренное дитя

Композиторы нередко рождаются в музыкальных семьях. Эндрю Ллойд Уэббер, появившийся на свет в пригороде Лондона в марте 1948 года — не исключение. Благодаря совместным стараниям родителей (отец — композитор, исполнитель, преподаватель музыкального колледжа, мать — пианистка), маленький Эндрю в три года играл на скрипаче, в пять — на пианино и валторне, в семь — возненавидел музыку и поклялся никогда ею не заниматься, а в девять сочинил свое первое крупное музыкальное произведение — "Сюиту для игрушечного театра". Он учился тогда в Вестминстерском колледже и сочинял музыку ко всем школьным спектаклям. Позже, в старших классах, Эндрю попробовал себя в качестве театрального режиссера. Ему понравилось, но еще больше привлекала его в то время архитектура. Он во второй раз решил оставить музыку и заняться другим, более плодотворным, как ему казалось, делом. Тем более, что с четырнадцати лет получал стипендию по специализации "история архитектуры". Поступив в Оксфорд, Эндрю серьезно увлекся историей искусств. Учился отлично и даже заслужил стипендию. Но музыка не отпустила.

Из всего многообразия жанров Уэбберу больше всего нравился самый простой, примитивный, презираемый интеллектуалами американский мюзикл. Понятия "рок-опера" в то время еще не существовало. "Я вырос с убеждением, что музыка — это только музыка, — говорит Уэббер, — и единственное различие в ней может быть лишь меж-

Свое первое крупное музыкальное произведение Эндрю Ллойд Уэббер сочинил в девять лет. Композитору не было и двадцати трех, когда состоялась премьера его рок-оперы "Иисус Христос — суперзвезда", сразу ставшей всемирно знаменитой...

ЛОРД- "СУПЕРСТАР"

ду хорошей и плохой музыкой, а не между жанрами".

В конце первого курса юный Уэббер познакомился с Тимом Райсом, поэтом, автором нескольких либретто. Их объединила общая любовь: рок-н-ролл. После лета, проведенного в компании Райса, на студенческую скамью Эндрю уже не вернулся. Он полностью погрузился в творчество.

Первая крупная совместная работа композитора и поэта — "Наши озера" — так и не была поставлена. Зато другая — тридцатиминутная комическая опера "Крикет" — ознаменовалась премьерой в Виндзорском замке, в присутствии королевской семьи. Произошло это летом 1966 года, а через год появился мюзикл "Иосиф, его цветные одежды и удивительные сны" — первое произведение таного рода на библейскую тему. В музыке его присутствовали элементы классики, рок-н-ролла и кантри.

Окрыленные успехом, друзья решились на отчаянную дерзость: в 1971 году они поставили рок-оперу "Иисус Христос — суперзвезда". Это действительно был риск. Верующие возмущались самим названием. Никто не соглашался продюсировать спектакль. Но двойная пластинка разошлась четырехмиллионным тиражом, и к тому моменту, когда спектакль все-таки был готов, зрители так изнывали от нетерпения, что уже предварительная продажа билетов принесла более миллиона долларов. Впоследствии по рок-опере был снят фильм — его запретили во многих странах мира, но, как выяснили социопсихологи, он вовсе не отверщал молодежь от Бога, а напротив — способствовал усилению тяготения к религии.

В 1972 году двадцатичетырехлетний Эндрю Ллойд Уэббер впервые женился. Его избранницей стала очаровательная хиппушка Сара Джейн Хьюгилл, с которой он, впрочем, уже несколько лет сожительствовал. Через неприлично короткий срок появился на свет первый его сын. Эндрю с Сарой предстояло прожить в счастливом браке двенадцать лет.

Несмотря на оглушительную славу и весьма внушительные гонорары, Уэббер и Райс не почили на лаврах, а приступили к осуществлению нового грандиозного проекта. На этот раз они выбрали для постановки не библейский сюжет, а биографию реального лица — красавицы Эвы Перон, жены президента Аргентины Хуана Перона. Несмотря на дружное возмущение аргентинцев, новая рок-опера имела успех не меньший, чем "Иисус Христос — суперзвезда". К сожалению, после постановки "Звиты" плодотворный творческий союз Райса и Уэббера распался.

"Кошки", "Призрак" и любовь

Свой самый знаменитый мюзикл — "Кошки" — Уэббер написал по мотивам произведений поэта Томаса Элиота. Несмотря на странный сюжет и сложные стихи, успех новому произведению был обеспечен заранее: его ждали. Сначала "Кошки" появились на пластинке, а затем, в 1982 году, был поставлен спектакль.

На одном из предварительных прослушиваний уже маститый к тому времени композитор познакомился с безвестной молоденькой певицей Сарой Брайтман. У нее был изумительный голос: нежный

и сильный, с таким богатством оттенков, что чуткий к музыке Эндрю, заслушиваясь, терял всякое представление о реальности. Он даже не сразу увидел, что, помимо голоса, у Сары Брайтман есть большие жаркие глаза, красиво вылепленные скулы, великолепно очерченный рот, точеное стройное тело... Потом, когда Узббер разглядел все это, ему вспомнился популярный в начале вена роман французского писателя Гастона Леру "Призрак оперы", повествующий о великом композиторе, продавшем душу дьяволу ради славы, и о том, как композитор влюбился в голос прекрасной юной певицы — только в один ее голос, — не замечая ни юности, ни красоты. Так возникла идея рок-оперы "Призрак оперы". Но до воплощения было пока далеко: Узббер был занят "Кошками" и своей внезапно вспыхнувшей любовью.

После первого же прослушивания он пригласил Сару на свидание. И она пришла. Она была обручена, Узббер — женат. Ему было тридцать четыре, ей — двадцать один. Но все это не имело значения. Позже, оправдываясь перед журналистами, Узббер говорил: "Мы не виноваты в том, что влюбились друг в друга, как дети". Но расстаться со своей женой, подругой стольких лет, матерью двоих детей, Узббер не решался. Сара Брайтман поняла его терзания — и смирилась с участью любовницы. Собственную помолвку она расторгла...

Ждать пришлось два года. Наконец Узббер развелся, оставив жене и детям 750 000 долларов отступного. Это произошло в марте 1984 года, и он тут же женился на Саре Брайтман, причем обвенчался с ней в англиканском соборе, хо-

тя с прошлой женой ограничился лишь визитом в мэрию.

Самую дорогую свою постановку композитор осуществил в том же 1984 году: ею стал мюзикл "Поезд звездного света". В музыке сливались рок и церковные хоралы, новомодный рэп и классический блюз. На сцене несколько десятков антеров в экстравагантных костюмах, на ролиновых коньках, пронеслись метеорами, распевая арии и изобретенная соревнующиеся в скорости поезда. В день премьеры композитор представил свою новую супругу королеве Елизавете II.

Любовь Узббера к молодой жене была безгранична. Затеяв новую постановку — теперь уже не рок-оперу, не мюзикл, а "Реквием", серьезное хоровое произведение, — он предложил Саре спеть партию сопрано. Партию тенора пел Плачидо Доминго, а еще в записи участвовали Кафедральный хор Винчестерского собора и оркестр Английской Палаты Лордов. То есть — лучшие из лучших! И среди них — двадцатипятилетняя Сара, чей исполнительский опыт ограничивался участием в молодежном шоу на телевидении и ролью в "Кошках". Но, как выяснилось, Узббер вовсе не был ослеплен любовью. Не надо забывать, что влюбился он не в женщину, а в голос. Ария из "Реквиема" в исполнении Сары Брайтман надолго стала хитом.

В дни, когда божественный голос Сары звучал из магнитофонов и радиоприемников по всему миру, Узббер приступил к написанию рок-оперы, которую задумал, впервые услышав пение Сары. "Призрак оперы" был поставлен в Лондоне в 1986 году, а спустя два го-

да прошла пышная премьера на Бродвее. Помимо восхитительной музыки, в спектакле присутствовала еще и удивительная режиссерская работа: когда перед зрителями открывалась сцена в подне, им казалось, что перед ними настоящая подземная река, а в финале гигантская хрустальная люстра действительно падала с потолка на пол. После исполнения Сарой Брайтман женской партии в "Призраке оперы" журналисты назвали певицу "ангелом музыки" — так в опере называл свою возлюбленную безумный композитор-призрак...

Неудачи

В 1989 году Уэббер поставил в Лондоне рок-оперу "Аспенты любви" по роману Дэвида Гарнетта. Сам он до сих пор считает ее лучшим произведением. Но слушатели и критики почему-то с ним не согласились, и с этого момента для Уэббера начался период неудач. "Аспенты любви" поставили и на Бродвее, но скоро, к обиде композитора, сняли. "Эта опера переживет все другие мои мюзиклы, потому что сто процентов людей живут и любят! — заявил он в интервью. И добавил: — А отзывы критики меня не интересуют".

Оскорбленный композитор заговорился в своем роскошном лондонском доме, где антикварная мебель соседствовала с дешевыми безделушками, а картины любимых Уэббером прерафаэлитов — с кричащими планатами. Там, в тишине и покое, в обществе любимой женщины, Уэббер надеялся "зализать раны" и создать новое прекрасное произведение, способное ошеломить даже недоброжелателей. Но

вдохновение не приходило. И тогда Эндрю нарушил свое затворничество, начал ходить по кафе, ресторанам, ездить за город, надеясь в людской суете, в неумолчном гомоне голосов обрести какую-то новую истину.

Истину он не обрел, но встретил новую женщину. Ее звали Мэделин Гердон. Ей исполнилось двадцать семь. Она была на два года моложе Сары Брайтман и отличалась от нее так же сильно, как сама Сара отличалась от первой миссис Уэббер. Первая жена композитора была простушкой. Вторая — изысканной леди. Ну, а Мэделин была яркой, громкой и веселой. Она привнесла в жизнь композитора некую свежую струю, в которой он надеялся почерпнуть вдохновение... Первое время он скрывал от Сары свою измену, но, когда Мэделин забеременела, вынужден был во всем признаться. Будучи особой щепетильной, Сара немедленно подала на развод. Таким образом, в 1991 году распался этот блистательный, звездный брак, и Эндрю женился на Мэделин.

В 1992 году композитор организовал собственную продюсерскую компанию — "Realli Userul Group". Компания должна была финансировать постановки его же мюзиклов. Но первый же мюзикл, профинансированный самим Уэббером — "Сансет-бульвар", музыкальный римейк нашумевшего фильма Билли Уайлдера, — не принес ни успеха, ни прибылей и два года спустя был снят, как убыточный. Пытаясь спасти положение, Уэббер повез "Сансет-бульвар" в США, но публике не понравилась исполнительница главной роли, и Уэбберу предложили заме-

нить ее американкой. За роль Нормы Дезмонд согласилась взяться стареющая звезда, легенда американского кино Фэй Данауэй. Уэббер обрадовался, поспешил подписать контракт, надеясь, что это спасет положение — Данауэй была очень популярна. Но пение кинозвезды оказалось столь неблагозвучно, что Уэббер не выдержал и уволил ее буквально за несколько дней до премьеры. И ладно бы только уволил. На беду, Уэббер осмелился сказать, что Данауэй совершенно не умеет петь. Он тогда еще не знал, что у кинозвезды невероятно склочный характер. В присутствии всей труппы почтенная матрона осыпала композитора самыми грязными ругательствами, а потом — верх наглости — еще и всучила ему судебный иск за оскорбление. Чтобы не судиться, Уэббер выплатил компенсацию и Фэй, и бродвейскому театру, где готовился к постановке злосчастный "Сансет-бульвар". Это обошлось компании в 10 миллионов долларов, а попытка спасти положение постановками в Германии и Австралии — еще в 12 миллионов. Убыточным оказался и мюзикл "Свист опускающихся крыльев", поставленный в Лондоне в 1996 году. На Бродвей этот спектакль даже не попал.

Но не только обиды и убытки принесли Уэбберу 90-е годы. В 1992 году композитор был посвящен английской королевой в рыцари за "выдающиеся заслуги перед искусством и короной", а в 1997 году получил титул лорда и право именоваться "лорд Эндрю Ллойд Уэббер Сидмонтонский". Возможно, это пролило немного бальзама на раны его уязвленного самолюбия.

Новый взлет?

В 1996 году на экраны мира вышел художественный фильм "Эвита", поставленный по старой и популярной рок-опере Уэббера и Райса. Критикам и зрителям не очень понравилась Мадонна в главной роли, но сборы были просто фантастические, и Уэббер смог восполнить все прежние убытки. Новая песня, написанная для фильма Уэббером и Райсом, вернувшимся ради такого серьезного дела к соавторству, заняла первые строчки в чартах, получила "Оскар" и "Золотой Глобус".

Продюсерская компания Уэббера начала наконец получать прибыли. Но сегодня бизнес мало интересует композитора. Главное для него — по-прежнему творчество. Ведь критики объявили, что как композитор Эндрю Ллойд Уэббер мертв, а ему так важно доказать обратное! Правда, со времени "Призрака оперы" у него не было ни одной коммерчески успешной постановки... "Я хотел бы вернуться на Бродвей, и как можно скорее. Мне не нравится, что публика озабочена прежде всего коммерческим успехом моих произведений. Сам я настроен иначе. Ведь я вложил в свои произведения все самое сокровенное. Для меня это не просто популярные мелодии", — говорит пятидесятидвулетний Эндрю Ллойд Уэббер в своих интервью.

Большие надежды композитор возлагает на свою новую рок-оперу "Какая дивная игра", премьера которой должна пройти в Лондоне нынешней осенью. И, если удастся положить музыкальный Лондон к своим ногам, Уэббер снова двинется в поход на Бродвей. ■

Как часто, увы, бывает, когда между двумя закадычными подругами встает вдруг один мужчина. Женской дружбе обычно приходит конец. Но жизнь-то на этом не заканчивается. Вот и в этой истории одна из подруг оказалась отвергнутой своим женихом, другая — заполучила его. Кто при этом выиграл, а кто проиграл, выяснилось двадцать с лишним лет спустя...

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Майя ОРЛОВА

Елена выключила настольную лампу и только тут обнаружила, что ночь позади и солнце вот-вот взойдет. Так происходило частенько: заработавшись до глубокой ночи, она забывала о времени и могла просидеть за

письменным столом сутки напролет. Найти работу, которая одновременно была бы и хобби, и смыслом жизни, и неплохим источником дохода — везение редкое. Но ей и это удалось.

Пусть кое-кто из ее знакомых и язвил, что сочинение "мыльных опер" для телевидения — это уже третья древнейшая профессия плюс моральная диверсия против российской культуры. Но что еще им, Богом обиженным, вечно младшим научным сотрудникам, без каких-либо перспектив и с грошовой зарплатой, оставалось делать? Только шипеть за спиной и язвить в глаза. Ну и пусть, если им от этого становится хоть немного легче...

Ложиться спать не имело смысла — все равно через час-полтора проснется традиционно гостящий у нее несколько дней в неделю внук Алешка, потребует свое любимое блюдо — кукурузные хлопья с молоком и "ведро", как он выражался, накао. За завтраком внук будет красочно рассказывать ей свои сны и допытываться, когда и куда они в следующий раз пойдут развлекаться. Пять лет — замечательный возраст, все интересно, все — потрясающе, и — пока еще — столько теплоты и нежности...

А потом приедет его мать, Алиса, единственная ненаглядная доченька Елены, и заберет Алешку домой. Хочется верить, что за истекшие двое суток Алиса хоть немного выспалась и отдохнула. Впрочем, молодая, здоровая женщина — справится. Ей, Елене, в свое время никто не помогал: Алиса, Алиска-крыска, была полностью на ее руках, иногда в буквальном смысле слова. Обо-

шлось. Дочка выросла красавицей и умницей, удачно вышла замуж, теперь вот Алешка, этот "вождь краснокожих", не дает закиснуть и заскучать. А через пару дней вернется из очередной экспедиции его отец и Алисин муж — геолог.

Все это время Алешка будет с родителями — таков неписанный закон их дружной семьи, потому что отец и сын друг друга обожают, а вместе им бывать случается не каждый день. Значит, какое-то время Елена сможет жить только для себя, и прожить тот период она намеревалась с пользой для здоровья и настроения.

Во-первых, нужно будет привести себя в порядок. Сорок пять лет — это не двадцать и даже не тридцать два года. Стоит немного расслабиться — и хлоп! — в зеркале отражается нечто помятое "второй свежести". А ведь совершенно необязательно, чтобы это созерцали сослуживцы и знакомые. Да, она молодая бабушка, но это лишь придает ей дополнительную пикантность... если следить за собой и выглядеть лет на десять моложе, чем значится в паспорте. Да и встреча с Андреем может состояться в любой день. Москва — большая деревня, да и вообще мир тесен.

Мысль об Андрее, как всегда, подействовала мобилизующе. Елена решительно направилась в ванную и принялась методически истязать себя контрастным душем, упражнениями для лица, всевозможными притираниями и массажами.

Андрей... Если они, наконец, встретятся, он должен с первого взгляда понять, от кого так опрометчиво отказался двадцать пять

лет назад. Если он до сих пор женат на Наташке, тем хуже для него. Вряд ли эта томная белокурой орхидея сумела сохранить свою красоту фарфоровой пастушки. Блондинки с нежной кожей увядают быстрее, чем... Чем все остальные женщины.

Елена критически взглянула на себя в зеркало. Фигура в порядке, она никому не завидует. Легкие круги под глазами — следствие бессонной ночи — можно без проблем скрыть пудрой, зеленая тень на веках оттенит влажность больших глаз и подчеркнет их изумрудный блеск. Господи, да мало ли средств сейчас есть в арсенале женщины, которая хочет и умеет подчеркнуть свою привлекательность!

Даже если гипотетическая встреча с Андреем сегодня не состоится, будет кого порадовать своим цветущим видом. Всегда останется Володя — непремный спутник на протяжении почти десяти лет, самый близкий друг, помощник, вообще та каменная стена, за которой мечтает укрыться любая нормальная женщина.

Почему, кстати, она до сих пор не вышла за него замуж? Месяца не проходит, чтобы он не сделал ей очередного предложения руки и сердца. Оператор на телевидении, недурен собой, разменял шестой десяток, но это его не портит. Все в квартире Елены фактически сделано его руками. К тому же обожает готовить, а еще больше — угощать своей стряпней. Дура она, что до сих пор не распилась с ним. Такие мужики на дороге не валяются...

Так-то оно так, но если она все-таки встретит Андрея? Формально свободная женщина воль-

на располагать собой как угодно. Замужняя же... А вдруг Андрей, увидев ее и узнав, чего она добилась в жизни, захочет вернуться и начать все сначала?

Вечером Володя, как всегда, позвонил. За десять лет их дружбы (скажем так) он ни разу не позволил себе явиться без звонка, даже если встреча была заранее условлена. Мало ли что женщине может прийти в голову в последнюю секунду. Мало ли какие события могли произойти в ее жизни за истекшие сутки. Эту Володину деликатность Елена очень ценила, но иногда она ее просто бесила:

— Ты мог бы уже быть здесь, вместо того, чтобы звонить, — ворчливо сказала она.

— А я уже здесь, — спокойно парировал Володя, — звоню из машины от твоего дома. Открывай дверь, женщина!

— Ты что, потерял ключ?

— У меня заняты руки: мы не виделись три дня, и ты наверняка сидишь без хлеба и масла.

И тут он был прав: хозяйкой Елена была нинудышной. То есть если надо было принять гостей или блеснуть перед кем-то кулинарными талантами — пожалуйста. Но для самой себя ленилась даже сварить кофе — предпочитала растворимый. Кусок хлеба в доме, конечно, есть, но не более того. Только одна полка в кухонном шкафу заставлена всевозможными коробками и банками — та, на которой хранились припасы для внука. Но это было святое!

Вечер прошел, как обычно, ночь — тоже. Утром, собираясь на работу, Володя ласково обнял Елену за плечи и прошептал:

— Ну что, поженимся?

— Созвонимся, — ответила она в тысячу первый раз.

Все как всегда. Такая жизнь ее устраивала.

Два дня спустя, с трудом втиснувшись в переполненный троллейбус, Елена исхитрилась занять только что освободившееся местечко в хвосте салона. "Это и есть счастье", — иронически подумала она и бросила ледяной взгляд на соседку, которая непрерывно ерзала на сиденье, что, в общем-то, раздражало. Блондинка когда-то, возможно, была хорошенькой. Если бы она еще потрудилась сделать стринку у паринмахера, а не между двух зеркал в своей собственной кухне, чуть-чуть подкрасить глаза и попудриться, то... То это, возможно, могла бы быть... Да не могла бы, это она и есть!

— Наташа? — почти беззвучно спросила Елена.

Женщина вскинула на нее когда-то фиалковые, а теперь совершенно белесые глаза:

— Лена?

Как они дружили двадцать пять лет назад, когда вместе учились в Инязе! Все было у них общее: мечты, губная помада, любимые фильмы. Елена искренне восхищалась Наташей и старалась во всем ей подражать: в томной хрупкости, какой-то нездешней отрешенности, пристрастии к пастельным тонам и коктейлю с романтическим названием "Шампань-Ноблер" (черт его знает, что это на самом деле означало: для Елены это однозначно была шипучая, приторно-сладкая гадость, от которой часто случалась, пардон, отрыжка, а потом всегда болела голова).

Наташа еще и курила — редкость для девушки по тем временам, красила ресницы в салоне красоты, к месту и не к месту цитировала Голсуорси на английском языке. Елена честно пыталась достичь такого же совершенства примерно год, но потом сдалась и добровольно отступила на второй план. Именно тогда в ее жизнь вошел Андрей. Как выяснилось, навсегда.

Они, казалось, обрели друг друга. Высокий, крупный, в импортных дымчатых очках, Андрей ко всему прочему обладал исключительно хорошими манерами и феноменальной памятью. Целые вечера напролет мог цитировать Надсона, Бальмонта, Северянина и прочих поэтов. Сам сочинял стихи — средние, но с тонким чувством юмора. Был предупредителен и заботлив... Два месяца Елена провела в каком-то сладном забытьи, а дело тем временем явно шло к свадьбе.

Наташа была полностью в курсе романа подруги, но познакомиться с Андреем лично как-то не рвалась. У нее-то поклонников было — лопатой не разгребешь. К тому же общалась Наташа в основном с юными, подающими надежды абитуриентами Щукинского училища или ВГИКа. А также с их солидными и элегантными экзаменаторами, лица многих из которых были известны ей по теле- и киноэкрану. Елена в тот круг не вписывалась, и ее поклонник тоже представлялся лишним на этом празднике жизни.

И все-таки Елена настояла на их знакомстве. У нее в голове не укладывалось, что любимый человек (а слова любви были произ-

несены с обеих сторон) и любимая подруга до сих пор не знакомы. Устроила что-то вроде вечеринки, от души надеясь, что это станет как бы помолвной, пригласила несколько наиболее близких подруг с их кавалерами. Пришла и Наташа с мальчином, сыгравшим пару эпизодов в нашумевшем телесериале. Как всегда, томная, изысканная. Слегка загадочная.

Андрею она не слишком понравилась, впрочем, это чувство было взаимным. А еще месяц спустя Андрей... исчез. Просто не пришел на очередное свидание, не отвечал на телефонные звонки. Когда же она, наконец, дозвонилась до своего почти официального жениха, то услышала: произошла досадная ошибка, чувства как такового не было, а была лишь легкая симпатия и большая жалость к не слишком красивой и не слишком интеллектуальной девочке, закомплексованной к тому же с ног до головы. "Прости, но ты мне не пара", — холодно отрезал Андрей и положил трубку.

Разумеется, Елена кинулась за утешением к Наташе, но той не оказалось дома. Не оказалось ее и на следующий день, и через неделю, и через месяц. А потом, зайдя чисто машинально в одно из маленьких кафе, где они частенько бывали с Андреем, Елена увидела его за тем же самым столиком с... Наташей. Парочка была так увлечена друг другом, что ничего и ниного вокруг не замечала. Елена хотела подойти к ним, выяснить, за что они ее так предали, но не успела — ей стало дурно. Прямо с улицы ее отвезли в больницу.

А через шесть месяцев после этого родилась Алиса, Алисканрыска, прозванная так за смекалку, отвагу и всеядность: чуть ли не с первой недели жизне-радостный младенец тащил в рот все, что находилось в пределах досягаемости цепких ручонки и быстрых ножек.

До Елены доходили смутные слухи о том, что Наташа с Андреем вроде бы поженились, да не все идет гладко. Потом вроде бы разошлись, да тоже как-то непонятно.

На бывшую любимую подругу ей было наплевать. А вот сценарий неизбежной встречи с Андреем с годами становился все менее четким, хотя эпиграфом к нему по-прежнему можно было бы поставить бессмертную фразу из "Евгения Онегина": "Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?"

Пока не появилась своя машина, воображаемая встреча происходила на приеме в одном из посольств, куда Елена являлась в качестве почетной гостьи (первой женщины-академика, известной писательницы), а Андрей — в качестве переводчика при ком-то. Или на выставке художественных шедевров Елены (не умевшей, кстати, рисовать!), куда Андрей приводил группу иностранцев.

Все остальные воображаемые сцены были в том же духе, но в жизни Елена сделала все, чтобы стать: а) независимой, б) обеспеченной, в) красивой, г) счастливой. Но если честно, бывали недели, когда Елена ни разу не вспоминала об Андрее...

И вот совершенно неожиданно рядом с ней в троллейбусе

оказалась женщина, которая была Наташей. Когда-то была... Сейчас ей с одинаковым успехом можно было дать и сорок, и шестьдесят. Линялые джинсы в обтяжку и ярко-желтая кофточка с глубоким вырезом подошли бы молодой, эффектной девице, но неухоженное лицо, невероятно худые руки с обломанными, не слишком чистыми ногтями, жидкие пряди бесцветных волос... "Пронеслись года над головою, что же они сделали с тобой?" — невольно вспомнились Елене слова когда-то популярной песни.

— Как живешь, Наташа?

Та неопределенно махнула рукой:

— В основном плохо. Сейчас еду от сына, из больницы...

— Что-нибудь серьезное?

— Как сказать... Депрессия. В четырнадцать лет это плохо.

Елена решительно схватила бывшую подругу за запястье и потащила к выходу.

— Ты паршиво выглядишь, дорогая. Давай-ка посидим где-нибудь, поговорим.

Наташа безвольно увлеклась за Еленой и не оживилась даже тогда, когда они обе уселись в летнем кафе за столиком. Жили только ее руки, которые ни на минуту не замирали: теребили большую соломенную сумку, собирали со столика невидимые крошки, ломали спички, целый коробок которых, как по волшебству, оказался рядом с ее стаканом.

— Ты сама-то здорова? — преврала затянувшееся молчание Елена.

Почти бескровные губы дрогнули в вымученной улыбке:

— Да как тебе сказать... Три года назад лежала в больнице — депрессия. Работать не могу, получаю пенсию по инвалидности. Лечусь. Только проку от этого лечения не видно.

— Ты замужем?

— Я все ждала, когда ты спросишь... Мы с Андреем развелись, но по-прежнему живем в одной квартире. Он не желает заниматься разменом, у меня на это нет сил. Питаемся врозь, живем как соседи...

— Но он же видит, что ты больна!

— Конечно, видит. Потому и развелся. Когда у меня были осложнения после родов, он вообще на полгода исчез — жил у какого-то друга. Андрей терпеть не может больных и болезней. Он делается просто невменяемым.

— Но нельзя же сидеть в четырех стенах и прислушиваться к себе. Может, на работе ты быстрее поправишься?

— Ты шутишь! — криво усмехнулась Наташа. — Я представить себе не могу, что нужно пять дней в неделю с девяти до шести торчать на службе. Да я раньше трех часов ночи и заснуть не могу, даже с таблетками.

— Есть надомная работа. Переводы...

— Нет, это не для меня. Бра-ла я надомную работу, когда сын был маленьким, а Андрей пытался писать диссертацию и мало зарабатывал. Одна морока. Все время боялась, что не успею к сроку, нервничала, делала ошибки...

— Значит, Андрей защитился?

— Ну да! Я же сказала — пытался. Он только на словах — эрудит, а как доходит до дела...

В общем, не хочу вспоминать этот кошмар. Он по-прежнему работает в "Интуристе", если тебя это интересует. Получает в хорошие месяцы около трех тысяч. Но у них там переводчиков больше чем иностранцев. Все молодые и толковые разбежались по частным фирмам, а старые неудачники, вроде него, друг у друга экскурсии вырывают. Да он и на это не способен — свое получить.

А вообще-то тебе повезло, — продолжала Наташа, — что я у тебя тогда увела это сокровище. Всю жизнь ему отдала, молодость, красоту, сколько перспективных мужиков отшила — и что имею? Инвалидность, больного сына, штамп в паспорте о разводе и комнатенку в трехкомнатной квартире. Плюс бесконечные жалобы не то от мужа, не то от соседа, что жизнь не задалась... Ты, кстати, замужем?

— О, я! — неопределенно улыбнулась Елена. — Я уже бабушка, моя дорогая. Тебе все это еще предстоит.

— Вряд ли, — мрачно покачала головой Наташа. — Для этого здоровье нужно. И не только мое. В общем, главное — правильно выбрать отца своему ребенку. Ты вот не промахнулась, а я...

Расставшись с Наташей (без традиционных поцелуев и обмена телефонами), Елена медленно пошла домой пешком. У нее было ощущение того, что лестница, по которой она всю жизнь карабкалась, каким-то дьявольским образом оназалась перевернутой, и ее верхняя ступенька находится в глубине и мрачном подвале. Наташка, по крайней мере, по этой лестнице неуклонно опускалась,

не питая никаких иллюзий. А она, Елена?

"Стоп! — мысленно осадил себя. — Чего ради ты затеяла эту панихиду? Да, почти все в своей жизни ты делала для того, чтобы "доказать" Андрею его ошибку. Жизнь прекрасно сделала это за тебя. Как в сентиментальном романе: предатели наказаны, добродетель торжествует. И, может быть, хоть теперь ты перестанешь мечтать о журавле в небе... Тем более, что в руках у тебя не синица, а... лебедь. Или орел? Ну, это неважно, важно что в руках... пока".

На следующее утро, провожая Володю на работу, Елена с трепетом ждала классически прощального вопроса, имея роскошный, заранее заготовленный ответ. И вот Володя обнимает ее за плечи и шепчет:

— Созвонимся?

— Давай лучше поженимся, — ответила Елена и села на скамеечку перед зеркалом.

"Доигралась, — мрачно подумала она. — Тянула время, ждала прекрасного принца. Теперь придется кусать локти..."

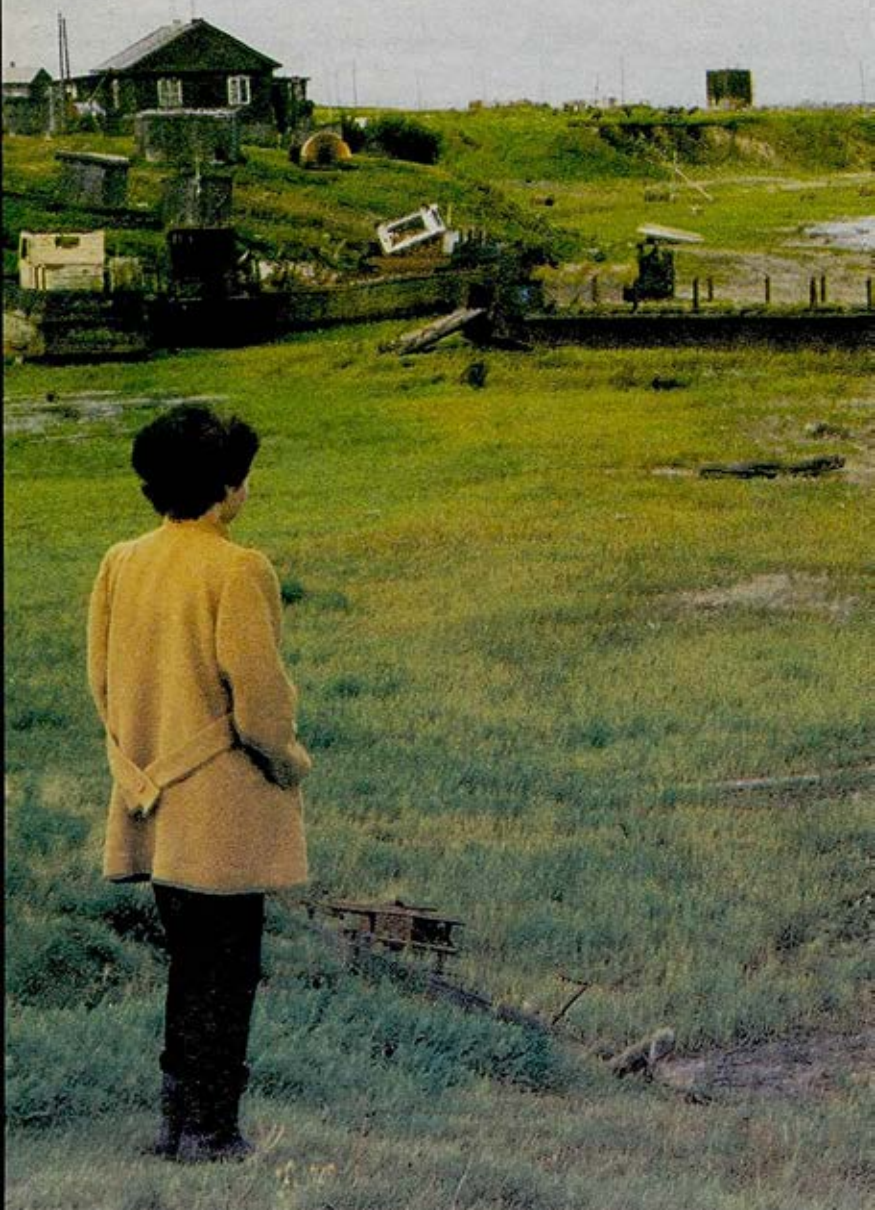
Но уже в следующую минуту ее подняли на руки, закурили по прихоней и зацеловали. Притом Володя произнес только две фразы:

— Значит, я столько лет просто неправильно говорил пароль? И не стыдно было меня так мучить?

Стыдно Елене не было. Было удивительно спокойно. Лестница, ведущая вниз, осталась позади, да и вообще можно было позволить себе передохнуть.

Хотя бы на время свадебного путешествия. ■

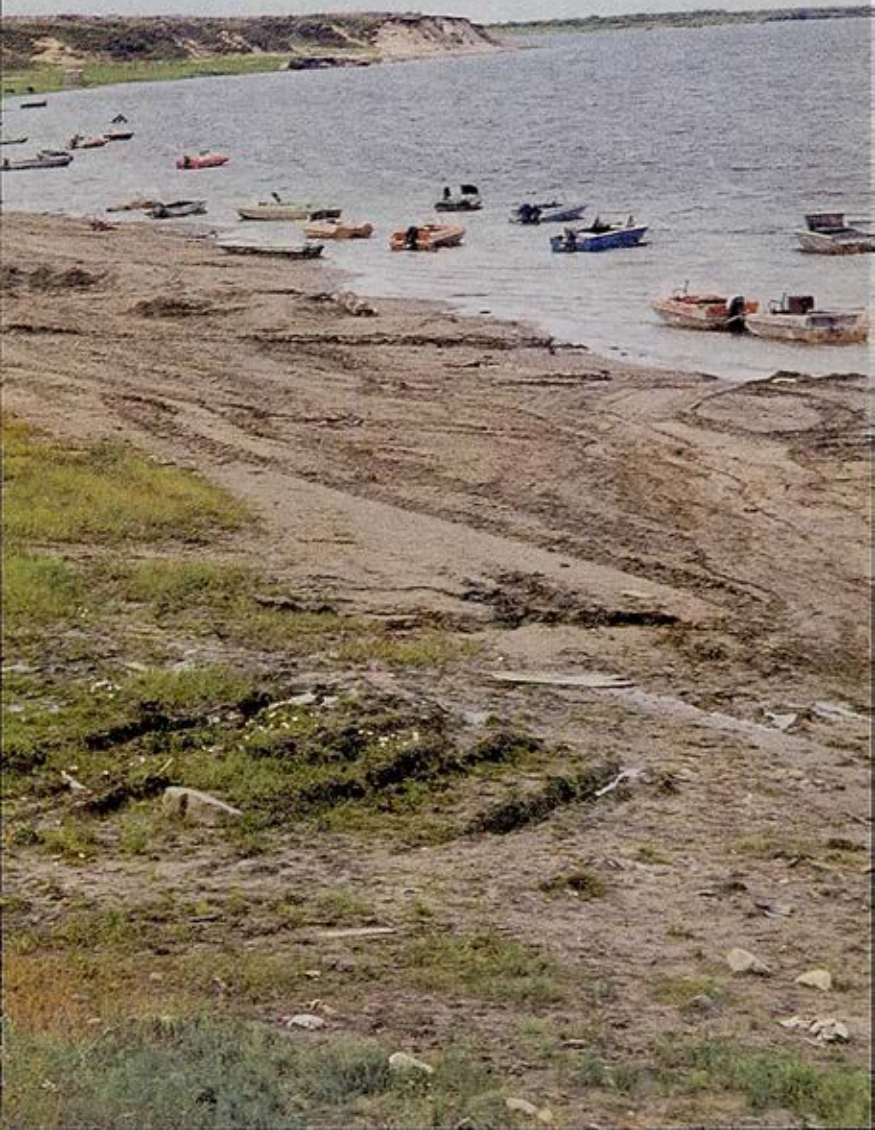
у реки

где живут оленеводы

Галина КАЛИНИНА

фото автора

Где родился, там и пригодился

Дверь в дом оказалась открытой. Из сеней пахнуло душистой пряностью трав, под ногами устало скрипнули половицы. Дверь в кухню поддавалась так же легко. Хозяйка, видимо, только что собрались поужинать — чугунная сковорода на столе дымилась ароматным парком. Не успев донести до рта ложку жареной картошки, нам навстречу поднялся старик в валенках, в длинном свитере, столь преданном хозяину, что продолжает его согрывать и лишившись от старости рукавов.

— Проходите к столу. Голодные небось?

— Дядь Слав, не удивляйся, я к тебе корреспондентку привез, ты ее не знаешь, — кивнул в мою сторону моторист речного катера Семен Ардеев.

— Да я и тебя не знаю, — простодушно отозвался хозяин, — да вы проходите, присаживайтесь, еда-то стынет.

— Да как же ты меня не знаешь, я же Семен! Помнишь, я был у тебя в прошлом году...

— Что-то не припомню, — пожал плечами старик. — Ах, Семен... Семен с Сахалина?!

Мужики кинулись радостно обниматься.

Оказывается, есть еще в России дома, не знающие замков, доверчиво распахивающие двери перед незнакомцами... Дома, где путников, не спрашивая имени, спешат накормить. Мой случайный знакомый, моторист Семен уверял, что в Нуе у него живет родной дядька Ростислав, вот я и двинулась так смело в открытые двери. Выяснилось, что "родной дядька" —

отец друга Семена. Впрочем, кажется, тут почти все друг другу — родня, в чем я буду еще не раз убеждаться.

Нуя — небольшой поселочек в дельте Печоры, куда мы пристали на пути в Нельмин Нос. Ну, а Сахалин — родину Семена Ардеева — надо искать не на востоке нашей страны, а на севере, точнее — в Нарьян-Маре. Есть такой район в столице Ненецкого автономного округа. Почему "Сахалин"? Помните, как в школе называли последнюю парту? Ясное дело — "намчатной". Нарьян-марская "намчатка" — еще не край света, потому и называется всего лишь Сахалином. Есть тут места и куда более "крайние". Да взять ту же Ную. В низовьях Печоры на высокогорье — на восьми ветрах да на всех подветерьях — стоит дом Ростислава Ивановича Норепанова, и ничего живут, привыкли. Жизнь крепко бока намяла, а рыбаки знай себе море пашут.

Вот на снимке Ростислав Иванович с сыном Иваном провоняют нас на катер с угора. За спиной у Ивана прячутся ребяташки. Его старшая дочка нынче в городе в пятый класс пошла — в Нуе тоже есть школа, но только начальная, четырехлетняя. Кстати, есть тут и клуб, правда, сейчас там некому работать и он на замке. Зато в поселке появились вполне цивилизованные развлечения — современные видики, а у Ивана — так даже и видеонамера, которой он готов бесконечно снимать своих дочек. Так что это вам не медвежий угол какой-нибудь, хотя дома и не запираются на замки. Главное — перспектива образования девочек появилась — теперь в Нарьян-Маре есть филиалы и Между-

народного института экономики, и Славянского института, и институт нефти и газа Государственного технического Университета. Об этом же — образовании детей — разговариваем на катере с его капитаном Олегом.

Вообще-то он — Али Юнчев, татарин, но еще со службы в армии привык к тому, что друзья переименовывают его имя на русский лад. После армии Олег с женой пытались обосноваться в Крыму, да столкнулись с тем, что там крымских татар не жалуют. Север оказался куда более гостеприимным. Пятнадцать лет назад они здесь осели и, конечно, думали о том, что когда дети подрастут, надо будет куда-то перебраться поближе к институтам да университетам, чтоб сыну Шамилю и дочери Светлане по общепитиям не пришлось мотаться. Теперь же и мыслей таких нет — о переезде. Теперь, размышляет Олег, и в Нарьян-Маре есть где учиться — хоть на юриста, хоть на компьютерщика.

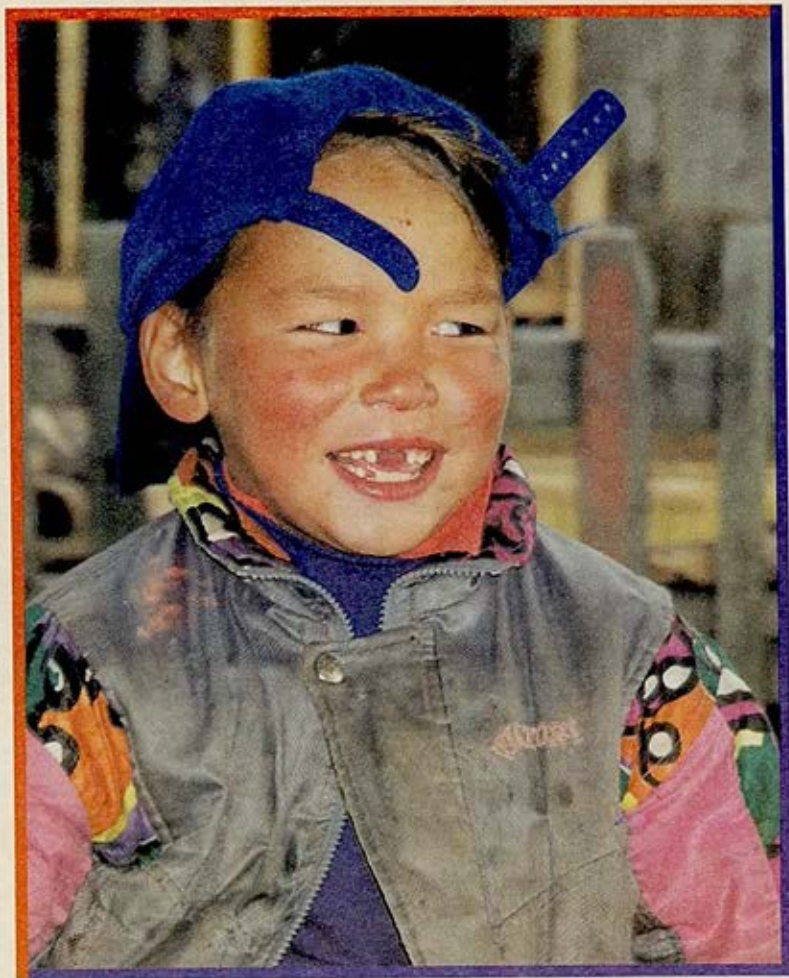
Пока мы с Олегом обсуждаем проблемы образования его детей, моторист Семен Ардеев, жмурясь от удовольствия, как кот на солнцепене, с наслаждением глотает ветер:

— Приедешь к родственникам в Ярославскую область, глотаешь там ветер, а он противный — пресный. А у нас как подует с севера "земляк", одно удовольствие глотать его — он соленый, вкусный. После отпуска есть его не наешься...

У каждого свои резоны коротать жизнь в этом краю, где дуют с моря озяблые ветры, где домов в поселках негусто, а людей нор-

мит тундра. Она — и пастбище для оленей, и богатые ягодные угодья, и... хранилище семейного очага. Об этом говорят многие женщины. Одна горожанка из Нарьян-Мара призналась мне, что давно бы уж перебралась на Большую землю, да опасается, что муж там уйдет... в запой. А что, спрашиваю, он большой любитель выпить? Да нет, отвечает, но здесь, дома — лодна, несколько удочек и ружей: зимой — охота, подледный лов, осенью — грибы-ягоды. Конечно, говорит, экономически невыгодно для семьи, когда "сам" с охоты с пустыми руками возвращается, но зато он душой в лесу отдыхает, а не лежит на диване, в потолок поплеывая. А что же в свободное время на Большой земле делают? Этот вопрос, наивно округляя глаза, мне задавали в Нарьян-Маре многократно. Признаться, когда я его услышала в десятый раз, он и меня поставил в тупик: в самом деле, а что же мы там, в Москве, делаем без тундры, откуда берем морошку с брусникой, голубину с ворониной, из чего варенья на зиму варим?

Свое желание выучиться на милиционера и вернуться в родной поселок Нельмин Нос школьница Алла Дроздовская, повидавшая уже и Москву, объясняет просто: "Где родился, там и пригодился". А научный сотрудник окружного краеведческого музея Надежда Васильевна Борухина призналась, что старается вообще "не ввязываться" в разговоры о притяжении Севера, потому что "как сердцу выразить себя, другому как понять тебя"? Заметьте, речь о сердце, не о деньгах... Большинство в свое время приез-

Благодаря тому, что бюджет округа стал доходным, более 4-х тысяч таких же мальчишек и девчонок минувшим летом были вывезены на отдых в теплые края.

Детские пособия здесь выплачиваются без задержек. В округе действительно работают и законы "О ветеранах", "О социальной защите инвалидов". Более 8000 человек пользуются различными льготами, малоимущим оказывается адресная помощь. Семьи оленеводов, кочующие по тундре, получают социальные пособия по линии программ поддержки малочисленных народов Севера.

жали сюда из-за заработков, а оставались из-за души. В судьбах северян — вся история освоения Печорского края, его сегодняшние проблемы и перспективы. Вот водитель Сергей Сухов приехал в Нарьян-Мар в советские еще времена подзаработать. Мужики-украинцы на автобазе сразу предупредили: главное — до истечения трех лет отсюда уехать, если три года тут пробыл — все, север тебя присушит, не вырвешься. Да Сергей-то особо и не вырывался, чего спешить, когда на сберкнижке на три "жигуля" набежало, всегда успеется уехать с такими деньгами. А тут — 92-й год, обвал рубля, сгорели "Жигули", что "лежали" на сберкнижке, синим пламенем. А без денег куда уедешь? Один билет на самолет только до Архангельска — без малого две тысячи рублей. Так шестнадцать лет и сосчитал на севере за баранкой, теперь вроде пора и уезжать: или к своим — в Киров, или к родственникам жены в Номи. Но тут...

Тут вмешалась дорога, по которой Сухов вез меня на УАЗике в поселок Красное. Сухов объясняет, что протянется она аж до Усинска. Знаем, как она "протянется", небось тот еще долгострой... Да нет, возражает Сергей, вроде дело в последнее время быстро пошло, в прошлом году вот сдали участок до Лая-Вонжа, оттуда — путь на Харьягу, а там уж и до Усинска рукой подать. Говорят, в администрации округа планируют всего за два года дорогу достроить. Это же уму непостижимо: Нарьян-Мар будет связан дорогой с Усинском, а значит — с Москвой, с Большой землей. Теперь сел за

баранку — и дуй из Ненецкого округа куда глаза глядят.

— Так зачем же теперь уезжать-то? — растерянно спрашивает меня Сергей Сухов.

И я его понимаю. Он крутит баранку и складывает в уме километры. Говорит, оттуда, из Усинска, тоже тянут нитку дороги — навстречу. Вроде как километров двести осталось или поболее будет. Эти километры сейчас все считают — от водителя Сергея Сухова до главы администрации округа Владимира Бутова, который иначе как Дорогой жизни эту трассу не называет. (Дорогу к Храму — самому северному в России, он проложил считай сам — среди спонсоров его строительства был первым. А теперь, понятно, частый гость — точнее, главный ее хозяин — на этой уникальной стройке.) Странное дело, завези людей на край земли и оставь там без дороги обратно — будут рваться назад. Отпускаешь их — вот вам дорога — и это... останавливает. Есть выбор. Это главное. Очень тяжело, когда нет выбора.

В столице округа из-за сердитых зимних морозов асфальт крошится в песок, потому здесь улицы выложены бетонными плитами. "Весь Нарьян-Мар — как взлетная полоса", — заметил один мой коллега. "Или посадочная", — съязвил другой. Диалектика... Вот и по дороге не только уезжают, но и приезжают. Люди будут приезжать сюда, если у них будет возможность уехать.

Зачем оленеводам прописка?

Когда я говорила друзьям, что еду в Ненецкий автономный

округ, мне непременно напевали "У Печоры, у реки, где живут оленеводы..." Да, долгое время именно Печора была ключом к освоению этих земель. По верховьям бегущих в нее рек попадали сюда новгородские купцы для торговли с кочевниками. Когда власть над Севером от Новгорода перешла к Москве, Московское княжество отправило сюда экспедицию, которая достигла низовий Печоры на речных судах по ее младшим рекам и речушкам через волоки. Здесь в 1499 году на полуострове озера, соединявшегося с Печорой судоходным каналом, был заложен форпост Московского государства. Тут кончалась обжитая земля, это был край света у "Дышащего моря" — Ледовитого океана. Это первое постоянное русское поселение на Печоре, самый удаленный острог Московского княжества нарекли Пустозерском — городком на Пустом озере. От одного названия городка веет пустынностью и отрешенностью. Неприветливое и студёное, бесплодное — пустое для земледелия — место. (Не случайно именно сюда — дальше было просто некуда — в 1667 году отправлен в ссылку протопоп Аввакум, проведший в пустозерской темнице пятнадцать лет и сожженный здесь заживо.)

Отсюда началось освоение необжитой реки. На Печору потянулись вольные русские люди. Печорою рекою пустозеры ходили на своих ночьях и ладьях в Ледовитый океан, к Матке — Новой земле, на Грумант — Шпицберген. Но, главное, Печорским краем русские люди добирались "за Намень" — через

Урал за мехами. Но все в этом мире изменчиво и непрочно. Завоевал Ермак Сибирь, и за Урал открылся более короткий и безопасный — южный путь. Пустозерский городок захирел и превратился в обычное село, потом — в деревню. Увы, в "неперспективную деревню". Разве что по привычке ее еще долго называли Городком (Городом в Печорском крае называют Архангельск).

Когда Пустозерск оказался мало кому нужным, как пишут в учебниках, "утратил свое значение", он перестал быть и административным центром края. В советские уже времена, после освоения Северного морского пути, накатила новая волна освоения и здешних земель. И толчок к этому дала опять-таки Печора. Когда в 30-х годах в Ухте начали добывать нефть, грузы туда решили завозить морем, а затем — по Печоре. На карте страны появился Ненецкий автономный округ, а преемником Пустозерска стал Нарьян-Мар (Красный город) — порт на нижней Печоре. Река, как кровеносная артерия, несла жизнь — строительные грузы и материалы — новым предприятиям Коми-республики. (Теперь они отвечают Печоре черной неблагодарностью — разливами нефти, стекающей в низовья реки и оседающей здесь в нерестовых ямах.)

Когда была построена железная дорога Котлас-Воркута, Нарьян-Мар, как некогда Пустозерск, стал понемногу "утрачивать свое значение". Однако к этому времени немногословную тундру уже дырявили буровые вышки геологов. За ними пришли нефтяники и придали разви-

тию Печорского края новый импульс, новое дыхание, которое, того и гляди, превратится в лихорадку.

Пришлые люди спешат успеть к разделу этого пирога с неслыханными нефтяными запасами, местный люд мечтает о том, чтобы в огороде забил фонтан нефти, слабо разбираясь в законах и смутно представляя себе, что же будет дальше — после того, как кусты картошки в палисаднике оросятся брызгами "Нефтяного игристого". Как ни крути, а в центре этой драмы оказались те, кого нынче принято называть малочисленными народами Севера. Говорят, раньше не было у них защиты и опоры на местные власти. Теперь администрация округа твердо отстаивает их интересы, традиции, уклад жизни, несмотря на авторитет нефтяных компаний, желающих царить в тундре.

Как только ни называли ее исконных жителей... Судя по старинным документам, через Пустозерск шла меновая торговля с "самоядью", впоследствии в Пустозерскую волость входили "оседлые зыряне" и "ночевые самоеды". Большевикам древнее "самоед" показалось оскорбительным, вульгарным, и в 1927 году вышло специальное постановление ВЦИК, предписывавшее впредь называть самоедов ненцами. Здешняя знаменитость, человек в округе известный и уважаемый, писатель Прокопий Явтысый, которого я застала дома накануне его поездки на VI Всемирный конгресс финно-угорских писателей, объяснил, что в переводе с их языка "ненец" означает... "человек".

"Я — ненея ненец", объясняет Прокопий Андреевич, переводится как "Я — настоящий человек".

Разумеется, советская власть не ограничилась "окультуриванием" названия кочевого народа. Ему был уготован прямой, как лозунг, путь в цивилизацию — через колхозы для оленеводов, интернаты для их детишек вдалеке от тундры, от чумов... Казалось, было сделано все, чтобы приобщить кочевников к цивилизации. Но минуло 70 лет и вдруг выяснилось, что есть в Большеземельской тундре около ста — ста пятидесяти человек, которые, подобно их предкам, кочуют по округу, не имеют домов, никогда не состояли в колхозе, не служили в армии, не платили налогов, у них нет паспортов и — о ужас! — прописки. Они пасли в тундре оленей, изредка выходя к буровым вышкам или в Амдерму, Воркуту, чтобы обменять мясо на другие продукты питания. Кочевники пережили все революции и войны, коллективизацию с индустриализацией, Хрущева с Брежневым... Они пережили все, а споткнулись о... 91-й год, когда появились талоны на продукты питания.

Кочевники не смогли тогда выменять в городе оленину на муку и сахар. Мало того, поскольку хозяйствам определялись границы пастбищных угодий, "неорганизованные единоличники" оказались в сложной ситуации, их кое-где начали теснить колхозы. Говорят, кочевники стали "выходить на власти", что, признаться, я себе представляю с трудом. По округу поползли слухи о "настоящих ненцах". Как бы то ни было, это означало ЧП ок-

ружного масштаба — бесколхозные, беспаспортные кочевники! Историю постарались не афишировать. Директор окружного краеведческого музея Татьяна Журавлева вспоминает, как первый секретарь окружкома партии осторожно "зондировал общественное мнение" — интересовался ее отношением к тому, что по тундре бродят единоличники. Надо ли

вежский антрополог из Тромсе Ивар Бьерклунд, который как-то попал к кочевникам и написал про это в книжке.

Для того, чтобы "узаконить" единоличников, отвести им земли, неграмотных кочевников "оформили" в общину "Ямб то" (Длинное озеро), утвердили им устав. Им и паспорта начали выдавать, страховые полисы, но

Так тундра "зализывает раны". Когда-то здесь прошел вездеход...

вовлекать их в колхозы, давать им дома, приписывать к какому-то Совету?

Конец пересудам положил, как водится, иностранец — нор-

многие все это просто теряют: зачем в тундре паспорт? Аркан — нужен, топор — нужен, а паспорт? Нет, совсем не нужен...

— Интересно, что внутри общины идет товарный, а не денежный обмен, — рассказывает Татьяна Журавлева. — Я у Афанасия Вылко спросила, за сколько они продали пимы. Он мне объяснил так: женщина сшила эти пимы, а другая отдала ей за них живого оленя. Потом мастерица, что шила пимы, оленя продала и выручила полторы тысячи

рублей. А сколько стоит хорей (палка, которой подгоняют оленей)? Оказалось, что за него с мастером тоже рассчитывались мясом.

В "Ямб то" нарьян-марцы открыли летнюю ночевую школу,

Здесь нужны грамотные люди. В этом году для школьников и студентов — отличников учреждены стипендии администрации округа. Не забыты и студенты из малообеспеченных семей. В прошлом учебном году был установлен своеобразный рекорд — 15 выпускников закончили школу с медалями. И нельзя сказать, что с вузовскими дипломами они не возвращаются домой: в школах, больницах и поликлиниках трудятся в основном "местные кадры". Вот и школьница из поселка Нельмин Нос Алла Дроздовская (на фото) собирается, получив образование, вернуться домой. В этом году количество безработных в округе снизилось вдвое, а в Нарьян-Маре — более, чем в три раза (вакансий же стало чуть ли не в два с половиной раза больше). Это — реальные плоды социальной и экономической политики администрации округа.

которая при поддержке международного комитета Баренцева Евро-Арктического региона (хлопотами Ивара Бьерклунда) работает уже четвертый год. Кстати, открывать школу учителя ехали на крыше вездехода, поскольку он "под завязку" был забит продуктами для кочевников.

Появление общины "Ямб то" обнажило драму этого малочисленного народа. Ненцы рассказывают про кочевников с нескрываемой завистью. Что, неужто им, "цивилизованным", живущим в городах и поселках, так худо пришлось при советской власти?

Вот Анастасия Федоровна Михайлова, врач-терапевт. Родилась в Малоземельской тундре, на ягеле у основания холма Ярдей, в руки бабушки, которая принимала роды. До восьмого класса жила в чуме в поселке Хангурей, потом — школа-интернат, Архангельский медицинский институт, 26 лет работы терапевтом. Двое сыновей (старшему уже 26) и дочка. Рожала, разумеется, не в ягеле — в роддоме. Сегодня Анастасия Михайлова работает в этно-культурном центре, что создан при окружной администрации для возрождения и сохранения культуры малочисленных народов Севера.

Прокопий Андреевич Явтысый, поэт, прозаик, художник, член Союза писателей РФ. Родился на нарте в Малоземельской тундре. Вместе с родителями кочевал за оленьим стадом. В жарком 43 году, когда олени умирали от гнуса и недоедания, отец Прокопия в стаде из 1200 голов недосчитался сотни. Его

забрали, объявили врагом народа, потом вернули в тундру, чтоб работал и выплачивал деньги за нанесенный государству ущерб. До 56 года Прокопий ежемесячно высылал отцу деньги — помогал рассчитаться за утеранных в войну оленей. Прокопий Андреевич окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Женился на ненке с Наннинской тундры, 22 года преподавал в школе биологию и химию. Написал 16 книг.

Что ни человек — разительная пропасть между судьбой родителей, живших в темных чумах, ночевавших по тундре, и детей — получивших образование, увидевших мир, идущих на работу из городских квартир, уставленных полками с книгами. И — ничего даже отдаленно напоминающего на "Спасибо партии родной". И — желание спасти от благодеяний цивилизации своих соплеменников, до сих пор спящих на оленьих шкурах в задымленных чумах.

— Анастасия Федоровна, если бы вас в интернат не забрали, кочевать бы вам, неграмотной, сейчас по тундре.

— Если бы я не выучилась... Я бы так и жила, как в "Ямб то" живут, ездила бы на оленях, наряжалась бы и была бы счастлива. Но сейчас-то, конечно, я уже старая для этого, кому я теперь нужна?

— Получается, вы сожалее-те, что вас приобщили к цивилизации?

— Я об этом не жалею, но если бы я осталась в тундре, то ничего бы не случилось, свет не перевернулся бы. Конечно, если девочка Полинка из общины "Ямб то" поедет учиться — пусть

она учится, но не надо их *всех* заставлять это делать. И еще, имейте в виду, то что легко дается, потом мало ценится...

Бог мой, сколько судеб надо было перелопатить, чтобы прийти к простой истине: нельзя железной рукой загнать людей в счастье, в каком бы обличье оно ни выступало — образования ли, городской жизни или новых методов выпаса оленей и производственных успехов на этой ниве. Есть и иные ценности, которые не могут быть хуже или лучше, они просто у каждого свои. Например, такие:

— Какие люди в "Ямб то"! — не перестает восхищаться Проконий Явтысый. — У них даже осанка не такая, как у нас, — гордая. А какая у них походка своеобразная — легкая, свободная. О своей земле они говорят с гордостью! Понимаете, ненец, который живет, кочуя по тундре, совсем отличается от нас.

Что ценнее — гордая осанка или высшее образование? Наверное, только в бреде можно так поставить вопрос. Вправе ли кто-то решать за человека, где и как ему лучше жить? Я понимаю, почему бурю возмущения вызвала в округе статья в одном из популярных московских изданий о том, в каких плохих условиях живут ненцы в чумах, о царящей там антисанитарии.

— Поймите, это их жизнь, — горячится Анастасия Федоровна. — Да, вам будет противно забраться в шкуру оленя, вам подавай простыни, а для них это нормально. Спать на оленьей шкуре — не означает ни "плохо", ни "хорошо" — жизнь у них такая, вот и все. Зачем им *навязыв-*

ать наше представление о хорошей жизни? По-моему, не может быть никаких разговоров о том, что в "Ямб то" живут плохо. Там нормальные здоровые люди, это я вам как врач говорю, румяные дети, столы у них полные. Да, они считают, что четыре класса образования вполне достаточно — что ж с того? Главное, они говорят по-ненецки (!), живут нашими давними порядками, кочуют по тундре, кучу детей растят.

Учителя, приезжавшие в "Ямб то", тоже не могут скрыть восхищения простой и естественной вещью: в общине все говорят на родном языке. В кочевой школе ненцев учат русскому, а в Нарьян-Маре их соплеменников — ...ненецкому. Даже в ненецких семьях дома говорят порусски. В столице округа кругом звучит только русская речь, правда, в гостинице вывески-объявления теперь все-таки на двух языках: русском и... английском.

Однако самая большая печаль — не забвение родного языка, с этим можно справиться. Больше всего и русских, и ненцев, с которыми мне довелось познакомиться, волнует другое...

Увязалась я со специалистами из окружной администрации в один из пригородных поселков — разбираться с жалобой. Заходим в дом. Нас встречает ненец-оленеvod, сорокалетний мужик. Сокрушается, что никому нет дела до него, всем наплевать, что дом, в котором он живет, разваливается. И просит денег на ремонт. Осторожно ступаю по проваливающимся половицам, с опасной опираюсь на

шатающийся косяк двери, интересуюсь: "Чей дом-то — колхозный? Поселкового совета?" — "Нет, — отвечает, — дом частный, мой, еще родительский, живу в нем с рождения. Сколько себя помню, дом ни разу не ремонтировался". Вопрос о том, почему жилье ни разу не приводилось в порядок, повисает в воздухе. В таком же состоянии в

Поэт, прозаик, художник Прокопий Явтысый.

поселке немало частных домов оленеводов, которые им давали когда-то, "приобщая к цивилизации". И дело тут не в бедности — говорят, в советские времена у

олeneводоB на сберкнижках лежало по сто тысяч рублей (тех еще).

У психологов есть такое понятие — "выученная беспомощ-

Здесь
даже в городе
можно встретить
оленья...

роддоме, — ее учат беспомощности. Где та грань, за которой добро превращается в зло? Быть может, беда в том, что ненцев долго учили беспомощности, не давали проявить себя, держали за иждивенцев? А теперь спохватились: "Как это так, деревенский мужик не может построить дом?" Конечно, дать деньги (льготы, квоты в университе-

Поселок Нуя в дельте Печоры.

ность". Например, когда женщине, у которой мама, бабушки и прабабушки всю жизнь рожали в тундре (в степи, в стогу...), убеждают, что рожать надо только в

ты...) куда проще, чем научить жить в этом ужасном мире, где люди пьют водку и ночуют в домах из кирпича и бетона, а не в уютных чумах из оленьих шкур. В

результате, как утверждает рожденный в тундре ненец Прокопий Явтысый, "потеряна самостоятельность кочевого тундрового населения, цивилизация околдовала его, разнежила и ослабила".

Что значит сохранить этнос? Возродить язык, песни, обычаи? Безусловно. Не случайно в Нарьян-Маре открыт этно-культурный центр, администрация округа поддерживает литературно-творческую группу "Суюкоця" (Олененок), школы национальных ремесел, первый ненецкий театр "Илебц"(Жизнь), который со своими постановками уже побывал в Норвегии. "Юные таланты — как нежные растения, за ними надо ухаживать, поливать, полоть, — рассуждает писатель, поэт, переводчик Алексей Ильич Пичнов. — Если ты от них отступился, можешь потерять этих одаренных ребят — пойдут по стопам старших товарищей вино пить". И таланты здесь действительно поддерживают. Например, одаренные девятиклассницы Алла Дроздовская и Варя Варницына уже могут похвастаться общей книжкой стихов "Родимый край". Здорово и то, что пережил все падения рубля и выстоял горпромкомбинат "Ялумд" (Заря), где мастерицы шьют традиционные ненецкие пимы, меховые сувениры.

Все это, конечно, отрадно, но главное, как считают в ассоциации ненецкого народа "Ясавэй", — восстановление той самой самостоятельности народа, о которой толкуют многие. Судьба общины "Ямб то" стала для ненцев ключом к этой идее. Ее суть: оленеводство — не просто

отрасль сельского хозяйства, но образ жизни ненецкого народа, сохраняющий его уникальную культуру.

— Не будет оленей — не будет и этноса, — утверждает Прокопий Явтысый. — Тундровикам нельзя навязывать оседлый образ жизни, потому что оленный народ веками кочевал. Кочевой народ не должен жить оседло. Сегодня же половина Малоземельской тундры занимается сменно-звеньевым — вахтовым! — методом выпаса оленей (смена оленеводов приезжает в тундру и кочует там без женщин, без детей!). Свои проблемы каждый народ может решить сам. Для этого нам нужны не привилегии и льготы, а законы.

Речь идет о "Законе об оленеводстве", о квоте для представителей ненецкого народа в окружном Собрании депутатов (как у ямальцев)... Увы, проблемы эти пока из разряда не просто нерешенных, но скандальных. Они — лишь видимая часть айсберга, а где-то там, под спудом, в подтексте — драма дележки нефтяного пирога, богатейшего края. Дело в том, что эта идея — "Оленеводство — способ существования ненецкого народа, от развития этой отрасли зависит судьба этноса" — идет вразрез с хищнической деятельностью иных компаний по освоению нефтяных богатств округа. (Я уж не говорю о разговорах ненцев про то, что нефть добывают на их пастбищах, а потому оленеводы имеют право на часть налогов с нефтяников — такой опыт, мол, есть в Норвегии. Не развиваю эту тему, поскольку в наших законах о земле сам черт ногу сломит, Земельный Кодекс еще не принят, во всех докумен-

тах ссылки идут еще на РСФСР-овские законы. В Земельном комитете округа, куда я зашла, чтобы поговорить о правах оленеводов на пастбища, по этому поводу даже развернулась дискуссия.)

"Крамольность" идеи — "Деградация оленеводства ведет к деградации этноса" — и в том, что она просто снимает вопрос "Что выгоднее — оленеводство или нефтепромыслы?" Вопрос не такой безобидный, как кажется на первый взгляд. Кстати, специалист Международного общественного фонда содействия экономическому и социальному развитию коренных народов севера Елена Базылева рассказала мне, что одна из ее задач в Нарьян-Маре — помочь определить, куда здесь надо вкладывать деньги. Ее позиция: доходами от нефтяного бизнеса надо не дыры латать, а пускать их на развитие возобновляемых, в отличие от нефти, ресурсов, наладить производство эксклюзивного северного товара, как в Норвегии (оленина, рыба, ягоды...). Более того, в администрации округа (и прежде всего ее глава Владимир Бутов) считают, что "если все пришлые нефтяные компании просто будут платить положенные налоги, то округу и не надо подачек в виде создания для него новых рабочих мест. Будут средства в бюджете — хватит и на инвестиции, и на организацию новых производств, а значит и новых рабочих мест".

Сегодня все эти идеи имеют под собой реальную основу для воплощения в жизнь, потому что бюджет округа стал доходным. Здесь появились деньги, и это сразу ощутил на себе каждый житель округа. Например, за год

трижды увеличивались пенсии, в сентябре на 35 процентов повысились зарплаты бюджетников, а месячный доход учителей вырос сразу без малого на 60 процентов. Появилась возможность увеличить стоимость горячих завтраков школьников, был обеспечен выезд с севера в период отпусков более 10 тысячам человек (по гарантийным письмам).

Говорят, миром правят власть, деньги и любовь. Поэтому следующая глава —

Про власть

Контору муниципального образования "Приморско-Нуйский совет" в поселке Красное по привычке называют сельсоветом, но дело не в названии, а в сути. И суть эта проста: Анатолий Беляев здесь — муниципальная власть. У сельсовета денег никогда не было, а водились они в "поселкообразующем" колхозе "Харп" (теперь его называют коллентивно-долевым хозяйством, о чем речь ниже). А где деньги — там и власть. И народ за нее "голосовал ногами": для решения своих проблем люди торили широкую дорогу в контору колхоза, а за справками протоптывали хилую тропинку в сельсовет. Поселок Красное жил за счет колхоза. Все строилось за его счет или с его помощью. Сельсовет вечно ходил у него в долгах, дело дошло до того, что два года назад в конторе сельсовета были отключены и свет, и тепло. Власть нечем было расплачиваться с хозяйством за отопление не только своей конторы, но и садинов, больнички, школы-интерната... Да что там говорить, в прошлом году муниципальное

образование задолжало "Харлу" полтора миллиона рублей.

Сегодня в поселке власть от колхоза перешла к сельсовету. Нет, по-моему, это сенсация:

— В этом году мы сделали *предоплату* колхозу за свет и тепло в размере 600 тысяч рублей, — спокойно, как о чем-то самой собой разумеющемся рассказывает Анатолий Филиппович. — Денег сейчас у нас боль-

дене бюджета на будущий год, и мы просим... 18-19 миллионов.

— А что вы будете с ними делать?

— Замечательный вопрос! Я не первый раз слышу: "Ну что вы в деревне будете делать с деньгами?" Очень трудно изменять сознание людей. Недоверие к нам еще с советских времен идет, когда каждый рубль пере-

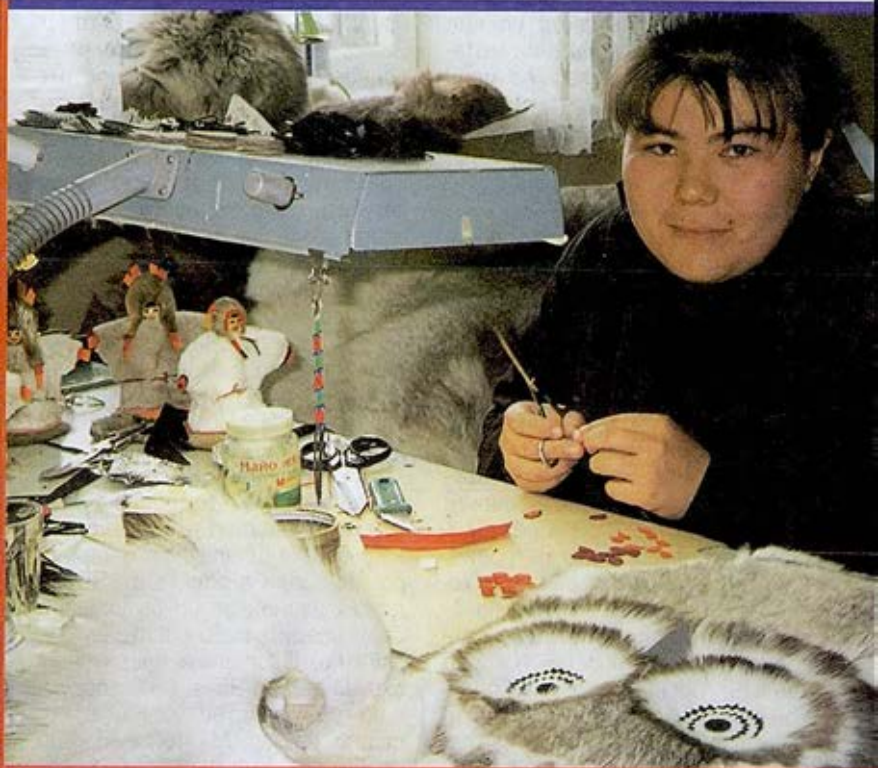
ше, чем у колхоза. Бюджет нашего муниципального образования на этот год был сверстан в пределах 7 миллионов рублей. А нам уже выделили на 2 миллиона больше. Сейчас идет обсуж-

водился из Москвы и четко предписывалось, сколько копеек потратить на скрепки, а сколько на карандаши. И сейчас, когда в окружном бюджете деньги появились, их сначала

боялись давать на село, не верили, что мы сами сможем использовать законы. Например, думали, что мы не сможем пользоваться законом о доплатах пенсионерам. То есть предполагалось, что каждому пенсионеру надо было ехать в Нарьян-Мар и решать свои пенсионные проблемы там — мол, тут, на месте, наша администрация не справится.

отстаивал эту ставку, и два года он уже работает. Раньше народ к председателю колхоза шел с протянутой рукой и он решал — "дам" или "не дам", а сейчас к нам люди, как в Смольный, идут, — продолжает Анатолий Филиппович. — Народ увидел, что здесь решаются правовые вопросы.

На языке экономистов это называется профицит бюджета

На горпромкомбинате "Ялумд" (Заря) шьют традиционные ненецкие сувениры — из меха оленя.

Из 21-го муниципального образования в округе только у нас на селе есть юрист. Я два года

Ненецкого автономного округа, а на языке селян это означает, что восьми погорельцам в "Крас-

ном" не пришлось зимовать на улице — им построили новые дома, квартиры. Бабушка, которая всю жизнь проработала дояркой, заработала кучу почетных грамот, а на старости лет стала погорелицей, не знает и слов-то таких "профицит бюджета", но именно благодаря этому мудреному понятию Приморско-Нуйский совет смог выделить ей полдома.

Сколько лет, по словам Беляева, бюджет сельсовета служил только "для поддержания штанов", а теперь появилась возможность отремонтировать школы, садики, повысить зарплату учителям, воспитателям, медикам, привести в порядок поселок...

Про деньги

Про деньги мы много говорили с Николаем Колесниковым — молодым, энергичным руководителем коллективно-долевого хозяйства "Харп". Это одно из крупнейших и, пожалуй, самое многоплановое хозяйство округа. Здесь занимаются животноводством, оленеводством, рыбодобычей, мехпошивом. В "Харпе" — единственная в округе звероферма (голубой и серебристый песец). Николай Петрович, как водится, посетовал, что хозяйству, находившемуся в крайней нужде, последние годы приходилось еще и поселок на себе тащить, поскольку муниципальной власти нечем было рассчитываться с ним даже за свет и газ. "Что же вы — такой большой колхоз — в крайней нужде находитесь? Вы что, работать не умеете?" — не удержалась я, чтобы не съязвить.

— Мне всегда грустно слышать, что сельское хозяйство —

это черная дыра, — отвечает Колесников. — Откуда взялось такое отношение? Если в нас вкладывали средства под 230 процентов, то как мы можем их вернуть государству? До 93 года наше хозяйство было высокоприбыльным. Доходность оленеводства достигала 200 процентов. После обвала рубля хождение наличных денег фактически запретили — нам с большим удовольствием начали предоставлять кредиты. Мы их брали с 93-го до 95-го. Не коммерческие банки — родное государство давало их под 150-230 процентов, то есть возратить мы должны в два с лишним раза больше, чем взяли. По-моему, только тот, кто хочет загубить дело на корню, может назвать это "вложением" в сельское хозяйство.

— Николай Петрович, а нельзя было не брать тех денег?

— Наша основная отрасль — оленеводство, то есть продукцию (мясо) мы получаем аж в ноябре-декабре. Когда колхозные деньги обесценились, у нас не на что было купить комбикорма, горюче-смазочные материалы (кругом же предоплата). Раньше, пока рубль не шлепнулся, мы никогда не брали в долг, а в 1993-м других вариантов не было: либо бери кредит, либо распускай хозяйство. Последний кредит нам охотно дали в 95-м. А на следующий год хозяйство, извините, посадили на зад. Мы тогда хорошо сработали, закупили горюче-смазочные материалы, комбикорма, заплатили налоги. Но нас круто "осадили": с хозяйства удержали полтора миллиарда рублей — в счет погашения даже не самого кредита, а только процентов за

него. А буквально через два года всем коммерческим организациям (у них были долги и по пять миллиардов)... списали эти проценты за пользование кредитом. Спрашивается, а нас-то — не новорожденных коммерсантов, но добротное хозяйство — зачем в 96-м так посадили? Понимаете, с коммерсантов эти проценты не драли, нас же держали в черном теле, а потом всех скопом "простили". Недавно окружная администрация "простила" нам оставшиеся долги по процентам за кредиты миллионов на восемьсот (теми еще, неденоминированными деньгами), а три с половиной миллиона долгов по налогам все еще тянутся за хозяйством. Словом, до сих пор из кредитной ямы выползаем.

В 1992 году мы, согласно требованиям новых законов, преобразовали колхоз в коллективно-долевое хозяйство, но тут же вышел новый закон о кооперации — и снова трубит труба реорганизации. Надо создавать сельскохозяйственный производственный кооператив. А в скобках снова напишут "колхоз", — устало иронизирует Колесников. — По сути просто вывеска меняется. Фондообразование, вся производственная структура, доля работника в хозяйстве — практически все остается то же самое. Кому нужна такая "реорганизация"?

В хозяйстве, пожалуй, оленеводы лучше других живут, — размышляет Колесников. — Почти у каждого в колхозном стаде есть свои олени. Это же здорово, когда оленевод может в конце года забить от тридцати до пятидесяти своих, частных,

олений. Работать животноводом, конечно, менее выгодно — он же не держит на ферме свою личную корову, например, а оленевод своих оленей пасет вместе с колхозными. В нашем хозяйстве 1580 оленей, а у частных — 5300 голов, неплохо да?..

Про любовь

...Валентина с готовностью выключила радио, чтобы бравурная мелодия не заглушала в моем диктофоне ее слова и поделилась сокровенным: пока не постареет, никуда отсюда не уедет. "И какой же возраст вы считаете старческим?" — поинтересовалась я. — "Лет пятьдесят пять", — ее очаровательная наивность, так характерная для молодости, просто покорила меня.

Через несколько минут выяснилось, что у Валентины Зганич, оказывается, почти взрослые уже дочери — восьмой и одиннадцатый класс. Я не в первый раз обманулась насчет возраста ненок. На восхищение их молодостью они очень любят повторять, что холод, мол, консервирует женскую кожу. В ходу легенда про Клеопатру, которая якобы каждую ночь приказывала ставить у своего изголовья чаны со льдом. Стоит ли удивляться, что местные девушки пленили столько геологов, строителей, нефтяников, приехавших когда-то по комсомольским путевкам да так и осевших тут на всю жизнь. Результат такого смешения кровей заставил себя ждать не слишком долго: молодежь здесь необыкновенно красива. "Я метиска, — смеется юная поэтесса,

школьница из поселка Нельмин Нос Алла Дроздовская. — Мама ненка, папа наполовину белорус, наполовину украинец". В округе осело особенно много украинцев и выходцев из Коми-республики, которые организовали в Нарьян-Маре даже свои землячества. Дочери Валентины Зганич тоже "метисы" — их папа родом с западной Украины. Он приехал сюда строить поселок нефтяников на Варандее, там и познакомился со своей будущей женой.

Север то находился на положении "неперспективной деревни", то лихорадочно застраивался — как-то бездумно и странно. Взять тот же Варандей. Не успели его построить, как выяснилось, что Баренцево море затопляет дома, сооруженные на самом его берегу. В 97-м на федеральном уровне Варандей признали зоной стихийного бедствия. Дома здесь не бросают, разбирают и поднимают вверх по реке — это "вторичное жилье". А что делать с людьми? Ведь вторичных судеб не бывает... Народ решили переселять на Большую землю. В одну из первых групп переселенцев три года назад и попала директор дома культуры Валентина Зганич. Ей, коренной ненке, предложили на выбор несколько мест в России — Муром, Кольчугино, Воронежскую область... Семья Зганич выбрала Ковров, что во Владимирской области, — там было уже много знакомых с Варандея, воркутинцы.

— В Коврове мы сразу же получили трехкомнатную квартиру в благоустроенном панельном доме, — рассказывает Валентина. — Детей устроили в школу.

Все складывалось прекрасно: мы купили мебель, обустроили жилье, ели фрукты-овощи. Но деньги быстро кончились. Муж устроился на лесоторговую биржу, а мне предлагали работу с окладом 250 рублей, но я не представляю себе, как можно на такие деньги жить. Мужу пообещали 600 рублей в месяц, но он, наивный, не заключил контракт, и его обманули. Он, конечно, очень обиделся, что его так унизили, и мы решили вернуться на север. Короче, я в Коврове и четырех месяцев не прожила.

Мне довелось услышать несколько подобных историй, пока ждала своего рейса в аэропорту. В конце августа народ возвращался из отпусков, из тех мест, куда переехали друзья, родственники или просто соседи. Сарафанное радио работало на полную громкость. Основная новость — о трех северянах, что добровольно закончили историю своей жизни "на чунбине". А что удивляться: у нас и соседняя деревня порой — чужая сторона, что ж говорить о каном-то Коврове? Наученные опытом первых переселенцев, специалисты из администрации теперь помогают варандейцам перебраться сюда же, в округ, в тот же Нарьян-Мар.

По словам заведующей комитетом окружной администрации Ларисы Нагорной, сегодня в очереди на переселение стоит около тысячи восьмисот человек. В этом году уже переехала в более теплые края сто одна семья. Их новые адреса в Вологде, Пскове, Выборге, Кирове, Иваново, в городах Ульяновской, Новгородской, Воронежской областей.

Первыми претендентами на переселение становятся те, у кого стаж работы на севере сорок лет. Старики уезжают, конечно, ради детей и внуков. Многие потом возвращаются, как вернулась та же Валентина Зганич. А пенсионерка Варвара Михайловна Бобнова, посадившая в Нарьян-Маре север из ста берез, ради возвращения на Север даже рассталась с мужем, с которым прожила 16 лет. Выйдя на пенсию, они с мужем переехали в Архангельск, где Бобнова выдержала всего два года. "А потом у меня началась ностальгия по Нарьян-Мару, — вспоминает Варвара Михайловна. — Я просто заболела унынием. Так и сказала мужу, что не могу я без Нарьян-Мара жить. Не могу и все тут. Муж предлагал ехать жить в Краснодарский край, где у его родителей большой дом, но мне в тех краях даже дышать трудно. Как там можно жить? Он поехал в свой Белореченск, а я — в свой Нарьян-Мар. Теперь живу Нарьян-Маром, любовью к нему."

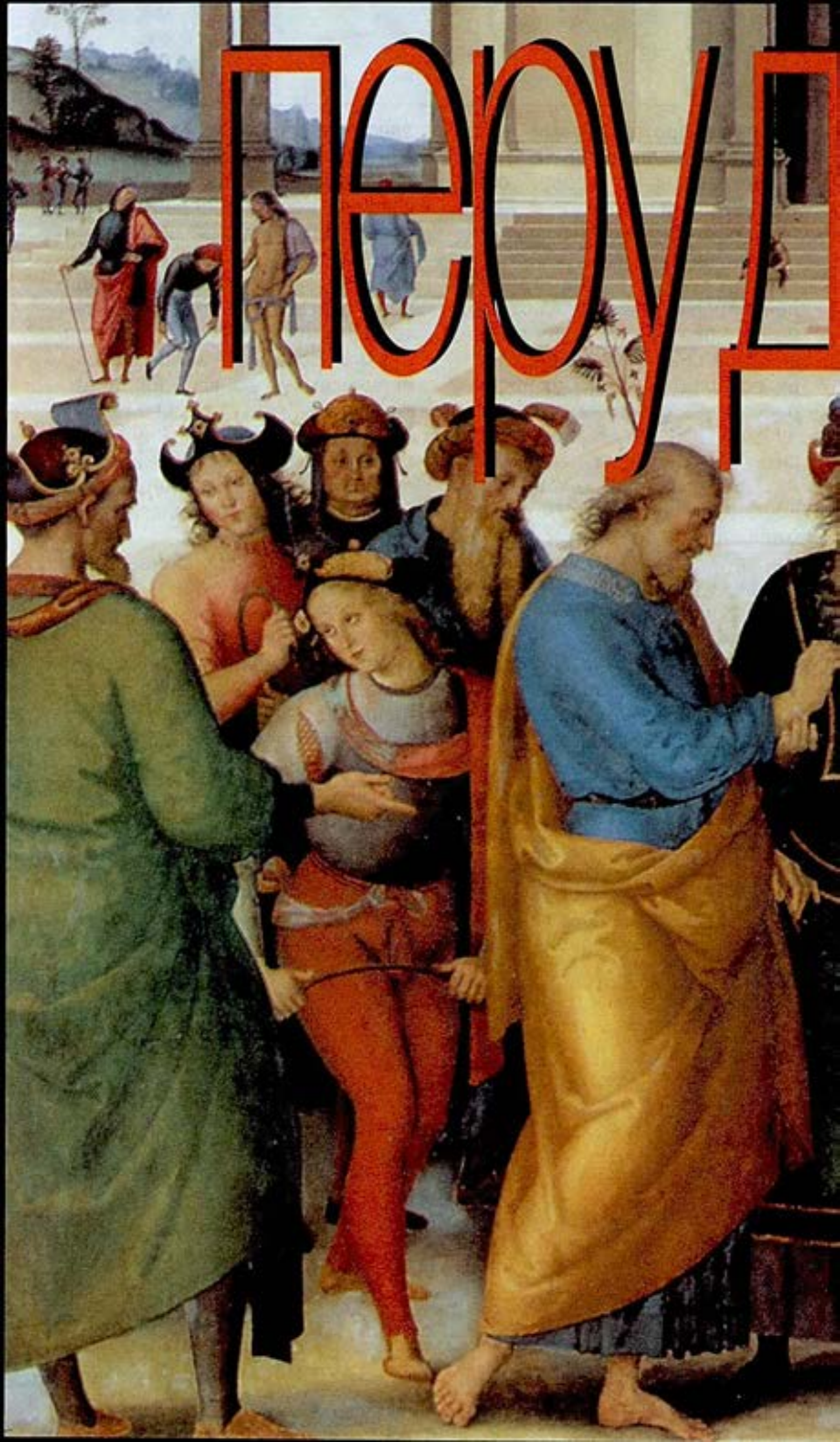
Истату, у пенсионеров, честно заработавших свои пенсии

здесь, на севере, на Большой земле "северные надбавки" к ней ликвидируются. Так что старики, уезжая, всеми правдами и неправдами стараются оставить в паспортах нарьян-марскую прописку, не забирают отсюда свои пенсионные дела. Прошлым летом Пенсионный фонд попытался с этим бороться: пенсионерам, получающим деньги на сберкнижки или через доверенных лиц, было предложено лично отметиться в Нарьян-Маре. Бедные старики, говорят, специально для "отметки" даже приезжали в округ.

— Лариса Федоровна, предположим, что вы любого желающего запросто можете переселить в более теплые края, обеспечить там квартирой. Как вы думаете, в таком случае много народу уехало бы отсюда?

— Да процентов тридцать уехали бы, — в сердцах восклицает Нагорная, разгребая бумаги на столе. Потом поднимает на меня усталые глаза и как-то озадаченно разводит руками: — А потом все вернулись бы.

Кто кого осваивает: мы — Север, или он — нас?.. ■

ЖИНО

Лиляя БАЙРАМОВА

Обручение Девы Марии

Умбрия! Это имя называет как будто страну легких теней, населяющих долины, роящихся в старинных городах на вершинах холмов, наполняющих воздух в глубокие, безмолвные ночи. Созвучие слов кажется здесь мудростью случая — даже в самые светлые дни Умбрия остается страной теней”. Такими лиричными строчками начинается свой рассказ о родине Перуджино известный искусствовед Павел Муратов.

Пейзажи Умбрии, ее голубые дали и пологие холмы, тихая задумчивость вечеряющих полей, вся эта негромкая и нежная красота, кажется, не могли не родить художника, который пропел ей тихий гимн в своих картинах. Именно здесь, среди мирных долин и гор, в маленьком городишке-крепости Кастель делла Пьеве родился приблизительно в 1450 году замечательный итальянский художник Пьетро Вануччи, прозванный впоследствии Перуджино.

Перуджино родился в семье одних из самых уважаемых и богатых людей своего города, а получил художественное образование в Перудже — столице Умбрии. Чтобы представить, каким был этот старинный город в интересующую нас эпоху кватроченто, лучше всего обратиться опять-таки к Павлу Муратову. Более всего, пишет он, в Перудже интересен “огромный панорамный вид, открывающийся с террасы перед большими отелями или с площадки Джардино Фронтоне. В бесконечность уходит простирающаяся внизу долина, замкнутая горами, на которых едва брезжат вдали стены семи умбрийских городов; за этими горами подымаются на западе более высокие цепи главных Апеннин, клубящиеся лиловыми пыфическими тучами и в ясные весенние дни блистающие снегами. Этот вид на Умбрию — самая важная черта Перуджи. Ее никак нельзя выделить из той страны, которой является она признанной столицей”.

Другой важной чертой Перуджи была бедная архитектура. Ее “нобили были слишком поглощены войной и междоусобицей, чтобы успеть подумать об украшении улиц дворцами, которыми так богата Тоскана и Лациум и так бедна Умбрия”.

Большой и изобильный город, скудный, однако, местными живописцами, Перуджа издревле привлекала к себе ино-

земных художников. Незадолго до рождения Перуджино в город прибывает известный флорентиец Доменико Венециано и расписывает аллегорическими сюжетами дом богатейшего жителя Перуджи Браччио Бальони. Ему помогает молодой тогда, но один из самых известных и проникновенных умбрийских художников — Пьеро делла Франческа. Несомненно, что Перуджино любил и хорошо знал его живопись и не раз останавливался перед изумительными фресками Пьеро в одной из францисканских церквей в Ареццо, когда ездил из Перуджи во Флоренцию и обратно. Возможно, это было одним из самых сильных впечатлений его юности.

Так или иначе, но детство Перуджино протекало в обстановке, богатой художественными впечатлениями, и он общался с людьми, которые могли его многому научить. Тем не менее он рано покидает Перуджу и отправляется во Флоренцию — главный художественный центр Италии. Без сомнения, его привлекают знаменитые тамошние мастера и самое передовое по тому времени искусство.

Во Флоренции он поступает в лучшую художественную мастерскую города — Андреа Верроккьо, художника, славившегося не только своими живописными работами, он был и скульптором, резчиком, ювелирных дел мастером и одновременно музыкантом. Ему была свойственна та широта художественных интересов, которая отличала многих великих художников Возрождения. Достаточно сказать, что именно его мастерской оказали великую честь — изготовить огромный позолоченный медный шар, венчающий знаменитый купол величественного флорентийского собора, построенного Брунеллески.

Для молодого перуджинца это была великолепная и ни с чем не сравнимая школа. Можно с уверенностью сказать, что за годы обучения в мастерской он освоил все самое лучшее и передовое, что только выработало итальянское искусство того времени — в совершенстве изучил законы перспективы, анатомию и строение человеческого тела, приемы светотени. Наконец, и, быть может, это самое главное — его соучениками по мастерской оказались будущие величайшие живописцы Италии — Леонардо да Винчи и Боттичелли. Вместе с ними он обсуждал свои первые живописные опыты, ходил в церковь Санта Кроче смотреть фрески Джотто и в церковь Санта Мария дель Кармине — копировать гениальные работы Мазаччо. И не по этой ли самой причине один из важных источников по истории искусства XVI века, так называемый Анониме Мальябекиано, упоминает о Перуджино как об ученике Сандро Боттичелли.

Тем не менее долгие девять лет ученичества, срок, установленный правилами цеха врачей и аптекарей, в 1472 году подходит к концу, и молодой Перуджино становится само-

стоятельным мастером. Его имя появляется в списках членов сообщества Святого Луки, своего рода флорентийского профессионального союза художников.

На какое-то время он остается во Флоренции и открывает здесь собственную мастерскую, но его первые заказы связаны, по-видимому, все-таки с родной Перуджей. Можно легко предположить, что уже первые его работы выгодно выделялись среди картин местных живописцев и привлекали внимание как звучностью красок, так и строго выверенной композицией. Во всяком случае, уже через год после выхода из мастерской Верроккьо он получил большой и чрезвычайно престижный заказ от перуджинских монахов-францисканцев.

Речь шла об оформлении так называемой Ниши Святого Бернардина, предназначенной для хранения хоругви или процессуального знамени, которую нужно было украсить восемью небольшими композициями из жизни святого. Не все из этих восьми композиций написаны непосредственно рукой самого Перуджино, но достоверно известно, что все они сделаны под его руководством, а одна из них — «Святой Бернардин, исцеляющий от язв дочь Джованни Петрацио да Риети» принадлежит точно ему.

Во всяком случае, именно эта небольшая вещь поражает своей удивительной красотой и гармонией. С необыкновенным мастерством молодой Перуджино изображает одновременно фантастическое и сложное архитектурное сооружение — некую арку, которая восхищает своей пышностью, великолепием и изяществом, и сквозь ее проем бледное умбрийское небо и чистый, девственный пейзаж. Музыкальность линий и невероятная гармония целого предвосхищают здесь будущего великого живописца.

Высокая одаренность молодого умбрийца не осталась незамеченной, заказы следовали один за другим, и, в конце концов, его приглашают в Рим для украшения капеллы дела Кончещионе в соборе Святого Петра. К сожалению, и эти росписи, да и сама капелла погибли в результате реконструкции новой ватиканской базилики, начатой по желанию папы Павла V в декабре 1609 года.

И тем не менее можно смело предположить, что первая работа приезжего живописца произвела сильное впечатление на папских кардиналов, ибо практически сразу же после ее окончания его пригласили вместе с другими флорентийскими художниками принять участие в росписи Сикстинской капеллы. Среди флорентийцев были такие уже прославленные мастера, как Сандро Боттичелли, Гирландайо и Козимо Россели, а позднее к ним присоединились Пинтуриккио, Пьеро ди Козимо и Лука Синьорелли. Конечно, Рим в те времена еще не стал таким же мощным художественным цент-

ром, каким являлась Флоренция, культурные корни которой уходили в глубокую старину и были связаны с именами Джотто и Данте. Но к концу XV века он уже и не считался провинцией. Папы прилагали все усилия, чтобы повысить авторитет своей резиденции, и приглашали лучших художников Италии, дабы украсить свои храмы и апартаменты великолепной живописью.

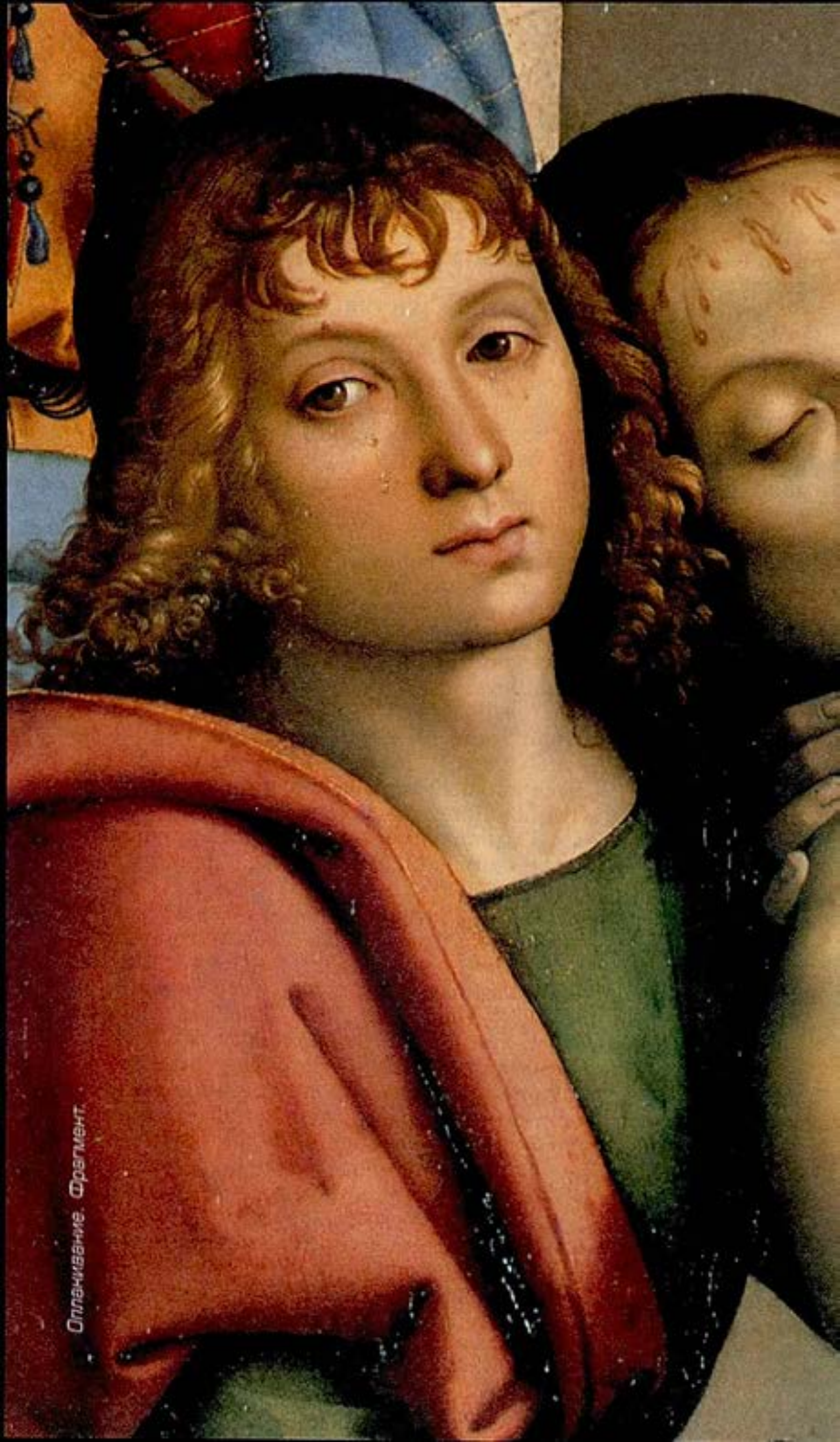
Что касается знаменитой Сикстинской капеллы, то, по свидетельству Вазари, руководителем и наблюдателем за всеми работами Сикст IV назначил Сандро Боттичелли. Хотя, в то же время, сохранился договор между папой и живописцами, из которого следует, что именно Перуджино должен был осуществлять все руководство. Так или иначе, но вряд ли бы второстепенному художнику поручили столь ответственное дело, как роспись алтарной стены и создание фрески "Передача ключей апостолу Петру", в которой утверждалось право католической церкви на господство.

Перуджино действительно написал три фрески на алтарной стене, но, к сожалению, ни одна из них не сохранилась: в 30-х годах XVI столетия их сбили по указанию папы Павла III, чтобы освободить место для "Страшного суда" Микеланджело. По счастью, сохранились другие, среди которых "Передача ключей" принадлежит к одному из лучших творений мастера.

Любопытен контраст, который составляет эта фреска по отношению к знаменитым росписям Микеланджело. Если у Микеланджело — невероятный взрыв энергии и страстей, если у него действуют титанические и могучие герои, то у Перуджино, наоборот, — удивительное спокойствие и равновесие, которые и будут сопровождать его всю дальнейшую жизнь.

И дело здесь вовсе не в разнице во времени, не в том, что десятилетия, в которые жил Микеланджело были гораздо более жестокими и свирепыми, чем перуджиновские. Скорее, наоборот. "Среди энтузиастов итальянского Возрождения, — пишет Павел Муратов, — Перуджа давно известна трагическими живописностями истории. ...От времен Франциска Ассизского и до дней Рафаэля Перуджа была ареной непрекращающейся борьбы партий, сословий, родов, личностей, принимавшей самые неприкрытые формы человекоистребления.

В то время, когда Флоренция Лоренцо Великолепного едва вспоминала об ушедших в прошлое раздорах гвельфов и гибеллинов, и мир просвещенного единодержавия, казалось, навсегда утвердился в Милане, в Ферраре, Мантуе, Урбино, Неаполе, одна лишь Перуджа продолжала кипеть мелочными перипетиями междоусобной войны. ...На улицах Перуджи Бальони и Одди не переставали бороться за призрак власти, беспощадно истребляя друг друга"... "Положение вещей осо-

Оплачвание. Фрагмент.

бенно изменилось к худшему, когда знаменитые умбрийские кондотьеры сошли со сцены. В 80-х и 90-х годах XV века Перуджа запылала неслыханными для той эпохи родовыми раздорами”.

Жестокие убийства, коварные измены, кровопролитие, драки, перераставшие в настоящие кровавые бои, — все это видели узкие улочки Перуджи в конце XV века, в то самое время, когда там творил Перуджино. Но, похоже, ни одно из этих трагических событий, ни одна человеческая драма не поколебали невозмутимой ясности его картин: они всегда оставались такими же спокойными, нежными и целомудренными, как будто существовали в другом времени и пространстве.

Кстати, в той же фреске “Передача ключей апостолу Петру” Перуджино, как часто было принято в те времена, изобразил самого себя, и, благодаря этому портрету, мы можем представить, как выглядел художник в действительности. Как ни странно, его автопортрет в той же малой степени напоминает наше представление о нем, как и его живопись — действительность. Мы

видим круглое лицо рано располневшего человека с жесткой складкой у рта и с чрезвычайно трезвым взглядом внимательных глаз. Никакой мечтательности и поэзии, это лицо промышленника и коммерсанта.

Что ж, те немногие сохранившиеся факты, которые рассказывают нам о жизни Перуджино, подтверждают его собственную авторскую характеристику. Перуджино являлся не только высокоодаренным художником, но и сметливым коммерсантом и умелым организатором собственного производства. Сразу же после выхода из мастерской Верроккьо он организовал свою собственную мастерскую во Флоренции, а спустя два десятилетия — в родной Перудже. Его редкое умение соединять в себе яркий талант живописца со способностью организовывать и налаживать производство сослужило хорошую службу, и обе его мастерские буквально не знали отбоя от заказов.

Как правило, Перуджино выполнял только самые ответственные части заказа, все остальное поручая многочисленным ученикам, и, кроме того, он же был автором композиционного решения картины. Такое четкое распределение обязанностей между мастером и учениками позволяло его мастерским выполнять огромное количество произведений, тем более что Перуджино

чаще всего затягивал сроки выполнения заказов, что позволяло ему выполнять несколько заказов одновременно.

Как бы то ни было, но к последней четверти XV столетия Перуджино становится едва ли не самым известным и почи-

таемым художником Италии, и с его славой художника-монументалиста не могли сравниться даже такие великолепные мастера, как Боттичелли и Гирландайо.

“...это лучший мастер Италии”, — пишет Агостино Киджи своему отцу в Сиену 7 ноября 1500 года. И словно вторя ему, знаменитый Вазари продолжает: манера его живописи “в ту пору так всем нравилась, что многие приезжали из Франции, Испании, Германии и других стран, чтобы ей научиться. Его работами многие торговали, рассылая их в разные местности, пока не появилась манера Микеланджело”.

Его избирают членом многих ответственных комиссий. Например, в 1491 году Перуджино входит в состав жюри конкурсной комиссии по рассмотрению проектов украшения фасада флорентийского собора, а позднее его приглашают в комиссию, которой предстояло определить место для установки знаменитого микеланджеловского “Давида”.

О том, насколько современники ценили талант Перуджино, свидетельствует и следующий любопытный факт. В городке Орвьето в течение сорока четырех лет оставались незаконченными фрески замечательного итальянского художника Фра Беато Анжелико, власти города сбились с ног в поисках живописца, который был бы достоин их закончить. Наконец их выбор пал на Перуджино. Но чрезвычайно избалованный популярностью и успехом, он запросил за свою работу баснословную цену. Ему выплатили аванс, но к работе он так и не приступил. В течение нескольких лет власти Орвьето пытались принудить его к выполнению договора, но — бесполезно: Перуджино ничего не сделал. По свидетельству Вазари, он так стремился разбогатеть, что при этом совершенно не стеснялся в выборе средств.

Что же привлекало, в таком случае, современников во фресках и картинах Перуджино? Пожалуй, лучше всего об этом сказал Павел Муратов. “Волшебная власть Перуджино над пространством, совершеннейшее равновесие композиций, небывалое для кватроченто, изумительная ритмика фигурных групп и ритмика архитектуры — все, что дано художником в его Сикстинской фреске 1482 года, — все это есть в произведениях, отмечающих десятилетие, лучшее в жизни художника. Перспективы легких портиков, ряды стройных пилястров уводят глаз в глубину идеальных пространств, где дышится так героически свободно и так отдохновенно-радостно... И это небо, эта безмерность воздушных пространств присутствует всюду: зыблется в нежной светотени портиков, разливается в мечтательности пейзажей, овекает фигуры, лишая их какой бы то ни было тяжести материального бытия”.

В 1493 году Перуджино женится на Кьяре Фанчелли и живет в основном во Флоренции. К этой поре относятся его самые замечательные произведения. Для женского монастыря в Фолиньо он пишет фреску “Тайная вечеря”, для церкви Санта Мария Нуова в Фано — большой алтарный образ “Ви-

дение Святого Бернарда”, для кардинала Джулиано делла Ровере выполняет полиптих Альбани Торлония.

И везде, за что бы ни брался Перуджино, будь то большие фрески или маленькие алтарные образы, присутствуют характерные черты его художественного облика: мягкость и умиротворенность, удивительное спокойствие и музыкальность композиций.

Не удивительно, что в то жестокое и беспокойное время, когда люди так беспощадно преследовали и уничтожали друг друга, и зрители и покупатели очень ценили мягкую и женственную живопись Перуджино, находя в ней недостающие им отдохновение и покой.

Тем поразительнее свидетельство Вазари, обвиняющего Перуджино в недостаточной религиозности и в излишней приверженности его земным радостям. Однако вот что, в ответ на эти обвинения, пишет наш известный художник и искусствовед Александр Бенуа: “О Перуджино, со слов Вазари, сложилась невыгодная для него молва, будто бы он был человеком неверующим и будто все благочестие его произведений — притворство, подлаживавшееся к религиозным чувствам заказчиков. Однако это едва ли так. Действительно, заваленный заказами и умелый в делах мастер не всегда с одинаковым вниманием относился к своему творчеству, но это еще не значит, что самые образы его, такие умиленные и торжественные, им сочиненные и доведенные до последней степени убедительности, были лишь каким-то “живописным ханжеством”. Все эти наговоры — последствия злословия врагов или мнения людей, незнакомых с сложностью и противоречивостью художественных натур. Стоит взглянуть на лики Перуджиновых святых на эрмитажном триптихе (являющемся едва ли не самым прекрасным из его станковых картин) — на их подлинную умиленность и благочестие, чтобы убедиться, какое светлое ясновидение, какое неземное вдохновение пропитывали творчество мастера”.

На рубеже XV и XVI веков Перуджино находился в самом зените славы. Он выполняет заказы только для самых богатых и знатных особ. Среди его заказчиков — монархи, правители и великие князья. В 1503 году он пишет для маркизы Мантуи — Изабеллы д’Эсте — известную картину “Битва Любви и Целомудрия”. Ее сложное аллегорическое содержание, специально разработанное для маркизы ее помощником Париде да Черезара, было слишком трудно для Перуджино, привыкшего писать большие алтарные образы. К тому же маркиза не постеснялась послать к Перуджино молодого мантуанского живописца Леонбруно, который внимательно следил за тем, как продвигалась работа. Все эти придирки не слишком способствовали успешной работе мастера, и поэтому, за исключением прекрасного пейзажа, картина в целом получилась несколько хаотичной. Капризная Изабелла разо-

чаровалась работой умбрийца, и, пожалуй, именно с этого момента слава Перуджино пошла на убыль.

Вскоре Перуджино получил еще один крупный и престижный заказ, на сей раз во Флоренции, — завершить композицию, начатую в свое время Филиппино Липпи для церкви Сантиссима Аннунциата. Это последняя большая работа, выполненная Перуджино для Флоренции, но флорентийцам она мало понравилась, и они обвиняли Перуджино в повторах.

Мученичество святого Себастьяна с благословляющим Богом-Отцом. Фрагмент.

Вазари рассказывает, как привыкший исключительно к похвалам художник оправдывался перед своими критиками: “Ведь я написал те фигуры, которые вы раньше хвалили и которые вам бесконечно нравились. А если они вам теперь не нравятся и вы их не хвалите, что же я могу сделать?”

Это было справедливо: художник оставался в течение долгих лет тем же самым, и только время менялось. То, что несколько десятилетий назад выглядело модным и красивым,

теперь казалось безнадежно устаревшим. Теперь от художников требовалась способность к выдумке и фантазии, а Перуджино оказался на это не способен, он, как и в прежние времена, пользовался готовыми схемами и композициями.

С 1508 года он практически оставляет работу в художественных столицах. Во Флоренцию его больше не приглашают, а в Риме его старательные декоративные фрески на своде Станца дель Инчендио в Ватикане настолько не понравились папе Юлию II, что он даже приказал их сбить. Теперь произведения художника пользуются спросом лишь у заказчиков с традиционными и консервативными вкусами, и даже его преданные ученики поглядывают по сторонам в поисках новых учителей и мастерских.

И все же Перуджино продолжает работать. Все последние годы своей жизни, а это целое двадцатилетие, он трудится у себя на родине над созданием громадного "Полиптиха Святого Августина", состоявшего из двадцати восьми или даже из тридцати отдельных живописных изображений, объединенных деревянным каркасом с богато украшенным, позолоченным обрамлением. Это была лебединая песня мастера...

Умер Перуджино в преклонном возрасте, в феврале 1523 года, в Фонтиньяно во время эпидемии чумы. Он работал тогда над маленьким алтарным образом, заказанным по обету монахами из Оратория Аннунциата. ■

**убийца из
АЛЬБУКЕРКЕ**

Урсула КЕРТИС

рисунок **Виталия Федорова**

Глава первая

Тогда не нашлось ни одного человека, который поверил бы Молли Пуллем. Впрочем, даже если бы такой человек все-таки отыскался, это ровным счетом ни на что не влияло. Вполне вероятно, что Молли в таком случае могла получить небольшую отсрочку — лишний раз причесалась бы у своего парикмахера или сыграла с друзьями еще одну партию в бридж, или, наконец, нашла время для примерки нового костюма из розового твида, который ей все равно не суждено было надеть ни разу. Потому что судьба Молли Пуллем была предрешена.

Впрочем, ей все равно никто и не поверил — ни ее муж, Артур Пуллем, ни сестра Дженифер, ни — тем более! — чета Хетэвейзов, всегда относившихся к ней с предубеждением. Да и сама Молли в конце концов согласилась с общим мнением — по-видимому, с ней сыграли злую шутку два лишних стаканчика виски, высоченные каблуки и густые сумерки.

В тот вечер Молли рано ушла от Флетчеров, где по обыкновению царили скука и столпотворение. Накануне она в очередной раз села на диету, поэтому неразбавленное виски огнем опалило желудок, разнежившийся в последние дни от нежирного мягкого домашнего сыра и натертой моркови. Почувствовав себя плохо, Молли попрощалась с хозяевами и, легкомысленно отказавшись от предложения подвезти ее домой, вышла на улицу, где догорал неяркий денек позднего сентября.

Ее дом находился всего лишь в полумиле от дома Флетчеров, но узкая юбка и высокие каблуки не позволяли идти быстро, и к тому времени, когда Молли добрела по дороге до поворота к своему дому, где ориентиром служил огромный куст сирени, последние проблески солнечного света поглотила серая мгла осенних сумерек. Предвкушая блаженный момент, когда можно будет, наконец, расстегнуть молнию на тесном, сдавившем ноющий желудок платье, Молли вдруг заметила, что куст, к которому она приближалась, зашевелился, распух на глазах, меняя очертания, и от него начало отделяться темное пятно, напоминавшее контурами высокую человеческую фигуру. Вот пятно стало вытягиваться в ее сторону...

Волна дикой паники захлестнула Молли и заставила ее мгновенно протрезветь. Все чувства обострились, и инстинкт самосохранения погнал ее прочь от ужасного куста.

Она бросилась бежать к соседнему дому, стоявшему в нескольких метрах на противоположной стороне шоссе, почти напротив ее собственного, но модные острые каблуки предательски подкашивались, увязая в дорожном гравии. Молли упала, и глаза ее с отчаянием устремились на ярко освещенные окна соседей. Беззвучно рыдая, она с трудом поднялась, чувствуя, как горят ободранные гравием руки. При падении она потеряла одну туфлю, но не стала искать, просто сбросила другую, и в одних чулках помчалась к дому Хетэвейзов. Очутьившись на

крыльце, Молли дико забарабанила кулаками в дверь. Казалось, прошла вечность, прежде чем ей открыли, и Молли предстала перед испуганным мистером Хетэвейзом — грязная, босиком, с размазанной по лицу тушью и всклокоченными волосами.

Шокированный ее видом, чопорный мистер Хетэвейз сумел лишь в ужасе вымолвить: "О! Миссис Пуллем!", потом потянул носом, и, по-видимому, унюхав предательский резкий запах виски, смущенно опустил глаза. Проямлив, что ей, э... "лучше присесть", он поспешно позвал на помощь жену.

Миссис Хетэвейз, чей внешний облик напоминал каменную глыбу, к которой еще не приступала рука скульптора, имела нюх получше, чем у супруга. Послав мистеру Хетэвейзу многозначительный взгляд, она кисло произнесла.

— Ну, что случилось, дорогая миссис Пуллем? Да что это с вами?

Молли, все еще задыхаясь, но уже понимая, что спасена, радуясь свету, живым людям и тому, что дверь соседского дома отделила ее от сумерек и *того* страшного, непонятного, растущего на глазах из куста, сбивчиво проговорила:

— Там кто-то прячется... Я только собиралась повернуть к дому, но куст... он... шевелился, а ведь ветра совсем нет...

"Еще бы... если так напиться, и не то померещится", — можно было ясно прочитать на лицах четы Хетэвейзов, которые молча, с поджатыми губами изучали порванные чулки, босые ноги и грязное лицо соседки. Тем не менее, мистер Хетэвейз любезно предложил проводить ее до дома.

— Я бы на вашем месте, — многозначительно произнесла миссис Хетэвейз на прощание, — придя домой, выпила большую чашку горячего бульона.

Судя по ее неодобрительному виду, можно было предположить, что как только муж и соседка выйдут за дверь, она немедленно опрыскает комнату освежителем воздуха, чтобы избавиться от винных паров, оставленных легкомысленной миссис Пуллем.

На улице уже окончательно стемнело. Мистер Хетэвейз прихватил из дома огромный мощный фонарь, но все, что они обнаружили в его свете, — разбросанные туфли Молли. И хотя за пределами яркого светового круга царил абсолютная тень, у Молли больше не возникло тревоги по поводу присутствия рядом того зловещего, что пряталось в кусте. Оно испарилось, ушло. Тем не менее, Молли была благодарна мистеру Хетэвейзу, дотошно осмотревшему все комнаты, одну за другой, пока Молли везде включала свет, опускала шторы и проверяла запоры.

Уходя, мистер Хетэвейз спросил.

— Надолго уехал ваш муж?

— Нет, слава Богу, он приезжает завтра.

— Ага, — удовлетворенно произнес сосед, — ну, мне кажется, теперь все в порядке, миссис Пуллем, не так ли? Наверно, вас напугала собака...

— Собаки не бывают такие высокие, — слабо запротестовала Молли, но мистер Хетэвейз, не слушая больше ее лепета и ничего не возразив на последний довод, слегка поклонился и ушел.

Молли, заперев за ним дверь, тут же побежала к телефону. Ее сестра, Дженифер, со своим мужем Ричардом Морли всегда приглашали ее ночевать, когда Артур уезжал по делам. Сейчас их комната для гостей выглядела как никогда привлекательно.

Но телефон сестры не отвечал.

Решив перезвонить немного позже, Молли переоделась, начала было готовить ужин, потом опять позвонила сестре, и снова безуспешно. Но чувство страха быстро покидало ее. В доме было светло, окна и двери надежно заперты, к тому же *то*, что пряталось в темноте, могло логично предположить, что Молли или Хетэвейзы уже позвонили в полицию.

Молли почти никогда не страдала отсутствием аппетита. Вот и сейчас, достав из холодильника холодного цыпленка, она сделала бутерброд чудовищных размеров, решив вознаградить себя хорошенько за пережитый страх и резонно рассудив, что диета сейчас просто неуместна. Хорошенько подзакусив, она отправилась спать, а так как никогда не была впечатлительной особой, то почти сразу уснула.

На следующий день приехал Артур Пуллем. Рассеянно выслушав рассказ жены, он равнодушно произнес: “Что ты говоришь?” Потом, выслушав Хетэвейзов, повторил “Что вы говорите?” — правда, несколько другим тоном.

Ее сестра, Дженифер Морли, настолько же черная и худая, насколько Молли была полной и белокурой, сказала:

— Признайся, ты никогда не умела пить, а у Флетчеров напоят кого угодно. Там всегда все напиваются. Тебе не пришло в голову, что в кусте прятались дрянные воришки? Видно, хотели залезть в дом, да ты их спугнула. Вспомни, недавно обокрали Армстронгов. Просто среди белого дня!

Воришки... Ну да, увидели темные окна и решили залезть в дом, потом заметили ее и спрятались в куст, который при ее приближении так угрожающе вытянулся, и от него отделилось *нечто* расплывчатое, похожее на... похожее на... Но объяснение сестры показалось ей правдоподобным, а так как Молли была оптимисткой по натуре и, как правило, охотно соглашалась с чужим мнением, то, в конце концов, приняла версию сестры.

Скоро Молли забыла свои страхи, и ее ничто не тревожило, когда наступил тот вечер десятого октября.

— Ну, что, остаешься сегодня вечером совсем одна, душечка? — игриво спросила Айрис Саксон, складывая последнюю, безукоризненно отглаженную вещь и лукаво подмигивая Мол-

ли, что совершенно не шло ее суровому, изрезанному ранними морщинами лицу. — Смотрите, не наделайте глупостей.

— Ну, я за себя не отвечаю, — подыгрывая, в том же тоне ответила Молли, — вы ведь меня знаете.

Айрис хохотнула, потом вытянула шею, прислушиваясь к шуму подъехавшего к дому автомобиля.

— А вот и Нед. Увидимся на следующей неделе, милочка.

Молли с облегчением вздохнула, — слава Богу, сегодня Нед не зашел в дом за женой. Ее почему-то каждый раз охватывало чувство неловкости и смущения при виде этого здорового мужчины, нигде не работавшего, заезжавшего, чтобы забрать домой свою немолодую усталую жену, помогавшую Молли по хозяйству. А Неду, казалось, доставляло удовольствие ее смущение, и он любил, стоя на пороге и как будто не замечая, как Молли ежится от холодного ветра, разглагольствовать о вещах, в которых она ровным счетом ничего не понимала — о политике, Конгрессе, налогах. Ей ничего не оставалось, как беспомощно выслушивать его рассуждения, мучаясь на сквозняке.

Но сегодня она, кажется, благополучно избежала встречи с муженьком Айрис. Молли, хотя ей стыдно было признаться в этом даже самой себе, любила оставаться дома одна. Пожалуй, даже наслаждалась отсутствием Артура. В такие вечера она рано принимала ванну, надевала халат и шлепанцы, ужинала по своему вкусу, уставившись в телевизор. Потом, засунув грязные тарелки в посудомоечную машину, шла в спальню, и, высоко взбив подушки, ложилась и читала иногда до трех ночи, никого не боясь потревожить.

В этот вечер, десятого октября, пока она блаженствовала в ванне, за окнами совсем стемнело. В отличие от большинства женщин, Молли не боялась оставаться одна в пустом доме ночью. Конечно, она запирала тщательно двери, опускала шторы, но не заглядывала, как другие, в шкафы и под кровать, проверяя, не затаился ли там злоумышленник, а ночью крепко спала и не прислушивалась к разным шорохам и скрипам.

На ужин она решила приготовить суп из свиных ребрышек. У нее мелькнула виноватая мысль, что за это ее непременно осудили бы и Артур, и Дженифер. Бросив пару прекрасных ребрышек в кастрюльку с водой, поставила ее на огонь и налила себе стаканчик шерри. И тут зазвонил телефон.

— Привет, — произнес энергичный голосок Дженифер, — послушай, давай я подъеду за тобой, и мы вместе поужинаем. Ричарда вызвали на работу, и он поехал показывать клиентам дом, выставленный на продажу, так что, похоже, нас с тобой сегодня обеих бросили.

— О, Дженифер! Я ведь уже в халате и даже начала готовить ужин...

— Ну так остановись. — Голос Дженифер не допускал возражений, она была на пять лет старше Молли и привыкла ею ко-

мандовать. — У меня на ужин омар, — добавила она, соблазняя сестру.

Молли заколебалась, но свиные ребрышки, уже приправленные специями, издавали изумительный аромат, оставалось только взбить клецки, и суп готов.

— Спасибо, Джен, но я, пожалуй, останусь дома, — сказала она, не догадываясь, что так легко и бездумно в этот момент написала себе смертный приговор.

За окнами поднялся ветер, раскачивая ветви деревьев. Холодный осенний вечер делал светлую теплую гостиную еще уютнее. Молли допила шерри, досмотрела смешное шоу. У нее мелькнула мысль, что если бы Артур был сейчас дома, то испортил бы ей настроение, неодобрительно шурша газетой за ее спиной. Потом начала взбивать клецки, и тут послышался громкий стук в дверь черного хода.

Молли удивленно застыла, положила ложку на край тарелки, встала и открыла дверь в маленькую кладовку, откуда слышался стук. Несмотря на кажущееся легкомыслие, она все же не была глупа, и сначала, щелкнув выключателем, зажгла наружную лампу над входом, чтобы взглянуть на неожиданного посетителя.

Вспыхнувший свет высветил знакомую светло-рыжую голову. Молли тут же повернула замок и открыла дверь, говоря: «О, вы, наверное, пришли, чтобы...» — и тут, пораженная странным видом гостя, опустив глаза, увидела, как поднимается рука с зажатым в ней молотком, конец которого был обмотан яркой тряпкой.

Молли бросилась бежать обратно в дом. И в этот момент ее озарило — она была права тогда насчет куста — именно *это* поджидало ее в кусте сирени, а теперь она впустила *это* в дом, и *оно* с необыкновенной скоростью бесшумно преследовало и настигало ее.

И она закричала, тоненько и жалобно, как ребенок.

Глава вторая

Жестокое и явно бессмысленное убийство Молли Пуллем потрясло спокойную Долину. В отличие от других происшествий, оно затрагивало почти каждого. Здесь и раньше случались убийства, в основном, в барах Альбукерке, где иногда вспыхивали пьяные драки с поножовщиной. Случались ревнивые супружеские разборки, и один из супругов посылал в другого пулю. Но убийство хорошенькой, никому не причинившей вреда Молли, как будто говорило — смотри, это могло случиться и с тобой!

Потрясала обыденность обстановки, где произошло страшное преступление. Никого бы особенно не удивило, случись убийство в одном из тех домов, где любили устраивать пьяные гулянки до утра, или там, где жили наркоманы. Но в respectable красивом домике Пуллемов! Эти трогательные жалкие

подробности: свиные ребрышки, сгоревшие в кастрюльке на плите, тесто для клецок, которые бедная Молли так и не успела взбить... Бывало, что разводы оканчивались посягательством на жизнь одного из бывших супругов. Но в данном случае убитая была счастливой женой, состоявшей в браке, ничем не омраченном, в течение пятнадцати лет.

Пугало и то, что Молли Пуллем могла быть не единственной мишенью нападения в ту ночь в этом благополучном районе. В миле от дома Молли в тот же вечер Вера Пэйдж смотрела телевизор у себя в доме совершенно одна — ее муж, известный психиатр, держал в это время речь на банкете, устроенном в одном из отелей в центре города. Примерно в том же радиусе пожилая миссис Хайнеман дремала над вязаньем в то же самое время — ее попросили посидеть с внуками сын и невестка. Оба дома были одинаково привлекательны для грабителя.

Никто не сомневался, что целью злоумышленника было ограбление, это казалось бесспорным. Разбитое стекло в двери черного хода ясно показывало, как проник в дом грабитель. Ему оставалось лишь просунуть в отверстие руку и открыть замок. На полу валялась раскрытая сумочка Молли, вокруг рассыпано содержимое — разные дамские мелочи. Но бумажник пропал. Молли, скорчившись, лежала лицом вниз на пороге между кухней и столовой. Было установлено, что она умерла от первого же страшного удара, нанесенного в голову. Тем не менее, почему-то последовало множество других ударов.

Следствие по делу почти сразу зашло в тупик. Хотя Ричард Морли, первым оказавшийся на месте преступления, поступил умно, не трогая ничего в доме, лишь выключил газ под сгоревшей кастрюлей, полицейские не обнаружили никаких следов, оставленных преступником. Выяснили, что Молли была убита предметом, имевшим тупой закругленный конец. Но орудие убийства не нашли. Ни отпечатков пальцев, ни следов около дома, впрочем, последнее было не удивительно, ведь уже две недели осадков не выпадало совсем, а сильным ветром сухую землю отполировало так, что она стала твердой и гладкой, как камень.

Дженифер Морли, с заплаканными красными глазами, слившимися от большого количества успокоительных, которыми ее успели напичкать, рассказала полицейским о случае с кустом сирени. После чего куст был тщательно обследован, но там не обнаружили ничего, кроме сломанной пластмассовой ложечки, нескольких листов пожелтевшей старой бумаги и засохшей апельсиновой корки. Все-таки полицейские допросили чету Хэтвэйзов, которые подтвердили, что миссис Пуллем была действительно напугана в тот вечер, но... тут супруги разом опустили глаза, смущенно намекнув, что дорогая миссис Пуллем была явно "не в себе".

— Что я не могу понять, ну никак не понимаю, почему именно Молли? — неустанно повторяла Дженифер, обращаясь ко

всем по очереди: к мужу, Артуру Пуллему и полицейским, проводившим расследование. — Молли никогда не стала бы спорить и сопротивляться грабителю. Она немедленно отдала бы сама деньги, сумочку и все, чего бы он ни попросил — ну, как в банке, когда и служащие и посетители подчиняются бандитам во время налета. Зачем надо было убивать ее?

— Скорей всего, преступника охватила паника, — объяснял ей помощник шерифа, — миссис Пуллем наткнулась на грабителя, когда он проник в дом, закричала, побежала от него, ну и он запаниковал, что и подтверждает способ убийства.

Помощник шерифа промолчал о том, что такое действие выдает грабителя новичка, а не профессионала, и это наверняка усложнит расследование.

Он знал чету Морли только по своим регулярным объездам Долины и теперь не замечал ничего странного в поведении Дженифер и Ричарда Морли. Полицейский видел только, как муж заботливо обнимает жену за плечи, пытаясь успокоить и утешить, и не мог знать, как в этот момент напряжены плечи Дженифер, как стиснуты до боли ее губы, которыми она пыталась выдавить улыбку в ответ на ласку мужа.

После первого взрыва горя, ведь они с Молли были очень близки, Дженифер взяла себя в руки и начала энергично действовать. Прежде всего настояла, чтобы Артур Пуллем остался у них хотя бы на первые ужасные сорок восемь часов, и была очень внимательна к нему, даже нашла в себе силы готовить те диетические блюда, к которым он привык. Стоически, не показывая ни малейшего недовольствия, переносила нашествие родственников Артура из Вичиты, испускавших запах камфоры и явно шокированных *такими* обстоятельствами смерти жены Артура. Ведь это был из ряда вон выходящий случай. Обычно все члены этого почтенного семейства *благопристойно* умирали в своей постели или в госпитале, окруженные заботой родных до последнего вздоха.

Дженифер, сраженная горем, равнодушная к их высказываниям, вдруг с удивлением заметила, что Артур поддается настроению своих родственников и даже разделяет в какой-то степени их идиотские условности. Несомненно, он испытывал горе, но она уловила в его печальном голосе нотки раздражения, когда он произнес, обращаясь к многочисленным камфорным родственникам:

— Я думаю, что газетчики могли бы опустить подробности о супе из ребрышек и клецках!

Лысые мужские и завитые женские головы родственников обернулись к Артуру и одобрительно закивали. Дженифер не выдержала.

— О, разумеется, фазан и аспарагус были бы уместнее! — Ее слишком спокойный тон не предвещал ничего хорошего, но

Дженифер сдержалась. Она тут же встала и покинула комнату. Это была единственная поблажка ее напряженным до предела нервам.

Ричард, последовавший за ней на кухню, приглушенно начал:

— Ради Бога, Джен, я знаю, о чем ты все время думаешь!

— Я думаю о том, — холодно ответила она, — что все эти...люди, если можно их так назвать, должны успеть на свои поезда и самолеты, поэтому будь любезен — помоги мне подать им кофе.

Она решительно отказывалась обсуждать с ним тот трагический вечер. Тогда, пообедав в одиночестве, она села за вязание — свитер со сложным рисунком предназначался Ричарду в подарок на день рождения. Дженифер сосредоточенно считала петли, шевеля губами, а дойдя до проймы, решила заглянуть в книгу, чтобы проверить, правильно ли она спускает петли для рукава. И вдруг вспомнила, что книгу взяла Молли.

Хотя до дня рождения Ричарда оставалось еще четыре недели, вязание сейчас было единственным занятием, помогавшим незаметно скоротать время до прихода мужа, поэтому она решила позвонить Молли и попросить сестру найти нужное место в книге. Телефон не отвечал, и Дженифер решила, что Молли в ванной. Она сварила кофе и снова позвонила. Долго слушала гудки вызова и, наконец, нахмурившись, положила трубку. В это время домой вернулся Ричард.

Он выглядел очень усталым и расстроеным.

— Должно быть, — горько заметил он жене, — в аду непременно есть местечко для тех клиентов, которые вызывают в такую погоду и время агента по продаже недвижимости показать дом, а сами не приходят.

Дженифер посочувствовала с отсутствующим видом. Она думала о Молли и снова набрала номер Пуллемов. Послушав гудки, еще больше нахмурилась и, положив трубку, сказала.

— Ричард, куда-то запропастилась Молли. Куда она могла деться? Послушай, Ричард, я сварю свежий кофе, съезди, взгляни, что там случилось?

И Ричард взорвался. Он только что вылез из машины, он безумно устал, у него был длинный день, он не обедал, лишь перекусил наспех гамбургером, да еще вечером ждал холодный и голодный в пустом доме клиентов, которые так и не пришли... В конце концов Молли — взрослая женщина, и у нее может быть дюжина причин, чтобы не подходить к телефону. Что с ней могло случиться?!

Его речь должна была убедить Дженифер, заставить ее устыдиться своей глупой настойчивости и мнительности, но этого не произошло. В ответ на его тираду она произнесла ледяным тоном:

— Что ж, тогда поеду я. Дай мне ключи от своей машины, в моей почти кончился бензин.

Ричард только взглянул на нее — оба прекрасно знали, что он не пустит жену в такое время и поедет сам. Он налил в чашку и залпом выпил остывший кофе и вышел с недовольным мученическим видом.

Сколько времени они потеряли тогда? Не в этот ли момент рука в перчатке разбивала стеклянную дверь, или в этот момент ужасно кричала Молли, а они дискутировали в кухне? Разум подсказывал Дженифер, что это не так, их спор не имел значения, и было все равно поздно, но она не могла не думать об этом постоянно, и голос логики заглушали мучительные сомнения и терзания.

Пока полиция допрашивала всех, известных ранее по ограблениям, или потенциальных преступников, жители Долины предпринимали собственные меры предосторожности, ни на кого не надеясь. Несмотря на то, что почти в каждом доме было оружие, и все женщины умели с ним обращаться, в мгновение ока в местных лавках были разобраны тяжелые засовы, цепочки, а поголовье в питомниках, где держали огромных сторожевых собак, сильно поредело. Дети, которым раньше разрешалось бегать где заблагорассудится, были посажены дома перед телевизором. Они скоро возненавидели телевизор и изводили матерей, чьи нервы были и так на пределе, что и объясняло многочисленные звонки в полицию, типа: "Послушайте, здесь подозрительный человек приходил проверять счетчики. Знаете, инспектор, у него были *такие* глаза! Я вам точно говорю, он маньяк!"

И ни у кого не возникло ни малейшего желания расспросить маленького мальчика, живущего в доме 159 по Аллендэйл-Роуд, впрочем, если бы его и спросили, это не помогло бы им ни капли.

Глава третья

— По-моему, — сказала Айрис Саксон, поднимая голову от гладильной доски и обращаясь к хозяйке дома, Еве Квин, — этот маленький мальчик ломает ваши хризантемы.

Ева положила письмо, которое перед этим читала, на кухонный стол и подавила тяжелый вздох. Хотя ее маленький племянник, Амбруаз, гостил в доме уже три недели, Айрис Саксон никогда не звала его по имени — только "маленький мальчик", и непрерывно следила за шалуном пристальным ледяным взором. Такое отношение пожилой женщины к ребенку казалось Еве немного странным. Разумеется, Амбруаз был избалован, но все-таки забавен, и даже она сама, сталкиваясь с утра до вечера с его диким упрямством, не могла на него долго сердиться.

Пересекая лужайку, Ева видела только руку и часть ноги шалуна, все остальное было скрыто под огромной соломенной шляпой, которую кто-то привез Еве с Бермуд. Бормоча на своем птичьем языке и пыхтя, Амбруаз кромсал хризантемы маленькими маникюрными ножницами.

— Сорняки, — объяснил он Еве, пока она отнимала у него ножницы.

— Это цветы, а не сорняки, — и отняв ножницы, добавила: — Мне не нравится, что ты носишь эту шляпу.

Он сдвинул огромную шляпу за плечи и посмотрел на Еву снизу вверх невинными голубыми глазами сквозь бахрому, которая теперь достигала его носа.

— Я сторю на солнце, — заявил он.

Вероятно, из-за того, что Амбруаз был единственным ребенком, которого несомненно баловали, он относился к своей персоне с необыкновенным вниманием и заботой, прямо как патриот к национальному флагу. Малейшие царапины и ушибы вызывали у него серию криков непритворного ужаса, и по вечерам он разглядывал все свои ссадины и места укусов насекомых так внимательно, как не сделает самая заботливая мамаша. Он часто коверкал слова, и Ева иногда с трудом догадывалась, о чем идет речь.

Вот и сейчас, снова устремив на Еву большие голубые глаза, он вдруг заявил.

— Саксон взял мои *роклы*.

— "*Миссис Саксон*", — поправила Ева строго. Она понятия не имела, что он имел в виду под этими "*роклами*", но знала, что миссис Саксон и ее муж всегда все замечали и часто отнимали у мальчика предметы, которыми, по их мнению, он мог себя поранить. Вообще миссис Саксон непоколебимо считала, что ребенок должен быть всегда чист, вежлив, молчалив и находиться в полной безопасности.

— Миссисаксон, — пропел Амбруаз, и, видимо, ему понравилось словосочетание, потому что он громко повторил напев несколько раз. Ева шикнула на него, пытаясь заставить замолчать. Она краем глаза видела, как Айрин Саксон недовольно выглянула в кухонное окно и поджала губы. И вдруг Ева поняла причину нелюбви миссис Саксон к Амбруазу.

Выросшая в благополучной семье в Филадельфии, хорошо воспитанная Айрис Саксон не знала нужды до своего замужества. Но за долгие годы ей пришлось постепенно скатиться в крайнюю нужду, почти в нищету. Все это Еве рассказала Дженифер Морли, жена брокера по недвижимости, подыскавшего Еве этот домик. Миссис Саксон в присутствии взрослых еще могла делать независимый веселый вид, но отношение мальчика, чутко, как все дети, распознавшего в ее поведении фальшь, больно ее ранило, и такой шалун, как Амбруаз, постоянно вызывал в ней горькое чувство от сознания своей незначительности и ущербности.

Ева очнулась, потому что в это время Амбруаз, покраснев от натуги, завопил.

— А я хочу назад свои *роклы!*

Ева в смущении зажала ему рот. Она боялась еще больше расстроить миссис Саксон, которая очень переживала смерть Молли Пуллем. Кроме того, Ева испугалась, что из-за Амбруаза миссис Саксон откажется ей помогать и больше сюда не придет.

В это время она поймала собственное отражение в стекле — и удивилась. Тоненькая белокурая девушка, пожалуй, слишком худенькая, и рядом с ней ожившая огромная шляпа на ножках. И вдруг все — и ребенок, и трава, и дом, закружилось перед глазами, ею внезапно овладело чувство нереальности происходящего, и Ева отчетливо вспомнила все, что с ней произошло полгода тому назад.

Та, другая Ева Квин, жила в шестизэтажном многоквартирном доме из стекла и бетона, гордо сверкавшем огромными зеркальными окнами. Она работала редактором в рекламном отделе компании “Кокс Айвенго” и была помолвлена с Уильямом Харпером Коксом, недавно переведенным сюда из Чикаго.

Их отношения развивались стремительно. Состоялась помолвка, и Уильям, подарив ей кольцо, тут же стал настаивать на немедленной свадьбе.

Его нетерпение диктовалось вовсе не всеобъемлющей страстью. Деловой вид жениха как будто говорил: “Ну вот, все формальности соблюдены, чего же еще надо? Давайте с этим кончать, к чему лишние проволочки!” Ева при этом почувствовала себя мебельным гарнитуром, который он хочет заполучить немедленно, а если этого не произойдет, он пойдет и купит мебель в другом месте.

Настойчиво поползли слухи, что дядюшка Билла, старый Кокс, владелец фирмы, обещал племяннику должность вице-президента компании, если тот “остепенится”, и как можно скорее. Что, вполне естественно, предполагало женитьбу. Ева знала, что нравится Биллу, и он, может быть, даже влюблен в нее. Она хоть и слышала кой-какие пересуды, но надеялась, что Билл изменится к лучшему, перестанет метаться, и из него получится неплохой муж, как это довольно часто бывает в жизни.

Ева уволилась из отдела, к огорчению старого Кокса. Собирая вещи со своего стола, она чувствовала на себе женские сочувственные и иронические взгляды. В отделе явно считали, что очень скоро Еве придется разбираться с многочисленными бывшими любовницами мужа, которые немедленно возникнут на пороге дома молодоженов.

Правда оказалась более неприглядной, чем она предполагала. Оказывается, все, кроме нее, знали о бедных обманутых девушках, время от времени отправляемых за границу, чтобы спасти репутацию семьи. Ее сердце не было разбито, но она почув-

ствовала себя опустошенной и вываленной в грязи. Ева возненавидела друзей, которые утаивали правду и делали ее наивной идиоткой в глазах всех служащих. Особенно мучили воспоминания об улыбках девушек-секретарш. Настойчиво проштудировав колонки объявлений, она нашла телефон Ричарда Морли, агента по продаже недвижимости, который быстро подыскал ей маленький домик в Долине.

Таким образом она очутилась в совершенно другом мире. Домик стоял в окружении высоких тополей за кирпичной стеной и был так мал, что его могли снять или купить только одинокие люди или бездетная пара. Но одинокие, как правило, предпочитали благоустроенные квартиры в больших домах, а семейные пары всегда хотели иметь большие кухни с удобствами и шкафы. Ни того ни другого в домике не было. Зато там была уютная гостиная, расположенная на уровень ниже остальных комнат, с полукруглым камином в углу и целой стеной, заставленной книжными полками. Окна находились так низко, что в них заглядывали ветви абрикосовых и сливовых деревьев, равно как и высокая, дико разросшаяся трава. Все это прекрасно смотрелось вместе, и Ева сняла домик, не раздумывая.

К несказанному удивлению Ричарда Морли, она ни словом не обмолвилась по поводу запущенности помещения. Он не знал, что Еву вполне устраивала масса работы в доме и вокруг него, и она всерьез надеялась, что это отвлечет ее от невеселых воспоминаний. Переехав, она развила кипучую деятельность. С помощью Айрис Саксон, которую привела и рекомендовала Дженифер Морли, стены были побелены, полки на кухне вымыты и застелены белой бумагой, до блеска натерты каменные плитки пола, а на окнах повешены новые, красивые шторы.

И вот настал вечер, когда все было переделано. Ева сидела в уютной гостиной, свет лампы под абажуром красиво падал на складки голубого тюля занавесок, и девушку внезапно охватило чувство, близкое к панике. Она перестала печатать на машинке свое резюме, которое собиралась разослать в другие рекламные агентства, и, неожиданно вытащив из машинки незаконченный лист, написала письмо своей двоюродной сестре, Селии Фэрли, в Нью-Йорк, приглашая ту погостить вместе с маленьким сынишкой, Амбруазом.

Ева и Селия росли вместе и были скорее как родные сестры. Из писем она знала, что муж Селии, Роджер Фэрли, только что начал "вставать на ноги", получив работу в серьезной фирме. Но, может быть, Селия приедет без мужа, с Амбруазом?

Селия была в восторге от предложения, и вскоре они с Амбруазом приехали. Ева перебралась в крохотную спальню, предназначавшуюся в домике для прислуги. Днем она возила гостей в близлежащие горы Санта-Фе и индейские деревни, а вечером, уложив спать Амбруаза, они с Селией предавались воспомина-

ниям детства, говорили о полузабытых дальних родственниках и знакомых.

Так прошло две недели. Однажды в местном бассейне Селия решила совершить сложный прыжок с доски (когда-то она занималась прыжками в воду). Но прыжок в два оборота закончился плачевно — Селия сломала себе позвоночник.

Дальше начался кошмар. Вопли, истерика Амбруаза, срочный приезд мужа Селии, Роджера, его сердитые взгляды на Еву, как несомненную причину несчастья. В коридоре госпиталя она сказала Роджеру.

— Я знаю, вы хотите перевезти Селию в Нью-Йорк, чтобы лечить там, у своего врача, но позвольте мне пока оставить у себя Амбруаза, по крайней мере, до тех пор, пока она не поправится.

Ева хотела помочь. У Селии и Роджера не было лишних денег, а расходы предстояли немалые. Кроме того, с ними в Нью-Йорке жила мать Роджера, прикованная к инвалидному креслу.

Амбруаз остался у Евы.

Воспоминания захлестнули бурными волнами и постепенно отхлынули. Ева почувствовала, что Амбруаз тянет ее в сторону ветхого сарая, стоявшего в углу сада. Там хранился разный инструмент и всякое старье.

— *Роклы...* — громко ныл он, таща ее за руку, — я хочу свои *роклы...*

Ева строго проговорила:

— Там их не может быть, Амбруаз!

Он не мог самостоятельно пробраться в сарай. Ева собственноручно повесила на дверь ветхого строения большой замок. Она боялась, что малыш может пораниться, и кроме того, там было темно, и везде висела влажная липкая паутина. Сейчас он, по-видимому, хотел достать свои сокровища с ее помощью.

Ева не любила ходить в сарай. Последний раз, когда она искала там машинку для стрижки травы, мохнатый черный паук свалился ей прямо на голую руку.

— Ты никак не мог оставить свои...как их там...в сарае! Пошли, пора мыться и ужинать.

Амбруаз больше не возражал, видимо, понял, что бесполезно, и, придерживая шляпу, засеменил за Евой к дому.

Ночью поднялся ветер — осень выдалась ранней. В домике Пуллемов, где недавно хозяйничала полиция, и где все было перерыто и сфотографировано, лежал на кровати в пижаме Артур Пуллем, неподвижно глядя в потолок, похожий сейчас и сам на старинное фото, хотя у него не было ни очков в круглой стальной оправе, ни прямого пробора. Он глубоко и надолго задумался.

А в нескольких милях от него Ричард Морли тоже отправился спать, умоляюще и нерешительно сказав жене:

— Уже поздно... Ты устала...

Но Дженифер только упрямо потрясла головой и оставилась невидяще в книгу. После того, как дверь спальни закрылась, она выждала пятнадцать минут и, отложив книгу, подошла к телефону. Выражение холодного безразличия сменилось напряженным вниманием. Набрав номер, она очень тихо произнесла в трубку:

— Мистер Конлон? Я говорю с мистером Конлоном?..

Ева и Амбруаз крепко спали. Он не пожелал расстаться со шляпой, и теперь в сложенном виде она лежала рядом с его подушкой.

А в местной тюрьме на жестком неудобном тюремном матрасе ворочался человек, которого обвинили в убийстве Молли Пуллем. Это был садовник, нанятый на работу Пуллемами несколько месяцев назад. Хозяева обвинили его в воровстве и выгнали. Он запил, и многие слышали, как он бормотал угрозы в адрес Пуллемов. Последнее время садовник почти не выходил из состояния пьяного ступора.

Саксоны укладывались спать поздно. Им пришлось заехать обналичить чек Евы Квин, а потом простоять в очереди в дешевом супермаркете. Ветер яростно завывал и бесновался вокруг их маленького домика, обстановка которого поражала несоответствием вещей — роскошная, из старинных кружев, скатерть, принадлежавшая ранее матери Айрис, накинута на убогий стол с пластиковым верхом, редкая фарфоровая статуэтка на простой деревянной полке...

Айрис расчесывала на ночь длинные седеющие волосы, а Нед, стоя неподалеку, вытирал стаканы полотенцем, фанатично полируя стекло и потом придирчиво рассматривая их на свет голы, висевшей под потолком, лампочки. Внезапно он прервал занятие и прислушался.

— Что это?

Год назад Айрис произнесла бы в ответ беспечно:

— О! Это ветер, что же еще?

Но сейчас она тоже стала напряженно вслушиваться вместе с мужем, хотя слышала лишь далекий лай собак и шорох листьев. Нед уже схватил фонарь, погасил свет и выскользнул на улицу. Все его движения были удивительно ловки и быстры для такого полного большого человека.

Наркоманы. Айрис теперь верила в этих ужасных людей, проторивших свою порочную тропу мимо их домика, кравшихся теперь в темноте с грузом марихуаны или с чем-нибудь похуже. Соседи без конца входили и выходили, они жили другой жизнью и часто будили и беспокоили Саксонов, так нуждавшихся в хорошем отдыхе. Небольшой разумный голосок изнут-

ри иногда подсказывал Айрис, что могут быть причины гораздо более невинные для такого поведения соседей, но она быстро его заглушала.

Нед Саксон вошел, тяжело и зло пыхтя.

— Удрали, черт бы их побрал... Завтра натяну проволоку, посмотрим, как они тогда пройдут... — Он с беспокойством взглянул на жену, уже лежавшую под одеялом — она сейчас напоминала внезапно состарившуюся девочку со своими длинными седеющими прядями, разметавшимися по подушке. — Устала?

— Нет... Просто это был такой шок... Бедная, дорогая Молли... Знаешь, я до сих пор не могу поверить...

— Еще какой шок, — спокойно согласился Нед, — помнишь, когда ты только начала работать у них, я ведь уже тогда предупредил Артура Пуллера, чтобы он завел собаку. Ведь их дом стоит на отшибе и давно напрашивается на ограбление!

Айрис скоро тихо уснула. Нед заботливо подоткнул под ней со всех сторон одеяло и улегся сам. Перед тем, как он погасил лампу, свет на мгновение вспыхнул, отражаясь на его светлых, почти палевых волосах.

Глава четвертая

Заголовки утренних газет гласили: “Подозреваемый в убийстве Молли Пуллер найден мертвым в тюремной камере”. Было назначено вскрытие, чтобы определить причину смерти.

Со смертью Сильверию Бака, сорока шести лет от роду, Долина вздохнула с облегчением. Он был судим ранее за ограбление, потом произошла эта история с Пуллерами, и, разумеется, именно Бака был хорошо знаком с планировкой их дома и сада. Недавно Бака появился в баре с двадцатью долларами, что всех немало удивило, ведь он был давно без работы. Естественно, будучи как всегда, пьян, он не мог вспомнить, где находился в ту ночь, когда убили Молли Пуллер, и оказал вдруг дикое сопротивление полиции при задержании. Возможно, он просто был в отчаянии от мысли снова угодить в камеру.

Теперь он мертв. “Меньше расходов суду”, — говорили некоторые, а другие добавляли: “Посадили бы его, а он через год опять вышел и натворил бы еще что-нибудь”. Почему-то прошло совершенно незамеченным заявление вдовы Бака о том, что двадцать долларов у мужа брали в долг и неожиданно вернули, а в ту роковую ночь он был дома.

Дженифер Морли приняла известие об аресте Бака и его вину с холодной яростью, а Артур Пуллер удивленно сказал:

— Подумать только, ведь я подарил этому парню свой старый костюм и пальто.

Для Айрис Саксон, которая лишь мельком видела этого человека, подрезавшего розы в саду Пуллеров, дело было ясно и автоматически закрыто. Она поразилась, когда ее муж за завтраком, складывая прочитанную газету, иронически произнес:

— Славно работает полиция, ничего не скажешь.

Айрис, намазывавшая бутерброды ореховым маслом и джемом и похожая на девочку, внезапно пойманную в сеть морщинок и седых волос, удивленно подняла голову.

— Ты хочешь сказать, что он этого не делал?

— Уж слишком все гладко и быстро. — Несмотря на тучность и шестьдесят лет, у Неда были ясные голубые глаза и удивительного цвета волосы, так напоминавшие ей того худенького юношу, который когда-то покорила сердце Айрис Дикинсон.

— Ну, полиция старалась изо всех сил, во главе с шерифом. Ведь Артур Пуллем — важная шишка и платит большие налоги, — логично рассудил Нед. — Конечно, Пуллем рассказал им об увольнении садовника, и они тут же взяли Бака по подозрению. Он был слишком пьян, чтобы оправдаться. Да еще дрался... А потом вдруг взял и умер! Конечно, он негодяй, кто будет тут спорить... но... — Нед подумал и изрек: — Все же это очень странно...

Его сомнений никто не разделял. Конечно, расследование по делу смерти Молли Пуллем не могло быть закрыто, но общество понемногу успокоилось. Пока еще люди запирались на засовы и цепочки, зато громадных псов, один из которых за это время успел проявить черную неблагодарность и покусал свою хозяйку, вернули в питомник. Даже продавец пылесосов, ходивший по домам, сумел продать пару, а дети, ранее запертые перед телевизорами, были выпущены на волю и по-прежнему играли до темноты на улице. Все это действовало благотворно на встревоженных, взбудораженных убийством жителей.

Они были похожи на людей, только что испытавших землетрясение в районе, где его не должно было быть, и теперь собирающих пожитки, чтобы снова въезжать в дома, не подозревая, что следующий толчок, более внушительный, уже не за горами.

Услышав звонок в дверь, Артур Пуллем внезапно испытал такой приступ страха, что застыл, прижавшись к стене и лихорадочно выискивая путь к отступлению. Он просто не откроет и все, подождет, пока тот, кто стоит у двери, уйдет. Хотя трезвое чувство подсказывало Артуру, что персона, появления которой он так боится, еще не может придти, во всяком случае, не так быстро, и тем более днем. Постепенно он сообразил, что за дверью стоят два человека, и они тихо переговариваются.

Открыв дверь и увидев на пороге чету Саксонов, Артур испытал вдруг такое облегчение, что пригласил их войти с необыкновенным воодушевлением и сердечностью, столь ему несвойственными. Хотя свое неприятное сообщение для Саксонов он предпочел бы сделать по телефону.

— Мы на минутку, — деловито и строго сказала Айрис. — Просто Нед обещал на той неделе починить полку для М..., но так и не выбрал время...

— О, не беспокойтесь... — начал было Артур, но Айрис прервала и продолжила очень твердо: — И еще здесь есть мои вещи, которые я хотела бы забрать, потому что, разумеется, вам больше не понадобятся мои услуги.

Артура быстро поставили на место. Он и раньше не мог найти пути легкого общения с Айрис Саксон, потому что немисливо было обращаться с ней, как с обычной прислугой. И Молли, и Дженифер обычно никогда не отдавали ей приказов. Просто говорили: “О, Айрис, я понимаю, я такая зануда, но не сделаю ли вы...” или “О, Айрис, если у вас будет минутка...”

Это положение вещей не устраивало Артура, который любил, чтобы люди, работавшие на него за деньги, знали свое место. Миссис Саксон всегда была с ним вежлива и дружелюбна, но мысль сделать ей выговор была так же нелепа, как, например, немисливо было бы ударить одну из своих теток.

Артуру легче было находить общий язык с ее мужем, хотя тот и отказывался упрямо от оплаты того мелкого ремонта, который постоянно производил в доме, пока жена работала. Правда, он время от времени предъявлял счет на покупку необходимого инструмента или материала, но никогда не брал больше того, чем это стоило, даже несмотря на то, что тратил свой бензин на поездки в хозяйственный магазин. Артуру оставалось предположить, что Нед делал этот ремонт, чтобы облегчить труд жене, создать ей при выполнении работы по дому комфорт и безопасность.

Артур прошел на кухню, где Нед укреплял кронштейн под полкой, где у Молли стояла кухонная посуда.

— Э...очень вам благодарен, — начал он нерешительно, — может быть, не откажетесь выпить по стаканчику?

Нед методично вколотил три удара молотком и задумчиво произнес:

— Ну, я, право, не знаю...

Но Айрис Саксон решительно сказала из другого угла:

— Спасибо, мы спешим...

И в это время зазвонил телефон...

Артура прошиб холодный пот. Ближайший телефонный аппарат находился в столовой, и теперь придется разговаривать оттуда, и на кухне будет слышно каждое слово. А если пройти в спальню и закрыть за собой дверь, это покажется Саксонам подозрительным... Что ж, при необходимости он просто произнесет: “Вы ошиблись номером”.

Очнувшись, он понял, что телефон все трезвонит, а Саксоны устали на него с недоумением. Что-то пробормотав, он пошел и снял трубку в столовой. Голос на другом конце был голосом его деверя.

— Если ты не передумал, Артур, и если будешь дома сегодня вечером, я могу помочь составить опись. Кто-то должен заняться продажей дома, и чем скорее, тем лучше.

А не закралось ли у Ричарда любопытство по поводу поспешности, с которой он собирается продать дом? Ну нет, все понимают, что такой примерный и любящий муж, каким был Артур Пуллем, конечно, не захочет жить теперь в доме, где только что произошла трагедия, среди предметов — молчаливых свидетелей чудовищного злодейства.

— Да, хорошо, — с трудом шевеля пересохшими губами, ответил Артур, — в любое удобное для тебя время. Буду дома вечером. Привет Дженифер.

На кухне Нед Саксон торжественно принял от него пятьдесят пять центов за кронштейн, и Айрис сказала:

— Не хотелось бы, чтобы вы потом подумали, что я унесла ваше серебро. Проверьте, прошу вас, мою корзинку.

Она говорила легко, но очень настойчиво, и Артуру ничего не оставалось, как смущенно подчиниться. Неловко он просмотрел вещи: сантиметр, мочалка для металлической посуды, пара резиновых перчаток...

— И это мои ножницы, — деликатно, но твердо продолжала Айрис. — Не будете ли вы так добры убедиться, что ваши лежат на месте, вон в том ящичке, справа.

Ножницы действительно лежали там.

— Ну, мы больше не будем отнимать у вас время, — она обвела прощальным взглядом кухню, где провела столько дней, — и прошу вас, — глаза ее начали наполняться слезами, — если вам что-нибудь понадобится, дайте нам знать.

— Да, мы все для вас сделаем, — охотно подтвердил Нед Саксон, и в это время позвонили в дверь.

Артур Пуллем моментально открыл бар, вытащил наугад бутылку и стаканы, предательски зазвеневшие в его задрожавших руках, и с несвойственным, совершенно не идущим ему радушным выражением, улыбаясь, произнес:

— Но вы обязательно перед уходом должны выпить! Я просто настаиваю. Прошу вас, налейте сами, пока я открою.

Спеша к двери, он еще не придумал, как поступить, зная только, что надо любым способом задержать Саксонов на кухне в первые, самые опасные несколько минут. Когда он, с сильно колотившимся сердцем, открыл дверь, там оказался всего лишь нахальный юнец посыльный в очках, позади которого виднелась машина.

— Пуллем? Посылка для вас. — И юнец сунул ему в руки плоскую квадратную коробку.

Невесомая коробка с красивой черно-белой оберткой была из дорогого магазина, который обожала Молли, и где она покупала многочисленные легкомысленные вещицы. Поставив коробку на стол и войдя снова в кухню, Артур с досадой обнаружил, что в спешке дал Саксонам самое дорогое виски из своей коллекции, и они теперь пьют его с таким видом, как будто им приподнесли укусы!

К вечеру пришел Ричард Морли. Они быстро составили перечень и оценили дом примерно в сорок пять тысяч. После того, как документ был подписан, Ричард предположил:

— Ты, наверно, пока будешь снимать квартиру?

Артур пожал плечами.

— Я еще не решил. Мой патрон, мистер Хезервуд, предложил мне взять отпуск. И скорей всего, я возьму неделю или чуть больше, а за это время придумаю и окончательно решу вопрос с жильем. Если, конечно, полиция...

Он почти проговорился своему деверю о том, что терзало его последнее время, хотя они с Ричардом не были особенно близки и откровенны и поддерживали дружеские отношения лишь потому, что женаты на сестрах. Они были очень разные. Ричард — остроумный, с язвительным языком, очень подвижный, любитель подшучивать над тем, что, по мнению чопорного Артура, составляло "святые вечные ценности". Сейчас у Артура мелькнула мысль, что, возможно, благодаря некоторому цинизму, Ричард поймет его и даже сможет помочь...

Но не природная осторожность остановила готовое сорваться с языка признание. Артур вдруг заметил перемены, происшедшие с самим Ричардом. Сегодня он был невесел, исчезла его постоянная насмешливость, даже заметно прибавилось седины в аккуратно подстриженных волосах. Похоже, у Ричарда свои проблемы. И как будто прочитав мысли Артура, Ричард внезапно спросил:

— Тебя Дженифер не спрашивала, не было ли Молли необычных телефонных звонков последние две недели?

Артур удивленно заморгал.

— Нет. И шериф меня спрашивал, не было ли у нее врагов и не получала ли она угроз. Я ответил — нет. Молли сказала бы мне об этом сразу.

Циничный насмешливый огонек промелькнул в глазах Ричарда и исчез.

— Но Дженифер не спрашивала тебя об этом?

— Конечно, нет. — Артур почувствовал себя задетым. — Но в чем дело, в конце концов?

— Я случайно слышал, как Дженифер разговаривала с кем-то по телефону, и разговор показался мне очень странным. Кстати, ты помнишь фотографию в газетах, появившуюся в июне — ты и Молли, а внизу надпись, — тут к Ричарду вернулся прежний сарказм, — по поводу принятия тебя членом клуба в честь 50-летия "Хезервуд компани".

— Двадцать, — сухо поправил Артур, — двадцать лет.

— Ну ладно, пусть будет двадцать. По-моему, Дженифер вбила себе в голову, что эта фотография имеет какое-то отношение к...к тому, что произошло.

— Какая ерунда, — поразился Артур, весьма задетый насмешкой Ричарда по поводу любимой "Хезервуд компани". Он в

волнении снял и протер очки. — Не вижу абсолютно никакой связи... и потом этот Бака...

— Дело в том, что, к сожалению, Бака мертв, и ничего уже не расскажет, — подытожил Ричард Морли и вскоре ушел.

Конечно, Молли обязательно бы ему все рассказала, думал после его ухода Артур и, чтобы отвязаться от назойливых мыслей, начал переставлять предметы. Вытряхнул пепельницу, проверил дверные запоры и, наконец, приблизился к посылке в черно-белой кокетливой обертке.

Отослать обратно, не развертывая? Но Дженифер что-то говорила о приближении дня рождения Ричарда, может быть, Молли заказала в дорогом магазине подарок?

Слетела обертка. В коробке оказалась тонкая, почти прозрачная блузка из белого шелка, с длинными рукавами, довольно строгого фасона, если не считать выреза сердечком у горла. И странно, там был чек — блузка была куплена за наличные! Ведь Молли всегда пользовалась чековой книжкой. Блузка стоила двадцать пять долларов.

Артур был экономным, но цена его не смутила — он любил, чтобы Молли одевалась хорошо, это подчеркивало его благополучие, его собственный успех. Но он был совершенно уверен, что двойник этой блузки уже висит в шкафу у Молли! И это тоже было странным — Молли не из тех, кто покупает понравившуюся вещь дважды. Впрочем, ему не понять женских причуд. Пусть Дженифер, которая обещала придти и разобраться с личными вещами Молли, поступает с блузкой, как ей заблагорассудится. Артур сложил блузку, убрал обратно в коробку, которую потом засунул в ящик гардероба и начисто забыл о ее существовании.

Таким образом, он, сам того не ведая, очутился в схожем положении с Евой Квин, которая уже столкнулась в непонятными “роклами” Амбруаза.

Амбруаз временно забыл о “роклах”. У него появились новые увлечения. И у Евы тоже.

Глава пятая

Конверт оказался пуст, за исключением небольшой газетной вырезки, и, хотя в этот момент Еву никто не мог видеть, кроме Амбруаза, она почувствовала, как ее лицо заливается краской — не от боли и не от уязвленного самолюбия, а просто от мысли, что кто-то из ее знакомых оказался на это способен.

Начало газетной вырезки венчала фотография — улыбающаяся девушка со светлыми прямыми волосами. В заметке говорилось о состоявшейся помолвке Сьюзан Хэйз Гриффит и Уильяма Харпера Кокса, и были приведены родословные жениха и невесты. В конце называлась дата предстоящей вскоре свадьбы.

Забыв временно факт, что Амбруаз притащил в дом рогатую жабу, Ева стала рассматривать конверт. Адрес был написан аккуратным почерком, и на конверте стоял почтовый штемпель Альбукерке. Кому-то явно очень хотелось досадить ей, довести до слез.

В мире было много зависти и зла, и, вполне сознавая эту неприятную истину, Ева рассудительно старалась не принимать близко к сердцу чье-либо враждебное отношение. К сожалению, заметка причинила боль и весьма ощутимую. Кто-то, в машинописном бюро, или секретариате, или в ее бывшем отделе, нашел свободное время и, горя желанием досадить, не поленился вырезать заметку, узнать Евин новый адрес, который она оставила на тот случай, если возникнут вопросы, связанные с выполняемой ею ранее работой.

Конечно, это не могла сделать Нина Эрл, подруга Евы, с которой они весело поедали в обед жареный картофель с маринованными овощами. Нина была хорошим верным другом. И не Том Сандерс, его стол стоял рядом, и они часто шутили и переговаривались, как добрые друзья. Пожалуй, единственной подходящей для такого поступка кандидатурой была раскрашенная рыжая секретарша, с зелеными глазами и копьевидными ресницами, которая каждый раз делала стойку, стоило только появиться в отделе Биллу.

— Дверь... Ну же, там... дверь, — теребил Еву Амбруаз, при этом шепча возбужденно ей прямо в ухо. Господи, кто научил этого ребенка так драматически относиться к любому стуку и звонку в дверь?

Первой реакцией Евы, когда она открыла дверь, было желание захлопнуть ее немедленно, потому что молодой человек, силуэт которого вырисовывался на фоне абрикосового дерева, явно был служащим компании "Кокс Айвенго". Ева точно не могла вспомнить, где именно видела это удлиненное лицо со светлыми серьезными глазами — в лифте или в столовой компании, но знала точно, что не ошибается. И в настоящий момент, все еще держа в руке злосчастный листок газетной вырезки, она меньше всего на свете хотела видеть кого-либо из "Кокс Айвенго".

Она спросила очень-очень холодно:

— Да?

Он не собирался скрывать, что знает ее.

— Я — Генри Конлон, мисс Квин. Прошу прощения за тот беспорядок, который вы нашли в доме, но я был на побережье пару месяцев.

Ева вспомнила, что чеки за ренту дома она посылала на имя Е.Д. Дунн, и теперь удивленно и немного смущенно поняла, что перед ней хозяин ее домика. Ричард Морли мог бы ее предупредить. Ужасно, что этот молодой человек безусловно знает обстоятельства ее увольнения.

Ничего не оставалось, как пригласить его войти, и, поскольку он вошел, пригласить его садиться. Ева скованно поддерживала разговор, пока голова Амбруаза то возникала, то пропадала из-за спины гостя. Нет, ей не составило труда навести здесь порядок, даже понравилось. Да, разумеется, после города здесь очень мило.

После чего наступило неловкое молчание. Ева, конечно, не была так глупа, чтобы предположить, будто он пришел по вопросу, связанному с ее работой в рекламном агентстве, но и не приходилось слышать, чтобы владелец дома приходил просто так, чтобы узнать, какие проблемы у жильцов, и выслушать жалобы на текущие краны или трубы.

В наступившей тишине Амбруаз вдруг громко произнес: "Ну, иди же сюда, моя жаба".

Похоже, это вывело Генри Конлона из оцепенения. Он стал оглядываться, с явным одобрением замечая сверкающие полы, свежепокрашенные стены и до блеска отмытые оконные стекла. Его внимательный взгляд задержался на печатной машинке. Это была старенькая "Ройял", совершенно не заслуживающая внимания.

— В соседнем доме жила моя тетька. А этот дом она сдавала. Поскольку из ближайших родственников именно я оказался поблизости, мне предстоит разобраться с ее вещами, потому что другие наследники хотят продать дом как можно скорее. Так что не удивляйтесь, если увидите по ночам свет в окнах соседнего дома.

В это время Амбруаз заорал.

— Выходи, жаба, тебе говорят!

Проигнорировать и сделать вид, что не слышит, было просто невозможно. Ева сухо объяснила, что у нее гостит маленький племянник.

— И, как я вижу, с другом, — улыбнулся Генри Конлон. — Кстати, у вас не было случайно старшей сестры, которая училась в здешней школе Локвуда?

Светлые глаза серого, почти стального цвета, как уже отметила Ева, стали вдруг очень цепкими в ожидании ответа на такой, казалось, вполне невинный вопрос.

Нет, ответила Ева, такой сестры у нее не было.

— Простите, но я осмелюсь обратиться с просьбой. Я потерял ключ от черного хода тетиного дома. Не мог он затеряться среди старых ключей? Я помню, во времена последнего жильца ключи лежали на верхней кухонной полке слева, в бронзовом кувшине. Может быть, и сейчас...

Ева не помнила никакого бронзового кувшина с ключами, но послушно сказала, что поищет, и, выходя, наконец, вспомнила где она слышала об этом молодом человеке — на рождественском вечере, устроенном компанией "Кокс Айвенго" для своих служащих в прошлом году.

Пудра нос в туалетной комнате, Ева поймала обрывок разговора между двумя хорошенькими секретаршами.

— А, *этот*... Это мистер Конлон. Ничего не скажешь, лакомый кусочек, но только ты напрасно накладываешь столько туши, если стараешься для него. Он не обращает внимания на женщин из-за своей жены.

— И здесь жена! Ну надо же! Мне просто не везет, наверно, на небесах я явно кого-то прогневала! — Девушка наклонилась к зеркалу, рассматривая накрашенные губы.

— О, его жена умерла два или три года назад, но в этом-то все дело. Мне говорили, что она была из тех, кто любит смотреть на сторону. Почему она это делала, совершенно не могу понять! Я бы на ее месте сидела дома и штопала ему носки. Однажды она с каким-то психом полетела на частном самолете, просто так, прогуляться, и, представляешь, — оба разбились!

Теперь ясно, подумала Ева, откуда у Генри Конлона этот безучастный вежливый взгляд.

Она залезла на маленькую стремянку и заглянула на верхнюю полку — никакого кувшина с ключами там не оказалось. Еву вдруг поразила необычная тишина, воцарившаяся в домишке. Как будто все одновременно затаили дыхание, включая ее саму. Что касается Амбруаза, тот, вероятно, притаившись, кроважно выжидал появления своей жабы. А Генри Конлон?

И тут из гостиной послышался тихий шелестящий звук. Ева прислушалась — шорох бумаги, тишина, опять шорох. Она вспыхнула от гнева. Если он домовладелец, это еще не дает ему права рыться в чужих вещах! Как он смеет разглядывать ее личные бумаги! С высоко поднятой головой она быстро вошла в гостиную.

— Мистер Конлон! Я...

Он стоял у окна, занятый прикуриванием сигареты, и вся его фигура выражала терпеливое ожидание. Ева быстро огляделась по сторонам и густо покраснела, заметив газетную вырезку на краю стола. Теперь он, разумеется, подумает, что она оплакивает свою разрушенную любовь.

— Если там и был раньше бронзовый кувшин — теперь его нет, — сказала она с холодной сдержанностью, — и единственные ключи, которые я имею — от входной двери, так что извините.

Он моргнул, и вдруг Еве показалось, что мистера Конлона весьма забавляет ее воинственный тон.

— О, все равно, благодарю. Ваш племянник, по-моему, нашел свою жабу.

— Ну, это совсем не тот случай, когда бедная женщина находит золотую драхму. — Ева решительно направилась к двери.

— Вы, вероятно, очень заняты, — пробормотал Генри Конлон, послушно идя за ней к выходу.

— Да, пожалуй, у меня есть дела. Спасибо, что зашли.

— Могу ли я сказать, что без вас в отделе очень скучают.

— Очень приятно слышать об этом. — И с этими словами Ева закрыла за ним дверь.

Первое, что она сделала после его ухода, — скомкала газетную вырезку и бросила ее в печку. Теперь надо было найти коробку из-под обуви для жабы, загнанной в угол Амбруазом.

Ева, хотя и никогда не была в диком восторге от рогатой жабы, сейчас, несмотря на неожиданно возникшие проблемы, почувствовала заслуженную гордость. Когда Амбруаза привезли сюда, он боялся даже мух. Селия напичкала сына всякими страхами по поводу микробов. Он заорал от страха при первой встрече с кузнечиком и долго стоял, как парализованный, когда в саду красивая ящерка пробежала по его голой ноге. И вот, пожалуйста, теперь возится с рогатой жабой. Безопасной, но мягко говоря, весьма малопривлекательной на вид.

Ева твердо проговорила:

— Ее нельзя здесь держать, Амбруаз, она погибнет.

Потом помогла ему выстлать дно коробки травой, поставила туда крышку от банки с ореховым маслом для воды. Амбруаз, накрывшись своей необъятной шляпой, отнес коробку под абрикос и улегся на траву рядом, опершись на локоть и с гордостью глядя на своего безобразного пленника.

Ева вернулась в гостиную и попыталась осмотреть ее глазами Генри Конлона. Здесь, при минимальном наборе только самой необходимой мебели, какой-то интерес могла представлять лишь печатная машинка. Маленький письменный стол с личными документами, письмами и фотографиями стоял в спальне. Ева вспомнила внимательный взгляд Генри Конлона, устремленный на старую "Ройял".

Она всегда закрывала машинку чехлом — от пыли и от Амбруаза. Сейчас Ева сняла чехол — послышался тот самый шелестящий звук, услышанный ею на кухне. В машинку был вставлен лист бумаги, где она начала печатать письмо Селии. Значит, этот мистер Конлон придумал историю с ключами, чтобы выслать Еву из гостиной, а сам в это время заглядывал под чехол. Девушка начала подозревать, что осмотр машинки и был целью его прихода.

И что за дурацкий вопрос он ей задал про сестру и школу в Локвуде, да еще с таким инквизиторским огоньком в глазах?

Амбруаз упрямо отказывался ложиться спать после обеда и однажды, после того, как она все-таки его уложила и оставила одного в спальне, разобрал на мелкие части Евин будильник. Войдя в спальню, она обнаружила лишь кучку колесиков и винтиков. Ева отступила, но иногда малыш сам не выдерживал. Вот как сейчас — заснул прямо на траве около коробки с рогатой жабой. Шляпа валялась рядом, придавая ему комическое сходство с пьяницей в городском парке.

Ева, обеспокоенная тем, что стала объектом чужого пристального любопытства, пошла к телефону и набрала номер Нины Эрл.

Глава шестая

— Я все думаю, — повторил Нед Саксон, наверно, уже в десятый раз, — что скрывает наш достопочтенный мистер Артур Пуллем, и почему он не хотел, чтобы мы видели, кто к нему пришел?

“Наш достопочтенный мистер Артур Пуллем” прозвучало несколько злобно, и Айрис Саксон недовольно сдвинула брови. Хотя она тоже недолюбливала Артура, считая его напыщенным глупцом, все-таки он был мужем дорогой незабвенной Молли, и его теперешнее положение требовало уважения.

Супругов никто не мог слышать этим осенним ветреным утром, когда они ехали в своем стареньком автомобиле, направляясь к дому Морли в первый раз после похорон. Айрис не нравилось, что Нед, начиная со вчерашнего вечера, после того как они покинули дом Пуллемов, не переставая, оживленно обсуждает Артура.

С несвойственной ей сухостью она возразила.

— Не понимаю, почему ты так раздуваешь дело из-за какой-то посылки из магазина.

— Да он был как на иголках еще до этого!

— Разумеется, он очень расстроен. Станным было бы его спокойствие. Представляешь, сколько раз трезвонил последнее время телефон в его опустевшем доме?

Она говорила и сама не верила своим словам. Артур действительно проявил заметную нервозность, когда зазвонил телефон. Не раздражение и усталость, вполне естественные в его положении, а именно странную нервозность. Она покосилась на мужа, но тот сидел прямо, глядя на дорогу, и не отреагировал на ее слова, поглощенный собственными мыслями. Если бы она была женщиной с воображением, а Айрис явно таковой не являлась, то могла бы сравнить выражение скрытого лукавства на лице Неда с выражением фокусника, когда тот вытаскивает кролика из обычной шляпы.

Все-таки оно ее обеспокоило, и не зная, как выразить свое недовольство мужем по-другому, Айрис раздраженно произнесла:

— Они могли бы и получше отремонтировать автомобиль за двадцать пять долларов! Такое впечатление, что он рассыплется на ходу, так в нем все гремит! Не представляю, как я буду тогда добираться на работу!

На этот раз Нед ее услышал и посмотрел на жену с неподдельным беспокойством.

— Айрис, что случилось?

Что случилось? Двадцать пять долларов, потраченные на плохой ремонт, непонятно зачем, ведь Нед всегда сам чинил их

старенький автомобиль. Потеря недельного заработка, и очень приличного заработка, у Пуллемов. Сознание, что Нед больше не позволит ей взять еще одну работу. Неизбежное прекращение поездок в кино, их единственного развлечения, и исключение из рациона бифштекса по выходным, маленького отступления от диеты, которую легко можно было назвать полуголодным существованием.

Но Айрис, как всегда, поборолла минутную слабость и храбро улыбнулась.

— Прости, ты же знаешь, как на меня действует этот ветер. Скоро начну работать, и все пройдет.

Не глядя на мужа, она автоматически проверила содержимое рабочей корзинки, нащупав на дне свой скудный спартанский обед — яблоко и бутерброды с тонким слоем орехового масла и несколькими жалкими сардинами. Она никогда, даже у Молли, как бы настойчиво ее не уговаривали, не принимала приглашения поесть — только чашку кофе или чая.

Машина въехала на подъездной круг дома Морли и остановилась. Нед тяжело выбрался, обогнул капот и, открыв дверцу, помог Айрис выйти. Он поддерживал жену так бережно, как будто она была сделана из тонкого хрусталя. Вместе, как составившиеся дружные дети, они подошли к парадной двери.

Хотя Айрис уже год работала на Морли, она могла стоять на крыльце хоть час и ждать, когда откроют, потому что никогда сама не открыла бы дверь чужого дома, несмотря на то, что Дженифер часто говорила:

— Айрис, неужели вы не можете просто взять и войти, ведь я могу не услышать звонок в дверь.

Впрочем, само собой разумелось, как бы по негласной договоренности между сторонами, что Айрис всегда приходит к парадному, а не черному ходу, служившему обычно для прислуги.

В доме послышались шаги, и Нед сказал.

— Я съезжу, пожалуй, в таксопарк насчет работы, говорили, им нужны водители.

Айрис незаметно вздохнула — он поедет, а там вступит в политическую дискуссию с менеджером или начнет доказывать, что тот неправильно организовал дело, разругается со всеми и никакой работы не получит... — потом стойчески улыбнулась:

— Что ж, удачи тебе, милый.

Нед отсалютовал и взглянул на жену своими ясными голубыми глазами.

— Послушай, если Дженифер куда-нибудь уйдет, обязательно запри все двери, — сказал он.

Ей открыл сам Ричард Морли. Двадцать минут назад, сразу после утреннего кофе, Дженифер сказала:

— Если придет Айрис, открой ей. Я пойду к себе, переоденусь.

Обычно в тот день недели, когда приходила Айрис, Дженифер никуда не спешила. Еще несколько дней назад Ричард удивленно спросил бы:

— Куда ты собралась так рано?

Сегодня он только молча взглянул на жену. Хорошо, что Ричард не мог сейчас видеть своего лица, иначе ему самому не понравилось бы то настороженное застывшее выражение, которое теперь его не покидало.

— Я иду к Артуру, — коротко объяснила она. — Надо поскорей разобраться с вещами Молли, как я ему обещала. К вечеру закончу.

Драгоценности Молли были уже убраны и заперты в сейф, но оставалась одежда и много личных вещей. Некоторые предметы хранились еще со времен детства. Их нельзя выбросить и уж совсем было нежелательно, чтобы они попали вдруг в чужие руки. Расстроенный, что они вынуждены разговаривать как чужие, Ричард только спросил:

— Стоит ли оставаться одной в этом доме?

— О, со мной ничего не случится. Чем скорее я пройду через это, тем лучше. Увидимся вечером.

Она говорила сухо и как бы по обязанности и сразу ушла в ванную. Слышно было, как зашумел душ. Ричард никак не мог забыть тот ужасный вечер, мучился, ненавидя себя за спор с Дженифер, за нежелание ехать тогда к Молли. Он все бы отдал теперь, чтобы исправить свою ошибку. Но Ричард заметил, что в уже привычном теперь отчужденном выражении лица Дженифер появилось нечто новое.

Это новое к нему не относилось и было связано каким-то образом с почтой.

В субботу почту принесли поздно, около полудня. Ричард сам занес корреспонденцию в дом. Все еще прибывали письма с выражениями соболезнования. Дженифер механически вскрывала конверты один за другим, но вдруг что-то ее насторожило, она замерла и на какое-то время, казалось, перестала дышать. Воцарилась та тишина, которая сродни неожиданному грохоту.

Ричард, забыв размолвку последних дней, не выдержал и быстро спросил:

— Что случилось?

Она взглянула на него так странно, как будто он заговорил на незнакомом языке, потом покачала головой:

— Просто невозможно ответить всем этим людям...

Она положила письма на столик, как всегда. Ричард просмотрел их потом, но ни в одном не нашел ничего такого, что, по его мнению, могло вызвать тот мгновенный шок жены. А позже, вечером, когда Дженифер думала, что он спит, Ричард слышал, как она набрала чей-то номер. Все, что он разобрал, было: "Это мистер..." — и дальше так тихо, что он не смог больше уловить ни слова.

Дженифер звонила тому, кто послал письмо, вызвавшее ее непонятную реакцию?

Муж, менее ревнивый или не обладающий такой упрямой гордостью, как Ричард, мог просто спросить ее об этом и поставить точки над "i", правда, рискуя поспорить окончательно. Или попытался хотя бы вызвать жену на откровенность и узнать, что ее так поразило в письме. Ричард не сделал ни того, ни другого. Он чувствовал, что пропасть между ними все увеличивается, терзался, но в силу своего характера, мучаясь, ничего не предпринимал. И в это ветреное осеннее утро он, коротко поздоровавшись с миссис Саксон, уехал на работу.

Дженифер не сразу покинула дом, хотя перед Ричардом сделала вид, что очень спешит. Сильно похудевшая, в белой блузке и черной юбке, бледная настолько, что самая светлая помада вызывающе кричала на ее осунувшемся лице, она подала, как было заведено, чашку кофе Айрис и завела обычную беседу на домашние нейтральные темы. На голубом жилете Ричарда небольшая дырка по шву. И, может быть, сегодня подходящий день, чтобы выстирать шторы, висевшие в спальне? Сильный ветер на улице, и они быстро высохнут, возможно, их даже не потребуются гладить.

Это было пустой тратой слов, потому что любая вещь, включая последнюю тряпку, попадала немедленно под утюг Айрис Саксон. Ее услуги не были роскошью, как могло показаться, и Дженифер часто говорила Ричарду, что Айрис своей стиркой и гладкой экономит им деньги, которые были бы потрачены на химчистку. Даже плащи после того, как над ними потрудились руки Айрис, выглядели как новые. А неизбежный маленький ремонт одежды, за который портной представил бы внушительный счет! Рубашки Ричарда, благодаря Айрис, выглядели накрахмаленными, и все пуговицы на них были целые и всегда на месте.

— Я иду к Артуру. Если понадобится, звоните туда, — сказала Дженифер, — и если кто-нибудь позвонит мне, скажите, что буду дома к трем. И... Айрис, хотя я знаю, что вас наверняка уже спрашивали об этом... Не упоминала ли Молли о каких-нибудь странных телефонных звонках в тот день, не помните?

Она делала вид, что роется в сумочке, и говорила безразличным тоном, но тут же резко подняла голову и выжидательно уставилась на миссис Саксон.

У Айрис на лице появилось выражение сострадания, но она ответила хоть и мягко, но вполне твердо:

— Нет, она ничего не говорила мне. Она... Молли... была в тот день такой, как всегда. — Голос ее предательски дрогнул, и она отвернулась. — Лучше займись поскорее работой, ведь я пришла сюда не потому, что вы пригласила меня поболтать за чашкой кофе.

В последние дни Дженифер отчетливо видела все свои действия со стороны, при этом критически, как незнакомка, оценивая свои слова и поступки. Вот и теперь она видела, как садится в машину, как едет по извилистой дороге, покрытой опавшими желтыми листьями, и медленно подъезжает к повороту, откуда подъездная дорожка ведет к дому Пуллемов. Взглянув с отворачиванием на громадный куст сирени, каким-то образом посвященный в загадку гибели Молли, она подъехала к дому и вышла из машины.

Открыв дверь своим ключом, Дженифер принялась сначала за самые легкие дела. Артур сдержал обещание и оставил огромные пустые коробки. В спальне, где царил особенная тишина, Дженифер начала складывать все вещи подряд, их потом разберут в магазине благотворительного общества. Платья, юбки, белье, ночные рубашки — некоторые вещи совсем новые, еще нераспакованные. Вдруг, особенно громко в пустом доме, зазвонил телефон.

От неожиданности неприятный холодок пробежал по спине. Конечно, это Артур, она же сказала ему, что обязательно придет сегодня или завтра. Она сняла трубку и услышала незнакомый женский голос: "Алло?". Дженифер тоже сказала "алло", но на другом конце замолчали. С линией было все в порядке. Дженифер повторила: "алло, я вас слушаю". После паузы грудной женский голос с едва заметным акцентом произнес.

— Простите, я, должно быть, ошиблась номером. — И трубку повесили.

...Еще белье, нераспакованные новые чулки. Бижутерия. Айрис, возможно, захочет взять что-нибудь на память. И Дженифер сложила бижутерию в деревянную резную шкатулку, где хранились раньше настоящие драгоценности Молли — хороший жемчуг, кольца, серьги с огромными, красиво оправленными рубинами, принадлежавшими раньше матери Артура.

Одиннадцать часов. Остается еще разобрать ящик с перчатками и выбросить открытые флаконы духов и туалетной воды. А потом неизбежно придется приступить к тому, чего так боялась Дженифер. Письма Молли в маленьком письменном бюро. Фотографии, личные предметы, которые она хранила по той или иной причине на память.

Глядя на письменный столик, оставленный ею сознательно на конец, Дженифер услышала, как звякнул дверной колокольчик. Она удивилась, потому что не слышала шума подъехавшего автомобиля, хотя подъезд к дому был, как у всех, посыпан гравием из-за пыли.

Наверно, явился какой-нибудь бродячий продавец пылесосов или индеец из соседней деревни с узорными покрывалами и серебряными украшениями. Дженифер, настроившись быстро отправить их туда, откуда они пришли, откинула решительным

жестом короткие черные волосы со лба и направилась к входной двери.

К ее удивлению, вызвавшему мгновенный, как молния, испуг, в дверях стояла неуклюжая фигура Неда Саксона.

Глава седьмая

Первой мыслью, возникшей, по-видимому, из-за мрачной обстановки дома, как будто пропитанной ядовитыми духами несчастья, было — что-то случилось с Ричардом. Наконец, к ее облегчению, Нед неловко и виновато улыбнулся.

— Простите, что я вас так напугал. Но я увидел машину около дома и зашел, чтобы спросить, не разрешите ли вы мне позвонить? Дело в том, что моя машина сломалась на дороге в полумиле отсюда.

— Конечно, заходите.

Дженифер, в отличие от Молли, не испытывала никакой неловкости в присутствии этого человека. Она его просто не замечала и все. Его личные проблемы и неудачи вовсе не оправдывали Неда Саксона в глазах Дженифер. Но сейчас она невольно почувствовала что-то вроде сострадания. Обычно румяное лицо Неда было угрожающе багровым и вместе с шеей налито ровным, темно-красным цветом.

— Я могу довести вас до мастерской, если хотите, — предложила она.

Но Нед Саксон сразу запротестовал, проявляя присущую ему нарочитую скромность, показную и фальшивую, по мнению Дженифер.

— Ну что вы! И в мыслях такого не было... Оторвал вас от работы... Все дело в том, что я купил старый аккумулятор у своего соседа, вот он меня и подвел... Теперь пусть сам сосед и выручает.

— Ну что ж, если вы уверены... телефон там... — С этими словами Дженифер повернулась и пошла в столовую, где стоял телефон. Хотя Нед прекрасно знал, где находится телефон, он ни за что не отправится бродить один в чужом доме, и Дженифер была известна подчеркнутая скромность Саксонов.

Он, по-видимому, уже отдышался, потому что теперь она не слышала за своей спиной тяжелого дыхания. Дженифер не слышала даже его шагов и рассеянно подумала, что, оказывается, это вовсе не рассказы старых людей о том, что многие толстяки проявляют удивительную легкость при движении. Задумавшись, она чуть не подпрыгнула от резкого звонка — телефон неожиданно громко зазвонил.

Это была Айрис Саксон.

— Извините, что беспокою вас, но тут посыльный привез электронагреватель, говорит, что вы заказывали. Я не знала, расписываться за вас или нет.

— Конечно, будьте любезны. Простите, я совсем забыла вас предупредить. Кстати, ваш муж здесь, рядом, хотите с ним поговорить?

Едва взяв трубку и услышав голос Айрис, она сразу повернулась к Неду и, протягивая ему трубку, с беспокойством заметила яркий белый треугольник вокруг его рта. Саксон выглядел совсем больным.

— Привет, — хрипло заговорил Нед, а Дженифер направилась в гостиную, — ты была права сегодня утром. Я как раз направлялся в тот магазин, на Четвертой, а двигатель заглох. Недалеко отсюда, за углом... Я так и собираюсь сделать... Увидимся в пять, как всегда.

Слышно было, как он положил трубку и снова набрал номер. Потом заговорил с кем-то об аккумуляторе, по веселому тону видно было, что с другом. Закончив разговор, вошел в гостиную, поблагодарил Дженифер.

— Он уже выезжает, подожду около машины.

— Я вас отвезу, — быстро сказала Дженифер. Она могла не любить Неда Саксона, но его больной вид внушал опасения. Даже заклятому врагу невозможно отказать в помощи в таком положении. — Подождите минутку, я только возьму ключи.

Но Нед и слышать не хотел.

— Айрис мне башку оторвет за то, что я вас обеспокоил, да еще в такое для вас время. К тому же мне сейчас полезно пройтись пешком. Может, давление снизится.

Закрывая за ним дверь, Дженифер засомневалась, что прогулка ему поможет. Такой багровый цвет лица, да еще с белым треугольником вокруг рта, бывает или в преддверии апоплексического удара, или, что в данном случае нелепо предположить, от дикого приступа бешенства. Повышение давления опасно при его полнокровии и возрасте. Ну что ж, ее совесть чиста, она сделала, что могла. И, закрыв дверь за Саксоном, она, как до нее Артур Пуллем и Ева Квин, тут же выбросила из головы этот случай и направилась снова в комнату Молли.

Нина Эрл была в отпуске, и Ева не смогла дозвониться ей до сегодняшнего вечера. Амбруаз сидел в ванне и рассматривал со священным ужасом укусы осы, который сегодня заработал. Он весь день приклеивал к месту укуса пластыри, и Ева находила их по всему дому, отклеивая в самых неожиданных местах.

Жизнерадостная, разговорчивая, прекрасно эрудированная Нина Эрл, услышав Евин голос, сказала:

— Ну вот, голос из провинции. Знаешь, мы получили наконец долгожданный заказ на рекламу корма для собак. Я представляю так: играет душераздирающе старое пианино, и какой-нибудь красноглазый бассет печально и неохотно ест корм из миски, на которой стоит марка фирмы "Брэнд X", а рядом жизнерадостный терьер с мохнатыми бровями уплетает наш

корм...Ну, ладно, хватит об этой ерунде. Что ты делаешь с такой массой свободного времени и чем так занята, что даже не заедешь нас навестить?

Ева хотела рассказать про Амбруаза, но передумала. Это слишком сложно и долго, а у нее был готов вопрос к Нине.

— Да так, ничего особенного...Нина, есть у Генри Конлона сестра?

Нина Эрл работала в компании с самого дня основания и знала подноготную всех сотрудников. Кроме того, обладала феноменальной памятью. И сейчас она ответила твердо, не задумываясь.

— Нет. Старший брат, по-моему, служит в Германии. Генри — прекрасный парень, только ему не повезло.

— Он оказался моим домовладельцем.

— Неужели? Вот уж действительно, мир тесен!

— Не знаешь, как он связан со школой Локвуда?

— Во-первых, школа Локвуда для девочек, и во-вторых, насколько я знаю, он не имеет к ней отношения.

Ева почему-то не успокоилась, интерес к Генри не пропал.

— О? Правда? — В это время из ванны послышались трубные звуки, и Ева сказала: — Подожди минутку, я сейчас.

Амбруаз, которому в глаза попало мыло, покраснев от рева, с закрытыми глазами поливал голову из пластиковой бутылочки. Вокруг ванны валялись, уже использованные им, полотенце, мокрая пижама, а на полу было полно воды.

Ева принесла другое полотенце и его вторую, их всего было только две, пижаму. Поскользнулась на мокрых плитках пола и чуть не упала. Услышала злое шипение вновь появившейся жабы и с легким потрясением вернулась к телефону.

Нина игриво произнесла:

— У тебя, по-моему, там интересно.

Ева рассмеялась.

— Маленький кузен, которому мыло попало в глаза.

И нетерпеливо спросила: — Так что там о школе Локвуда?

Оказалось, школу создали, как элитную, для богатеньких девочек, где их могли научить заодно хорошим манерам. Но школа, просуществовав два или три года, закрылась. Почему, Нина не знала.

— Был какой-то скандал?

— Мне, во всяком случае, неизвестно, значит, можешь считать, что не было, — без ложной скромности сказала Нина, — но если это для тебя важно, я попробую что-нибудь раскопать.

Евин запал уже улетучился, возможно, от Нининого слишком трезвого, делового тона.

— Не трудись, — сказала она. — Я просто так спросила, от нечего делать.

И они начали болтать, как две подружки, связанные общей работой и друзьями в течение двух лет. Нина сообщила, что бе-

локурая секретарша мистера Кокса родила близнецов. Потом спросила:

— Слушай, ваше местное убийство всех потрясло. Оно раскрыто?

— Вообще-то, не до конца. — Тут Ева вдруг заметила, что за окнами стало совсем темно, шторы еще не задернуты, и что впервые она забыла запереть заднюю дверь. Под возобновившиеся вопли Амбруаза и шум воды она торопливо попрощалась с Ниной, пообещала вместе как-нибудь в ближайшее время пообедать и положила трубку. Заглянув к Амбруазу, она быстро прошла через длинную, как коридор, кухню к задней двери. Через дверное стекло был виден соседний дом и общая подъездная дорожка. Окна ярко светились, и свет золотил ветки деревьев — Генри Конлон уже вернулся домой. Ева заперла дверь и стала задвигать засов, который ей настоятельно посоветовал купить и потом установил Нед Саксон.

Засов был тяжелый, и пока она с ним возилась, к соседнему дому подъехал автомобиль. Фары погасили прежде, чем он остановился. Сверкнул дверной фонарь, водитель вышел из машины, и Еве удалось разглядеть, что это была женщина. Ева неожиданно почувствовала себя обманутой и смутилась. Конечно, находясь в доме своей тетки, как один из полноправных наследников, Генри Конлон имел полное право принимать там, кого ему заблагорассудится. Хоть целую вереницу дам. Но тут женщина, забыв, очевидно, что-то в машине, вернулась и когда снова распахнула дверцу, Ева узнала Дженифер Морли.

Ева поспешила в ванную, где Амбруаз, перегнувшись через край ванны, пытался зубной щеткой вытащить из угла свою рогатую жабу.

— Чистить, — сказал он сердито.

— Надо чистить зубы, а не жабу. — И Ева сердито выбросила щетку, совсем новую и дорогую. Потом с необычной скоростью и настойчивостью затолкала его в постель.

— А моя шляпа? — несколько опешив от такого напора, слабо спросил Амбруаз. Ева положила ему на подушку шляпу и на цыпочках снова прошла на кухню, собираясь, наконец, поужинать.

Как жена агента по недвижимости, который представлял оба дома, Дженифер Морли наверняка имела что обсудить с Генри Конлоном. Возможно, комиссионные для своего мужа, а все знают, что такие деликатные дела делаются в необычное время. Что касается таинственности визита, это просто разыгралось Евино воображение. Очень многие гасят фары прежде, чем затормозят и остановятся.

Ева ела свой салат, пытаясь одновременно читать книгу, придерживая ее на столе локтем, но не понимала ни строчки. Немного погодя двигатель автомобиля Дженифер Морли пробудился к жизни, слышно было, как он двинулся с места и уехал.

И почти сразу же отъехал другой, который мог принадлежать только Генри Конлону.

Это все не касалось Евы. Она проделала обычную работу перед сном — тщательно убрала маленькую кухню и навела порядок в гостиной. Но сегодня эта процедура не доставила ей обычного удовольствия, настроение было почему-то непоправимо испорчено.

Амбруаз громко сопел и похрапывал во сне. Чтобы скорее заснуть, Ева всегда старалась представить себе волны прибоя, с шумом накатывающиеся на берег, покрытый галькой, и ей это удавалось. Но не сегодня. Какая бы причина ни заставила Дженнифер Морли приехать к Генри Конлону под покровом темноты, Ева менее всего желала быть свидетельницей этого визита. Она хорошо помнила, что Ричард Морли, оформляя ей аренду домика, ни словом не обмолвился, что домовладелец ему знаком.

Ворочаясь, Ева до утра старалась убедить себя, что увиденное ее не касается.

Глава восьмая

День сложился неудачно с самого начала. Проведя бессонную ночь, Ева заснула лишь под утро, и ее почти сразу разбудил, сердито и настойчиво теребя за руку, Амбруаз. Она услышала непривычный шум — шел дождь. И тут же вспомнила, что сегодня день, когда приходит Айрис. Пунктуальные Саксоны, очевидно, давно ждут, когда их впустят, стоя у двери под проливным дождем.

Зная, что Амбруаз не сможет достать до замка, Ева, не в силах проснуться, сказала:

— Беги, скажи, что я сейчас открою.

В комнате был полумрак, и она с трудом нашла рукава халата. Босая, с растрепанными волосами, от души возненавидев исполнительную кроткую Айрис, она побрела открывать.

— О, простите меня. Не знаю, что со мной сегодня... Проходите скорей, вы насквозь промокли...

Саксоны, как заводные куклы, повернули друг к другу головы, при этом вода ручьями текла по лицу Неда и фонтаном стекала со сложенной газеты, которой Айрис прикрывала голову, и, как ни в чем не бывало, обменялись замечаниями о погоде.

— Дождя не было с августа.

— Сейчас он очень кстати, земля просто высохла.

Глядя на эту странную сцену из-за спины Евы, Амбруаз пробасил:

— Мне нужны мои *роклы*.

Айрис вошла, стряхнув предварительно воду с газеты, а Нед в ответ на приглашение Евы решительно заявил, что ему пора ехать по делам. Ева, ужасно смущенная своим заспанным небрежным видом, думала о том, что заставила ждать под дверью

эту немолодую женщину, которая давно на ногах и полна готовности работать.

Утро началось плохо и продолжалось в таком же духе. Дождь уныло и монотонно барабанил по крыше и окнам, в домике было сумрачно. Ева включила кофейник, приняла душ, переоделась, убрала постели. Когда она вошла в гостиную и объявила, что кофе готов, Айрис сидела на диване, разложив перед собой на столе содержимое сумки — иголки, нитки, ножницы и прочие нужные вещи. Перед ней стоял Амбруаз и, заложив руки за спину, хрипло спрашивал.

— В какой руке?

— В левой, — рассеянно отозвалась Айрис, не глядя на него, и Амбруаз гордо возложил рогатую жабу ей на колени.

Айрис приглушенно и затравленно вскрикнула от ужаса и гнева, испуганно вжавшись в диванную спинку. Ева, опоздавшая прийти на помощь вовремя, крикнула:

— Амбруаз!

Амбруаз вскочил на диван и схватил обратно свое сокровище, так напугавшее старую даму.

— Никогда больше, — резко и гневно заговорила Айрис побелевшими губами, — слышишь, никогда! Не смей этого делать!

Хотя он заслужил выговор, Еве стало не по себе от такого резкого тона. Ей вдруг пришло в голову, что подобная сцена могла произойти в ее отсутствие.

Вчера она хотела убрать жабу из дома, но во спасение самой жабы. Теперь в Еве заговорил дух противоречия. Она не сможет в угоду Айрис обидеть Амбруаза и выбросить немедленно жабу. Чтобы смягчить Айрис, Ева обратилась к малышу, стараясь говорить сурово:

— Амбруаз, ты должен следить, чтобы жаба все время находилась в твоей комнате, иначе на нее наступят. О, Айрис, извините, вы испугались, я понимаю. Давайте-ка выпьем по чашечке горячего кофе.

— Мальчишки есть мальчишки, — заговорила вновь обретшая цвет лица Айрис, принимая прежнюю позу. — Глупо с моей стороны так испугаться. Но я просто ненавижу эти создания.

“Кого именно? — подумала Ева. — Жаб или маленьких мальчиков?” Она налила кофе в чашки, ощущая сильную неловкость и думая о молчаливо удалившемся Амбруазе. И тут же, как бы придя ей на помощь, зазвонил телефон. Он стоял в кухне, на полке у самой двери. Сняв трубку, Ева услышала мужской голос.

— Мисс Квин? Это Ричард Морли. — По доносившемуся шуму голосов Ева поняла, что он говорит из офиса. — Извините, что беспокою вас, вы, наверно, очень заняты.

— Совсем нет.

— Надеюсь, ключи, которые вчера вечером передала моя жена, вам подошли, — сказал Ричард Морли.

Опомившись от удивления, Ева сообразила, что сейчас может разрушить чью-то жизнь, грубо вмешавшись в отношения между супругами. Стоило только сказать:

— Какие ключи, мистер Морли?

Вместо этого она произнесла:

— Уверена, что подойдут. Дело в том, что я только что встала и еще не успела...

Морли, с видимым облегчением, быстро произнес:

— Ну и отлично, — и добавил уже совсем радостно: — А в остальном у вас все в порядке?

— Все хорошо, большое спасибо.

Чувствуя, как горят щеки, в сильном душевном разладе сама с собой, Ева вернулась в гостиную и, чтобы отвлечься, весело обратилась к Айрис:

— Вы не знаете, что Амбруаз имеет в виду под этими роками? Он пристаёт ко мне уже несколько дней, а я не понимаю, что он потерял.

Она солгала Ричарду Морли, стала лгуньей, какой ужас! Зачем она сказала неправду?

— Может, это кубики? — на мгновение задумавшись, предположила Айрис. — Хотя нет, они у него в комнате. Камешки? Нет, он их не собирает.

— Скорей всего, это что-то такое, что он соорудил сам. Или просто предлог попасть в сарай.

Ева не могла забыть звонок. Ей хотелось бы считать, что она солгала ради жены Морли, из сострадания, потому что та только что потеряла сестру. Но Ева знала, что это лишь частично правда.

— Хорошо, что сарай заперт, — продолжала Айрис, — там столько острых предметов, и такой маленький мальчик легко может ими пораниться.

Дождь лил, как из ведра. В маленьком домике совсем потемнело. Он был слишком мал, чтобы безболезненно совмещать Амбруаза и Айрис, поэтому напряжение не спадало. Наконец, часам к одиннадцати, немного посветлело, и Ева, решив отвлечь Амбруаза от жабы, предложила пообедать в ресторане.

Зная, как он любит разные драматические ситуации, Ева тут же придумала жалостливую сказочку о том, что к ней ночью приходили дети рогатой жабы и плакали. Эти детки теперь сидят и ждут, когда им отдадут маму.

— Сидят и плачут? — Глаза его заблестели то ли симпатией, то ли садизмом. — *Все* плачут?

— Ну да. И я обещала, что мы вернем ее домой сегодня. По правде говоря, я сказала, что мы вынесем ее из дома до обеда.

Амбруаз сдался. Его редко вывозили обедать в ресторан, и это было целым событием. Он настоял на своем участии в освобождении пленницы, и под дождем они с Евой вынесли в коробке жабу и вывернули ее в клумбу с хризантемами, на всякий

случай оставив ей пустую коробку для укрытия. Все это отвлекло Амбруаза от его "роклов". К счастью, сарай под дождем выглядел совсем непривлекательно. Глядя на него, Ева представила, как в холодной темноте пауки и другие его обитатели заняты своей молчаливой работой, и вздрогнула.

Одевая Амбруаза, Ева обдумывала, куда бы его свезти. Желательно выбрать местечко малолюдное и подальше от центра, чтобы не встретить знакомых. Наконец в начале двенадцатого Ева приняла решение и отбыла со своим маленьким родственником.

У Артура Пуллема, сидевшего в своем офисе в "Хезервуд компани", тоже не заладилось с утра. По прибытии на работу он сразу заявил секретарше:

— Никаких звонков, только местные, мисс Хэйнс, пока я вам не скажу.

Он велел принести несколько папок, подчеркнув свое намерение заняться серьезными делами. Но после того, как мисс Хэйнс вышла, уставился неподвижным взором в нераскрытую кожаную папку и глубоко задумался.

Дома было безопаснее, там он мог запереть двери и не отвечать на телефонные звонки. Здесь он находился под сомнительной охраной мисс Хэйнс, которую, как и всех застенчивых людей, можно было легко уговорить, нажав на нее хорошенько.

Он мог взять отпуск, как предложил мистер Хезервуд. Но тот предложил с кислой миной и неохотно, это во-первых. А во-вторых, из отпуска придется возвращаться самое большее через две недели. В-третьих, спрятаться, убежать означало в данном случае повернуться спиной к хищнику, обладающему злым нравом.

Он не мог устоять от соблазна и спросил Дженифер, не звонил ли кто-нибудь ему, пока она разбирала вещи Молли днем. Она ответила своим решительным категорическим тоном:

— Только твой агент. И еще два раза ошиблись номером, один и тот же голос. Скорей всего, телефонное хулиганство.

Вспомнив, он чуть не застонал и вздрогнул от резкого телефонного звонка. Мисс Хэйнс сообщала о совещании у мистера Хезервуда. Артур вытер взмокшие ладони платком и проглотил пилюлю от спазмов в животе.

Встретив однажды в доме Пуллемов мистера Хезервуда, Ричард Морли ехидно заметил:

— Знаю, что чугунные болванки долго обжигают, но не знал, что их смогли заставить говорить! Что твой начальник произнес тогда на Рождество: "Ха-ха-ха"?

Действительно, мистер Хезервуд был очень маленького роста, но очень большого благоразумия. У него были предубежде-

ния против выпивки, еды, курения, женщин и многих этнических групп. Но тем не менее, он всего достиг сам, начав с нуля, и Пуллем восхищался шефом. Его всегда коробило, когда Морли высказывался подобным образом.

Артур служил одним из трех вице-президентов компании, но ходил в фаворитах. Второй вице — Эжен Молс, по воскресеньям иногда играл в гольф, к возмущению шефа, а третий — Джим Сандерс, как-то имел глупость сообщить, что ездит охотиться на оленей. “Бедные животные”, — вздыхал мистер Хезервуд, прикрывая глаза веками, похожими на скорлупу ореха. Артур ходил у него в любимчиках, и мистер Хезервуд часто обращался к нему: “Мой дорогой мальчик”.

Интересно, как бы он назвал его, если бы ему стало известно...

Хотя Артуру было неприятно, что на фирме получила огласку смерть Молли во всех подробностях, такая необычная, пробуждающая любопытство, и поползли слухи. Правда, мистер Хезервуд отнесся к трагедии очень трогательно и даже прислал на похороны керамическую вазу, полную гвоздик.

Когда Артур предстал пред очами шефа, мистер Хезервуд сразу его огорошил.

— Артур, что вы думаете по поводу вашего повышения? Я хочу, чтобы вы стали моим вторым заместителем. Дело в том, что Джим Сандерс вздумал разводиться. Отдавая должное его профессионализму, я не могу с этим примириться. Все знают, как я отношусь к разводам...

Несколько минут спустя ошарашенный и осчастливленный Артур снова очутился у себя в кабинете. Вошла, вся сияя, мисс Хэйнс.

— О, мистер Пуллем, правда, что вы займете место Джима Сандерса?

— Мистер Хезервуд любит делать перестановки кадров, — уклонился Артур от обсуждения своего повышения. — Принесите-ка вашу книжку, я продиктую несколько поручений.

Второй заместитель. Это означает повышение зарплаты и престижа. Забудем Сандерса, вышвырнутого несмотря на годы безупречной работы. Нужно уметь планировать, быть очень-очень осторожным, и тогда тебя не постигнет подобная участь.

Мисс Хэйнс отбыла, застенографировав поручения, и через несколько минут позвонила по внутреннему селектору.

— Вы сказали, никаких звонков, но дама утверждает, что у нее срочное дело. Она не назвала свое имя.

— Хорошо, соедините.

Ему стало душно. Через невыносимо долгие секунды голос, который Артур так боялся услышать все это время, сладко пропел.

— Артур? Это ты, дорогой?

Глава девятая

Как великое множество мужчин, живущих во все времена на белом свете, Артур Пуллем не смог бы изложить внятно причину, заставившую его вступить во внебрачную связь, последствия которой сейчас вызывали в нем просто животный страх.

Восемь месяцев назад, когда все началось, он был уважаемым семьянином, довольным жизнью и успешным продвижением по службе, владельцем уютного дома, где прекрасно вела хозяйство его жена, настолько же хорошенькая, насколько верная и любящая. Все случилось, когда его секретарша, мисс Хэйнс, заболела пневмонией, и ему представили временную замену — мисс Розалинду Лопес.

Его жена Молли была блондинкой, полной и веселой, а Розалинда была черна как ворона, худа и имела скверный характер. Она постоянно вела себя как кошка, которую тянут за хвост. Каждый день без двух минут пять с вызывающим выражением на смуглом, заостренном книзу личике она швыряла ему на стол дурно, с ошибками отпечатанные письма и исчезала. Артур, которого обожала мать и многочисленные родственницы из Вичиты, о котором нежно заботилась жена, и вокруг которых на цыпочках ходила секретарша, сначала был просто ошеломлен, потом заинтригован. Накануне Рождества он, деланно хмурясь, сказал:

— Послушайте, мисс Лопес...Розалинда... эти письма никуда не годятся. Боюсь, вам придется сегодня задержаться и их перепечатать, потому что они подлежат отправке сегодня. О, и если возникнут вопросы, я буду у себя. Хочу заняться разборкой бумаг в своем столе, так что входите в любой момент.

Розалинда, считавшая себя красавицей чуть ли не с колыбели, все прекрасно поняла.

— Но у меня сегодня свидание, мистер Пуллем, и мне нужно позвонить, чтобы перенести его. На какое время?

— О, пожалуй, на шесть-тридцать, — ответил как можно небрежнее уважаемый мистер Пуллем. — Ведь я должен вас вознаградить за то, что задержал, и, надеюсь, вы не откажетесь выпить со мной после?

Так все началось — легко и непринужденно. Розалинда наивной отнюдь не была и понимала, что о разводе не может быть и речи. Она даже не ждала дорогих подарков. И при ее непомерном тщеславии ей пришлось довольствоваться редкими поездками в Денвер, Феникс или Эль-Пасо.

Артур не узнавал себя. Он был поражен собственным поведением, прекрасно сознавая, что большинство окружающих считают его надежным, но недалеким и сухим, что Дженифер и Ричард Морли убеждены, что Молли могла сделать куда более удачный выбор, и лишь мирятся с его присутствием, как с неизбежной напастью типа артрита, а сама Молли расхохоталась бы в лицо тому, кто попытался бы убедить ее, что Артур ей неверен.

Глядя по утрам на себя в зеркало, он не без самодовольства думал, что именно о таких, как он, говорят: “в тихом омуте черти водятся”. Эта мысль тешила его самолюбие.

Прошло некоторое время, и связь с Розалиндой уже начинала его тяготить. В это время и случилось несчастье. В ту ужасную ночь, когда позвонил Ричард, с трудом отыскав его в Денвере, Артур окончательно пришел к выводу, что эта поездка с Розалиндой будет последней. Ну, в крайнем случае, предпоследней. Он твердо решил — пора заканчивать столь рискованную связь. Розалинда должна была понимать с самого начала их отношений, что такие вещи рано или поздно кончаются. Ведь она и до него не была наивной скромной девушкой, проводившей за вязанием домашние вечера. Артур вообще подозревал, что она согласилась на первое с ним свидание только потому, что ее перед этим бросил предыдущий любовник, и она решила отомстить. Во всяком случае, она быстро найдет ему замену.

И вот, в тот момент, когда он был готов порвать с Розалиндой, Артур получил известие о смерти Молли. Даже сквозь первый шок и охвативший его ужас у него мелькнула мысль, что для Розалинды теперь зажегся зеленый свет на пути узаконивания их отношений.

Брак с Розалиндой Лопес.

Думая об этом, он представлял лица Дженифер и Ричарда Морли, друзей, коллег по работе, не говоря уже о родственниках из Вичиты. При одной мысли о браке с Розалиндой у него запотевали стекла очков. Но страх в какой-то мере служил буфером, смягчая боль от смерти Молли. Постоянный страх от того, что стоит Розалинде открыть рот, и вся его жизнь превратится в обломки, его могут уволить, а это будет равнозначно смерти.

Но Розалинда пока молчала. Артур не ожидал от нее такой деликатности. Она даже не прислала письмо с соболезнованиями и не сделала попытки ему позвонить. Артур вначале испытал облегчение, потом им вновь овладел такой страх, что он понял — долго не выдержит. Любой звонок в дверь, телефонный звонок заставляли его вздрагивать и обливаться холодным потом. Он представлял, как врывается Розалинда с требованием немедленно на ней жениться. Потом скандал, уничтожающие заголовки местных газет. Придти или позвонить мог и ее отчим, громадный, тучный мужчина в рабочем комбинезоне, которого он видел издали.

И именно теперь, после лестного предложения мистера Хезервуда, он услышал, как непривычно ласковый голосок Розалинды мурлыкает ему в ухо:

— Милый, я так соскучилась по тебе.

— Очень любезно с вашей стороны, — промямлил Артур в растерянности, — видите ли, я просто завален сейчас работой... Может быть, я сам позвоню вам...

— О, я не собираюсь отрывать тебя от твоего письменного стола. Я могу придти к тебе в офис.

Итак, началось.

— Подождите, кажется, мисс Хэйнс оставила письма на моем столе, — быстро произнес Артур, — Да, мы могли бы встретиться сегодня за ланчем. — Он замолчал, лихорадочно соображая, какой выбрать ресторан, чтобы не встретить знакомых и сойти за туристов. Подальше от центра, куда не заезжают на ланч его коллеги.

Теперь он уже не думал с самодовольством о себе, как о тихом омуте, в котором черти водятся. На дне этого омута он с удовольствием увидел бы Розалинду.

— “У Федерико?” — предложил он.

Ева была удивлена и довольна поведением Амбруаза. Правда, он перетаскивал ложечкой кусочки льда из ее стакана в свой, высунув от напряжения кончик языка, и потом опрокинул маленькую вазочку с розой, стоявшую на столике, но это можно было перетерпеть. Еду на тарелке он изучал так пристально, как будто она внезапно начала тикать, но тем не менее справился с обедом вполне сносно. Возможно, его сразили великолепие и интим полумрака ресторана “У Федерико”.

Ева была довольна, что выбрала именно этот ресторан. Хотя дамы были в шляпах и перчатках, большой процент публики составляли туристы, горячо обсуждавшие местные достопримечательности. Для семейных обедов ресторан был слишком дорог, поэтому кроме Амбруаза в обеденном зале находился всего один ребенок — хрупкая девочка, кукольное фарфоровое личико которой сначала повергло Амбруаза в транс. Ева надеялась, что в присутствии такой девочки он не устроит здесь громких сцен, на которые был великий мастер.

Поскольку его благодушное состояние длилось почти час, Ева начала беспокоиться. С невольным раздражением она повторила в третий раз:

— У тебя растает мороженое, Амбруаз.

В зал вошли мужчина и женщина, их усадили за столик, стоявший у стены. Женщина была красива резковатой броской красотой брюнетки и по манерам похожа на модель. Внезапно, испытав небольшой шок, Ева узнала спутника брюнетки. Последние дни его лицо смотрело на нее со страниц всех газет — Артур Пуллем, муж убитой женщины.

Официант принес им меню. В полумраке ресторана после яркого дневного света трудно разглядеть, что там написано, и спутница Пуллема, сидевшая спиной к Еве, протянув руку, включила настенное бра, чтобы сделать выбор. Рука Артура Пуллема мгновенно выбросилась вперед и погасила бра. Наклонившись к брюнетке, он что-то тихо сказал ей с напряженным выражением лица. Она безразлично пожала плечами, отложила

меня в сторону, взялась за пудреницу. Придирчиво проверив свое отражение, грациозно поднялась и направилась в глубь ресторана к дамской комнате.

Артур Пуллем даже не приподнялся, когда она встала. На его лице застыло напряженное сердитое выражение. Он смотрел вслед брюнетке, и у Евы, которая не могла оторвать глаз от Пуллема, от этого взгляда по спине пробежал холодок.

Она предусмотрительно заранее рассчиталась за обед, и теперь решительно обратилась к Амбруазу:

— Нам пора. Салфетка рядом с твоей тарелкой. Будь добр...

— Но я хочу мороженое, — он немедленно стал вращать ложечкой в растаявшем мороженом так, что во все стороны полетели брызги, — я еще его не ел.

— Теперь уже поздно. Я тебя предупреждала. И если ты не прекратишь, я сейчас тебя отшлепаю прямо перед всеми этими людьми. И маленькая девочка увидит.

Вот это была ошибка.

— Она дура, дура! Я ее ненавижу! — завопил он так пронзительно, что все головы повернулись в их сторону, стук ножей и вилок прекратился, кто-то засмеялся. Ева, чувствуя, как неудержимо краснеет, улыбнулась извинительно официанту и, схватив за руку своего подопечного, поволокла его к выходу. Наконец, оказавшись на улице, она гулко шлепнула его по мягкому месту, обтянутому темно-голубыми шортами.

— Никогда не смей больше так делать!

Амбруаз залился плачем и плакал всю обратную дорогу, хотя и не забывал при этом выглядывать из окна, с интересом рассматривая парня с девушкой на мотоцикле в огромных шлемах, необъятных размеров старую индианку в волнах оборок накрахмаленного ситца, собачку чихуахуа. Вид у Евы был пристыженный, она чувствовала свою вину — Амбруаз никогда не был образчиком хорошего поведения, и этот приступ истерики она вызвала сама своим нервным поведением. Что она ждала от трехлетнего ребенка? Чтобы он понял ее растерянность и волнение, когда она подсмотрела выражение лица Артура Пуллема?

Его жена была убита всего лишь неделю назад, его невестка зачем-то тайно посетила домовладельца Евы, и сама Ева зачем-то солгала по телефону Ричарду Морли. Прямо какая-то эпидемия вранья.

Ева остановила машину недалеко от дома и вытерла носовым платком заплаканное, измазанное личико Амбруаза. Подъехав к дому и увидев старенькое авто Саксонов, она почувствовала удовлетворение. Амбруаз не избежал бы холодного осуждения пожилой четы Саксонов.

Дождь перестал, но воздух был насыщен влагой, капли дрожали на листьях и траве, и Ева постояла немного в воротах, вдыхая влажный воздух и наслаждаясь ощущением прохлады

на лице. Она даже не протестовала, когда Амбруаз прошлепал мимо босиком.

Обогнув дом, она увидела Неда Саксона, направлявшегося к сараю, и крикнула:

— Не подождете ли Амбруаза, мистер Саксон? Он что-то там забыл. — И потом Амбруазу: — Беги скорей, не упусти случай.

На кухне вкусно пахло корицей, и там суетилась раскрасневшаяся Айрис Саксон. Как всегда после ссоры с Амбруазом, она старалась загладить свое невольное раздражение и приготовила сюрприз. Красные щеки подчеркивали голубизну глаз, и это придавало ей необыкновенно юный вид.

— Как погуляли? — весело спросила она, заканчивая отмыть круглую кастрюльку из-под теста.

— Отлично. Амбруаз был прямо чистое золото. — В конце концов, это было почти правдой. — Что так хорошо пахнет?

— Я подумала, что вы не рассердитесь, если я у вас похозяйничаю. Булочки с корицей — только и всего. Пусть маленький мальчик полакомится. И пока я не забыла — звонила Дженифер Морли.

Ева тупо уставилась на Айрис.

— Она просила что-нибудь передать?

— Нет, сказала, что позвонит позже. — Айрис если и чувствовала любопытство, то умело это скрывала. — И еще мужчины... подождите, я записала ...

Ева не удивилась, когда, взяв блокнот, куда она пунктуально записывала все звонки, Айрис назвала имя Генри Конлона. Почувствовав вдруг волну непонятого гнева, Ева насмешливо спросила:

— Он тоже перезвонит?

Айрис удивленно взглянула на Еву.

— Он ничего не сказал. Да, и еще. Принесли почту, я положила все на маленький столик в гостиной.

У обоих Саксонов было глубокое убеждение, что если почту не вынуть вовремя, то через минуту ее украдут какие-нибудь негодяи в поисках чеков социального страхования или других ценных бумаг.

Смущенно поблагодарив Айрис, Ева рассеянно прошла в гостиную, думая о странных звонках. Надушенный рекламный лист она выбросила сразу в корзинку для мусора. Счет за телефон, толстое письмо от подруги из Балтиморы, с которой Ева на удивление стабильно переписывалась раз в год, и открытка для Амбруаза от Селии. Написана печатными буквами, как будто Амбруазу, который вообще не умел читать, это могло помочь.

На другой стороне изображения пруда с утками в Центральном Парке Селия писала.

“Привет, дорогой! Мы скучаем по тебе. Мамочка поправляется, а папочка шлет тебе свою любовь. И скажи тете Еве, я позволю в восемь вечера девятнадцатого. Обнимаю и целую”.

Без подписи. Кто написал? Одна из уток в парке? Ева раздраженно подумала, что телефонный счет выглядит куда грамотнее.

Это был длинный день. Айрис Саксон подробно, со свойственной ей тщательностью, объяснила, что Нед приехал только потому, что она попросила его починить окно в ванной, оно отсырело и не закрывалось, поэтому во время дождя натекла лужа.

Старенький дребезжащий автомобиль отъехал, чтобы вернуться в пять за Айрис. Сияя, вошел Амбруаз с грязными мокрыми ногами и показал торжествующе старую автомобильную свечу. Потом стал восхищенно разглядывать ее, поворачивая в ладони.

Еве показалось, что настал вполне безопасный момент спросить:

— Что, роклов не было там?

Амбруаз бросил на нее быстрый взгляд, в котором промелькнул страх, и нахмурился. Потом личико снова прояснилось.

— Все ушли, — сказал он уверенно и покачал для убедительности головой, — все ушли.

Ева была приятно удивлена способностями психологического воздействия на ребенка у Неда Саксона. Каким-то образом ему удалось убедить Амбруаза, что избавиться от неведомого сокровища, если оно было там вообще, а не только в его воображении, просто необходимо. И заменить его на новое. Она была довольна и тем, что теперь не придется выслушивать бесконечные просьбы Амбруаза пустить его в сарай и придумывать причины, почему нельзя туда входить. Она сама боялась темноты и мохнатых пауков и всячески избегала сарая, как будто маленькая безобидная развалюха превратилась в убежище для затаившегося там неведомого торжествующего зла, знающего о худших сторонах Еввиной души, и которое немедленно воспользуется своим знанием, как только Ева откроет дверь и войдет.

Автомобиль Саксона подъехал ровно в пять. Ева всегда прислушивалась, чтобы не пропустить его, потому что Нед Саксон никогда бы не позволил себе такую вольность, как погудеть под окнами, а Айрис никогда не позволила бы себе взглядывать нетерпеливо на часы. Она была непрерывно занята и, несмотря на то, что время приближалось к пяти, начала пришивать пуговицу.

— Ваша машина подъехала, — сказала Ева, и Айрис тут же ответила:

— Я должна дошить эту пуговицу. — И дошила.

Через минуту Ева вложила чек в маленькую руку, чек придавал процедуре менее унижительный оттенок, чем наличные деньги.

— Спасибо, Айрис. Теперь мы опять целую неделю будем в приличном виде.

— А нам будет на что купить еду, что еще лучше, — засмеялась Айрис, надела пальто и удалилась к машине в начинающие густеть ранние сумерки. Помахав в ответ отъезжающим Саксонам, Ева закрыла дверь.

От всего пережитого за день щеки Амбруаза возбужденно пылали, и это был сигнал, предупреждавший о том, что малыш способен устроить еще один скандал с истерикой, если его не уложить пораньше. Тем более что от него уже последовал воинственный отказ мыться в ванной. Еве ничего не оставалось, как ответить:

— Ладно, обойдемся сегодня без ванны, — и пойти готовить ему ужин.

Она поймала себя на том, что настороженно ждет телефонного звонка, и мысленно стала себя успокаивать — ни Дженифер Морли, ни Генри Конлон не могут сообщить ей ничего важного.

Натирая сыр и сухой бекон в соус для спагетти — излюбленного блюда Амбруаза, она окончательно пришла к выводу, что надо выбросить из головы своего домовладельца и миссис Морли, которая, скорей всего, хочет с ней поговорить по поводу своего вчерашнего визита к Конлону. Ева не желала, чтобы ее впутывали в темные дела, из-за которых ей уже пришлось солгать.

Неся Амбруазу на десерт фруктовое желе и еще молока, она вдруг подумала, что слишком строго относится к людям. Ведь ей всегда нравилась Дженифер Морли, понравилась с первого взгляда и если быть предельно честной перед собой, она навряд ли бы так рассердилась, если бы Генри Конлон был старый или толстый.

Вынося себе приговор, она решила, что ей надо бы вернуть звонок Дженифер Морли для начала. Тут Ева, вздрогнув, отвлеклась от своих мыслей, потому что раздался звук упавшей и расколовшейся тарелки, и пока она собирала осколки, пробудился к жизни телефон, до сих пор молчавший.

— Извините, что беспокою вас, — сказал Нед Саксон, когда Ева сняла трубку. Он говорил, очевидно, из супермаркета, потому что в трубке был слышен невнятный шум голосов и звон кассового аппарата, отбивавшего чеки. — Не оставила ли у вас где-нибудь Айрис свои очки?

— Одну минуту, я посмотрю... — Ева быстро осмотрела диван, где Айрис шила, скатерть, поверхность кухонного стола и вернулась: — Нигде не видно. Но я буду иметь в виду, — пообещала Ева и повесила трубку.

Она торопилась, боясь, что Амбруаз, который все еще был бо-
сиком, слезет со своего стула и может порезаться об осколки тарелки. Нетрудно себе представить его последующие дикие вопли и истерику. Подбирая острые осколки и липкие кусочки бананового желе, Ева коротко ответила Амбруазу:

— Да, можешь включить телевизор. Я разрешаю.

Наверно, было уже шесть часов или начало седьмого, когда она наконец освободилась и набрала номер Дженифер Морли, втайне надеясь, что та не ответит. Но Дженифер Морли сразу сняла трубку.

— Алло?

— Это Ева Квин, миссис Морли. Айрис Саксон сказала, что вы звонили мне днем, когда меня не было дома.

— Да, я звонила. Какой-то доброжелатель, стоя на страже моих моральных устоев, доложил моему мужу, что мой автомобиль стоял около вашего дома вчера вечером. Я должна извиниться, что прикрылась вашим именем, но хочу, чтобы вы знали, что я не замешана ни в чем дурном. Дело в том, что Генри Конлон и я... — И оборвав фразу, внезапно замолчала, а через несколько секунд торопливо сказала: — Кто-то пришел. Но я быстро избавлюсь от незваного гостя, кто бы он ни был. Может быть, вы подождете немного, мне действительно надо с вами поговорить.

— Я подожду. — Было слышно, как трубку осторожно положили на деревянный стол. Потом сквозь звенящую пустоту и шорохи эфира она услышала звук открывающейся двери и далекий голос Дженифер:

— Правда? Вы уверены... — и потом опять тишина.

Ева закурила сигарету и ждала больше из вежливости, чем из любопытства. Ей было все уже более менее ясно. Действительно машина миссис Морли стояла около дома соседа, но страж морали, проезжая мимо, не мог точно определить, к кому именно приезжала миссис Морли, ведь подъездная дорожка была между домами.

Ее прежнее возмущение тем, что ее имя было вовлечено в семейный скандал, уже исчезло, может быть, под влиянием правдивого тона Дженифер. Она уже хотела положить трубку, как вдруг услышала что на том конце трубку взяли. Но никто ничего не сказал. После непродолжительного молчания Ева с обидой произнесла:

— Алло? Если вы сейчас заняты, миссис Морли...

И тут раздался характерный щелчок — трубку положили на место. Ева, отказываясь верить происшедшему, молча слушала короткие гудки. Какие-то детские выходки! Подумав, решила, что, очевидно, Дженифер не смогла сразу избавиться от незваных гостей, и в это время пришел домой ее муж, увидел лежащую забытую на столе трубку и повесил на место.

В конце концов, ее совесть чиста, она ответила на звонок. Теперь, если миссис Морли захочет, она позвонит сама и продолжит разговор. И ничего страшного не случится, если Дженифер не позвонит, потому что от былой неловкости и раздражения у Евы не осталось и следа.

Тогда она еще не знала, что Дженифер Морли уже никогда никому не сможет больше позвонить.

Глава десятая

Даже Айрис Саксон удивилась бы сейчас, увидев, с какой легкостью и быстротой может передвигаться ее грузный большой Нед. Положив трубку рукой в перчатке, все еще храня в памяти голос Евы Квин, узанный им, несмотря на громкий пульсирующий шум в ушах, он выскользнул через парадную дверь, надел ботинки, пересек гравиевую дорожку, сел в свой автомобиль и уехал.

Еще одна, говорил он сам себе о мертвой Дженифер. Еще одна из тех сытых, беспечно живущих женщин, самой серьезной проблемой которых было поддержание собственного веса. Которые занимали его жену, *его жену!* — пришивать на место оторванные бретельки, стирать их белье, гладить их безумно дорогие наряды. “О, спасибо, Айрис, что бы я делала без тебя, Айрис, о, если у тебя выдастся возможность, Айрис...”

Несмотря на свои прекрасные красивые дома и свои хорошие манеры, они были так глупы. Они смотрели на него, как на приложение к их великолепно воспитанной приходящей прислуге, и не видели в нем человека. Молли Пуллем, например, поверила, что он явился вечером, чтобы починить ей сломанную полку на кухне. Зачем еще мог явиться этот грубиян, постучав в заднюю дверь?

Но именно Молли указала ему тот путь, вернее, способ, который давно зрел, притаившись в его крови. Он бы не скоро сам додумался, но случай с блузкой подтолкнул и ускорил развязку.

Две недели назад, или уже три? Время как-то странно растянулось, и он не мог теперь точно определить. Приехав за женой, которая в тот день работала у Пуллемов, Нед заметил припухшие покрасневшие веки Айрис. Обычная аллергия, сказала она в ответ на его встревоженный беспокойный вопрос, но позже, вечером, когда решила, что он увлекся чтением газет и ничего не замечает, извлекла из недр своей большой рабочей сумки какую-то воздушную вещицу и, разложив на кухонном столе, обитом мягким материалом и служившем ей гладильной доской, стала возиться и колдовать над разложенной вещью. Нед рассмотрел белую блузку из нежного материала, с оригинальным вырезом впереди, на которой было безобразное жженое пятно, не поддававшееся обработке, несмотря на искусные старания Айрис.

Когда скрывать от мужа стало невозможно, Айрис все рассказала, и чем дальше рассказывала, тем сильнее сжимались кулаки Неда. Сегодня, испытывая редкий приступ мигрени, Молли прилегла, и Айрис пришлось отвечать на телефонный звонок. Вернувшись на кухню к гладильной доске, она продолжила гладить блузку, но утюг каким-то образом перегрелся, по-

ка она отсутствовала, и Айрис этого не заметила. Результатом стало это пятно. Когда Айрис показала пятно Молли, та, не сдержавшись, жалобно воскликнула:

— О, Айрис, я сегодня как раз собиралась надеть эту блузку с моей черной вечерней юбкой!

“Моей черной вечерней юбкой!” У Неда от ярости перехватило в горле, и он отвернулся, чтобы Айрис не видела его лица.

Он не верил в эти головные боли — с какой стати у такой богатой сытой дамочки должна болеть голова! Кипя негодованием, он слушал дальнейшие объяснения Айрис по поводу того, как Молли потом сожалела о вырвавшихся словах и как старалась всячески загладить свою грубость, что лишь усиливало страдания Айрис. Молли всегда была добра к ней, и блузка, по правде говоря, действительно была очень красивая. Вот она и принесла ее домой, хотела отмочить сгоревшее в молоке...

Но ничем нельзя было вывести пятно. Айрис, все перепробовав и отчаявшись, в конце концов выбросила окончательно испорченную блузку в мусорную корзину, откуда потом тайком Нед достал ее. Взял двадцать пять долларов из их скудных сбережений и поехал в магазин, где блузка была куплена.

В дорогом бутике “У Фаррара” ноги тонули в толстых светло-серых коврах. С деланной, хорошо продуманной небрежностью были разбросаны под стеклами прилавков драгоценные украшения, искусно развешаны шарфы и различные аксессуары. Продавицы походили на молодых величественных королей. Он подошел к самой величественной и, кипя внутри бешеным гневом, стал объяснять, что хочет купить блузку.

— Это ведь будут наличные, сэр? — презрительно спросила продавщица, и вот тогда-то и стал вырисовываться способ мести. В таком магазине не доверили бы чеку от такого, как он, хотя они низко кланялись бы и благодарили, если бы нацарапала подпись на своем чеке Молли Пуллем.

Он видел перед собой заплаканные, опухшие глаза Айрис. Если она попыталась скрыть от него случай с блузкой, сколько еще она вытерпела таких унижений, о которых он так и не узнал? Сколько раз эти люди, огражденные от всех неприятностей своими чековыми книжками, ранили ее хрупкую душу, не замечая этого, и потом говорили своим знакомым о ней, Айрис, что у них есть женщина, которая приходит помогать по хозяйству раз в неделю и может абсолютно все. “Вы не поверите, но она ничуть не похожа на прислугу, прекрасно воспитана. Но ее муж без работы, и они вынуждены...”

Они относились к своей необычной служанке покровительственно, но Айрис, слишком добрая и наивная, даже не подозревает об их вероломстве, ей действительно нравятся эти дамочки. Она — как дитя перед жестокими взрослыми, и, думая обо всем этом, Нед Саксон невыносимо страдал.

Он не мог бы вспомнить, когда именно от желания отомстить у него стал вырисовываться план отмщения, простой и ясный.

Он ничего не сказал Айрис о покупке блузки, объяснив, что истратил такую большую сумму на ремонт машины. Когда-нибудь он расскажет ей, что сделал ради нее, но не сейчас. Она женщина, и очень легко возбудима и ранима. Он продолжал привозить и отвозить ее туда, где она работала и где деградировала и унижалась. Он стал внимательнее прислушиваться к ее наивным рассказам и однажды услышал, что Молли пойдет завтра на вечеринку к Флетчерам. Составив план, он теперь испытывал наслаждение, появляясь перед этими тремя женщинами в роли простачка и грубияна и думая про себя: скоро, скоро...

Он чуть не добрался тогда до Молли Пуллем, когда ждал ее в кусте сирени, так же, как вчера днем до Дженифер Морли, когда она повернулась к нему спиной в пустом доме Пуллемов. Но Айрис выбрала именно этот момент, чтобы позвонить Дженифер. Его тогда охватил такой приступ бешенства, что он готов был, кажется, убить и саму Айрис, подвернись она под руку.

Но сегодня вечером все решилось просто. Айрис куда-то засунула свои очки, что с ней часто случалось, и во время разговора по телефону с Евой Квин его осенило. Представлялся идеальный случай. Оставив Айрис в супермаркете, где она только приступила к выбору покупок, и зная, что она обычно долго выискивает свои любимые специи, он сказал, что поедет и купит яиц в другом месте. Дело в том, что однажды купив яйца в супермаркете, они обнаружили среди них одно тухлое, и больше никогда там яйца не покупали, предпочитая "Макси-Март". Айрис рассеянно согласилась, близоруко щурясь и пытаясь рассмотреть этикетку на баночке. Нед оставил ее за этим занятием и ушел.

На самом деле он купил яйца раньше, когда ехал за Айрис, пакет лежал на заднем сиденье, прикрытый его свитером. Нед поехал по проселочной дороге, по которой мало кто рискнул бы поехать и на хорошей машине, а уж на такой, как у Неда, тем более, и подъехал к дому Морли на десять минут раньше, чем если бы ехал обычным путем.

Соседей можно было не бояться — напротив дома Морли торчал знак, что земля здесь продается. Неду было известно, что цена за участок была так заломлена, что пока никто на него не польстился. Что касается Ричарда Морли, он, скорее всего, сегодня вечером на еженедельно проводимом аукционе по продаже недвижимости, к тому же в любом случае он почти всегда приезжал домой поздно.

Если Ричард Морли вдруг все-таки неожиданно объявится, Нед скажет, что просто заехал за очками жены, которая могла их здесь оставить, и Ева Квин подтвердит, что он ей звонил по этому поводу.

Дженифер, открывшей ему дверь с нетерпеливым видом, он сказал со своим обычным равнодушно-грубоватым добродушием:

— Проезжал мимо и решил зайти поинтересоваться. Вы кого-то наняли?

— Нет, почему?

— Кто-то промелькнул за углом вашего дома, и мне кажется... — Неважно, что он сейчас ей наговорит, она все равно уже никому ничего не расскажет.

— Неужели? Вы уверены? — Эти слова Дженифер и услышала Ева. Бесстрашно, поскольку с ней был сильный, уверенный в себе мужчина, и поскольку она была сама решительного характера, на что и рассчитывал Нед, она обошла кругом дом вместе с ним, взглядываясь в темноту, и потом сказала:

— Не посмотрите ли еще, пока я схожу в дом? У меня там снята телефонная трубка.

Случай представлялся исключительно благоприятный. К тому же было уже невозможно ничего изменить, когда она повернулась и увидела в падающем из кухонного окна свете его лицо. Ему пришлось убить ее голыми руками из-за проклятого мальчишки, всюду сующего свой нос и потащившегося за ним в сарай.

Она оказалась удивительно сильной, гораздо сильнее сестры, и, уже все поняв, успела даже поднять с земли железный прут. Она промахнулась, прут почти не задел Неда, но его руки на мгновение ослабили хватку, и она смогла выдавить последние слова, лицо ее начинало чернеть в тусклом свете, льющемся из окна кухни:

— Вы убили... — Она уже не смогла выговорить имя сестры.

— Да, я, — с удовлетворением произнес он и закончил дело. Не давая упасть, подхватил тело и отволоч в небольшую рощицу деревьев, которую Ричард Морли все время собирался проредить. Там лежали полусгнившие бревна и валялись камни от старого очага летней кухни. Положив тело Дженифер за каменной стенкой, он выпрямился — дыхание Неда теперь было шумным, неровным, кровь толчками билась в ушах. Он побежал к дому и повесил телефонную трубку, зафиксировав в памяти голос Евы Квин. Благодаря проселочной дороге он отсутствовал в супермаркете всего двадцать пять минут. Появившись там как ни в чем не бывало, сказал Айрис:

— Я купил яйца. Огромные, наверное, страусиные.

Ричард Морли в этот вечер не пошел на еженедельный аукцион, потому что сегодня была его очередь сидеть и ждать клиентов в совершенно пустом доме, объявленном на продажу, с шести до девяти. Это было бесполезной тратой времени: во-первых, потому что шел сильный дождь, и во-вторых, из-за цены на дом, которая была сильно завышена. Но дом принадлежал дру-

гу владельца фирмы, и человеческие жертвы в лице сотрудников приносились каждый день.

Ричард не заехал домой после работы, ему было не по дороге — дом, где он должен был отбывать дежурство, находился на другом конце, лишь позвонил Дженифер в пять-тридцать и поехал вершить свое нудное одинокое сиденье. Дождь усиливался, и было ясно, что ни один клиент, если он в здравом уме, не поедет в такую погоду осматривать и покупать дома. Даже обычные любители дармовых развлечений, те, кто любит ездить и разглядывать чужую жизнь, когда ничего интересного не показывают по телевизору, сегодня не высунут носа.

В доме не было мебели, за исключением деревянного стула на кухне. На сиденье лежала старая книжка, которую Ричард схватил было с надеждой, но тут же с отвращением отбросил — не хватало последней главы. Ричарду казалось, что он остался один на заливаемом необитаемом острове — рядом стоял темный дом, тоже выставленный на продажу, а напротив заросший сорняком пустырь, где валялись пустые банки и битое стекло. За все время по улице не проехала ни одна машина, очевидно, все здешние обитатели уже сидели дома.

Подобная ситуация могла бы повергнуть Ричарда в глубокое уныние, но не сегодня. Он спокойно ждал на кухне, поглядывая изредка на свои часы, и думая о звонке миссис Минсер.

Миссис Минсер и Дженифер были давнишними врагами с того времени, как рыжая банда индюшек миссис Минсер проникла во владения Морли, и была яростно, с голодным азартом, атакована щенком немецкого пойнтера, любимца Дженифер. Миссис Минсер, пожилая вдова с острым язвительным языком, подняла крик, вопя вне себя от ярости, на что Дженифер категорически заявила, что безмозглые птицы сами виноваты. Собак, убивающих домашних птиц, вся дрожь от гнева, ответила миссис Минсер, надо держать на цепи, это полагается по закону. Держите взаперти своих ужасных птиц, заявила Дженифер, зная, что проиграла. Чтобы не сажать щенка на цепь и не ждать со страхом, когда миссис Минсер его пристрелит или отравит, на что она была безусловно вполне способна, Дженифер с сожалением рассталась со щенком, найдя ему новый дом у друзей.

С того дня обе женщины стали непримиримыми врагами, и когда Ричарду в офис позвонил доброжелатель, он сразу узнал полный язвительности голос миссис Минсер.

— В ваших интересах знать, что ваша жена нанесла визит молодому человеку, который живет в доме Джадда, то ли вдовец, то ли холостяк. Во всяком случае ваша машина стояла около его дома вчера вечером. — Щелк, трубку повесили.

Когда Ричард пришел домой на ланч, то, не желая, чтобы Дженифер оказалась безоружной против мести миссис Минсер, все ей рассказал.

— Я отвезила ключи Еве Квин. Айрис сказала, что она их потеряла. Милая девушка, ты не находишь? — И добавила небрежно: — Это расстроит миссис Минсер, но я знакома с Генри Конлоном с тех пор, когда мы жили в Колорадо. Я и не знала, что он сейчас находится в нашем городе. Он прочитал в газете о том, что случилось, и прислал мне записку.

Записку, которая повергла ее в такой шок и которую она ему так и не показала? В тот момент Ричард ничего не подумал, он был просто счастлив, что впервые после смерти Молли Дженифер посмотрела на него и разговаривает с ним как прежде, а не как с незнакомым, чужим и враждебным, с кем она вынуждена жить рядом и быть вежливой. Начало положено, и теперь надо надеяться, что все изменится к лучшему в их отношениях.

Артур Пуллем пошел в кино, для него исключительный случай. Он был так углублен в свои размышления о том, как поступить теперь с Розалиндой, что совсем не замечал происходившего на экране.

В ресторане Розалинда, часто моргая накрашенными ресницами, разговаривала с ним неправдоподобно заискивающим тоном. Очевидно, она, а вернее ее отчим, придумали ультиматум, который она не решаете пока высказать. Артур выдавил напряженно:

— Видишь ли, сейчас не подходящее время...

Она прервала его с притворной ласковостью:

— Конечно. Я же не такая глупая и все понимаю.

— Тогда я не понимаю, почему...

Тут возникла пауза в разговоре, потому что ребенок, сидевший неподалеку, завопил и был уведен прочь со скандалом.

— Но я скучала по тебе, — и Розалинда соблазнительно взглянула на него искоса, — правда...

Шесть месяцев назад, нет, даже три месяца назад такое кокетливое признание вызвало бы у него благодарное восхищение. Но теперь оно отозвалось лишь тупой болью в желудке, как будто набитом толченым стеклом. Если бы у него хватило смелости сказать, что их встречи должны прекратиться! Но он так и не осмелился и при прощании обещал скоро ей позвонить.

Сейчас он впервые за долгое время чувствовал себя в безопасности, сидя в спасительной темноте зрительного зала, куда никто не мог позвонить или придти. Никто не смотрел на него с любопытством и никто не шептал на ухо соседу, что это не первый случай, когда муж нанимает кого-то, чтобы избавиться от своей жены.

Еве было уютно и хорошо в маленькой, чисто прибранной кухне. Амбруаз спал, дом был непроницаем для ливня, благодаря стараниям Неда Саксона, заделавшего окно в ванной. Она вымылась под душем и села с толстой книгой. Это один из при-

ятных моментов в жизни, который не хотелось прерывать, чтобы просто пойти спать. Она подумала, что будет скучать по Амбразу, когда его увезут. И тут постучали в дверь.

Было еще не поздно, половина десятого, и Ева не испугалась, только насторожилась. Она была в длинном, монашески строгом шерстяном халате, а не в одном из этих фривольных пеньюарчиков, и, подойдя к двери, закрытой на засов и цепочку, спросила громко.

— Кто там?

— Генри Конлон... — и когда она открыла, он заговорил: — Извините, что так поздно. Но я приехал сейчас домой и подумал, что не мешало бы мне объяснить вам кое-что.

Ева покраснела. Она вспомнила, как выглядывала из темного окна кухни, и у нее было такое чувство, что он знает об этом. Ее спас от ответа телефонный звонок.

Это был Ричард Морли. Ева отвечала, глядя на лицо Генри, казавшееся ей удивительно знакомым, хотя она видела его всего два раза в жизни.

— Нет... — говорила она, — да, она звонила, но не сказала зачем... Да, я ей потом сама позвонила около шести, но ваша жена пошла открыть кому-то дверь, а потом вернулась и просто повесила трубку. Я подумала, прошло так много времени, и она решила, что я уже давно перестала ждать.

Закончив разговор с Ричардом, Ева потрясенно сказала Генри Конлону, который после первых же ее слов по телефону внимательно прислушивался к разговору с Ричардом Морли и даже не делал попыток скрыть свой интерес:

— Это был Ричард Морли. Его жена пропала. Машина ее стоит около дома, но ужин нетронут. Никакой записки, ничего... Он звонит сейчас шерифу.

Пропала. От этого слова сразу исчезло уютное настроение, и показалось, что ночь и холодный дождь ворвались в маленький домик сквозь плотные занавески и закрытые окна. Лицо Конлона вытянулось и стало очень серьезным и замкнутым. Он явно забыл о том, что хотел ей сказать до телефонного звонка Ричарда.

— Я поеду, может быть, надо помочь.

“Помочь” — означало помочь искать, и Ева почувствовала холодный озноб, закрывая за ним дверь.

— Я не буду ложиться. Позвоните, когда что-нибудь прояснится.

Несмотря на ненастье, темноту и длинные тени, отбрасываемые раскачивающимися от ветра ветвями деревьев, поиски не заняли много времени.

Глава одиннадцатая

— Она вышла из дома по своей воле, — растерянно и устало повторил Генри уже, наверно, в пятый раз, — иначе вы услышали бы хоть какой-нибудь шум.

Ева взглянула на него, находясь под пеленой шока, а также физического и нервного истощения. Она не смотрела на часы, но знала, что время уже за полночь. Сидя в гостиной, они старались говорить тихо, чтобы не разбудить Амбруаза. Ева никак не могла поверить, что Дженифер Морли — задушена, и, может быть, в тот самый момент, когда прервала разговор с Евой по телефону. В ушах Евы отчетливо звучал резковатый голосок Дженифер: “Я сейчас быстро отделаюсь от незваного гостя, кто бы он ни был”.

Так как Ева теперь не оставляла Амбруаза одного даже в самое светлое время дня, помощник шерифа навесил ее сам, чтобы взять показания. Правда ли, что она имела телефонный разговор с миссис Морли между шестью и половиной седьмого, который был прерван, и что последние слова убитой были: “Вот как?” и “Вы уверены?”, а через некоторое время трубка была повешена?

Дженифер явно не собиралась надолго отлучаться из дома, потому что была найдена в одной блузке и юбке. В ее стиснутом кулаке нашли кусок железного прута и отправили его на экспертизу в лабораторию, хотя сильным дождем наверняка смыло все отпечатки. Правда, надеялись, что Дженифер удалось оставить след на убийце, на его лице или руке.

Помощник шерифа хотел знать все: не напугана ли была чем-нибудь миссис Морли, не звучал ли страх в ее голосе, когда она обратилась к неожиданному посетителю? Или наоборот, может быть, было похоже, что она обращается к другу? Ева честно старалась дать правдивый ответ, понимая всю важность и ответственность своих слов, но что можно было извлечь из четырех торопливо произнесенных слов, на которые она тогда не обратила особого внимания?

— Голос ее звучал нетерпеливо, — осторожно говорила Ева, — но ведь это понятно. Так всегда бывает, когда тебя прерывают во время разговора по телефону. И разумеется, я тогда не прислушивалась особенно.

— Разумеется. У вас была причина позвонить миссис Морли?

— Нет, но она сама позвонила днем, когда меня не было дома, и я решила перезвонить. Хотя и не считала, что у нее было ко мне важное дело, поэтому позвонила ей только вечером.

Генри Конлон, молча сидевший на краю дивана с настороженным видом, проводил помощника шерифа до двери и вернулся в гостиную.

— Мне кажется, нам обоим не помешает сейчас выпить. Разрешите мне самому... — Он исчез на кухне, откуда послышалось позвякивание стекла.

Вопрос “почему?” в смерти Дженифер был так же актуален, как и вопрос “кто?”. В таких случаях принято подозревать мужа, но, по словам Генри Конлона, Ричард Морли был от горя на

границ помешательства. В доме ничего не тронут. Кто-то пришел, убил и ушел, удовлетворенный содеянным.

Ева никогда не видела Молли Пуллем и ничего не могла сказать по поводу ее убийства, но Дженифер казалась совершенно неподходящей для роли жертвы. Разумеется, она могла иметь врагов, их не имеют разве что новорожденные младенцы. Ева сразу вспомнила конверт с газетными вырезками, в которых сообщалось о помолвке Билла Кокса. Но врага, который мог убить?

Как будто сделав всю положенную работу, ветер внезапно стих, и только временами все еще шел легкий дождь, успокаивая своей монотонностью. Конлон, внимательно посмотрев на Еву и, видимо, что-то про себя окончательно решив, спросил:

— Вы ведь давно знакомы с Ниной Эрл, правда?

— Ну, если два года это много... — И Еве показалось вдруг забавным, что они оба использовали свое знакомство с Ниной, чтобы навести справки друг о друге.

— Я хорошо знал Дженифер, когда жил в Колорадо, в отличие от ее младшей сестры, которую почти не встречал в силу определенных обстоятельств. Она была моложе. И ни разу мне не пришло в голову, что миссис Пуллем — это маленькая Молли. Я несколько лет прожил в Нью-Йорке, прежде чем сюда вернулся, и потерял всю семью из виду. И вдруг мне несколько дней назад позвонила Дженифер, она хотела узнать, не тот ли я самый Генри Конлон, с которым она была знакома в Колорадо? Она только что получила анонимное письмо, затрагивающее неприятный случай, который произошел много лет назад, и хотела выяснить, не имело ли оно отношение к убийству ее сестры.

— Хотела выяснить... — изумленно повторила Ева.

— Она не хотела идти в полицию с этим письмом, чтобы не давать пищу нежелательным слухам, и просила, чтобы я навел некоторые справки. Дело в том, что она никогда не рассказывала мужу о том давнем случае, видимо, по той причине, что Морли... как бы это сказать... немного прямолинейен. Я не хотел сказать "ревнив" в обычном понимании этого слова. Хотя принимая во внимание обстоятельства, — он спокойно встретил взгляд Евы, — я один из самых безопасных мужчин на свете, когда дело касается чужой жены.

Наверно потому, что его собственная жена... Тут, к огромному Евиному облегчению, Амбруаз вскрикнул во сне и возбужденно забормотал. Она поспешно прошла в его маленькую комнату, перевернула его на другой бок и сказала ласково:

— Здесь твоя шляпа.

Амбруаз не проснулся, а когда Ева вложила ему в ручку сложенную шляпу, удовлетворенно пробормотал: "Вот моя шляпа", — и снова уснул. Ева подождала немного и вернулась в гостиную. Генри Конлон спросил:

— Я разбудил его?

— Нет. Он часто так просыпается. — За время короткого отсутствия она успела подумать и теперь сдержанно произнесла: — Значит, миссис Морли решила, что я и есть тот анонимный писатель, или могу им быть, возраст для этого подходящий, тем более что у меня могла быть старшая сестра. Вот почему вы рассматривали мою машинку?

— Дженифер очень расстроилась. Прошло много лет, но не было и намека на тот случай, она уже успела забыть о нем. Вы приехали неожиданно и поселились в доме, который вам предложил ее муж. К вам приходит убирать та же женщина, что и к Дженифер.

— Понятно. Но здесь нет никаких загадок. — Ева говорила очень вежливо, отчеканивая слова, что только подчеркивало ее гнев: — Миссис Морли сама познакомила меня с Айрис Саксон, а что касается дома, то я, не зная совершенно Долину, посоветовалась со своей подругой Ниной, как потом оказалось, нашим общим с вами другом, которая, как я полагаю, знала о вашем доме.

Она вспомнила искусно разыгранное изумление Нины, что она сняла дом, который принадлежит Генри Конлону, свои осторожные расспросы и лестный отзыв о нем Нины. Она разберется с Ниной позже.

Генри Конлон, видимо, придя к такому же заключению, от смущения долго смотрел на свои часы, прежде чем подняться. В это время Еве вдруг показалось, что все вещи странно застыли вокруг и время остановилось. Потом услышала свой голос.

— Я надеюсь, вы убедили миссис Морли, что я не писала ей писем и никогда не приближалась к школе Локвуда.

В комнате совсем похолодало, и Генри Конлон сквозь застывшую кристальную тишину ответил:

— Да, я ей сказал. Спасибо за виски. Спокойной ночи.

Теперь ее слабость превратилась в гнетущее беспокойство. Уговаривая себя успокоиться, Ева погасила лампы. Она пошла снова взглянуть на спящего Амбруаза, втайне надеясь, что он сейчас попросится в ванную или выкинет еще какой-нибудь номер, но он мирно спал, тени от ресниц лежали на его щеках, рот приоткрылся, слышалось ровное сопение.

Ева почистила зубы новой щеткой, запила две таблетки аспирина водой и пошла спать. Хотя ночь выдалась такой, какую она всегда предпочитала для сна — холодная, с монотонным звуком дождя, она никак не могла уснуть. Стоило ей закрыть глаза, как возникала ужасная картина — Генри Конлон смотрит на часы, а на левом запястье видна длинная свежая царапина.

Заголовки утренних газет, обведенные траурными рамками, гласили: "Убита сестра Жертвы Долины". И снова на первой странице ведущая колонка была набрана жирным шрифтом, и

снова неизбежный портрет, где убитая выглядит особенно жизнерадостной и самоуверенной. Во всех офисах, магазинах, барах и забегаловках о происшедшем говорили с ужасом и гневом, хотя Дженифер не была так широко известна и безоговорочно всеми любима, как Молли. Но за всем этим шумом явственно проглядывало облегчение.

Убийство Молли Пуллем несло угрозу всем, и никто не мог предсказать, чью дверь выберет в следующий раз маньяк. Кто еще из одиноких женщин станет его жертвой? Но теперь были убиты обе сестры, и дело принимало персональный характер, заставляя работать взбудораженные умы в этом направлении.

Так как было вполне вероятно, что убийца мог находиться среди друзей убитых женщин, возможно, ходил к ним, улыбался, оказывал знаки внимания, постепенно люди перестали признавать свои близкие отношения с сестрами и, мало того, всячески стали показывать, что вообще плохо их знали. И те дамы, что собирались по утрам вместе выпить кофе и раньше подчеркивали близость с Молли, теперь говорили деликатно:

— О, разумеется, я не настолько хорошо была с ними знакома...

— Дженифер всегда была кошкой, которая гуляла сама по себе. Я имею в виду, что она была сдержанна и замкнута...

— Я редко встречалась с Артуром Пуллемом, он ведь не слишком-то дружелюбен, не правда ли?..

Или:

— Я была недавно на вечеринке и там встретила Ричарда Морли. Ну и характер у него! Мод Феллоуз не согласилась с его мнением, так вы не поверите — он просто повернулся и вышел вон из комнаты, оставив бедную Мод стоять с открытым ртом и бокалом в руке. Конечно, мне очень его жаль, они с Дженифер обожали друг друга, но в убийстве явно виден аффект, и, возможно, он мог бы... впрочем, я не верю в это ни на минуту...

Эти шпильки и уколы были только отражением официального отношения властей. В случае с Молли Пуллем служба шерифа лишь автоматически проверила пребывание ее мужа, Артура Пуллема, в момент совершения преступления в Денвере. Они задали тогда несколько поверхностных вопросов Ричарду Морли — поверхностных, потому что имели полное отсутствие мотива преступления с его стороны, а его поведение было естественным — ужас после обнаружения Молли в пропахшем подгоревшим супом доме и нежное участие в горе жены, здесь искренность Морли не вызывала сомнений.

В Долине все прекрасно знали друг о друге, и ни Морли, ни Пуллема не были замешаны в пересудах. Никаких намеков о страховке или финансовых затруднениях, или о неверности кого-то из них — ничего.

Тут и подвернулся Сильвериио Бака с его болтовней о недовольстве прежними хозяевами, с уже имевшимся у него приво-

дом в полицию за кражу и его пьянством. Он подходил так же идеально, как недостающая крошечная деталь в мозаике для законченности картины.

Теперь, после второго убийства, полиция угрюмо начала перепроверять Артура Пуллема и Ричарда Морли, а также ворошить прошлое обеих сестер, в девичестве Дженифер и Молли Вэйн.

Глава двенадцатая

Проверили все, но оставалась незначительная деталь, до сих пор несостоявшаяся проверка некоторых фактов, обычная формальность, которую тем не менее надо было соблюсти и закрыть этот вопрос. На следующее утро помощник шерифа отправился в скромное жилище Саксонов.

Хотя отсюда было всего десять минут езды на автомобиле до района, где жили Пуллемы и Морли, это был совершенно другой мир. Уже год назад здесь проглядывали черты запустения и бедности, которые не в силах были прикрыть тенистые развесистые кроны деревьев. Теперь, когда с китайских вязов были обрублены ветви, и деревья торчали нелепыми обрубками, а солнечный свет безжалостно заливал и высвечивал маленькие блочные домики с наметенными кучами красноватой пыли у фундамента, с вынесенными наружу газовыми счетчиками, запущенными лужайками, заросшими сорной травой, нищета предстала во всем неприглядном виде. Ребятишки без присмотра играли около нескольких сваленных в груды ржавых труб, к облупленной стене жался пес, настолько тощий, что его можно было использовать вместо муляжа на уроке анатомии.

Помощник шерифа был немного знаком с миссис Саксон. Неда Саксона в полиции знали довольно хорошо, он даже был известной здесь личностью, часто беспокоя полицию своими многочисленными заявлениями. В заявлениях было все: поломанные ящики для почты, дикие оргии у соседей, тайные тропы наркодельцов, даже "Подглядывающий Том". Хотя его заявления не подтверждались, это не мешало ему писать новые.

Дверь открыл сам Саксон, и помощника шерифа сначала удивило и даже напугало выражение его лица, но потом за спиной Неда Саксона он увидел плачущую миссис Саксон и все понял — она была явно в потрясенном состоянии, и муж, по-видимому, не хотел, чтобы ее сейчас беспокоили.

— Входите. — Саксон посторонился, пропуская помощника шерифа. Он кивнул головой на газету, свежий номер которой держал в руках. — Наверно, так ничего и не удалось разгадать по этому чудовищному делу?

— Пока нет. — Громадный помощник шерифа протиснулся внутрь после получения приглашения, сел на хрупкий стул, который под ним протестующе заскрипел. Он старался не смотреть по сторонам, чтобы не смущать хозяев, и уставился на мис-

сис Саксон. Ему нередко приходилось видеть бедность, но здесь была видна плохо прикрытая нищета, что должно ранить таких гордых и немолодых уже людей, как Саксоны.

Он мягко заговорил с миссис Саксон, смотревшей на него с выражением испуганного ребенка, которого наказали по причине, ему неведомой.

— Мы пытаемся детально восстановить все вчерашние действия миссис Морли, мэм. Я знаю, что вы вчера были у мисс Квин, когда она звонила туда — не вспомните ли, в какое время это было?

От помощника шерифа ускользнул напряженный поворот светло-рыжей головы Неда Саксона.

— Около часу дня, — потрясенно произнесла Айрис Саксон. — Я ей сказала, что мисс Квин увезла маленького мальчика обедать, мы с Дженифер поболтали несколько минут, потом она сослалась на какие-то срочные дела и добавила, что перезвонит попозже. Но она не звонила больше, пока я там была.

— И во сколько вы приехали домой? — Помощник шерифа просто до конца выполнял формальность, смешно было предполагать, что эти люди, зажатые в тиски нищеты, будут избавляться от единственных источников своих скудных доходов.

— Около семи, — ответил Нед Саксон после взгляда на жену, которая согласно кивнула, — потому что в этот день мы делали закупки на неделю. Если вы были в супермаркете в конце недели, вы знаете что там творится вечером. Наверно, менеджер может подтвердить, он наверняка нас запомнил, потому что, когда мы подошли к кассе, и я указал на упаковку со спагетти, где было полно крошек, он заспорил со мной, все время поглядывал на часы. Скажу вам свое мнение — надо осторожно относиться к этим упаковкам в больших супермаркетах, — сел на своего любимого конька Саксон, — они плохо проверяют срок годности и не всегда вовремя заменяют товар.

Не считая сломанных почтовых ящиков, неведомых наркodelьцов на тайных тропах и "Подглядывающего Тома", свежесть продуктов была важной темой для Саксона. Когда он начал подробно рассказывать помощнику шерифа, как ездил покупать яйца в другой магазин, у того начало сводить скукой скулы. Он быстро поднялся, чтобы не выслушивать лекцию о том, где и как надо покупать свежие яйца, и ушел. Рутинная проверка была честно проведена.

Машина помощника шерифа отъехала под взглядами любопытных мальчишек. Нед Саксон, закрыв за ним дверь, с мягким укором обратился к жене.

— Ты мне не говорила, что Дженифер вчера звонила.

— Зачем тебе? — Глаза ее снова начали наполняться слезами. — Какое это теперь имеет значение? И к тому же, это начисто вылетело у меня из головы.

Он подумал, что неверно указал время помощнику шерифа, ведь покупал яйца намного раньше, но было уже темно, шел дождь, да и часы в той лавке остановились навсегда на двадцати минутах девятого.

— Ну, ну, — успокаивал он плачущую жену. — Перестань, Айрис. Они поймают его, потому что, конечно, была причина, чтобы у такой, — тут Айрис подняла резко голову и посмотрела на него, — такой молодой, красивой женщины да не было врагов! Она и сама не подозревала об этом, — продолжал он, — в газетах написано, что они приехали сюда из Колорадо. Вот увидишь, это сделал кто-то оттуда.

— Но их уже не вернешь, — сказала она тихо, с отчаянием.

— Нет, — согласился Нед, глядя поверх ее плеча вдаль, — это невозможно.

— Было письмо, — повторял устало Ричард Морли, — оно очень расстроило мою жену. Пришло в субботу, и это все, что я могу вам сказать.

Помощнику шерифа, который железной рукой правил в семье, казалось просто диким, что жена получила по почте письмо и немедленно не рассказала мужу от кого оно. Он скептически заметил:

— И вы считаете, это письмо могло иметь отношение к убийству вашей жены.

— Я думаю, оно пришло в связи с гибелью ее сестры. Ведь эти два убийства связаны, не так ли?

Ричард не спал уже сутки, а его былая высокомерная вспыльчивость и агрессивность давно улетучились. Он был тих, покорен и не реагировал на довольно оскорбительный тон полицейского. Ему и в голову не приходило, что его могут подозревать в двойном убийстве. Раньше он давно бы вспыхнул и наговорил резкостей, а сейчас покорно и терпеливо рассказывал о том, чем занимался вчера вечером, хотя его спрашивали об этом уже в десятый раз.

— Итак, никто не явился в пустой дом, где вы сидели и ждали клиентов. Но кто-то должен был видеть вашу машину около этого дома. С улицы ее видно было?

— Да, но если вы увидите сами это место, вы поймете. С одной стороны стоит еще один пустой дом, с другой — свалка, пустырь. Магазин париков, который стоит напротив через дорогу, был уже закрыт. И кроме того, — тут в его голосе все-таки появилось нечто похожее на отдаленный гнев, — дождь лил как из ведра, если вы помните, никто и носа не высунул бы на улицу без нужды.

— Да, похоже, вам не повезло с этими вечерними дежурствами. А в ту ночь, когда была убита миссис Пуллем, вы тоже ждали в пустом доме, и никто не пришел на назначенную встречу?

Ту, другую встречу, никто не мог подтвердить. Люди, назначившие ее, были из далекого городка южной части штата. Но даже если бы они появились тогда, это ничего не значило. Морли мог использовать любую возможность, зная, что его невестка в доме одна.

Но Ричарда и это, казалось, сейчас не затронуло.

— Послушайте, офицер, — он тихо начал было объяснять особенности своего бизнеса в Альбукерке. Но в середине объяснений вдруг, по-видимому, что-то внезапно вспомнил. Помощнику шерифа и раньше приходилось видеть такие стиснутые руки, отсутствующий взгляд, устремленный в никуда. Он все понял и ждал. Морли замолчал, потом сказал:

— Не знаю, поможет ли это вам, но еще кое-что случилось, кроме неожиданного письма. Моя жена обнаружила, что здесь, в Альбукерке, появился один человек, можно сказать, старый друг. Живет недалеко от нас.

Это была первая трещина в кажущейся непогрешимости обеих пар и прочности семейных уз, потому что тон Морли не оставлял сомнений, что старый друг — мужчина.

— Его имя — Генри Конлон, адрес...

Реакция Артура Пуллема была противоположной тупому равнодушию своего родственника. Он был потрясен, когда его начали спрашивать о его местонахождении в день убийства и особенно в часы, когда наступила смерть Дженифер Морли. Артур произнес дрожащим голосом:

— Неужели вы допускаете возможность, что я замешан в этом ужасном деле? Бог мой, да ведь она была сестрой моей жены! — И тут его внезапно поразила следующая мысль: — Не думаю, что это инсинуация Ричарда из-за того, что два дня назад Дженифер провела несколько часов днем в моем доме, помогая мне разобрать личные вещи моей покойной жены. Тут нет ничего...

Он запнулся и замолчал, но не потому, что потерял нить предложения. Про лицам полицейских стало ясно, что они вообще первый раз услышали о том, что Дженифер находилась целый день в доме Пуллема накануне убийства, и они чрезвычайно заинтересовались этим обстоятельством.

Тогда, после трагедии в доме Пуллемов, они произвели необходимое в таких случаях фотографирование, сняли отпечатки пальцев, но так как убийство Молли произошло не в спальне, и все ее драгоценности, по словам мужа, были на месте, полиция не стала рыться в личных вещах Молли, тем более что понятия не имела о ее личном бюро, о котором Артур Пуллем промолчал.

Оказывается, Дженифер Морли разбирала письма и личные вещи сестры, а два дня спустя была убита сама. Эти два факта могли не иметь никакого отношения друг к другу, но в то же время не исключалось, что связь между ними могла быть и очень прочная.

В полиции снова начали проверять Артура Пуллера и его алиби. Он сказал, что был в кино, но тут помощник шерифа воодушевился, вспомнив, как ему показалось странным еще при первом допросе, что человек не мог припомнить ни названия картины, ни в каком кинотеатре был. "Где-то в Центре". Причем Пуллером тогда выказывал явное волнение. Он снимал и протирал очки, так яростно их полируя, как будто они только что валялись в пыли, и пускался в путаные длинные объяснения.

...Его недавняя утрата...Заваливал себя работой и, наверно, переутомился... Иногда фильм, даже плохой, лучший способ расслабиться и успокоиться.

Все это было так, но что-то настораживало в его нелогичных несвязных показаниях. Может быть, с ним была дама, имя которой Пуллером не хотел впутывать? Это был бы интересный поворот. Такие типы как он, на вид добропорядочные, солидные, иногда такое себе позволяют...но взглянув снова на аккуратное серьезное лицо в очках, помощник шерифа отменил этот вариант.

Значит, Пуллера погнало тогда в кино внутреннее беспокойство, и в таком состоянии он просто не помнит, куда пошел. Конечно, у Пуллера было железное алиби на время убийства своей жены, если только...

В любом мало-мальски значительном городе есть районы, где можно найти отчаявшихся людей, они готовы на все, и нанять их не составит большого труда. Не было видимой причины, зачем Артур Пуллером мог желать смерти своей жены. Но если не всплывет что-то из прошлого сестер в Колорадо, оба мужа являются единственной зацепкой.

Как и в случае с Молли Пуллером, не было найдено никаких следов и улик в деле Дженифер. Гравий не сохранил отпечатков шин, если убийца приехал на машине. Если именно он положил на место телефонную трубку после того, как расправился с Дженифер Морли, оставив отпечатки, они были смазаны, ведь Ричард Морли потом обзванивал всех друзей, прося помочь разыскать жену, прежде чем позвонил в полицию. И следы, если и были, он уничтожил. Но его можно было понять, он поступил логично, хотя его действия навряд ли могли ему помочь.

Ни у одного из допрашиваемых мужчин не было следов свежих царапин или ссадин, но из предварительного заключения лаборатории следовало, что Дженифер Морли промахнулась и не задела убийцу. И все же допросы не были бесплодными. Выяснилось, что Ричард Морли обеспокоен наличием у жены "старого друга", а Артур Пуллером слишком сильно беспричинно волновался.

Конлона найти не составляло труда. Помощник шерифа сделал в своем докладе заметку, пожелание поближе познакомиться с окружением Пуллера на службе, а так как дядя жены помощника шерифа много лет служил в строительной компании

Хезервуда, результаты скоро появились, и они явно представляли интерес.

Глава тринадцатая

Ева проснулась утром с ощущением несчастья, не покидавшего ее во время сна и окрашивавшего в мрачные тона фрагменты смутных сновидений. Она сразу не могла вспомнить причину своего настроения и сначала решила, что это из-за освещения. Вместо светлого солнечного луча, проникавшего в спальню по утрам, сейчас в ней царил странный зеленоватый полумрак, а очнувшись окончательно от сна, Ева поняла, что упала громадная ветка тополя и закрыла листовой стеклом.

И какой-то запах... что-то горело...

Амбруаз с увлеченным видом сжигал в тостере куски хлеба, и рядом уже громоздилась черная горка таких ломтиков.

— Нельзя этого делать! Разве можно так портить хлеб! — Ева тем не менее испытала облегчение, найдя причину задымления.

— Для птиц, — невинно объяснил он.

— Птицам не нравится сожженный хлеб. — Ева удивилась, что он так рано встал и сразу развил активную разрушительную деятельность. Дверца холодильника была приоткрыта, а на полу валялся пакет молока, из которого натекала лужа, нож был воткнут по самую рукоятку в ореховое масло.

Ева стала решать проблемы в порядке их важности — сначала выдернула шнур тостера из розетки, не обращая внимания на протестующие вопли Амбруаза, потом налила воды в кофейник и поставила его на плиту. И пошла обратно в спальню надеть халат.

Наконец память к ней окончательно вернулась, и вспомнив, по какой причине легла спать под утро, она опять испытала потрясение. Где-то лежало неподвижное тело убитой Дженифер Морли, а ее убийца, человек с сильными руками, еще спал, или завтракал, или отправился на работу. Если только...

Ева принесла на кухню радиоприемник с часами и прислушивалась, чтобы не пропустить сводку новостей, пока открывала окна, выгоняя сизый дым, поднимала пакет молока, вытирала лужу на полу, вытаскивала нож из орехового масла. Она застала Амбруаза врасплох — он только что вышел из маленького чулана, где хранились приспособления для уборки дома, и, покраснев, пытался что-то спрятать, прижимая вещь к груди.

Он достал ее, вероятно, из ящика, где она хранила тряпки для уборки, пряча их там от Айрис Саксон, которая в непрерывных поисках работы и из-за собственной неизбежности экономить, обязательно сшила бы из них что-нибудь или пустила бы на заплатки. Какое-то воспоминание промелькнуло и исчезло. Амбруаз, протягивая ей длинный лоскут, приказал.

— Выстирай его.

Ева разбила на сковородку два яйца и помешала вилкой.

— Он и так чистый, Амбруаз. Это полоска от наволочки, она порвалась после вчерашней стирки.

— Я сам выстираю. — Похоже, Амбруаз собирался немедленно воплотить свою угрозу. Ева, сразу представив, во что это может превратиться для нее, видя его упрямое желание поступить по-своему, сдалась.

— Хорошо, но поспеши. Я жарю тебе яичницу.

Вот и сводка новостей. Следствие не выявило ничего нового. Как всегда было отмечено, что задействованы все сотрудники полиции, которые работают день и ночь над этим делом. И после короткого сообщения сразу начался рекламный блок. Ева выключила приемник.

От рассказа Евы у полицейских создалось впечатление, что ее беседа по телефону с Дженифер Морли прервалась, едва начавшись. Ева не упомянула ни о суховато-ироническом замечании Дженифер о человеке, вставшем "на страже моей нравственности", ни о фразе: "Дело в том, что Генри Конлон и я"...

Как должна была закончиться эта фраза? Старые друзья?.. Это по версии Генри Конлона. Ева еще не видела царапины на его запястье, когда давала свои показания, и теперь не хотела задумываться над тем, изменилось бы что-нибудь в ее показаниях, если бы она давала их уже после того, как увидела царапину. Со времен Билли Кокса она имела сильное предубеждение против женской интуиции, но в то же время находила совершенно невозможным предположение, что Генри Конлон мог убить кого-нибудь. Тем более женщину.

А вот Ричард Морли с его с трудом сдерживаемой ревностью...

Испугавшись своих мыслей, Ева громко крикнула, зовя Амбруаза. Завтрак был готов: его любимая яичница, тосты и какао. Усадив его за стол, она пошла повесить мокрую полоску материи на веревку, протянутую во дворе. И вдруг вспомнила, что недавно у него был другой любимый лоскут, с ярким квадратом, что-то вроде кармана, нашитого неутомимыми руками Айрис Саксон. Амбруаз, хотя и не брал его с собой в постель, как некоторые другие любимые игрушки, тем не менее ужасно им гордился и берег. Ева давно не видела лоскут, некоторое время назад он исчез из виду. Несомненно, Айрис его выстирала, выгладила и, аккуратно сложив, убрала в глубины платяного шкафа.

...Что касается царапины, Генри Конлон мог получить ее где угодно — скорей всего, оцарапался о какую-нибудь отогнутую хромированную деталь своего автомобиля. Ева теперь сама, следя за домом и за ребенком, часто видела на себе царапины, ссадины и ожоги, незаметно полученные в процессе торопливых домашних дел.

Но думать об этом не хотелось.

К десяти часам утра солнце жгло так сильно, что трудно было поверить во вчерашний ливень. О нем напоминал лишь тон-

кий слой серебристой влаги на внутренней стороне листа и дрожащие капельки на паутинках. Несмотря на холодные ночи, все еще весело прыгали на лужайке кузнечики, и Ева, сделав дырки в крышечке кофейной банки, дала ее Амбруазу, чтобы он ловил их и переносил через ограду.

— Зачем? — резонно спросил он, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Потому что им там нравится больше, но они не могут перепрыгнуть сами. Нам надо им помочь.

— Не могут летать... Надо помочь... — И Амбруаз, уже увлеченный идеей, отправился на задание.

Грудной голос ответил по телефону Нины Эрл, что миссис Эрл сейчас на совещании. Не хочет ли Ева передать что-нибудь? Ева тут же представила лицо и рыжие локоны ответившей секретарши.

— О да, не позвонит ли миссис Эрл потом по этому телефону... и еще... — Ева спокойно нанесла удар. — Я хотела поблагодарить вас за то, что вы послали вырезку из газеты о помолвке мистера Кокса. Сама я могла пропустить это событие.

Удар достиг цели — на том конце наступило пораженное молчание.

— Передайте миссис Эрл, что нет никакой срочности, — добавила Ева мягко и повесила трубку. Итак, ее догадка оказалась верной, и одна маленькая тайна была разрешена.

Амбруаз, похожий на большую соломенную шляпу, у которой вдруг выросли ноги, носился за кузнечиками, прыгавшими от него в разных направлениях. Ева вымыла посуду после завтрака, радуясь, что есть чем занять себя и хоть немного отвлечься от пугающих мыслей. Она даже отмыла грязный тостер. Услышала, как на улице хлопнула дверца машины, но не придавала этому значения, пока не раздался короткий требовательный стук в дверь.

Это был помощник шерифа, который приходил вчера ночью. Амбруаз замер перед ним в испуганном восхищении.

— Извините меня, но не подскажете ли, где я могу разыскать Генри Конлона? Я его не нашел ни дома, ни в офисе и подумал...

Он замолчал, потому что зазвонил телефон. Ева пошла ответить, по дороге размышляя и приходя к выводу, что ничего странного в вопросе нет. Конлон находился здесь вчера в довольно позднее время, и у полицейских могли возникнуть, не без основания, неверные впечатления. Сняв трубку, она услышала то-ропливый голос Нины Эрл.

— Ева? Ради бога, что там у вас в деревне происходит? — И не догадываясь, что Ева может быть вовлечена каким-то образом в следствие, добавила: — Ты спрашивала о школе Локвуда, на следующий день я...

— О, благодарю, — прервала Ева весело, — как поживает Дэйв?

Она спросила о муже Нины. Нина на мгновение замолчала в замешательстве, потом насмешливо ответила:

— Его унесла горилла, а так с ним все в порядке. Я поняла, что ты сейчас не можешь разговаривать. Там кто-то есть сейчас рядом с тобой? Перезвони мне потом, хорошо?

— Конечно, — Ева выдержала до конца светский веселый тон, — спасибо еще раз.

Она могла получить от Нины необходимую информацию и при помощнике шерифа, осторожно задавая вопросы на интересующую тему, так взволновавшую Генри Конлона, и помощник шерифа не догадался бы, о чем идет речь, но все-таки осторожность взяла верх.

Вернувшись в гостиную, она сказала.

— Нет, я понятия не имею, где вы можете найти мистера Конлона, если его нет на работе. — И, как будто отвечая на его немой вопрос по поводу вчерашнего пребывания в ее доме Генри Конлона в поздний час, добавила: — Он ведь владелец моего дома, и зашел вчера как раз в то время, когда сюда позвонил мистер Морли.

— Понимаю. Что ж, он наверняка появится, — согласился полицейский, а Амбруаз обычно дичившийся незнакомых людей, подошел и потянул его за кожаную кобуру.

— У меня здесь жук, — объявил он, показывая банку из-под кофе.

— Вот как. — Помощник шерифа приподнял шляпу за коническую макушку и, посмотрев на личико Амбруаза, снова опустил. — Прекрасная шляпа, — серьезно сделал он вывод после осмотра и поблагодарил Еву: — Вы, наверно, больше ничего не смогли припомнить...

Ева ответила, что обязательно сообщит, если вспомнит что-нибудь. А про себя подумала, что может предположить, где сейчас находится Генри Конлон.

Амбруазу надоело ловить кузнечиков, и не успел шум мотора машины затихнуть вдали, он потребовал пойти в магазин.

— Может быть, но после обеда, — пообещала Ева рассеянно и добавила: — Но я не уверена, что сегодня среда, — после чего Амбруаз помрачнел.

Как большинство детей, он обожал магазины, но как немногие из них, устраивал дикие сцены, если не мог получить все, что ему понравится. Причем его выбор падал не только на сладости и игрушки — он хотел все: яркие чашки, декоративные растения для аквариумов с золотыми рыбками и прочие предметы... Ввиду того, что Ева не могла оставить его одного, а в машине запирасть было небезопасно, ей приходилось брать его с собой. Подумав, она заявила сурово, что в Нью-Мехико закон разрешает маленьким детям покупать в магазинах только по средам.

Он тут же захотел узнать причину, но услышав на свое “почему?” ответ: “Откуда мне знать”, принял это как должное. Хитрость Евы прекрасно сработала, как маленькое чудо, потому что среды можно откладывать или пропускать. Амбруз изредка получал удовольствие от маленьких подарков, а Ева спокойно могла делать покупки.

Она опять набрала номер Нины и, услышав ее голос, стала оправдываться:

— Извини, Нина, я была не одна, но этот человек ушел. — Она решила не говорить о визите помощника шерифа и его настойчивом желании разыскать Генри Конлона, зная, как Нина относится к Генри и всегда его защищает. — Ты говорила о школе...

— Ну да. Знаешь, я вспомнила одного знакомого художника, который участвовал в оформлении открытия школы, и подумала, что он поможет найти какой-нибудь след в этой истории. Он сказал, что школа быстро прогорела, потому что плата за обучение была чрезмерной, и родители роптали. Потом школа превратилась в роскошный дом для престарелых.

— Значит, просто еще одно развалившееся предприятие.

— Да, похоже на то. — Ева услышала какой-то шум, и потом Нина воскликнула: — Проклятье! Подожди-ка, я пролила кофе.

Ева ждала, слушая, как вдалеке передвигают предметы, кто-то предлагает бумажное полотенце, потом Нина сердито проговорила:

— Как может маленький бумажный стаканчик содержать целый галлон кофе? Я испортила новый костюм. Как раз хотела сказать тебе, что одна из воспитательниц школы покончила с собой.

Глава четырнадцатая

Самоубийство. Какая мрачная загадочность прозвучала в этом слове, намекающая при данных обстоятельствах на многое. Например, кто-то поскользнулся и упал, хотя на самом деле его сильно толкнули сзади... Но когда Нина коротко объяснила в чем дело, картина происшедшего не была похожа на то, что представила себе Ева.

Друг художник рассказал, что воспитательница, женщина незамужняя, лет пятидесяти, страдала время от времени приступами депрессии. Ее доктор и коллеги говорили об этом на следствии. Не найдя ничего существенного, было решено, что воспитательница боялась лишиться работы из-за финансовых затруднений. Это подтверждали лежавшие в мусорной корзине скомканные письма, в которых она пыталась получить помощь от “заинтересованных лиц”. В очередном приступе депрессии она приняла сверхдозу барбитуратов, своей собственной рукой, без посторонней помощи, что было определено при следствии.

— Это навряд ли было хорошим примером для молодых учениц, и не могло понравиться родителям, — говорила монотонно Нина, — но школа закрылась не из-за этого. Она еще продолжила свое существование год и потом закрылась после какой-то тяжбы из-за владения землей. Я не вижу никакой связи между этой школой и Генри Конлоном.

Но всезнайка Нина не знала, что в этот момент полицейские ищут Конлона, а Ева не собиралась ее просвещать.

Поблагодарив Нину и рассеянно бросив Амбруазу “подожди” в ответ на его требования срочно выяснить, среда сегодня или нет, Ева налила себе большую чашку кофе.

Генри Конлон не был связан со школой Локвуда, но Дженифер Морли была. Казалось маловероятным, что Дженифер училась еще в школе в то время. А ее сестра, Молли Пуллем? Генри сказал, что почти не знал Молли. Обе теперь убиты, и неизвестно, сыграло письмо свою роковую роль или что-то еще.

Ева вскочила с места и подошла к письменному столу, где лежал календарь. Она просмотрела внимательно сентябрь, что было частью ритуала, и взглянула на поднятое к ней в надежде покрасневшее личико Амбруаза.

— Пошли, я тебя одену. Сегодня все-таки, кажется, среда.

Генри Конлон был вовсе не в Колорадо, куда его поместило воображение Евы. Он сейчас говорил женщине, сидевшей за пишущей машинкой:

— Благодарю вас. Я был уверен после телефонного звонка, но мне хотелось до конца выяснить. Я сам найду выход.

Шериф ехал из Колорадо, где ему не смогли сообщить ничего криминального на семью Вэйнов. Руфус Вэйн умер шесть лет назад. Это был всеми уважаемый, веселого нрава фермер. Его жена погибла, когда смерч подхватил ее маленький автомобильчик и сбросил в пропасть, оставив его с двумя дочерьми: Дженифер и Молли. Дженифер, старше сестры на пять лет, одна сумела вырастить Молли. Она пошла на секретарские курсы после школы и потом работала, чтобы поддержать семью материально. Тем более что у Вэйна случился сердечный приступ, после которого он уже не оправился и перестал работать на ранчо.

В Колорадо о Дженифер вспоминали с уважением.

— Об этой ничего нельзя сказать дурного. Слишком серьезная, а Молли была всегда миленькой веселой девчужкой. Дженифер — старшая, она отвечала за семью, и это сказало. Когда модная школа открылась, Дженифер получила работу в секретариате и пристроила учиться туда Молли. Она уже была помолвлена к тому времени, но со свадьбой не торопилась, ждала, пока Молли закончит школу.

С семьей не было связано никаких скандалов. Не было даже нарушений правил вождения автомобиля. Смерть обеих сестер

вызвала искреннее сочувствие, не нашлось ни одного человека, который бы, многозначительно переглянувшись с соседом, сказал:

— Ну, в этом нет ничего удивительного...

Приятно обнаружить, что есть люди, которые живут такой открытой и достойной жизнью. Но это мало помогало в работе шерифа. Не было ни малейшей зацепки в этом странном деле. Даже школа на севере, где работала Дженифер, помогая учиться своей сестре, давно перестала существовать.

Может быть, надо искать маньяка, сумасшедшего, психопата со скрытым от всех недовольством, ненавистью, склонностью убивать? Ведь стоит только почитать сегодняшние газеты, чтобы увериться, что такие люди существуют. Внешне они не отличаются от любого добропорядочного гражданина. Но их ненависть, направленная против всего человеческого рода, их постоянное напряжение в любой момент могут взорваться, выплеснуться, и тогда жертвами могут оказаться случайные люди, на свое несчастье подвернувшиеся в этот момент им под руку. Но гибель сестер, с промежутком лишь в неделю, не очень подходила под эту теорию.

В таком настроении шериф был рад по прибытии получить готовый доклад о действиях Артура Пуллема.

Артур Пуллем провел большую часть дня в похоронных хлопотах, потому что его родственник по жене, Ричард Морли, был сейчас в таком состоянии, что не представлял ясно, где находится и что происходит. Это состояние напоминало транс алкогольного опьянения. Все, чего смог добиться от него Артур, были фразы: "Делай, как знаешь" или "Да, наверно, так будет лучше". Это был совершенно другой Ричард Морли, не похожий на прежнего гордеца, готового откусить себе язык, прежде чем поделиться с кем-либо сокровенными мыслями. Однажды он сказал пораженному Артуру:

— У нас с Дженифер некоторое время назад были натянутые отношения, но недавно все уладилось.

— Господи, не вздумай рассказать об этом в полиции, — встревожился Артур, но Ричард уже ушел в свой отрешенный замкнутый мир. Глядя как будто сквозь Артура, он произнес:

— Я хочу снова поговорить с той девушкой. Она просто забыла, наверняка Дженифер сказала еще что-нибудь. Странно, что она держала телефонную трубку, ожидая Дженифер, и ничего не слышала!

Но Дженифер не могла передать информацию, которой сама тогда не располагала. Если убийца и прошел мимо окна той комнаты, откуда она разговаривала с Евой по телефону, она могла его слышать, но не видеть.

Комната была такой маленькой, что ее можно принять за просторный шкаф. Хотя шторы на единственном окне, расположенном на высоте плеч, не были задернуты до конца, в стек-

лах при зажженном свете отражались оранжевые и серебряные ромашки абстрактной картины, подаренной хозяевам несколько лет назад знакомым художником, явно страдающим отсутствием таланта.

И все-таки желание Ричарда встретиться с мисс Квин означало хоть какую-то активность, и Артур, потрепав его ободряюще по плечу, ушел на работу. Он сам был потрясен гибелью сестры жены, хотя в глубине души всегда побаивался острого язычка Дженифер.

Мистер Хезервуд в галстук бабочкой, что делало его похожим на куклу колдуна африканского племени, посомневавшись в правильности решения Артура исполнять служебные обязанности в такое время, все-таки пришел к выводу, что работа сейчас будет лучшим способом отвлечься, и добавил с легкой гримасой неудовольствия:

— Я верю, что это печальное дело скоро получит объяснение. Для вашего же спасения, мой мальчик.

Артур привел в порядок бумаги с помощью необычно притихшей мисс Хэйнс, стараясь не вздрагивать от каждого телефонного звонка. Вторая трагедия приглушила страх перед Розалиндой, но лишь на время. И в четыре-тридцать, сообразив, что сотрудникам покажется ненормальным, если он будет сидеть в офисе до конца рабочего дня, он направился к служебной стоянке машин. И здесь внезапно столкнулся лицом к лицу с отчимом Розалинды.

Издали этот человек был похож на громилу, а вблизи это впечатление только усиливала его рябая физиономия и огромный, загнутый как турецкая сабля, нос. В своем заляпанном масляными пятнами комбинезоне он привалился к крылу автомобиля Пуллема, а отросшая щетина на его небритой роже лишь усиливала неприятное впечатление.

— Это вы — Пуллем? — Вопрос был задан враждебным тоном.

— Да, я — мистер Пуллем. — Охранник, сидевший в будке в ста футах казался сейчас Артуру таким далеким. Должно быть, этот охранник и указал на автомобиль Пуллема отчиму Розиты. Артур с независимым видом достал ключи от машины. — Если вы ищете бюро занятости, вам надо было проехать дальше и повернуть на...

— Вы волочили за моей дочерью, — припечатал его к месту Лопес без обиняков.

— Я... ну, знаете ли, сэр! Может быть, ваша дочь и работала у нас, — пытался сохранить лицо Артур, а внутри у него все тряслось от страха, потому что стоявший перед ним человек явно был способен на физическую расправу. Но тут вдруг до него дошло, что в тоне Лопеса не было угрозы, следовательно, вариант с физическим воздействием отпадает.

Это придало Артуру некоторую бодрость, хотя он понимал, что пришло время объяснений. Он был напуган утренней агрессивностью шерифа и колючими вопросами, поэтому не испытал облегчения от того, что его не будут сейчас бить. Артур представил газетную шумиху с фотографиями Розалинды, с историей их связи. Затем последует немедленная реакция — его выгонят с работы. О своей дальнейшей судьбе он просто боялся подумать.

Лопес сделал жест, как будто отменяя все слабые попытки Артура уйти от ответственности.

— Так я хочу знать — что вы теперь собираетесь делать?

Ни Лопес, ни Розалинда, конечно, не могли знать о маниакальном представлении о морали мистера Хезервуда. Оба знали, что Артур находился в Денвере, когда была убита Молли. Может быть, попытаться блефовать? Например, сказать Лопесу, что если его так беспокоит репутация Розалинды, пусть идет в полицию и все расскажет. Выигрывая время, Артур с деланным изумлением уставился на Лопеса.

— О чем вы?

— Я о моей дочери, Розе.

Артур знал, что немного погодя на стоянке начнут появляться первые сотрудники, как правило, начальники отделов. Охранник в воротах, которому нечего было делать, смотрел с интересом на странную пару, которую являли собой Артур с Лопесом. То, что на его глазах происходила явная ссора между одним из заместителей мистера Хезервуда и каким-то грубым работягой, не вызывало сомнений.

Надо было поскорее заканчивать неприличную сцену, и Артур, собравшись с духом, заговорил со всей ледяной отчужденностью, на какую был способен.

— Если у вашей дочери есть жалобы на то, что с нею здесь плохо обошлись, она может направить их по законным каналам. Действительно, надо признать, что ее служба здесь оборвалась, едва начавшись, — после первого же свидания Артур срочно подыскал Розалинде другую работу, — и возможно, можно будет уладить дело с помощью небольшой компенсации. А теперь извините, мистер Лопес, но я должен...

— Послушайте, — заговорил Лопес, видимо, решив быть откровенным, — Розе может вам причинить много неприятностей. Я читаю газеты и знаю ваши дела. У меня есть брат в Вегасе, который поможет ей найти там работу. Она все равно ненавидит наш город, называя его болотом, и мне кажется, тысяча долларов могла бы помочь ей приобрести новые платья и оплатить расходы на дорогу. Как только она увидит Вегас, она забудет о вашем существовании, я знаю Розе!

Две недели назад Артур пришел бы в ужас от предложения расстаться с такой суммой просто так, не вложив деньги в какую-нибудь выгодную сделку или на приобретение красивой

вещи. Но если всего за тысячу можно получить желанное избавление от неприятностей и угрозы потерять работу, положение в обществе, привычный образ жизни... Наверняка это подстроенная ловушка, если только отчим, о котором Розалинда всегда отзывалась с ненавистью, не хочет сам таким способом избавиться от нее, и как можно скорее, и поэтому называет небольшую сумму.

Артур вдруг поверил в искренность отчима Розалинды. Лопес все еще казался ему свирепым, особенно, когда хмурился, но это могло быть обманчивым впечатлением, мало ли таких лиц на свете. Артур осторожно ответил, что тысяча долларов — сумма не такая уж маленькая, и что он подумает над предложением. И с отчаянием, испытывая напряжение от ожидания, что вот-вот сотрудники появятся на стоянке, он вынужден был расстаться с тридцатью долларами.

Охранник видел, как деньги перешли из рук Артура в руки работника, как ранее заметил то, что мистер Пуллем несколько раз порывался сесть в свой автомобиль, но человек в замасленном комбинезоне блокировал ему дверцу. Охранник не питал особой любви к Пуллему, который был весьма скуп на чаевые и на Рождество дарил мелочь с таким видом, как будто одаривал целым состоянием. Поэтому, как только машина скрылась из виду, поспешил к телефонной будке и доложил о случившемся мужу своей племянницы — помощнику шерифа.

Глава пятнадцатая

— ...Нет, — говорила Ева Ричарду Морли, избегая его настойчивого, ищущего взгляда. — Я много думала об этом, вспоминала и вспоминала, но ничего нового не смогла припомнить.

— Может быть, в этом все и дело — вы слишком сконцентрировали внимание. — Ричард зацепился за свое новое предположение, как утопающий хватается за соломинку. — А если бы вам подумать об этом, как о самом обычном телефонном звонке?

Но Еве нечего было припоминать. За тот промежуток времени, когда Дженифер прервала с ней разговор и пошла открывать кому-то дверь, и кто-то потом молча положил трубку на место, она не слышала ничего, кроме обычных потрескиваний и шорохов в эфире. В ту дождливую ночь убийца, по-видимому, принял меры предосторожности, когда снял ботинки, оставив их у входа, и в этой домашней обыденной аккуратности было нечто пугающее...

Вдруг в поле зрения Евы вместо языков пламени камина, на которые она смотрела в этот момент, очутились ноги Ричарда Морли, обутые в мокасины, и тут же ее пронизал такой ужас, что Ева, резко отодвинувшись, вжалась в самый угол дивана.

Но ничего не произошло. Просто в порыве появившейся надежды Ричард подвинулся со своим стулом ближе к Еве как раз

в тот самый момент, когда шквал ветра за окном заставил качнуться большую ветку, и тень от нее скользнула по полу. Впечатление от движения в комнате было настолько сильным, что Ева, не выдержав, вскочила.

— Извините, я только взгляну, как там Амбруз... — произнесла она неразборчиво и выбежала из гостиной.

Амбруз, в соответствии с инструкциями телевизионной программы для дошкольников, делал скользкую серую массу папье-маше в раковине ванной комнаты. Испытав мгновенную ненависть к кивающему головой улыбчивому инструктору, Ева тем не менее не стала протестовать. Она лишь сказала строгим громким голосом (очевидно, чтобы Ричард Морли знал, что она в доме не одна, хотя это было, конечно, нелепо):

— Больше ни одной газеты, Амбруз. И воды тоже. Ты не хочешь пойти и поздороваться с мистером Морли?

— Я должен доделать, — рассеянно отозвался Амбруз, увлеченный своим занятием, — я должен это доделать.

— Понимаю, — вежливо отозвалась Ева и, оставив его в покое, пошла назад в гостиную. Конечно, ей все показалось. Хотя безусловно Ричард Морли смотрел на нее пристально, ужасно пристально, он, по-видимому, надеялся, именно *надеялся*, а не *боялся*, что она вспомнит какие-нибудь ранее пропущенные подробности. Он был расстроен и даже рассержен, но вполне имел на это право, пытаясь в каждом человеке теперь увидеть ключ к разгадке страшного преступления.

А тот человек, который убил двух сестер, как выглядел он?

Ричард, ждавший ее в гостиной, встретил ее так, как будто уже забыл, о чем они говорили. Он вдруг спросил отрывисто.

— Моя жена ничего не упоминала о письме?

— Нет. — Сердце у Евы подпрыгнуло, она вспомнила о том, что рассказывал вчера вечером Генри Конлон.

— Понимаете, она получила какое-то письмо, и оно ее ужасно расстроило. Это было несколько дней назад. Я не знаю, что в нем было, и не знаю, что стало с этим письмом. Боюсь, в полиции вообще не поверят в существование письма. Но мне почему-то кажется, что тот, кто его послал, и был человеком, который пришел в тот вечер к Дженифер.

И в этот момент гулко хлопнула дверца машины за окнами.

Ричард Морли, собравшийся уходить, вдруг вернулся в гостиную и выглянул в окно. И Ева, глядя на выражение его лица, поняла, почему у Дженифер были секреты от мужа. Он сдвинуто произнес:

— Кажется, это наш "старый друг" из Колорадо. — И, не забыв вежливо поблагодарить Еву, ушел.

— Я хотел вам сказать, что только что побывал у шерифа и доложил о всех своих передвижениях вчера вечером. По-моему, он был удовлетворен, — сказал Генри Конлон Еве и добавил

задумчиво: — При сложившихся обстоятельствах я вообще удивлен, что вы меня впустили. — Ева молча смотрела на его протянутую руку со свежей длинной царапиной. — Я забыл об этом. К счастью, миссис Бичелл вспомнила.

Миссис Бичелл, объяснил он, жила в одном с ним доме и имела маленькую дочь, по имени Флора, которую каждый день водила в парк, расположенный через дорогу. Миссис Бичелл читала книги запоем и зачитывалась до такой степени, что отрывалась лишь в крайних случаях, например, если Флора сваливалась в фонтан или выбегала на проезжую часть, и ее спасали посторонние люди. Ранним вечером, позавчера, Флора умудрилась залезть на высокое дерево, и Генри пришлось снимать ее оттуда, вот тогда он и оцарапал руку о сучок.

— Удивительно, что миссис Бичелл вообще заметила царапину. Обычно она произносит фразу: “Я просто удивлена твоим поведением, Флора!”, и снова возвращается к своей книге. — Голос его посерьезнел. — Я только что встретил Морли. Мы обменялись несколькими словами, мягко говоря. Он выразил сильное сомнение в том, что я жил в городе и не сделал попытки повидаться со “старым другом”, имея в виду, конечно, Дженифер. Я ответил, что очень жаль, если он способен поверить, что его жена могла иметь на стороне кого-то больше, чем друга. Это был не очень вежливый разговор.

Огонь в камине погас, лишь изредка мелькали небольшие языки пламени, и Ева подложила еще одно маленькое сосновое полено. Потом сказала, стараясь говорить как можно небрежнее:

— Он думает, что тот, кто писал письмо его жене, мог ее убить.

— Нет, — ответ прозвучал убедительно, — это невозможно физически. Письмо вообще не имело отношения к тому, что произошло с сестрами. Просто эмоциональное состояние Дженифер... — Генри вдруг замолчал и добавил, глядя прямо в глаза Еве: — К сожалению, я не могу рассказать вам всего. Если вам предложат на выбор: сохранить чей-то секрет или взять тигра, который не ел шесть месяцев, выбирайте тигра.

Ева промолчала, но он, по-видимому, и не ждал ответа. Оглядевшись по сторонам, Генри вдруг спросил:

— Вы уверены, что находитесь здесь в безопасности?

Еву не удивил его вопрос, потому что она уже об этом думала.

— В газетах написано, что миссис Морли говорила по телефону с другом, но моего имени не называли, к тому же ясно, что если этот “друг” знал что-то полезное для следствия, то уже давно все рассказал.

— Но где гарантия, что вы не вспомните что-то еще? Ричард Морли знает, что это вы говорили с его женой. Он наверняка сказал Артуру Пуллему, и оба могли рассказать другим людям.

— Нельзя вспомнить то, чего не было. И я почему-то уверена, что тот, кто молча повесил трубку, знал, что я ему не опасна.

Ева говорила, а сама вспоминала, как только что, совсем недавно, в дикой панике выбежала из гостиной, когда тень от дерева пробежала по полу, а молчание и пристальный взгляд Ричарда стали невыносимыми. И хотя сейчас взгляд Генри Конлона был не менее пристален, она почему-то не ощущала страха.

За окнами потемнело, порывы ветра стали сильнее. Естественно, как будто он жил здесь, Генри встал и смешал коктейли. Потом, протянув руку, включил настольную лампу и, не отрывая руки от выключателя, молча и так долго смотрел на Еву, что у нее начала кружиться голова.

— Если вам нужно папье-маше, — сказала она слабым голосом, — Амбруаз соорудил некоторое количество в ванной.

— Все-таки это лучше, чем рогатая жаба. — Генри все еще не отрывал взгляда от Евы и явно заметил ее смятение. — Нам надо как-нибудь познакомить Амбруаза с Флорой. — Он встал и направился к двери, а выходя, озабоченно заметил: — Пожалуй, я сегодня останусь ночевать по соседству с вами.

Стало совсем темно, когда Ева вспомнила о полоске материи, оторванной от наволочки, выстиранной и вывешенной сушиться на веревке во дворе. Вспомнила вовремя, так как это было единственным, что могло сейчас отвлечь Амбруаза, который недавно поскользнулся на мокром листе газеты и шлепнулся на пол, после чего закатил истерику.

— О, я совсем забыла! Надеюсь, никто не польстился на твою сокровище, — сделав озабоченное лицо, сказала она все еще всхлипывающему Амбруазу и вышла во двор через заднюю дверь.

Она часто выходила сюда поздно вечером, обычно забывая какую-то вещь в автомобиле, но никогда раньше не замечала, как далеко натянута веревка от круга света под кухонным окном или как угрожающе шевелятся густые тени от ветвей деревьев по стене, отгораживающей двор от дороги. Когда листья тополей начинали глухой ропот над головой, тени оживали и ползли по стене, подкрадывались, как щупальца неведомых чудовищ. Ева заставила себя подойти к натянутой веревке шагом, стараясь не бежать, отцепила полоску ткани, и, больше не сдерживаясь, бегом, в панике, устремилась обратно в дом.

Амбруаз внимательно обследовал полоску от наволочки и наконец удовлетворенно произнес:

— Нет микробов. — И поднял к Еве свое все еще красное, с полосками от невысохших слез, личико.

— Конечно, там нет никаких микробов! — Господи, неужели он начнет все сначала?

— Саксон сказал — микробы. Смертельные микробы.

— Миссис Саксон. — Ева невольно почувствовала недоброжелательство к Айрис Саксон, которая, зная о любовном и бережном отношении Амбруаза к своей персоне, пугала его микробами, да еще смертельными.

— Саксон! — поправил ее Амбруаз твердо. — *И он взял мои роклы.* — Он положил полоску ткани на колени Еве и, забравшись на диванный валик, задышал влажно и жарко ей в ухо. — А теперь вырежь треугольник.

Пока Ева ходила за ножницами, ей пришло в голову, что, очевидно, она является единственным на свете производителем неведомых роклов, а то, что Амбруаз сейчас требовал сделать именно роклы, она перестала даже сомневаться, когда он повелел, чтобы посередине вырезанного треугольника она нашла яркую заплату. Значит, Ева правильно определила пропавшую вещь, когда думала о лоскуте с яркой заплатой посередине.

Но почему Амбруаз уверен, что Нед Саксон взял его сокровище? Ева вспомнила, как однажды вечером, казалось, это было давным-давно, Амбруаз потащил ее повелительно за руку к сараю. Потом вдруг остановился, не доходя до двери, и тень испуга пробежала по его личику, а поскольку Ева и сама не хотела входить в сарай с его мерзкими пауками, она сказала:

— Ты ничего не мог там забыть.

Теперь она подумала, что, вероятно, малыш проскользнул в сарай за кем-то из взрослых. Несмотря на пухлость, он был шустрый на удивление. Но если предположить, что Амбруаз оставил там свой лоскут, зачем он понадобился Неду Саксону? Или кому-то другому? Конечно, лоскутом можно было воспользоваться, вытерев замасленные руки или употребив для протирки ветрового стекла. Никому в голову не могла придти мысль о том, что это сокровище Амбруаза... Пожалуй, лучше замять все дело, ведь и так большой любви между Саксонами и Амбруазом явно не наблюдается. Ева вырезала прямоугольник из своей яркой цветной блузки, которую все равно не носила, потому что блузка ей не нравилась. Загадочные роклы были почти готовы.

Поскольку Ева всегда думала о сарае лишь как о прибежище темноты, пауков и даже, возможно, змей, она забывала его первоначальное предназначение. Она не могла представить себе следующую сцену: большой грузный мужчина выбирает в сарае молоток, засовывает его в карман, и вдруг сзади раздается голосок трехлетнего свидетеля. Мужчина хватает с пола первую попавшуюся тряпку и обертывает ею рукоятку, стараясь спрятать молоток, а потом говорит в ответ на негодующие protestы Амбруаза:

— Этот старый лоскут? Да ты его сам не захочешь, он так и кишит смертельными микробами...

С кухни поплыли соблазнительные запахи.

— Ужин готов, — сказала Ева.

Айрис Саксон тоже готовила ужин, готовила в необычной для себя рассеянной манере, бледная, задумчиво нахмурив брови. Она проговорила в ответ на обвинение, только что высказанное мужем по поводу Артура Пуллема:

— Но я не вижу причин, зачем ему надо было... Это просто невероятно.

— Я и сам не могу понять. Но ведь он вел себя очень странно тогда, помнишь? — Пристальный взгляд голубых глаз Неда в веселых лучиках морщинок на загорелом румянном лице мог быть взглядом капитана подводной лодки, всматривающегося в перископ. — Но ты признаешь, что он прямо насильно всучил нам эту выпивку, да еще так внезапно...

— Да, он, пожалуй, выглядел очень встревоженным, — согласилась Айрис, добавляя в варево маленькую щепотку соли, но ни в коем случае не перца — желудок Неда не выносил никаких специй. — Но ведь даже Дженифер, которая никогда не была в восторге от Артура, не допускала мысли, что он причастен к тому, что случилось с Молли. Если бы у Дженифер возникло хоть малейшее подозрение, она прямо об этом бы заявила...

— Возможно, она что-то отыскала, когда была в тот день в его доме одна, — предположил мягко Нед, — никогда не знаешь о людях правду, Айрис. Может быть, Артур Пуллем напускает на себя вид церковного дьякона именно потому, что он внутри совсем наоборот...

Год назад Айрис отвергла бы с негодованием такое суждение. Но сейчас она лишь неуверенно произнесла:

— Ну, он слишком часто уезжал из дома, эти его поездки ...

— А если бы все убийцы выглядели как убийцы, то все преступления раскрывались бы гораздо быстрее, согласна? Твоя беда в том, что ты в каждом видишь только хорошее, — заявил Нед, явно гордясь женой.

Он с аппетитом съел свой ужин, соглашаясь с Айрис, что дешевый гамбургер гораздо лучше дорогого, потому что вкус у него богаче, это был их давно установившийся ритуал. Как всегда, он настоял и вымыл посуду, а когда начал тщательно полировать полотенцем стаканы, придирчиво разглядывая их на свет, зазвонил телефон.

Телефон вскоре придется исключить из их бюджета, подумал Нед. Ответила Айрис, которая была ближе. Послушав кого-то несколько секунд, она нерешительно произнесла:

— Не знаю, право, дорогая... подождите, я спрошу у Неда. — И, прикрыв рукой нижний конец трубки, обратилась к нему: — Ева Квин спрашивает, не могу ли я уделить ей завтра время. Отец маленького мальчика собирается забрать его на этой неделе, и она хочет привести в порядок одежду Амбруаза.

Нед Саксон отрицательно потряс головой.

— Нет! — Хорошо, что в этот момент в его руках был толстенный стакан для желе, более хрупкая вещь сейчас просто

треснула бы, так сильно стиснул он стакан напрягшимися пальцами. — Тебе и так достается. Ты устала.

Айрис послушно проговорила в трубку:

— Ева? Я очень сожалею, но Нед не хочет...

Дальше пошел обычный дамский обмен фразами с минуту или две. Нед повернулся спиной к жене, ставя в шкафчик стаканы — никто не должен был видеть сейчас, как налилось яростью его лицо, запульсировала вена на виске. И никто не мог сейчас услышать его мысли, сжигавшие его изнутри. *Милостыня!* Жалеть своих бедных слуг, Саксонов, придумывать специально лишний день работы для Айрис. Конечно, всегда можно ради такого случая наскрести вещей для стирки и починки, а потом леди Щедрость выпишет им чек...

По-видимому, жесткость его отказа удивила Айрис и, повесив трубку, она вопросительно взглянула на мужа.

— Для тебя все это было большим потрясением, — сказал он как можно убедительнее, с обеспокоенным видом, — ты даже стала плохо спать. Твое здоровье — самое важное сейчас.

У Саксонов был телевизор с подсевшим кинескопом, и часто на экране шли искажения: фигуры неожиданно начинали складываться вдвое или вытягиваться эллипсом, выгибаясь в сторону, но Саксоны смотрели каждый вечер телевизор серьезно и внимательно, как дети. Убрав посуду, Нед сел на свое привычное место перед телевизором рядом с женой. Его красное лицо выражало внимание, хотя он сейчас думал о другом.

Для человека, вооруженного лишь собственной, сжигающей его ненавистью, он получил неожиданно от судьбы два подарка. В случае с Молли Пуллем это был садовник, угрожавший Пуллемам и обвиненный в убийстве, а в случае с Дженифер — во-первых, обстоятельство, что она накануне провела одна несколько часов в доме мужа убитой сестры, а во-вторых, нервное, вызывающее подозрение поведение Артура Пуллема.

Но устранение Евы Квин — заключительный этап в мести за поругание, унижение человеческого достоинства этими дамочками его жены и его самого, представляло проблему. Ведь по появившейся теории обе женщины пострадали потому, что были сестрами, и стали жертвами кого-то, возникшего из их прошлого. Даже в своей одержимости Нед Саксон понимал, что убийство Евы Квин может привести все случаи к общему знаменателю — помощникам жертв в домашнем хозяйстве.

Но Ева Квин в вечер убийства разговаривала с Дженифер, и хотя сам Нед был уверен, что подошел к телефону бесшумно, полиция уцепится за возможность назвать причиной гибели Евы Квин именно то, что она обладала опасной тайной и поплатилась.

Он же постарается подготовить для этого необходимую почву, и как можно скорее.

Глава шестнадцатая

На похороны Дженифер Морли явилось очень мало народу, несмотря на жирные заголовки в газетах и мрачные передовицы с непременно снимком жертвы.

Пришли несколько коллег по работе Ричарда, выглядевшие как гангстеры в одинаковых темных костюмах, и горстка друзей. Огромное количество цветов говорило о нечистой совести тех, кто остался дома. Пришли Саксоны и сели на заднюю скамью в церкви, хотя впереди были все места свободны. Собралась кучка любопытных, они перешептывались, поглядывая на неподвижные окостеневшие спины Ричарда Морли и Артура Пуллема. Пустые ряды скамей, казалось, были окутаны каким-то смущением и неловкостью. Все это походило на похороны человека, умершего от страшной заразной болезни.

Ни Пуллемы, ни Морли никогда не думали, что места на кладбище понадобятся им так скоро, поэтому вовремя не позаботились о приобретении участка, и сестер похоронили в дальнем конце. Был ветреный солнечный день, наполненный кристальной ясностью и холодом, и когда ветви шевелились от ветра, можно было увидеть ту, другую, недавнюю могилу. Теперь все по очереди подходили к понесшим утрату мужьям, Саксоны тоже подошли, и все старались не смотреть на могилу, за исключением Неда Саксона, который, приподняв оранжевую голову, перед тем, как уйти, послал туда долгий взгляд.

Немного о похоронах Еве рассказал Генри Конлон, он, правда, присутствовал только в церкви. Не желая испытывать терпение Ричарда Морли, Генри не поехал на кладбище. Ева почувствовала облегчение от того, что была причина уклониться от похорон — не с кем было оставить Амбруаза, и просто послала цветы.

Она была бы потрясена, узнав о свирепой реакции Неда Саксона в ответ на ее звонок Айрис, тем более, что он был весьма близок к истине.

Селия позвонила из Нью-Йорка, как договаривались. Ева, помня свой страх перед темнотой и ту панику, которую испытала, снимая с веревки выстиранный лоскут для Амбруаза, решила осторожно, не пугая при этом Селию, попросить, чтобы Роджер прилетел и забрал поскорее Амбруаза. Она не думала серьезно о том, чтобы покинуть совсем маленький домик, но знала, что, оставшись без Амбруаза, получит больше свободы в своих передвижениях и будет меньше тревожиться, оставаясь в доме одна, не связанная ребенком.

Но первые же слова Селии разрушили все ее надежды.

— Ева? Как ты там? Мы здесь просто чуть не сошли с ума. Как хорошо, что Амбруаз у тебя! Как ты думаешь, ничего, если он останется пожить у тебя еще немного? У матери Роджера случился удар в четверг, и доктор боится, что если мы ее сейчас начнем перевозить в госпиталь...

Ева, глядя на кухонную стену, думала, что ее собственные планы разваливаются как карточный домик. Она согласилась, потому что альтернативы просто не видела, доложила Селии об Амбруазе со всеми подробностями и повесила трубку. Она не сразу отошла от телефона, потому что ее взгляд упал на один из тех подробных списков, которые составляла для нее Айрис Саксон. Там значились те необходимые в хозяйстве вещи, которые Ева должна была купить за неделю: корица, дистиллированная вода для утюга, стиральный порошок. Айрис написала список в свое последнее пребывание у Евы и тогда же, расставаясь, когда Ева сунула ей в ладошку чек, сказала весело: "А нам еще лучше — будет на что поесть!"

Что теперь будут делать Саксоны, лишившись работы сразу в двух домах, где раньше работала Айрис? Неизвестно, когда Нед Саксон найдет себе работу. Ева знала, что Саксоны очень бедны, что в этом районе невозможно получить работу, если тебе около шестидесяти, и те тридцать шесть долларов в неделю, что зарабатывала Айрис, с трудом поддерживали их жалкое существование. Теперь сумма сократилась до двенадцати долларов. Конечно, ужасно связывать финансовые потери Саксонов с гибелью двух женщин, но тем не менее это было именно так.

Повинуясь мгновенному импульсу, Ева набрала номер Саксонов. Она не могла предложить много, но что, если именно в этот момент их прижимает неведомый кредитор?

Она сообщила Айрис о скором отъезде Амбруаза — что было, в общем-то, правдой, не будут же они теперь жить вместе до старости! И ждала ответ. Когда Айрис смущенно доложила мнение Неда, Ева почувствовала, как на лице выступила краска стыда, хотя она была одна, и никто не мог видеть ее унижение.

— О, разумеется! Я и сама должна была...

— Нет, нет, со мной все в порядке, просто запоздалая реакция, наверно. Или старость подкралась, — говорила Айрис, пытаясь скрасить отказ жалкой шуткой. — Когда приедут за маленьким мальчиком, вы говорите?

— В конце недели. — Еве теперь хотелось одного — скорей закончить постыдный разговор и освободиться от того унижительного положения, в которое она сама себя поставила. Но ей не удалось сделать это так быстро, как хотелось. Айрис, обеспокоившись, подробно обсудила детали, и было наконец решено, что она придет на день раньше условленного срока.

— В том случае, если вы действительно будете себя хорошо чувствовать, — закончила Ева разговор.

Как она могла, зная вежливую, но несгибаемую гордость Саксонов, позволить себе сделать Айрис такое предложение! Как жаль, что телефонный звонок нельзя вернуть, как переписать письмо, написанное накануне и прочитанное утром на свежую голову...

Генри Конлон сдержал слово. Пока Ева наливала себе кофе, она могла видеть, что в окнах соседнего дома горит свет. Тем не менее она все-таки проверила все запоры перед тем, как забрать книгу и сигареты и выключить лампы в гостиной. Потом пошла взглянуть на Амбруаза. После всех ее трудов с лоскутом, малыш, как все дети, получившие вещь, которой не могут найти никакого применения, отдал готовое изделие Еве, как будто она кроила, резала и шила для себя. Соломенная шляпа тоже лишилась фавора и валялась на полу. Но даже во сне Амбруаз крепко сжимал в кулаке блестящую автомобильную свечу.

Ева тоже скоро уснула, изредка сон ее прерывался, потревоженный шорохом опавших листьев, когда ветер гнал их вокруг маленького домика. И ей ни разу не пришло в голову, хотя она и была обеспокоена собственной бестактностью, что получила не резкий отказ Саксонов, а хлесткую пощечину руки, давно жаждущей нанести ей этот удар.

Прошло всего два дня после похорон Дженифер Морли, и пожилая хозяйка маленькой кондитерской в Хайтсе была убита и ограблена всего через несколько минут после того, как открыла свое заведение. Свидетелей не было, жертва скончалась не приходя в сознание, от ран, нанесенных по голове, спустя несколько часов после нападения.

Хотя в этом преступлении не просматривалось никакой связи с убийством двух сестер в Долине, за исключением пола убитых, тем не менее броские заголовки и набранные жирным шрифтом передовые газет создали у публики определенное мнение. Шериф был немедленно вызван на совещание к начальнику полиции города. Хотя те, кто регулярно читал в газетах колонки о кражах и ограблениях, вполне могли решить, что едва ли в городе остался хоть один дом, где не стащили телевизор или пишущую машинку, нападения с убийством случались не часто.

Городская полиция была удачливее в поисках преступника, чем шериф Долины, и почти сразу вышла на нужного человека. Во всяком случае, так казалось сначала. Незадолго до рассвета в полиции раздался звонок — звонили из дома, находившегося в восьми кварталах от кондитерской, где в результате пьяной вечеринки, продолжавшейся до утра, был зарезан молодой парень. Преступник убежал, но напуганная девица, которая пришла вместе с ним на вечеринку, дала подробное его описание, хотя не могла сообщить имя. Тут начальник полиции мрачно отметил, что это вполне возможно при таких нравах. А через

несколько часов из того же района поступила жалоба об угнанном автомобиле. Звонивший смущенно пояснил, что не позвонил сразу, потому что думал, что машину взял брат жены.

Почему-то было решено, что оба преступления совершил один и тот же человек, хотя поножовщина и угон автомобиля могли иметь место как два отдельных, не связанных между собой случая. Дороги были перекрыты.

Нед Саксон прочитал эту историю в вечерней газете и снова перечитал, очень внимательно, мысленно взвешивая и оценивая фразы: "Сила и жестокость нанесенных ударов"... "внезапность нападения"... "соседка этажом выше ничего не слышала"...

Он выронил газету на колени и, не замечая, что говорит вслух, задумчиво с удовлетворением произнес:

— Вот и третий случай.

Айрис Саксон, стоявшая у плиты, была расстроена обстоятельствами, в которые они попали, но старалась скрыть свое беспокойство от Неда. Обычно на его комментарии к газетам она реагировала лишь рассеянным: "Вот как?", а сейчас, удивившись его тону, она повернулась к нему и резко спросила:

— Какой третий случай? Ты о чем?

И тут по спине ее пробежал холодок — Нед смотрел пустыми немигающими глазами, как будто сквозь нее.

Она подумала, что странность взгляда вызвана слабой лампой низкого напряжения, которой они пользовались из экономии, по-видимому, чтение при таком освещении сделало его глаза из голубых почти черными. Нед очевидно почувствовал ее удивление, потому что в этот момент задвигался на стуле, затрепавшем под его грузным телом, и произнес отрывисто:

— Третья кража за месяц, и все совершены в небольших лавках. Из чего можно сделать вывод, что именно маленькие предприятия особенно опасно заводить...

Он уже сел на своего любимого конька, и Айрис, привычно соглашаясь со всем, что он говорит, одновременно готовила тушеные цыплячки спинки с рисом, горошком и половинкой шарика желе, вторая половина могла пойти на завтрак.

В телевизоре в тот вечер по экрану шли такие помехи, что Айрис не выдержала и ушла спать, хотя Нед сказал, что дождется новостей. Под невнятное бормотание рекламы о воске для паркета она задремала, потом уснула и проснулась, очевидно, от того, что звук телевизора внезапно оборвался.

Было это час спустя или больше? Айрис сонно подумала, не спросить ли Неда, который час, но ей не хотелось просыпаться. В комнате было темно и тихо, значит, Нед в ванной.

Но он не был в ванной. Когда Айрис приподнялась в постели, она вдруг увидела темные очертания фигуры, стоявшей на коленях перед стареньким креслом со сломанными пружинами.

Все еще не проснувшись окончательно, с пробуждающимся интересом она пыталась рассмотреть, что он делает. А он неторопливо, очень тщательно свернул старое одеяло, которое прикрывало порванную ткань сиденья, и полез пальцами под сломанную пружину. Когда он начал там шарить, Айрис, с каждой секундой все больше от чего-то тревожась, спросила с любопытством:

— Что ты там делаешь?

Ее голос прозвучал необычно громко в напряженной гипнотической тишине. Нед застыл на мгновение, превратившись в истукана, прежде чем его пальцы снова пришли в движение. Не поворачивая головы, он глухо произнес.

— Я потерял ту красивую ручку, что ты мне подарила, и подумал, что она могла завалиться сюда, но... — он уже снова прикрыл стул одеялом и грузно поднялся на ноги, — кажется, я ошибся. Да ладно, поищу завтра.

Но Нед оказался избавленным от хлопот. Дверца холодильника утром плохо закрывалась, потом что-то упало на пол с металлическим стуком. Это и была пропавшая ручка. Нед осмотрел ее придирчиво и, не найдя видимых разрушений, положил в карман и уехал за утренней газетой. Он внимательно прочтает газету в машине, и если найдет что-либо подходящее в колонке "Нужна помощь по хозяйству", сразу поедет по указанному адресу, а если нет, вернется домой и займется мелким ремонтом, в котором постоянно нуждается любой дом.

Когда он ушел, Айрис вымыла и убрала посуду после завтрака. Она позволила себе помечтать, что находится сейчас в маленьком уютном домике Евы Квин, дружески с ней беседуя за второй чашкой кофе, но одернула себя. Конечно, Ева прекрасная девушка, но этот маленький шалун! Ужасно испорченный ребенок, и взгляд у него какой-то неприятный, пристальный и оценивающий, как у сиамского кота.

Потом подумала, что раз ручка Неда нашлась, нечего зря сгибаться над стареньким креслом, снимать накидку и ощупывать сломанную пружину, залезая пальцами в дыру и напоминая своим видом женщину, пытающуюся уничтожить паука, чтобы он потом не свалился ей на колени из книги или из рукава свитера. И тем не менее проделала все это.

Внутри ничего не оказалось, кроме набивки и пружин. Сама не понимая почему, Айрис Саксон закрыла на мгновение глаза и с облегчением глубоко вздохнула. Вид у Айрис при этом был такой, что если бы кто-нибудь видел ее, то мог решить, что она нашла вместо старой искрошенной набивки пригоршню золотых монет.

Глава семнадцатая

Артур Пуллем пытался представить свой разговор с шерифом, который мог бы развеять весь этот кошмар, сгустившийся над ним.

— Мы оба светские люди, шериф. — Так начал он мысленно свою речь и тут же отбросил эту фразу — шериф явно не был светским человеком, и такое предположение могло быть для него даже оскорбительным.

Или, может быть, так:

— Откровенно говоря, шериф, я должен сделать небольшое признание...— Тут Артур поморщился от слова “признание” и подумал, что шериф никак не согласится с таким определением супружеской неверности.

А, может быть, разжалобить?

— Боюсь, что я был обманут молодой девушкой, своей сотрудницей — знаете все эти рассказы о плохом обращении с ней дома, ну, вы понимаете...

Нет. Им стоит лишь взглянуть на Розалинду.

Его начинало беспокоить молчание Лопесов, они не показывались в течение двух суток. Артур ступал по толстому ковру своего нового офиса без всякого удовольствия, отметив безучастно, что у него появился лишний телефонный аппарат, его даже не порадовало огромное, с лакированными листьями, великолепное дерево в кадке. Ричардсона вышибли из этого великолепия всего лишь за честный и простой развод.

Чем больше Артур об этом думал, тем страннее ему казалось, что Розалинда поручила отчиму вести с ним переговоры. Кроме того, несмотря на свою непритязательность, Розалинда не сочла бы тысячу долларов значительной суммой.

Он вспомнил, как в рабочем комбинезоне Лопеса при их встрече на служебной стоянке что-то звякнуло, очевидно, какой-то инструмент, ведь отчим Розалинды был плотником. А согласно заключению следствия, Молли была убита предметом, похожим на молоток.

Его вернул к действительности донесшийся откуда-то издалека скрипучий голос мистера Хезервуда.

— Артур, кажется, обделяет нас своим вниманием...

Артур опомнился и приложил к щеке ладонь.

— Простите, сэр... Больной зуб...

— Мисс Моллой, принесите, пожалуйста, две таблетки аспирина для мистера Пуллема и стакан воды, — сказал мистер Хезервуд, давая понять своим тоном, что бывает снисходителен к слабостям своих сотрудников, и заседание продолжилось.

Вернувшись с заседания, уже пребывая в тихой безопасности своего уютного кабинета, Артур снова задумался. В глубине души он понимал, что Лопес не убивал Молли, но как быть с полицией, которая так и ждет, чтобы зацепиться за что-нибудь? Разве при такой ситуации они поверят, что Артур никогда не желал смерти своей жене, более того, его ужасала сама мысль о разводе с ней? Они вполне могут предположить, что он продумал и осуществил через Лопеса убийство Молли, а Дже-

нифер узнала об этом каким-то образом и из-за этого тоже погибла.

Артур содрогнулся. Доказывая его невиновность, полиция вынуждена будет провести расследование, и после того, как раскроется вся неприглядная история с Розалиндой, невиновность Артура будет при этом доказана, но жизнь полностью разрушена.

Наконец кончился рабочий день, но в пять часов он был обречен на визит мистера Хезервуда, который явился, чтобы получить порцию благодарностей по поводу нового офиса и нового статуса Артура и заодно прочитать небольшую лекцию о том, как надо заботиться о своих зубах.

— Мы слабы, мой мальчик, — говорил он, тыкая концом трости в кадку с деревом, чтобы убедиться, что растение достаточно полили. — Мы как лемминги набрасываемся на белый хлеб, мягкое мясо и тушеные овощи, нанося непоправимый вред здоровью, не говоря уже о сладком. Мы изнежили свои зубы. — И довольный своим остроумием, мистер Хезервуд повторил несколько раз эту фразу во время своей пространной речи.

Артур так нервничал, что у него действительно разболелся зуб, что не могло никак произойти с закаленными морковкой и сельдереем, перемальывающими зерна злаков зубами мистера Хезервуда. Наконец Артур был свободен. Выйдя из здания, он купил вечернюю газету у мальчика на стоянке. Заголовок большими буквами объявлял о задержании подозреваемого в убийстве хозяйки кондитерской, но глаза Артура остановились сразу на короткой заметке в рамочке, оказывается, подозреваемый "отдыхал" в тюрьме Флэгстаф в то время, когда совершались убийства в Долине.

Охранник на выезде, тот самый, что был свидетелем разговора Артура с Лопесом, на этот раз опять дежурил. Обычно он дотрагивался до козырька фуражки, когда выезжала машина Пуллема, но сейчас ограничился пристальным взглядом, в котором сочетались вызов и злорадное удовлетворение. В зеркале заднего вида Артур видел, как охранник долго провожал взглядом машину.

Несколько дней назад Артура возмутило бы такое поведение, но теперь он прекрасно понял, что только что получил еще одно предупреждение.

Шериф прибыл в дом Пуллемов, чтобы вернуть толстый конверт, содержащий письма, фотографии и личные бумаги Молли, те самые, которые просматривала Дженифер незадолго до своей трагической гибели. Получив расписку Артура, шериф, однако, не спешил уходить, отказавшись сразу от предложения выпить кофе или чего-нибудь покрепче. Он с видимым сочувствием рассказал, что Ричард Морли подвергается хули-

ганским выходкам, например, на его дверях вчера нарисовали свастику.

— Дети. И мы знаем, кто это сделал. Я велел разобраться с этим делом. У вас нет подобных проблем?

Артур Пуллем покачал головой.

— Я должен ожидать их, шериф? В скором времени я выставлю дом на продажу. Вы считаете разумным пока нанять охрану?

— Ну нет, я думаю, это не обязательно — все очень скоро узнают, что мы принимаем меры, и будут настороже. Но скажите, нет ли какого-нибудь сумасшедшего, который к вам пристаёт, может быть, даже угрожает?

После неловкого замешательства, вместо ответа, Артур Пуллем вдруг принялся поправлять складку на тяжелой занавеске, потом повернулся, блеснув стеклами очков.

— Мне, право, не приходило в голову. Но интересно, что вы об этом спросили. — Артур давно был готов к такому вопросу и тут же объяснил, что к нему недавно пристал на стоянке у выхода с работы какой-то подвыпивший мужчина. — Но я ему сказал, что не имею к найму никакого отношения... Чтобы избавиться, я дал ему пару долларов...

Для молчаливого замкнутого Артура Пуллема это было слишком пространное объяснение. Но в то же время, где еще быть безработному столяру, как не у ворот строительной компании? Правда, в здании находились лишь главные офисы Хезервуда, и там не принимают посетителей в комбинезонах. И тот охранник, к которому сначала подошел столяр и спросил, какой автомобиль принадлежит Пуллему, ничего не говорил о запахе спиртного.

Сам Пуллем был совсем не похож на человека, кто даст просто так деньги бедняге, ищущему работу.

— Он, наверно, сказал вам свое имя, раз искал работу?

— Да. Сказал, но я не запомнил. Что-то испанское или португальское.

Значит, ни то, ни другое, решил про себя шериф и поднялся, собираясь уходить.

— Ладно, мы займемся этим. Может быть, тот охранник с ним знаком?

— Может быть, — согласился Пуллем, впервые осознав такую вероятность, — во время разговора он несколько раз смотрел в нашу сторону. Вы, разумеется, дадите мне знать, если появятся новости по этому ужасному делу?

— Не сомневайтесь, — в тоне шерифа Пуллему почудилась скрытая угроза, — я непременно сделаю это, мистер Пуллем.

Что-то здесь не так, думал шериф, садясь в свой автомобиль в холодной темноте. Охранник не знал того парня в комбинезоне, поэтому Пуллему легко придерживаться своей версии. Если

бы только, думал шериф в тысячный раз за время своего пребывания на службе в полиции, если бы только у него было побольше людей! Он мог бы поставить человека проследить за Пуллемом. Но рутинные преступления продолжали сыпаться — в Долине грабили бензоколонки и питейные заведения, алкоголики дрались чем попало, нанося друг другу увечья, телевизоры и радиоприемники тащили из домов с прежней скоростью.

При выезде на шоссе вспыхнули фары встречной машины. На пассажирском сиденье сидела женщина с острым бледным лицом, за рулем виднелись очертания крупной фигуры мужчины. Ввиду обстоятельств дела, шерифа могла заинтересовать одинокая дама, посещающая Пуллема вечером, под покровом темноты, но в машине сидела пара, и он уехал прочь.

— Ева? — раздался голос Нины Эрл, когда Ева на пятом звонке сняла трубку. — Я знаю, уже поздно, но мне совесть не дает уснуть. Ты уже спала?

— Другому я бы ответила — нет. — Ева, сонно и рассерженно откинув свободной рукой падающие на лоб волосы, пыталась разглядеть стрелки часов, но так и не смогла.

— Сейчас я тебе расскажу об Аль Уосеке. — У Нины, несмотря на поздний час, ни капли сна в голосе. — Ну, знаешь, о том сумасшедшем, что посещает безалкогольные бары, он помогал оформлять расписание в школе Локвуда.

С Евы вдруг слетел сон. Стрелки часов показывали всего лишь несколько минут двенадцатого. Вот что случается, подумала она, когда живешь с маленьким ребенком.

— Да, я помню.

— Аль, конечно, читает газеты, но надо принять во внимание, что он разводится с женой и пытается заполучить детей, поэтому сейчас должен быть предельно осторожен. Так что ты не должна его нигде упоминать. И меня тоже, — добавила Нина после минутного раздумья. — Ты не ушла обратно спать?

— Нет, я взяла сигарету. — Ева почувствовала, как ее охватывает лихорадочная паника, наконец-то сейчас она узнает, что случилось в школе Локвуда. Она вспомнила слова Генри Конлона по поводу тигра и тайны.

И вот теперь тайна всплывает.

— Не знаю, имеет ли это отношение к ужасным преступлениям в Долине. По-моему, нет, но ты просила узнать, к тому же ты явно помешалась на Генри Конлоне, и я думаю тебе надо знать, что та воспитательница, что покончила с собой, была кухней, или что-то в этом роде, Ричарду Морли. Вот. Я выполнила свой долг. И теперь, наконец, могу идти спать, — закончила Нина с чудесной несправедливостью.

Глава восемнадцатая

Опять то самоубийство в школе. Ева вспомнила, как напряженно, едва сдерживаясь, недавно ее допрашивал Ричард Морли...

— Это звонила моя мамочка? — Разумянившийся от сна, в дверях стоял взволнованный Амбруаз. Слишком длинные для него пижамные штаны, которые Ева в отсутствие Айрис Саксон подогнула неопытной рукой, теперь сползли и лежали на полу вокруг ног полосатыми лужицами. Вообще-то такое неудобство должно было его разъярить, но сейчас он лишь нетерпеливо подтянул штаны и снова начал: — Это была...

— Нет, это была не она, а просто одна моя подруга. — Неужели он выберет такой поздний и неподходящий час для выражения тоски по дому? Похоже, так оно и есть.

— Я хочу домой, — срывающимся высоким голосом заявил он и начал плакать.

Ева выносила эти слезы ярости спокойно, потом попыталась утешить его, но это вызвало новый поток, лицо его угрожающе покраснело. И только когда Ева холодно произнесла:

— Но ведь им, чтобы прилететь за тобой, надо сначала построить самолет, не так ли? — последовала восхитительная длинная пауза.

— Сделать самолет, — повторил он

— Ну да. Это очень большая работа.

— С крыльями.

— Надеюсь, что с крыльями. И потом приделать хвост и другие детали. Займет немало времени.

Амбруаз задумался. Поймал кончиком языка несколько слезинок, скатившихся по щеке. По-видимому, ему вполне импонировала представшая его взору картина: много людей тяжело трудятся для него одного. Он был так счастлив, что хотел еще побеседовать на эту тему, но, попив воды, все же дал себя уговорить и отправился в ванную комнату, а когда оттуда вскоре появился, то с прежним апломбом заявил.

— Я сделал "А".

И действительно, в раковине красовалась буква "А" из зубной пасты. Ева устала, и частично от изнеможения, частично из предосторожности, потому что он мог выбрать себе новый талисман в виде этой буквы, оставила все как есть. Его истерика даже сослужила ей неплохую службу — вымотала так, что Ева уже не способна была размышлять над новостью, которую сообщила ей Нина. Она уснула с последней мыслью о том, что завтра утром должна придти Айрис Саксон.

В четырех милях от домика Евы, в своем доме сидел ошарашенный Артур Пуллем, у него сна не было ни в одном глазу, хотя время, когда он обычно ложился спать, давно миновало. Если бы он имел привычку щипать себя, чтобы поверить в слу-

чившееся, то сейчас весь был бы в черно-синих кровоподтеках. Артур пребывал в состоянии эйфории как человек, только что получивший от своего доктора уведомление, что совершенно здоров, и не имеющий возможности даже поделиться ни с кем радостью, потому что никто и не догадывался, что он был тяжело болен.

Прошла всего минута с отъезда шерифа, и, услышав, как автомобиль снова подъехал к дому, Артур решил, что шериф вернулся. Вероятно, он не поверил вранью о Лопесе. Тем не менее Артур решил потребовать объяснения у шерифа по поводу нарушения его прав и, открывая дверь, готовился произнести выговор ледяным тоном. Но тут вошла Розалинда.

Он почему-то решил, что следом войдет шериф, но водитель длинной незнакомой машины, подъехавшей к дому, не глушил мягко урчавшего двигателя и, по-видимому, не собирался выходить, сидя в машине и закуривая сигарету.

— Закрой дверь, у меня только минута, — сказала Розалинда торопливо, с раздражением, и потерявший дар речи от испуга и удивления Артур покорно прикрыл за ней входную дверь.

На Розалинде было широкое бежевое пальто, и она выглядела по-другому, потому что изменила прическу — волосы забраны назад и подняты вверх, что подчеркивало властные черты лица.

— Не смей никому говорить, что между нами что-то было, — прошипела она и стремительно полезла рукой в свою большую черную сумку, при этом ослепительно сверкнул бриллиант на ее пальце, — ты все испортишь!

Артур как будто онемел, лишь молча таращился на нее, не в силах выговорить ни слова.

— Потому что я выхожу замуж, — выпалила она и наконец, по-видимому, нашла, что искала. Она вытащила из сумки и шлепнула на стол толстую пачку чистой бумаги, свернутой в рулон.

— Я сказала Нику, что должна завезти сделанную работу, ты не поверишь, как он меня ревнует! Но я тебя предупреждаю — никому ни слова... Он убьет нас обоих.

Артур, потерявший дар речи, осознал, что Ник, очевидно, и ждет сейчас в машине, и что бриллиант на ее руке настоящий, и все это не имеет к нему никакого отношения, Розалинда теперь сама боится, как бы их связь не открылась.

— Но... — промямлил он, — когда мы недавно с тобой обедали в ресторане...

— Тогда у меня еще не было этого. — Розалинда, подняв руку, восхищенно залюбовалась искрившимся камнем и добавила лукаво: — И потом, мне было интересно, как ты себя поведешь.

Тут Артуру стало ясно, что его догадки оказались реальностью — по-видимому, он попал на орбиту Розалинды лишь из-

за ее ссоры с Ником, который уехал в Сан-Диего. И теперь, вернувшись, полный раскаяния и любви, Ник ожидал найти Розалинду безутешной и полной отчаяния, в каком пребывал в разлуке сам, и поэтому ни при каких обстоятельствах не должен был подозревать о ее встречах с другим мужчиной.

— Он очень вспыльчив, — Розалинда наслаждалась моментом триумфа, — так что...

— Подожди, — Артур даже в своем безмерном удивлении не забыл о Лопесе, — ты наверно не знаешь, что твой отчим...

Розалинда, уже направившаяся к двери, обернулась, лицо ее исказилось, она прошипела по-испански какое-то слово, явно означавшее ругательство, что делала крайне редко, и, вырвав ручку из сумки, торопливо что-то нацарапала на чистом листке бумаги, который протянула Артуру.

— Если он тебя еще раз потревожит, — сказала она мрачно, — если откроет свой рот, спроси его по поводу этого номерного знака.

Вот чем объяснялось нерешительное поведение Лопеса — он действовал без ведома своей падчерицы и имел на то основания. Уж не был ли этот номерной знак номером угнанного автомобиля? Розалинда не стала объяснять, и Артур, не спрашивая, молча сложил лист и положил в карман.

Ему даже захотелось от свалившегося невероятного счастливого облегчения предложить ей свадебный подарок. Но тут же передумав, он вместо этого выдал дежурные поздравления, которые она выслушала с видимым нетерпением и тут же ушла из его дома, с его подъездной дорожки и из его жизни.

Понадобилось совсем немного времени, прежде чем вместе с исчезновением буфера в лице угроз со стороны Розалинды, на Артура навалилось сознание страшного несчастья, постигшего его с гибелью Молли, происшедшей при пугающих страшных обстоятельствах.

Следующий день оказался для Евы, пожалуй, самым длинным в ее жизни.

Необычное поведение Амбруаза и истерика среди ночи, по видимому, были вызваны болезнью — на следующее утро у него поднялась температура и заболело горло.

— Вы знаете, когда я увидела его тогда босиком на мокрой траве, я сразу подумала... — бесстрастно заметила по этому поводу Айрис Саксон, повязывая фартук.

В десять часов Амбруаз все еще ел завтрак, принесенный ему в постель, милостиво принимая и другие необычные знаки внимания. Потом в его настроении произошла перемена, и часам к одиннадцати он настроился воинственно, а в двенадцать уселся в халате и шлепанцах перед телевизором.

Айрис Саксон, бросив на него расстроенный взгляд, спросила тихо Еву:

— Разве он не должен находиться в постели?

— Возможно, — ответила Ева и добавила сдержанно: — С другой стороны, доктор приказал бы одеть его и везти шестнадцать миль до клиники, где мы прождали бы несколько часов, потому что не договорились заранее о часе приема, поэтому...

Это была одна неприятность в тот день. Жертва собственного импульсивного желания услужить Саксонам, сказав про скорый отъезд Амбруаза, Ева теперь вынуждена была вместо того, чтобы сидеть около больного ребенка, метаться по дому, вытаскивая и выискивая вещи малыша для починки, прищипываемая отменной памятью Айрис. “Разве у него не было голубого свитера, дорогая?” Или: “Я не могу найти один из полосатых носков...” Или: “Эта рубашка вполне еще приличная, и если вы найдете две белых пуговицы к ней...”

Телевизор орал безостановочно, Амбруаз хрипло отдавал команды, а Ева металась в поисках носков и пуговиц, часто призываясь на совет, подойдет ли эта вещь для починки. В какой-то момент, чувствуя себя ужасно виноватой, Ева ускользнула в свою спальню и прочитала там утреннюю газету, затаившись как мышь.

Не удивительно, что, поскольку дело с убийствами не продвигалось, Пуллемы и Морли были переведены с первой страницы в середину, где заголовки гласили: “Продолжается расследование убийств в Долине”, “Вандалы осквернили дом мужа убитой”.

Ева отложила газету и стала смотреть в окно на все еще прижатые к ее окну, пожелтевшие и пожухлые от ледяного холода ночей тополиные листья. Неужели убийства двух сестер останутся нераскрытыми? Разумеется, полиция побывала в Колорадо, где росли сестры, но, кажется, ничего там не откопала.

...Колорадо... Где родственница Ричарда Морли однажды села писать, но так и не закончила предсмертную записку, перед тем, как покончить с собой. Подозревает ли Генри Конлон, что этот тщательно охраняемый кусок информации сначала попал к Нине Эрл, потом к Еве?

Оказывается, ему было известно об этом, он сам сказал, позвонив ей днем. Из коротких фраз можно было понять, что он говорил с Ниной. Потом поинтересовался, может ли зайти попозже, часов в десять вечера, потому что сегодня состоится банкет по поводу ежегодного вручения наград за лучшую рекламу.

— Да, я не буду спать. Надеюсь, компания Кокса получит много наград.

— Благодарю вас, — отозвался Генри уныло, — надеюсь, вам известно, что там будет миссис Айвенго, а я должен за ней присмотреть.

Клара Айвенго, вдова основателя компании и держательница большого количества акций, всегда была проблемой прово-

димого ежегодно мероприятия вручения наград, которое она настойчиво посещала. На восьмом десятке, сумасбродная, иногда Клара впадала в такую ярость, когда награды присуждались конкурирующим фирмам, что могла швырнуть тарелку с салатом, облепив окружающих скользкими ингредиентами, а однажды вскочила и начала обвинительную речь.

К ней всегда приставляли кого-нибудь, чтобы опекать и сторожить. На этот раз не повезло Генри.

— Желаю удачи, — сказала Ева.

Усмиренный лихорадкой и аспирином Амбруз крепко уснул, и день наконец кончился.

— Спасибо, Айрис, за то, что опять нас надолго отремонтировали. — Ева протянула сложенный, приготовленный заранее чек. Внезапно она почувствовала угрызения совести, глядя на изможденное лицо пожилой женщины и увидев, как оно изменилось за последние дни. Как будто впервые за их знакомство маленькая улыбчивая девочка, жившая внутри Айрис, вдруг сдалась и умерла. — Вы слишком много работали сегодня. Никогда не думала, что у нас с Амбрузом столько оторванных пуговиц и всякой починки. Обещаю, в следующий раз такого не будет.

— Не глупите. Не знаю, что бы я делала без вас. — Лицо Айрис на мгновенье просветлело. — Передайте привет от меня маленькому мальчику, вероятно, я больше его не увижу. Надеюсь, завтра ему будет лучше.

— Конечно. У него уже была корь, и, насколько я понимаю, это не похоже на свинку.

Теперь обе открыто прислушивались, не раздастся ли дребезжание подъезжающего старого автомобиля.

— Может быть, мне позвонить? — сказала нерешительно Айрис, когда высокие тени за окном стали серо-стальными. — Эта проклятая машина...

Пока она шла к телефону, прибыл Нед Саксон.

— Прости, что опоздал, — улыбаясь покрасневшим лицом, он остановился на пороге, потирая руки в перчатках, — не мог сразу завести, наверно, старушка замерзла, — он подмигнул Еве, — я уже почти решил бросить ее и купить “кадиллак”.

— Это идея. — Ева поддержала шутку, ответно ему улыбаясь, но Айрис вдруг с непривычным для нее раздражением сказала мужу:

— Не стой на пороге, с улицы тянет холодом, а маленький мальчик заболел. Кстати, Ева, нашел он свои, как их там, “роклы”, помните, он все искал?

Это было похоже на Айрис. Как будто искупая свою вину за нелюбовь к Амбрузу, она была предельно внимательна ко всему, что имело к нему отношение.

— А, его роклы. — Ева ощутила на себе внимательные взгляды обоих Саксонов и старалась не смотреть на Неда. — О,

оказалось, это просто старый лоскут с ярким пятном посередине, который он где-то потерял.

— Дети! — со снисходительным смешком заметил Нед. Он вдруг передернул плечами, кажется, его пронял ледяной воздух. Потом бережно обнял жену за плечи, и, выразив вежливое пожелание, чтобы Ева не заразилась от Амбруаза лихорадкой и бросив “Увидимся на следующей неделе!”, Саксоны отбыли.

Ева принесла ужин в постель Амбруазу и подождала, пока он вяло ел. Его мысли вновь обратились к самолету, но хотя малыш и начал задавать вопросы по поводу строительства летательного аппарата, он не проявил обычного настойчивого нетерпения. Ева заверила, что рабочие стараются вовсю, и, дав ему шарики, которые он начал с грохотом перекатывать из одной пластиковой чашки в другую, пошла приготовить себе ужин.

Она пыталась уговорить себя, что ее внутренняя тревога не имела никакого отношения к Генри Конлону, а относилась лишь к неприятной возможности того, что Дженифер могла быть связана с тем далеким самоубийством в школе Локвуда. После того вечера, когда Генри смутил ее своим пристальным взглядом, они виделись пару раз. Они напоминали две частицы, движущиеся вокруг и около друг друга, которые никогда не сталкиваются.

Да, их осторожность имела объяснение — его несчастный брак и ее ужасная помолвка. Ни один из них не хотел так скоро снова увлечься, но оба чувствовали все нарастающую угрозу взаимного притяжения.

...Стук шариков затих, потом совсем прекратился. Ева на цыпочках вошла в комнату Амбруаза, убрала шарики и чашки с кровати, двигаясь с предельной осторожностью, погасила свет. И вдруг вспомнила, что закрыв дверь за Саксонами, не задвинула засов.

Она сделала это, потом опустила шторы на всех окнах, но уже не так поспешно, как пару ночей назад. Хотя она не была настолько наивной, чтобы думать, что поимка молодого парня имеет отношение к жестокому двойному убийству в Долине, но тем не менее чувствовала себя спокойнее.

Находясь в доме одна с трехлетним ребенком, Ева была уязвима во многих ситуациях с тех пор, как услышала щелчок повешенной трубки во время разговора с Дженифер Морли.

Отодвинув складку тюля на окне, она увидела, что вокруг домика сгустилась темнота. И как до нее Молли Пуллем и Дженифер Морли, Ева в этот момент не испытывала никакого страха.

Глава девятнадцатая

...Успел ли увидеть ребенок ручку молотка перед тем, как он прикрыл ее ярким лоскутом, подхваченным с пола? А если

видел, то понял ли, какую вещь от него спрятали? Но если и так, кто поверит словам трехлетнего ребенка? Читать он сам не умеет, и маловероятно, чтобы кто-нибудь в деталях расписал маленькому ребенку убийство женщины, забитой насмерть молотком.

Но это чертовски хитрый и умный ребенок, по мнению Неда, явно ненормальный, поэтому он определенно рассказал о случае в сарае Еве Квин, когда увидел свою тряпку и захотел вернуть ее.

— Ты не должен сюда ходить, малыш, — сказал ему Нед, — и если не хочешь, чтобы твои штанишки сзади стали горячими, ты сейчас же уйдешь.

— Мне нужны мои роклы, — упрямо заявил Амбруаз, хотя стал красным от испуга при угрозе быть отшлепанным.

— Что? А, эта тряпка. Знаешь, что я тебе скажу, мой мальчик, ты должен радоваться, что я нашел ее, она так и кишит смертельными микробами. Знаешь, что мы сделаем? Мы сейчас оставим ее здесь, запрем, и они сами все передохнут. — Нед взмахнул тряпкой, делая вид, что швыряет ее в угол, и когда малыш уставился туда круглыми глазами, вытолкнул его из сарая.

Очувившись на ярком солнечном свете, мальчишка побежал от сарая трусцой. Нед знал от Айрис о необыкновенной боязни мальчишки всяких микробов и заразы, но не ожидал, что сам теперь дал пищу воображению Амбруаза, перед которым предстала страшная картина — болеет и в темноте умирает его талисман.

Тряпка должна была предохранить молоток от следов.

Неду сегодня стало ясно, что Амбруаз не забыл о разговоре в сарае, потому что Ева, заговорив о роклах, старательно отводила глаза. И не спрашивает ли она себя, почему Саксон, человек, который боится сделать лишний шаг по ее собственности, вдруг сам, без спроса, идет в ее сарай? И не свяжет ли она сообщение в газетах о том, что орудие убийства Молли Пуллем представляет собой что-то вроде молотка, с посещением Недом ее сарая, где хранится инструмент?

Нет, потому что у нее не будет для этого времени.

Несмотря на короткое знакомство с Евой Квин, он ненавидел ее так же сильно, как дамочек Пуллем и Морли, пожалуй, еще сильнее.

Возможно, причиной этому была ее молодость. Ей никак не больше двадцати пяти, но она уже в состоянии нанять на работу женщину и расплачиваться чеками. Женщину, годившуюся ей в бабушки.

В районе, где из-за экономического кризиса еще крепкие, хотя и в возрасте, мужчины, как Нед, нигде не могут найти работу, она имеет прекрасную зарплату, только благодаря молодости, внешнему виду и умению стучать на пишущей машинке.

И еще был несносный ребенок, которого должна была приводить в порядок его жена, мальчишка, считавший развлечением бросить на колени Айрис рогатую жабу. И даже тогда Ева Квин не наказала мальчишку, потому что в тот день Айрис задумчиво сказала: "Кажется, она вообще его не шлепает, но каким-то образом им все-таки управляет".

Теперь по дороге к супермаркету в свой обычный для покупок день недели Нед подумал, что, стоя недавно на пороге дома Евы Квин, он получил хороший знак действовать прямо из ее рук.

Саксоны ужинали рано, как обычно. Айрис, казалось, состарилась на десять лет за несколько последних дней, а Нед, вытирая посуду, видел иногда вместо изможденного лица жены лицо Евы Квин, молодое, с упругой кожей, и вспоминал, как золотились ее волосы от падающего на них сзади света, когда она открыла ему дверь.

Пакет с полпинтой молока упал из его рук в раковину, и Айрис, взглянув на вытекшее молоко, жалобно проговорила:

— О, нет! Это последний пакет. Больше у нас нет молока! — В голосе ее послышались с трудом сдерживаемые слезы.

— Я сейчас поеду и куплю, это не займет и десяти минут. — Он повесил полотенце на крючок и опустил закатанные рукава.

— Мы можем обойтись без молока до утра, — вдруг бросила Айрис раздраженно. Молоко нужно было только Неду, который просыпался ночью от боли в желудке и успокаивал его молоком. — У нас есть крекеры с содой.

— Ерунда. — Нед уже был в своем полуприличном пальто, которое одевал на похороны Дженифер Морли. — Ночь сегодня промозглая, — объяснил он, вынимая ключи от машины из кармана своей старой куртки.

— Я думаю, тебе не надо ездить, — со странной настойчивостью продолжала Айрис, — послушай меня, Нед. У тебя машина может сломаться в дороге, ведь когда ты ехал за мной, у тебя уже были с ней неприятности.

— Просто мотор переохладился, — сказал Нед, у которого на самом деле не было в дороге никаких неприятностей. — Я попробую, и если она не заведется сразу, я никуда не поеду.

Айрис слышала, как он поворачивает ключ зажигания, потом урчание двигателя, и машина отъехала. Айрис прижала ладони к щекам, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, и будто находясь под гипнозом, медленно пошла к телефону, набрала номер.

— Ева? Простите, что беспокою вас, вы, конечно, подумаете, что я просто идиотка, но по дороге домой нам встретились две полицейских машины с включенными мигалками, и я подумала о вас. Вы не забыли запереть хорошенько двери и задвинуть засов?

— Я сделала это несколько минут назад, но спасибо, что напомнили мне.

— Что бы я сделала на вашем месте, и Нед тоже советует, — настойчиво заговорила Айрис, — может быть, надо погасить лишний свет? Ведь всем известно, что вы одна в доме, поэтому не открывайте сегодня дверь *никому*. Я вас прошу, Ева, у меня возникло странное тревожное чувство при виде полицейских машин...

Нед Саксон, оставив свой автомобиль с поднятым капотом на хорошо освещенной фонарями улице, где все прекрасно его знали, быстро пошел прочь. Пройдя три квартала на юг, он вошел в магазин подержанных автомобилей.

Нед уже был здесь вчера, в этой же шляпе, она хотя и не закрывала его волос полностью, но делала их менее заметными. Он с равнодушным видом оглядел скромный, темно-синий "форд" и заметил, что видел такой же на сорок долларов дешевле, в этом, как его...

Тут он вынул бумажник, открыл, как будто желая показать рекламную карточку того магазина. От банкнотов, взятых Недом из сумочки Молли, которые он достал накануне из тайника в кресле, бумажник приятно распух. Продавец стал сразу любезен и широко распахнул перед Недом дверь, ведущую на стоянку. Может быть, мистер Тернер хочет сначала проехать на "форде"?

Нед Саксон ответил, что сегодня у него нет времени, но вот завтра, возможно, он придет со своей сестрой, для которой собственно он и хочет купить этот "форд". И отбыл с уверенностью, что теперь может воспользоваться "фордом" на короткое время, пока его собственная машина будет стоять на виду у всех.

Сегодня его встретили гораздо приветливее. Продавец сразу назвал Неда мистером Тернером и, протянув ключи от "форда", поспешил к паре, заинтересовавшейся многоместным авто с откидным задним бортом. Через три минуты Нед был в знакомом супермаркете, где они с Айрис обычно покупали продукты в том случае, когда вдруг надо было что-то срочно купить. Он попросил разрешения воспользоваться телефоном и позвонил домой, сказав виноватым голосом Айрис, что зря ее не послушался. Теперь его машина стоит на углу Мелроуз и Шестой.

— Я попробую еще раз ее завести, а если не получится, попрошу кого-нибудь подтолкнуть. Ведь если ее оставить здесь на ночь, утром не будет ни одной покрышки. Так что ты не волнуйся, я задержусь.

Молодой клерк отбил на кассовом автомате стоимость полпинты молока и сочувственно покачал головой.

— Они унесли бы и шасси, если бы могли, эти молодцы, так уж наш район, — и добавил: — На улице, говорят, еще больше похолодало.

Нед сделал вид, что вытирает вспотевший лоб.

— Только не для тех, кто ходит пешком!

У него было прекрасное настроение от того, что все так удачно складывалось, и он был расположен к своему веснушчатому собеседнику, зная, что потом, если понадобится, клерк подтвердит его алиби. Неду даже захотелось остаться и поболтать еще немного. Оказавшись снова в "форде", темном, неприметном, хранившем его секрет, он тщательно следил за скоростью.

Импровизация лучше всего, повторял он про себя с уверенностью ослепленного первым успехом новичка-игрока. Стрелки его часов, освещенных приборной доской, показывали восемь двадцать пять.

Ева отошла от телефона, невольно испытывая возмущение. Конечно, оно было несправедливым, ведь Айрис Саксон беспокоилась за нее, но разве она не понимает, что звонок в дом, где Ева находится одна с больным ребенком, только за тем, чтобы напомнить об окружающей опасности, вызовет неизбежное волнение, подобно камню, брошенному в бассейн со спокойной водой, где потом еще долго расходятся круги.

Вероятно, с точки зрения Айрис, упоминание о патрульных автомобилях должно было внушить Еве чувство безопасности, но почему-то вызвало обратный эффект. Ева поймала себя на том, что напряженно вслушивается в тишину, которая недавно не настораживала, а успокаивала.

Даже Амбруз похрапывал по своему обыкновению, а спал бесшумно, как бы включившись в общую установку на тишину. Сейчас помогла бы очень увлекательная книга или что-то интересное, значительное по телевизору. Было еще слишком рано, чтобы ожидать появления Генри Конлона. Хотя Ева ни разу не была на банкетах по случаю вручения ежегодных премий, она знала, что сейчас, в этот самый момент, там произносятся длинные речи. К тому же сегодняшние обязанности Генри не позволят ему ускользнуть пораньше, ведь он должен "пасти" эту несносную миссис Айвенго.

По причине, в которой она не осмеливалась признаться даже самой себе, Ева не стала включать телевизор. Громкий звук заглушит и не позволит услышать другие, полные опасности, угрожающие звуки, которые могут исходить снаружи, из темноты. Вместо телевизора она взялась перечитывать английский роман, хотя знала, что единственный приятный персонаж вскоре будет придавлен упавшим вязом. Забившись в уголок дивана, она пыталась сосредоточиться на чтении.

И почти сразу с улицы послышался странный громкий звон, как будто ударили по металлу, и этот звук отразился эхом в ночной тишине.

Ева вскочила и застыла с книгой в руке. Она пыталась одним уголком сознания убедить себя, что лишь ее паническое

настроение сделало этот звук таким зловещим, что он не имеет к ней никакого отношения, в то время как другая часть трепетно сигнализировала о необходимости немедленно позвонить шерифу. Но что она скажет? Что услышала снаружи какой-то странный звук? И если даже они приедут, а скорей всего они не поедут, то за это время ...

Вдруг явственно послышались тяжелые шаги, не оставалось сомнений, что кто-то приближался к дому, и почти сразу же раздался стук в дверь.

— Мисс Квин? Это я — Нед Саксон!

Ева облегченно перевела дыхание и сделала два шага к двери, но тут же остановилась. А если это не Нед Саксон, а кто-то искусно подражает его голосу, назвав имя человека, которому она доверяет? Дженифер Морли сама открыла дверь своему убийце, открыла без всякого страха и уже больше не вернулась в дом. Ева стояла, не в силах двинуться с места, как парализованная.

Стук повторился.

Знакомый голос с тревогой спросил:

— Мисс Квин? У вас все в порядке?

Это был действительно голос Неда Саксона, она перестала сомневаться. Никто не мог бы настолько искусно подделать знакомый голос, и крикнув: "Я иду!", Ева отодвинула засов, сняла цепочку и включила свет снаружи над дверью. Даже если она и испытала секундный приступ страха в последний момент перед тем, как распахнуть дверь, какой обычно испытывают все глупцы, перед тем, как совершить ошибку, было поздно. Но за дверью действительно стоял Нед Саксон, и свет от лампы разливался по его светло-рыжим волосам.

Глава двадцатая

Он протягивал ее автомобильные перчатки, виновато улыбаясь и одновременно с любопытством заглядывая ей через плечо, как будто пытаясь определить причину, по которой Ева, несмотря на то, что была полностью одета, так долго не отвечала на его стук.

— Простите, что побеспокоил вас, но Айрис прихватила их по ошибке вместе со своими вещами и подумала, что они могут вам завтра понадобиться.

— О, большое спасибо. Но зачем вы беспокоились, хотя, по правде говоря, я очень рада вас видеть. — Ева взяла перчатки, даже не взглянув на них. — Я услышала за окнами какой-то странный звук и испугалась. Наверно, у меня просто нервы разыгрались после звонка Айрис, и я вообразила...

Нед Саксон вдруг круто отвернулся от нее и пошел прочь в темноту. Даже его спина выказывала сильное напряжение. Но Ева продолжала говорить, радуясь разрядке собственного недавнего испуга.

— Я знаю, что вы встретили две патрульные машины в нашем районе, но будет лучше, если они никому не понадобятся.

Голубой взор Неда Саксона вернулся в ее сторону, глаза его показались незрячими, очевидно, реакция из темноты на свет.

— Вот что, — произнес он отрывисто, — если вы дадите мне фонарик, я могу взглянуть вокруг.

Его солидная фигура внушала уверенность, и Ева с благодарностью смотрела ему вслед, пока он не исчез в темноте. Как нелепы ее подозрения и страхи! Просто кто-то перекинул камень через стену, есть люди, которые терпеть не могут стены, как будто видят в них вызов. Но было приятно сознавать себя в безопасности из-за присутствия Неда Саксона. Она услышала, как звякнул замок, очевидно, он проверял, заперт ли сарай.

Еве казалось, что с ее стороны будет неблагодарно просто закрыть дверь, и она продолжала терпеливо ждать, несмотря на холод. Потом оставила дверь приоткрытой и побежала в спальню надеть свитер.

— Мисс Квин? Вам, пожалуй, надо выйти и посмотреть, что они сделали с вашей машиной.

“Что они сделали” — эта фраза пугала больше, чем возможные разрушения. Ева накинула пальто и выбежала, направившись прямо на луч фонаря, за ворота. Да, это уже не было нечаянным хулиганством — ее преднамеренно решили сегодня напугать. Но благодаря нелепой случайности с перчатками, у нее теперь есть возможность уехать из дома на машине Неда вместе с Амбрузом.

Но никакой другой машины не было. Стояла всего одна, ее машина. Тогда каким образом Нед Саксон...

Ноги еще продолжали нести ее по инерции вокруг капота, машина явно была нетронута с ее стороны, и надо было взглянуть на другую, а мысли тем временем начали медленно проясняться. Вдруг Ева вспомнила, что сразу после того странного металлического громкого звука, напугавшего ее, послышались шаги и раздался стук и голос Неда.

И как странно, что Айрис, с таким беспокойством настойчиво ей приказывавшая никому не открывать дверь, не добавила: “Кроме Неда, он везет вам перчатки”.

Нагибаясь, чтобы осмотреть правую крышку, Ева вспомнила, что оставила перчатки в машине на переднем сиденье.

Поздно, слишком поздно она разогнулась и взглянула вверх на его лицо, освещенное снизу фонариком, она увидела то, что Молли Пуллем и Дженифер Морли увидели в последние секунды перед тем, как умереть.

Ослепительная вспышка взорвалась болью в голове, когда он нанес удар каким-то тяжелым предметом, и все-таки удар получился скользящим, потому что в последний момент она все

поняла, и ее мозг уже послал сигнал предупреждения. Вспышка сопровождалась рычанием, полным испепеляющей ненависти.

— Все вы одинаковы! Все одинаковы!

Она услышала это, падая лицом вниз на грязные камни.

Сквозь ужас, темноту и пронзительную боль мелькнули ботинки Генри Конлона, потом голос мужа кузины Селии, имени которого она не смогла вспомнить.

— Берегите ее, — сказал голос. Действительно, кто-то должен был это непременно сделать.

С трудом, нехотя, она повернула голову на липких грязных камнях и увидела над собой потолочные дырчатые звукопроницаемые панели госпиталя.

Через полтора дня, исчезнувших навсегда из жизни Евы Квин, она произнесла дрожащим голосом:

— Но я не могу... — и тут же раздался уверенный успокаивающий голос доктора:

— Нет, вы можете, мисс Квин. Ну-ка, дайте мне свою правую руку... теперь левую... Вот, и все в порядке. Видите?

Они понятия не имели, о чем она хотела сказать. Сильнейшее сотрясение и семнадцать швов на правой стороне головы не могли им объяснить тот незабываемый ужас, который она испытала при виде нечеловеческой злобы на лице Саксона. Разве сможет она теперь доверять людям? Как жить с таким знанием?

Нина Эрл прислала цветы, компания “Кокс Айвенго” красивые алые розы. Генри Конлон, который непрерывно появлялся в поле зрения, входил и выходил, когда она выплывала из темноты, не приходя в сознание, принес виски и сказал:

— Не волнуйся. Я спрашивал доктора, он говорит, что все в порядке.

— Если ты пришел мне рассказать... Я не хочу знать. Лучше не надо. — Ева отвернулась от него.

— Такую ошибку сделала Дженифер, — неумолимо продолжал Генри и все рассказал.

Все было просто. Началось как шутка, когда Молли было семнадцать. Она решила пошутить над мстительной и нервной воспитательницей школы Локвуда.

Миссис Маргерит Селлерс не должна была работать в школе “для девочек”. Она безумно ревновала к их молодости, красоте и легкомыслию. Особенно она невзлюбила Молли, и та решила, со свойственной ее возрасту и характеру жестокостью, прочить вредную даму, уговорив своего приятеля, красивого юношу в форме летчика, на несколько лет постарше, пригласить миссис Селлерс в ресторан, как будто бы за тем, чтобы поговорить о школе, куда он хочет поместить свою младшую сестру. Усыпив бдительность почтенной дамы лестью и ухаживанием,

он напоил ее шерри так, что воспитательница вернулась в пансион до изумления пьяной.

Были пасхальные каникулы, и школа опустела, но в воображении миссис Селлерс, когда она протрезвела, видимо, возникали страшные картины ее позора, где все смотрели на нее, смеялись и строили гримасы. И три дня спустя она сделала то, что давно, видимо, зрело в глубине ее сознания, предварительно написав записку, где она обвинила во всем Молли Вэйн.

Дженифер, работавшая в администрации школы, чтобы помогать платить за обучение Молли, первой нашла записку и была в ужасе, когда узнала, что натворила ее сестра. Но, естественно, ей показалось чудовищным, что самоубийство психически неуравновешенной женщины тяжелым грузом повиснет у порога жизни молодой девушки, которая хотела только подшутить. И Дженифер уничтожила записку. Потом, сама перепуганная содеянным, поделилась со своим другом детства — Генри Конлоном. И больше не сказала никому.

Единственный наследник миссис Селлерс, ее далекий кузен, молодой человек по имени Ричард Морли, приехал на похороны. К тому времени, когда взаимная привязанность между ним и Дженифер зашла слишком далеко, поздно было говорить: “О, кстати, твоя кузина обвинила мою сестру в своей смерти, но я порвала ту записку”. И становилось все невозможнее с годами. Ричард Морли, жесткий, очень ревнивый, мог сказать сам себе: “Если она скрыла от меня это, что еще она скрывает?”

Когда в газетах появилось известие о смерти Молли, пришло анонимное письмо, вызвавшее панику у Дженифер. Из него стало ясно, что есть еще человек, который знает правду о записке Маргерит Селлерс.

Дверь в учительскую была незаперта, и Дженифер понимала, что нельзя исключать возможность, что кто-то прочитал записку до нее, но промолчал, не желая быть замешанным в эту историю. Генри внимательно взглянул на Еву.

— Она так переживала, что скрыла правду, и я чувствовал себя ответственным.

— И поехал искать того, кто написал письмо.

— После того, как мы исключили тебя, — Генри сухо улыбнулся, — Дженифер вспомнила одну девушку из группы Молли, которую приезжала навестить ее младшая сестра, это разрешалось на каникулах. И действительно, я нашел ее, но она не имела в виду угрозы, наоборот, хотела помочь Дженифер, пытаясь разделить с ней груз старой вины. Она не подписалась, потому что ее муж влиятельный человек в Альбукерке, а она сама временно находится на излечении в милом уютном пансионе для алкоголиков. У них дети. И вся история, всплывшая на свет Божий, никому не могла уже помочь, и только принесла бы всем неприятности.

Вошла сестра с лекарством для Евы, улыбнулась Генри и вышла. Еще не приняв таблетку, но уже чувствуя сонливость, Ева подумала, что лучше уж покончить со всем сразу.

— Нед Саксон...

Ева вкратце уже знала о своем спасении. Клара Айвенго была истеричнее, чем когда бы то ни было, и ее пришлось увезти очень рано. Когда Генри возвращался домой, фары его машины на повороте высветили лежавшую на грязных камнях Еву, ее неживое лицо, и Саксона, замахнувшегося для следующего удара. Саксон бросился бежать, оказалось, что неподалеку стоял взятый в магазине подержанных автомобилей "форд". На дикой скорости, явно намеренно, Саксон врезался в огромный тополь, стоявший на углу, известном как "Угол самоубийц". Он протянул до сегодняшнего утра, несмотря на перелом черепа и другие повреждения.

— Он умер сегодня во второй половине дня, — лицо Генри застыло, голос звучал сурово, — его жена не подтвердила, что подозревала его, но мне кажется, она знала. И ради Бога, не беспокойся о ней. Что-нибудь можно придумать...

Сколько еще врагов, сколько тайных палачей, задумывающих казни людей, которые и не догадываются о своих прегрешениях? И сколько таких, как Генри Конлон, надежных как скала, пекущихся о репутации женщины, нуждавшейся в помощи? Перевес вторых был только справедлив.

— Ты спишь... — издали прозвучал голос Генри.

— Нет, я не сплю. Я просто думала... Не уходи, посиди еще со мной, потому что я... — пробормотала, уже засыпая, Ева, почувствовала что ее целуют, и уснула.

*Перевод с английского
Марианны САВЕЛОВОЙ.*

**В январе 2001 года
"Смена" опубликует
заключительную часть трилогии
Александра Экштейна
"Люди Полной Луны".**

Упоминание имени Чарльза Дарвина (1809-1882 гг.) у многих людей сегодня вызывает однозначную реакцию. “Это тот, кто сказал, что мы произошли от обезьян?” — непременно уточнят они со снисходительной улыбкой. И это — еще в лучшем случае. В худшем скажут, что учение Дарвина об эволюции и естественном отборе безнадежно устарело, современные биологи не слишком-то высокого мнения о нем как об ученом. Причем такое говорят обычно те, кто имеет скверную привычку слышанное краем уха выдавать за бесспорную истину. На самом деле гениальные открытия Дарвина в свое время произвели настоящий переворот в представлениях людей о происхождении и развитии жизни на земле. Современная биология вобрала в себя лучшее в дарвинизме, пересмотрела некоторые его частные выводы и, как положено науке, пошла дальше. Что касается личной судьбы основателя учения, то она полна пусть скрытого, но подлинного драматизма. Этот старик с простецким, чуть не до глаз заросшим лицом, каким мы привыкли видеть его на портретах, был далеко не прост. Да и стариком он, разумеется, был не всегда...

Начнем с того, что заниматься наукой он станет по чистой случайности. (Предоставим философам право су-

дить, почему случайное иногда становится необходимым.) Верно, жизнь полна примеров, когда молодые люди ищут и, в конце концов, находят свое призвание методом проб и ошибок. Но будущий первооткрыватель в молодости, по правде говоря, ничего и не ищет! Сын состоятельного врача Роберта Дарвина, внук знаменитого ботаника Эразма Дарвина, Чарльз не проявляет интереса к чему бы то ни было и ведет себя так, будто от жизни ему ровным счетом ничего не надо. Да, он исправно посещает гимназию, но ходит в нее с нескрываемой неохотой. Ему не нравится ни одна из школьных дисциплин, но, в особенности, стихосложение. Да, да, в этой гимназии считается, что каждый культурный англичанин должен уметь писать стихи, если даже у него нет таланта. Неудовлетворительные оценки по всем предметам (а по стихосложению так совсем плохие) создают сыну сэра Роберта славу безобидного, но безнадежно тупого малого, и он все годы учебы служит удобной мишенью для едких острот...

Нет, одно увлечение у мальчика все же есть, но оно не ставится ему в зачет: каждую свободную минуту Чарльз использует для того, чтобы посидеть с удочкой на пруду. А когда получит право на ношение оружия — его только видели дома! В одиночестве бродя по лесам и полям, он самозабвенно палит из двустволки по всему, что летает и ползает. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить: будущий великий натуралист на первых порах изучает природу весьма своеобразным способом: через прорезь мушки. И нет у него никакого, присущего натуралистам, трепета перед божьими тварями: с охоты он возвращается домой, весь увешанный битой дичью. Возможно, в этом проявляется что-то болезненное, но Чарльзу в жизни нравятся лишь такие занятия, когда не надо ни о чем думать, напрягать свой интеллект...

Сэр Роберт (подавлявший своего сына не столько авторитетом, сколько огромным ростом и впечатляющей тучностью) пребывает в отчаянии: у сына нет никаких задатков! (Если на то пошло, то же самое думает про себя и сам Чарльз, но, в отличие от отца, не делает из этого трагедии.) Поначалу сэр Роберт решит, что сыну следует пойти по его стопам и отправит Чарльза учиться на врача в Шотландию. Там придут в изумление от беспечности и лени дарвинского отпрыска и посоветуют сэру Роберту поскорее забрать сына, что тот скрепя сердце и сделает. Далее, на беду ли, на счастье Чарльза, кто-то из друзей дома Дарвина, увлекавшихся модной в ту пору френологией, найдет у незадачливого юноши на голове так называемую "шишку благочестия", которая по тем временам воспринималась как прямое указание на то, что его обладателю ничего другого не светит, как стать священнослужителем. (Причем шишка была столь большой, что ее, по словам самого Дарвина, могло бы хватить на дюжину служителей культа.) Сказано — сделано. Чарльза отправляют учиться в Кембриджский университет, где он прежде, чем стать преподобным отцом, должен получить высшее образование. Увы, отрок и здесь не ут-

руждает себя учебой. На первом месте у него по-прежнему рыбалка, верховая езда, стрельба из ружья (бывает, что Дарвин палит в окно, не вставая с постели), а на второе место, поговаривали, выйдут пробы таких не слабых напитков, как эль и виски. “В ту пору я счел бы чистым безумием пропустить ради геологии или иной науки первые дни охоты на куропаток”, — как на духу признается он много лет спустя. Но главная проблема все же в другом: несмотря на “шишку благочестия”, Чарльзу не хочется становиться священником, о чем честно признается родным и университетским друзьям.

Среди последних найдутся двое взрослых, которые каким-то непостижимым образом учуют в юноше склонность к научному анализу. Хотя Чарльз плохо представляет себе, что это такое, но верит им и готов следовать их советам. Когда он окончит университет, они и посоветуют: махнуть на все рукой и отправиться в кругосветное путешествие на научно-исследовательском судне “Бигль”, которое уже стояло в порту и, если так можно сказать о паруснике, разводило пары. Сэр Роберт сочтет эту идею “безумной и опасной”. А Чарльз? Он согласен — почему бы и нет? — обогнуть земной шар. Но не согласен на это капитан “Бигля” Фицрой, тоже увлекавшийся френологией. (Везло же Дарвину!) Внимательно взглядевшись в лицо Чарльза, он решит, что молодому человеку с такой формой носа — что-то вроде сапожка — нечего делать на корабле. Лишь после настойчивых уговоров покровителей Дарвина капитан смягчится и возьмет его на борт “Бигля”, предоставив далеко не лучшую каюту...

Обогнуть земной шар... Но для чего? Чарльз этого определенно не знает. Может, ему хочется потянуть время. Чтобы определиться с профессией окончательно? Очень может быть. Впрочем, один из биографов остроумно подметит одну особенность дарвинского ума: “В таком мозгу мысль созревает до того медленно, что поначалу чудится, что будто ее почти и нет, а потом начинает казаться, что она там была всегда”.

Вступая на борт “Бигля”, Дарвин, конечно же, не расстанется с любимой двустволкой. Но зачем она ему в краях, где птицы подпускают тебя на расстояние одного шага, где всякого зверья видимо-невидимо и в него даже целиться неинтересно?.. Чарльз все чаще отдает ружье слуге, а сам — от нечего делать! — начинает понемногу коллекционировать бабочек и жуков, ящерок и лягушек, подолгу наблюдает за поведением экзотических животных и делает первые попытки классификации видов и подвидов: путешествие на “Бигле” продлится пять лет!

Вместе с ним на паруснике плывут, в удобных гаванях высаживаются на берег и уходят в продолжительные экспедиции профессиональные зоологи, ботаники, картографы, геологи, медики, этнографы, и каждый из них в своем деле собаку съел. Дарвин же среди них — дикарь и невежда, в лучшем случае — люби-

тель. Кроме того, он неприлично молод: ему всего двадцать три года. И тем не менее лишь один из участников этой экспедиции войдет в историю науки и станет известным на весь мир — Чарльз Дарвин!

Как могло такое произойти? В немалой степени — благодаря его научному невежеству (справедливее, наверное, сказать — неискушенности). В самом деле, если другие участники экспедиции работают по уже проверенной методе и на основе добытого материала делают выводы, либо подтверждающие, либо опровергающие одну из господствующих в то время теорий, то молодой Дарвин, удовлетворяя свое день ото дня растущее любопытство, в поисках следует одному: логике здравого смысла. В отличие от своих подкованных, но основательно зашоренных коллег, он видит то, что видит, а без этой простой и великой способности, свойственной детям и гениальным взрослым, в науке нового слова не скажешь. И в психологическом отношении преимущество на стороне Дарвина. Его коллеги ощущают себя величинами в науке. Чтобы оправдать свое пребывание на “Бигле”, все они, сознательно или бессознательно, стремятся удивить научный мир открытиями. У Дарвина, напротив, нет никаких честолюбивых планов, нет и, как у его коллег, повода нервничать, суетиться, ради какой-то догмы закрывать глаза на факты. Все пять лет он трудится исключительно в свое удовольствие, а когда ложится спать, то спит со спокойной душой...

Этот бывший любитель стрельбы по куропаткам окажется фантастически работоспособным натуралистом. Спит-то он как раз мало, день-деньской гоняется за жабами и мышами-полевками, ныряет в воду, добывая поразивших его воображение усоногих рачков. Он исследует природу, можно сказать, играючи. Характерна в этом смысле сценка, описанная им в путевом дневнике: “Я долго наблюдал за одной ящерицей, пока половина ее тела не скрылась под землей; тогда я подошел и потянул ее за хвост. Это крайне изумило ее. Она тотчас выползла посмотреть, в чем дело, и уставилась мне прямо в глаза, как будто говоря: “С какой стати ты тянешь меня за хвост?”. Прежде равнодушный почти ко всему меланхолик превращается в деятельного сангвиника, страстно пожирающего глазами красивые пейзажи южных широт, дотошно изучающего характер, обычаи аборигенов Австралии, Новой Зеландии, Южной Америки... А вечерами он сидит в каюте “Бигля” и пишет, пишет, пишет... За пять лет путешествия Дарвин добудет столько научного материала, что ему хватит его уже на всю оставшуюся жизнь. Кроме чисто научных трудов, он издаст также путевые дневники в виде книги “Путешествие на “Бигле”, в котором острейшая наблюдательность автора удивительным образом сочетается с неподражаемым английским, вернее сказать, специфически дарвинским юмором, добрым и незлобивым, как он сам.

Пожалуй, самой большой удачей молодого натуралиста станет посещение им Галапагосских островов. Оторванные от материка, частью которого они были много тысяч лет назад, Галапагосы превратятся в биологическую Атлантиду, которая, по счастью, не затонет. Здесь Дарвин встретит птиц, животных, растения, каких нет больше нигде на земле. Именно здесь его осенит мысль о том, что борьба за существование, естественный отбор — главная причина эволюционного изменения видов, широкого распространения одних животных и растений и гибели других. Сегодня — это прописная истина. Но до Дарвина всякие рассуждения об изменчивости видов встречались в штыки, особенно церковью. Наиболее смело мыслящие биологи (к примеру, родной дед Чарльза Эразм Дарвин, кстати, в отличие от внука, писавший свои труды стихами) признавали эволюционное развитие органических форм, но их доказательства сводились к тому, что животные и растения якобы обладают некоей “волей к совершенству”. Чарльз Дарвин на первое место поставит влияние внешних условий существования и борьбу видов за выживание. Когда он обнаружит свои догадки, это, по признанию одного из самых горячих его последователей Томаса Гексли, произведет “действие яркого света, внезапно указавшего дорогу людям, заблудившимся среди ночной темноты. Это было именно то, чего мы искали и не могли найти: гипотеза о происхождении органических форм, опирающаяся на деятельность только таких причин, фактическое существование которых может быть доказано”.

Но эти слова будут сказаны через два с лишним десятилетия после того, как Дарвин вернется из кругосветного путешествия. А до этого никто в Англии, кроме самых близких его друзей, не знает, что у нее появился великий ученый с великой теорией. Впрочем, надо сразу сказать, что сам-то Дарвин ни в коем разе не считает себя корифеем. И свою гениальную догадку он, что сказочную жар-птицу, не выпускает из рук. Ему хочется привести в порядок весь добытый материал, еще и еще раз перепроверить выводы. Словом, не делает никаких резких движений. Женившись на приглянувшейся ему кузине Эмме, покупает в Доуне, неподалеку от Лондона, тихое зеленое поместье и ведет размеренный образ жизни, следуя совету древних — поспешать медленно. На работу об усоногих рачках у него уйдет 8 лет, на другую — 25, на третью — аж все сорок!..

Но дело не только в научной добросовестности молодого ученого. У Дарвина катастрофически падает работоспособность. Его мучают бессонница, головные боли. (Все пять лет плавания на “Бигле” сопровождались жесточайшими приступами морской болезни, что вынудит его однажды сказать: “Я ненавижу каждую волну в океане”.) Боясь, что не успеет закончить намеченное, Дарвин теперь копит время, как другие копят деньги. Он покидает Доун лишь в случае крайней необходимости. По его собствен-

ным словам, он на долгие годы превратит себя “в машину для извлечения общих выводов из массы фактов”. Впрочем, часть времени он с удовольствием тратит на общение с детьми — их у него с Эммой будет одиннадцать!..

Но, несмотря на то, что Дарвин избегает какой бы то ни было саморекламы, слухи о том, что он готовит некую бомбу, просочатся в прессу. В Доун начинают наведываться один за другим издатели: интересуются состоянием рукописи, предлагают ученому, соревнуясь между собой, наиболее выгодные условия контракта. Нет, на Дарвина бесполезно давить. Он вновь и вновь испещряет рукопись поправками, дополнениями, уточнениями, желая, чтобы главный труд его жизни вышел в свет без сучка и задоринки.

Но, как известно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

Однажды, просматривая текущую почту, Дарвин наткнется на увесистый конверт, присланный ему неким Альфредом Уоллесом. В сопроводительном письме, выразив адресату глубокое почтение, тот просит Дарвина содействовать публикации его статьи, прилагаемой к письму. Читая ее, доунский затворник сначала от изумления привстанет, а затем, охваченный горем и отчаянием, упадет в кресло: молодой английский биолог Альфред Уоллес, проводивший свои исследования в Южной Азии, самостоятельно придет к тем же, что и Дарвин, выводам относительно происхождения видов на земле! Что совсем доконает бедного Дарвина, Уоллес изложит свою теорию почти теми же словами, что и Дарвин свою...

Мистика? Но еще Платон утверждал, что все великие идеи нсятся в воздухе. Только вот что мог поделаться в создавшейся ситуации Дарвин? Сам того не зная, Уоллес как бы перечеркнул чужой двадцатипятилетний труд. Теперь доказывай Дарвин свой приоритет!.. В великом душевном смятении он едет в Лондон, встречается с друзьями и рассказывает им о случившемся. Друзья тоже страшно раздосадованы: каким же недотепой оказался Чарльз, бывший для них образцом благоразумия, сколько раз они советовали ему сделать сообщение о своей теории в кратком изложении! Кое-кто из них даже советует послать Уоллеса ко всем чертям и поскорее “застолбить” свое открытие. Но Дарвин даже слышать об этом не хочет! “Я скорее сожгу свою книгу, чем допущу, чтобы он или кто-то другой подумали, будто я руководствуюсь недостойными побуждениями”, — заявит он. Конечно, он мог бы уговорить свою совесть тем, что теория Уоллеса не отличается глубокой, как у него, Дарвина, проработкой, кое в чем молодой ученый явно ошибался. Но, по словам одного биографа, наш герой привык “находить щели в своей броне”...

После долгих уговоров Дарвин согласился опубликовать сообщение о своей теории в научном журнале вместе со статьей Уол-

леса. Когда эти публикации появятся, тотчас посыпятся отзывы со стороны ученых, религиозных деятелей и просто людей, интересующихся наукой. Но Дарвина волнует одно: как с моральной точки зрения Уоллес оценит факт одновременной публикации? Когда из Малайзии от молодого ученого, наконец, придет письмо, Дарвин трясущимися от волнения руками распечатает конверт и с великим облегчением узнает, что Уоллес ни на йоту не сомневается в приоритете старшего коллеги. Он потом признает это публично и вообще, по выражению одного биографа, отведет себе роль луны на небосклоне, где солнцем является Дарвин. Возможно, это был единственный случай, когда несомненно талантливый ученый, каким был Уоллес, добровольно откажется войти в историю науки, уступив в ней место другому. Впрочем, можно сказать по-другому: именно благодаря этому он и останется в памяти людей...

Наученный горьким опытом, Дарвин больше не медлит с изданием главного труда жизни — “Происхождения видов”. Чего еще никогда не случалось с научными произведениями, весь тираж книги раскуплен в первый же день! Такой успех позволял надеяться, что на голову натуралиста обрушится девятый вал славы и похвал. Шквал действительно обрушился, но не славы, а неистовой, злобной ругани, насмешек и неприкрытых издевательств. “Поверхностное произведение, позорящее науку”, “грубый материализм”, “невинный послеобеденный сон”, “столоверчение”, кто-то даже назовет “Происхождение видов” — что может быть обиднее для серьезного ученого? — романом!

Кажется, что люди потому и спешат купить эту книгу, чтобы всласть упиться ее очевидными для каждого глупостями. Знакомый нам капитан Фицрой, осознав, что его дурные предчувствия насчет формы носа Дарвина все-таки сбылись, тоже ввяжется в научную полемику вокруг книги и другого слова, как безбожник, для бывшего пассажира “Бигля” не найдет.

Удар последует также со стороны, с какой меньше всего следовало ожидать. Эмма, любимая (и любящая!) жена Дарвина, женщина набожная, воспитанная в строгой христианской морали, придет в ужас от того, что теория ее мужа ставит под сомнение библейскую версию сотворения мира. Нет, скандалов она не устраивает и на развод не подает, но, по словам одного из сыновей Дарвина, в семье на некоторое время установится холодная атмосфера...

Что же делает Дарвин для защиты от оголтелой критики? Ничего! Он знает, что его теория верна, и ведет себя по принципу: мавр сделал свое дело — мавр может уходить. Когда вой, поднявшийся вокруг “Происхождения видов”, достигнет апогея, он преспокойно уедет на лечебные воды. Нападки невежественных, ослепленных яростью людей его не столько возмущают, сколько

смешат. К примеру, о выпаде капитана Фицроя он напишет в письме друзьям: “Жаль, что он к своему письму не приложил своей теории, по которой мастодонты вымерли по той причине, что дверь в ковчеге Ноя была слишком узкой...”

Далее произойдет забавная и в то же время весьма поучительная история. Выразив свое резко отрицательное отношение к теории Дарвина на словах, английские ученые (среди них было много добросовестных людей) захотят доказать ее несостоятельность на деле — начнут добывать факты, напроць опровергающие идею естественного отбора. Само по себе это занятие окажется для них полезной гимнастикой ума. Скоро они придут к выводу, что без теории Дарвина в биологии и смежных с ней науках — ни туда, ни сюда. К примеру, зоологи, доказывавшие некомпетентность Дарвина в анатомии животных, начнут сравнивать строение птиц и пресмыкающихся и в конце концов убедятся, что эти существа при всей своей несхожести имеют много общего. Палеонтологи (больше других потешавшиеся над Дарвином и называвшие его шарлатаном) во время раскопок набредут на останки людей разных эпох и будут вынуждены признать, что не только животные и растения, но и венец природы эволюционировал...

Так “Происхождение видов”, книга, поначалу воспринятая большинством читателей как бред свихнувшегося ученого, постепенно становится своего рода научной библией. Дарвин словно бы предвидел это: недаром он отдаст книге треть жизни, доведя ее, сугубо научную по содержанию, до такой простоты и красоты изложения, что она на самом деле станет его романом о схватках жизни со смертью, извечно происходящих на земле. “Таким образом, из борьбы, которая всегда бушует в природе, из голода, из смертей прямо следует высокий итог: образование высших животных, — такими прекрасными словами он заканчивает свою великую книгу. — Сколько величия в этой картине: вот жизнь с ее различными проявлениями, которую Творец первоначально вдохнул в одну или немногие формы, — вот, пока наша планета вращается согласно неизменному закону тяготения, из столь нехитрого начала возникло, развилось и продолжает развиваться бесчисленное множество самых прекрасных и изумительных форм”.

Победное шествие идей Дарвина начнется уже при его жизни, но еще долго он будет объектом травли и насмешек. Подумать только, его, великого ученого, стоящего в одном ряду с Коперником, Ньютоном, Менделеевым, ученая братия Англии с редким единодушием проваливает на выборах в академию по секции зоологии. С большим трудом, с обидными оговорками его все-таки избирают, но по секции ботаники... Зато за рубежом Дарвина куда только не избирают, какие звания ему только не присваиваются! Но он и к этому, как и к критике своей теории, относится с пора-

зительным безразличием. Ученый постоянно теряет разного рода почетные дипломы, которые ему вручают иностранные делегации. Вот доподлинные слова, взятые из его письма: "Я желал бы знать, выбран ли я в Берлинскую академию. Кажется, нет, потому что это, вероятно, произвело бы на меня впечатление, и однако я помню, что получал какой-то диплом..."

В числе других у Дарвина в Доуне побывает и наш знаменитый биолог Климент Тимирязев. Это была пора, когда британский ученый находился, так сказать, в зените своей славы. Каким же он предстанет перед молодым русским биологом? "Когда попадешь в Доун, когда переступишь порог небольшого кабинета, в котором ежедневно, вот уже полвека, работает этот могучий ум... невольно ощущаешь понятную робость, но это чувство исчезает без следа при первом появлении, при первых звуках голоса Чарльза Дарвина, — пишет Тимирязев. — Ни один из его известных портретов не дает верного понятия о его внешности: густые, щеткой торчащие брови совершенно скрывают приветливый взгляд глубоко впалых глаз. Тихий, мягкий, старчески ласковый голос довершает впечатление: вы совершенно забываете, что еще за минуту вас интересовал только великий ученый; вам кажется, что перед вами дорогой вам старик, которого вы давно привыкли любить и уважать как человека, как нравственную личность... В его разговоре серьезные мысли чередовались с веселой шуткой: он поражал знанием и верностью взгляда в областях науки, которыми сам никогда не занимался. Но более всего поражал его тон, когда он говорил о собственных исследованиях, — это был не тон авторитета-законодателя научной мысли, который не может не сознавать, что каждое его слово ловится на лету; это был тон человека, который скромно, почти робко, как бы постоянно оправдываясь, отстаивает свою идею..."

Напоследок задумаемся, что помогло человеку, в юные годы слышшему бесталанным шалопаем, стать одним из светочей мировой науки? Это безумно сложный вопрос, на который, наверное, и нет исчерпывающего ответа... Но если, используя метод исключений, спросить себя, без чего Дарвин не стал бы тем, кем стал, то на одно из первых мест можно уверенно поставить его безупречную, не знающую компромиссов честность.

В юные годы он честно не хочет заниматься в школе тем, что, как например, стихосложение, ему чуждо и противно, хотя, прикинувшись паинькой, он, наверное, мог бы наравне с другими сочинять посредственные вирши и тем самым снискать благосклонность учителей. Нет, открыто он не борется с маразмом школьной схоластики, но упрямо, не обращая внимания на насмешки, не поддается оболваниванию. Уже став отцом, Дарвин будет оберегать и своих детей от этого, больше всего налегая на домашнее обучение и воспитание...

Но честность, скажут нам, нравственная категория, а при чем тут наука, где господствует интеллект? Что ж, судьба Дарвина (как и многих других выдающихся людей) как раз и свидетельствует, что пытливый ум, одухотворенный честным отношением к своему долгу, способен на такие чудеса, какие бывают недоступны изощренному, но холодному интеллекту. К примеру, как поступит Дарвин, когда поймет, что неизменчивость видов — вековое заблуждение? Прямой наследник богатого отца, он мог бы крамольное открытие оставить при себе и преспокойно наслаждаться благами праздной жизни. Он же высшее благо усмотрит в том, чтобы, невзирая на ругань, рассказать людям о том, что ему открылось на далеких Галапагосских островах. В то время, когда его “Происхождение видов” только что не топчут, он садится и пишет еще более вызывающую книгу — “Происхождение человека”. (За нее один донельзя рассерженный читатель, по словам самого ученого, удостоит Дарвина звания “старой обезьяны с мохнатой харей и тупой башкой”, а жена Эмма еще до выхода этой книги совсем падет духом.)

В том и дело, что простоватый на вид Дарвин являет собой образец личности, в которой одна черта словно бы исключает присутствие другой, но вместе взятые они дают удивительный нравственный сплав. Так, кроткий и застенчивый в отношениях с людьми, не менее набожный, чем его супруга, он рыцарски смел и дерзок в своих научных трудах и не считает грехом познание мира, созданного, не сомневается он, Творцом. Конечно, натуралист живет в то время, когда за научные убеждения людей уже не тащат на костер, но будем иметь в виду, что своей теорией о происхождении человека Дарвин взбесит не только церковных иерархов (те-то позже признают, что дарвинизм совместим с христианством), а еще и миллионы людей, убежденных в абсолютном своем превосходстве над братьями меньшими.

...Пусть последним штрихом к портрету Дарвина будет один эпизод из его жизни, который кого-то, возможно, рассмешит, кого-то заставит задуматься. Однажды вечером, рассказывая кому-то из своих учеников, когда он впервые в жизни со всей силой ощутил красоту и нетленность нашего мира, старый ученый вспомнит, что с ним это произошло при восхождении на одну из вершин Андских гор. После этого, извинившись перед собеседником, он уйдет спать. Но через некоторое время, в ночных туфлях и халате, вернется в гостиную и со вздохом признается ученику:

— Я лег и все думал о нашем разговоре, и вот только сейчас вспомнил, что я сказал вам неправду...

Окажется, что ощущение, потрясшее его душу, он испытает на самом деле не в Андских горах, а в тропических лесах Бразилии. Внеся это уточнение, Дарвин, еще раз извинившись, снова уйдет спать... Как бы ни относиться к этой причуде старого человека, наверное, это и есть то, что называется — быть честным прежде всего перед самим собой, да?.. ■

НАТАЛЬЯ БЕХТЕРЕВА:

**"НЕ ЛЮБЛЮ,
КОГДА
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
МОЗГ
СРАВНИВАЮТ
С КОМПЬЮТЕРОМ"**

О нераскрытых тайнах головного мозга человека, о таинственной природе сновидений, о загадках человеческой памяти наш специальный корреспондент Игорь ЛОГВИНОВ беседует с внучкой великого русского ученого и врача Владимира Михайловича Бехтерева — научным руководителем Института мозга человека, академиком медицины НАТАЛЬЕЙ ПЕТРОВНОЙ БЕХТЕРЕВОЙ.

— Мы часто говорим: "Ах, у меня голова разламывается, ох, я устал думать". А в принципе может ли человеческий мозг устать?

— Нет, в усталость мозга я не верю. А вот разные неблагоприятные факторы могут влиять на самочувствие человека. Например, человек долгое время работал в душной комнате и его несчастный мозг плохо снабжался кислородом, или человек неудобно сидел, отчего кровоснабжение мозга было недостаточным. Ему кажется, что он устал думать, но это не так. Просто работать нужно в хороших условиях.

— Вы считаете, что этот "компьютер", расположенный в нашей черепной коробке, обладает практически неисчерпаемыми возможностями?

— Да, только я не люблю, когда человеческий мозг сравнивают с компьютером. Действительно, он создан так, что мне трудно даже себе представить, какие требования жизни могли обусловить появление такого совершенного аппарата. Мозг может настолько многое, что этому не перестаешь удивляться.

— Если посмотреть на карту мозга, какая часть его изучена, а какая нет?

— Нельзя сказать, что какая-то часть мозга изучена, а какая-то нет. Весь мозг в принципе изучен, но только — надо признать — не очень хорошо изучен, еще очень много свойств мозга нам предстоит изучить. Что мы знаем о мозге, а чего не знаем? Прежде всего мы знаем многое об организации движений. Знаем также некоторые общие принципы организации мышле-

ния, эмоций. Не говоря уже о том, что достаточно хорошо изучена такая функция головного мозга, как руководство всей внутренней сферой организма. Но вот чего мы пока не знаем и даже не видим пути к тому, чтобы это узнать — можно ли будет когда-нибудь на основе объективных данных понять, о чем думает человек.

— Значит, поговорка "чужая душа — потемки" еще долго останется актуальной?

— Думаю, что да. Мы сегодня можем зафиксировать, что делается в мозгу человека при применении какой-то пробы, но обратная задача гораздо сложнее. Скажем, подсоединить к человеку какие-то датчики, и, глядя на их показания, сказать: человек думает о том-то — это практически невозможно. Трудно сказать, достигнет ли этого наука когда-нибудь.

— Народные целители утверждают, что при лечении заболеваний можно добиться хороших результатов, воздействуя на подкорку головного мозга с помощью внушения. Как вы, Наталья Петровна, к этому относитесь?

— В общем, так: те целители, которые могут вызывать к жизни собственные возможности человека, способны помочь. Если человеку, оказавшемуся в сложной ситуации, чуть-чуть помогли себя самого поднять, то ничего плохого в этом нет. Но есть так называемые целители, которые говорят, что они благотворно влияют на человека, а на самом деле их влияние приносит очень большой вред.

Скажем, первые сеансы Нашпировского вселили восторг и

надежды в души людей, а последующие привели к отрицательным эффектам. Поэтому разрешать публичные сеансы целителей надо с очень большой осторожностью. Мы, врачи, разделяем заболевания на два вида: с поражением органов и без патологии органов, но с поражением их функций. Врачи лечат и вылечивают бесконечное количество больных. Целитель же, обладающий даром внушения, в лучшем случае вылечивает одного из тысячи — того, у кого так называемое функциональное заболевание.

— Можно ли отличить настоящего целителя от шарлатана?

— Лучше вообще обходиться без них. Если это не удастся, то надо сочетать лечение у такого целителя, воздействующего на волю пациента и его скрытые резервы, с лечением у обычного врача, который оперирует фармакологическими средствами или скальпелем. Только на помощь целителей полагаться опасно — можно прозевать что-то серьезное и тогда будет поздно вообще лечиться.

— Сегодня уже никого не удивляют операции по пересадке человеческих органов — сердца, почек, печени. А пересадка человеческого мозга — возможно ли такое хотя бы гипотетически, в отдаленном будущем?

— Это очень-очень сложно. У нас делают пересадку эмбрионального мозга, но это делается для того, чтобы подправить нарушенную биохимию мозга, что и удается, когда операция проходит удачно. Берутся эмбрионы на ранних стадиях развития и пересаживаются в мозг пациента с

нарушением какой-то биохимической функции. Вы спрашиваете, можно ли целиком заменить один мозг другим? Сомневаюсь. Дело в том, что от мозга отходит и к мозгу подходит бесчисленное количество нервов и сосудов. Очень трудно даже представить себе, что можно все эти связи мозга с организмом сначала прервать, а потом в точности восстановить. Даже если вы подшьете каждый нерв к тому, который был у реципиента, нужно будет много месяцев ждать, пока он приживется. На благополучный исход здесь не очень-то легко рассчитывать. Можно сказать, что теоретически это возможно, но практически — нет.

— Наталья Петровна, наших читателей очень интересует природа сновидений. Верить ли сонникам, которые, как многие полагают, способны предсказывать будущее?

— Как правило, сновидения не имеют отношения к будущему, поэтому к сонникам не стоит относиться всерьез. Но в моей жизни было несколько сновидений, которые оказались пророческими. Причем одно из них было невероятно пророческим, вплоть до деталей. Это был сон о смерти моей матери. Мама была жива-здоровая, отдыхала на юге, незадолго до этого я получила от нее хорошее письмо. А во сне, причем я заснула днем, мне приснилось, что ко мне пришел почтальон с телеграммой, в которой сообщалось, что мама умерла. Я еду на похороны, встречаю там людей, которых я раньше никогда не видела, здороваюсь с ними, называю их по именам — это все во сне. Когда я проснулась и

рассказала мужу свой сон, он сказал: "Неужели ты, специалист в области мозга, веришь снам?"

— Короче говоря, несмотря на то, что я была твердо уверена в том, что мне надо лететь к маме, меня отговорили от этого. Вернее, я дала себя отговорить. Ну, а дней через десять все произошло именно так, как это было в моем сне. Причем до мельчайших подробностей. Например, я уже давным-давно забыла слово "сельсовет", оно мне просто никогда не было нужно. Во сне же я искала сельсовет, и наяву мне пришлось его искать — вот такая история. Это было лично со мной, но я не единственная. Есть немало других случаев пророческих сновидений и даже научных открытий во сне. Например, известно ли вам, что Менделеев свою Периодическую систему элементов открыл во сне?

— Как вы сами объясняете это?

— А это объяснить нельзя. Лучше не мудрить и сказать прямо: так как это никаким из современных научных способов объяснению не подлежит, придется предположить, что будущее дано нам заранее, что оно уже существует. И мы можем, хотя бы во сне, войти в контакт то ли с высшим Разумом, то ли с Богом — с Тем-то, кто владеет знанием об этом будущем. С более определенными формулировками мне бы хотелось подождать, потому что успехи технологического направления науки о мозге так велики, что, может быть, и откроется еще что-то такое, что позволит пролить свет и на эту проблему.

— Раз уж вы сами заговорили о Боге, то не могу не спросить о том, как вы относитесь к религии?

— Я верю в Бога и имела случай лично убедиться в возможностях религии. Я никогда не была воинствующим атеистом, но вера эта пришла ко мне после того, как я испытала очень многое из того, что находится за пределами выносливости человека. И тогда то, что оказалось не под силу врачам — вывести меня из тяжелого состояния, — было сделано буквально за десять секунд обычным священником.

— Что это было — тяжелая депрессия?

— Нет, это была не депрессия, это было такое состояние, в котором я видела и слышала больше, чем положено видеть и слышать обычному человеку. Я видела странные вещи, слышала странные звуки, причем это не было галлюцинациями.

— Посоветуйте, к чему прислушиваться, если разум говорит одно, а сердце — другое?

— Сердце или разум? Я бы сформулировала эту проблему иначе: рациональный и интуитивный подход. Это все зависит от человека. Дело в том, что есть люди, которые интуитивно решают проблему очень хорошо. А потом другие, уже на основе объективных методов, доказывают эти же положения, кирпичик за кирпичиком строят "здание", основываясь исключительно на разумных основаниях. Оба пути имеют право на существование. Единственное, что первый путь — это путь, обреченный на потоки критики в его адрес, а второй путь, наоборот, практиче-

ски безопасен. Но тем не менее я отношу себя к первому типу людей и, затевая что-нибудь в науке, я заранее знаю, что будет получено. И, как правило, это подтверждается впоследствии.

— Снажите, а умственные способности передаются по наследству, как это бывает с физическими признаками — ростом, цветом волос и глаз?

— Не так уж и много известно примеров наличия у родителей и детей одних и тех же выдающихся способностей: отец и сын Дюма, музыканты Штраусы, композиторы Дунаевские. Кто-то из них бывает более талантливым, кто-то менее, но, конечно, такие примеры есть. Однако нельзя категорически утверждать, что у талантливого отца обязательно будет талантливый сын.

— Наталья Петровна, ваш великий дед, Владимир Михайлович Бехтерев, изобрел микстуру, обладающую замечательными лечебно-успокоительными свойствами. Но сегодня легче купить капли Биттнера, чем микстуру Бехтерева...

— Ну, капли Биттнера и Бехтерева совершенно разные, хотя и те, и другие нужны и полезны для здоровья. В остальном вопрос не ко мне, я не занимаюсь распространением лекарственных средств.

— Почему один человек в сотню лет все забывает, а другой и в девяносто сохраняет ясную память?

— Видите ли, в процессе старения нас поджидают всякие неприятности в виде болезней, возрастных изменений. В том числе, нередко возникают и проблемы с

памятью. Почему у одних память сохраняется до глубокой старости, а у других — нет? Многое объясняется генетическими факторами, наследственной предрасположенностью — это во-первых. И, во-вторых, конечно, условиями жизни. Например, один человек всю свою жизнь очень много курил, другой — злоупотреблял спиртными напитками, третий — неправильно питался, в результате чего организм не получал необходимых витаминов и микроэлементов.

К сожалению, очень многие люди не знают, как правильно принимать витамины. Бывает, человек глотает большое количество витаминов и удивляется, почему это не помогает. А все дело в том, что он принимает их неправильно. Витамины нужно принимать только во время еды и обязательно — вместе с микроэлементами. На упаковках хороших витаминов обычно печатают мелким шрифтом два списка. Верхний — это собственно витамины, а нижний — это микроэлементы: цинк, железо, различные минеральные и органические вещества, которые необходимы человеческому организму.

— Когда нас, не дай Бог, скрутит радикулит или разболится зуб, мы, не теряя времени, бежим к врачу. А если какие-то нелады с памятью, то мы обычно отмахиваемся: а, ладно, ерунда, потом вспомню...

— Действительно, мы очень халатно относимся к таким сигналам, которые посылает нам наш мозг. И совершенно, между прочим, напрасно. Забывчивость, провалы в памяти — это очень тревожный знак, на кото-

рый следует обратить самое серьезное внимание. Я бы сказала, что каждый человек должен быть очень озабочен состоянием своей памяти, качеством своих мыслительных процессов. В этих вопросах не следует полагаться на самозащиту мозга. Да, у человеческого мозга много степеней защиты, но против нарушений памяти у него защиты нет. К сожалению, наша память функционирует следующим образом: сначала в нее закладывается какая-то информация, а потом, когда вам нужно что-то вспомнить, вы считываете, извлекаете эту информацию из памяти. Так вот, все дело в том, что механизм считывания информации из памяти очень хрупкий, легкоранимый, он часто выходит из строя. Но память тренируется.

— Когда нужно начинать тренировать свою память?

— Этим нужно начинать заниматься, как только появятся первые сложности в процессе считывания информации из памяти. Не забывание, нет, — ведь вы же не забыли, вы, в конце концов, вспоминаете то, что хотели вспомнить, но не сразу, с трудом. Это тревожный симптом. Нужно сразу же принять его во внимание и заняться своей памятью серьезно. Я уже сказала, что мозг можно тренировать, заставляя его выполнять разнообразную деятельность. И не обязательно, кстати сказать, умственную. Если человек занимается двигательной активностью, он тоже тренирует мозг, потому что все виды деятельности человека, так или иначе, связаны с мозгом.

— В народе говорят: "девичья память коротка". Скажите, а на самом деле есть какие-то особенности у женской памяти?

— Механизмы памяти и у женщин, и у мужчин одинаковы. Как я уже говорила, они включают в себя приобретение, сохранение и извлечение информации. Невозможность извлечь информацию называют забыванием. А почему человек помнит об одном и забывает о другом? Потому что наша память избирательна. Расскажу вам один случай, который произошел со мной. Я увидела у одного хорошо знакомого мне человека признаки серьезной болезни. Потом на какое-то время я потеряла его из виду и даже забыла о его существовании. Но меня все время преследовало смутное чувство, что произошло что-то тяжелое, страшное. А что именно, не могла вспомнить. Когда я встретила его снова, то сразу же вспомнила и то, что меня поразило две недели назад, и всю обстановку, в которой я увидела его тогда.

Что же произошло со мной? Кратковременное расстройство памяти? Но тридцать лет назад, а это было именно тогда, память меня не подводила. Очень редко подводит она меня и сейчас, и то лишь тогда, когда я нервничаю. А может быть, я забыла об этом, потому что мне хотелось об этом забыть? Как-то один американский бизнесмен, очень много сделавший для здоровья людей, прислал мне рассказ Марка Твена "Моя первая ложь и как я избавился от нее". Он посвящен свойству человека не видеть того, что он не хочет видеть.

Наша память тоже работает по принципу саморегуляции: не нужно — забываю, с глаз долой — из сердца вон. В данном случае мы имеем дело с такой формой забывания, как подавление. Оно играет полезную защитную роль, не позволяя неприятным мыслям проникать в сознание. Произошел травмирующий меня инцидент, и всякий раз, когда я пыталась извлечь его из памяти, вмешивался внутренний цензор и прекращал эту операцию. Подавление является самой простой формой забывания. Бывают и другие, более драматические случаи, например, клиническая амнезия, при которой больной забывает целый кусок жизни.

— Есть ли какая-то специфичность расстройств памяти в наши дни?

— Сегодня многие люди испытывают продолжительный стресс, связанный, прежде всего, с неуверенностью в завтрашнем дне, с национальными, мировоззренческими, политическими, экономическими, личными проблемами. А это нередко приводит к патологическим реакциям, которые могут развиваться в двух направлениях. Либо человек пребывает в перевозбужденном состоянии, на грани нервного срыва. Либо развивается другая крайность — состояние психического оупения в результате активности защитных механизмов организма, пытающегося противостоять эмоциональному стрессу.

Защитная реакция торможения часто проявляется в виде вялости, сонливости, и в том числе в виде нарушения процессов уп-

равления памятью. Не забывайте, что мы живем в пору постоянно возрастающего информационного потока. В памяти содержится так много информации, что главной проблемой становится обеспечение доступа к ней. Поэтому что наша память может удержать в каждый данный момент в активном состоянии только определенное количество материала.

— Какие рецепты улучшения памяти вы могли бы дать нашим читателям?

— Для того, чтобы память была лучше, ее надо упражнять. Точно так же, как существуют упражнения для укрепления мышц рук, ног, спины, шеи, брюшного пресса, существуют и упражнения для укрепления памяти. Они очень простые, общедоступные, их можно делать в любой обстановке. Например, многие люди очень любят обзаводиться большим количеством блокнотов, персональных еженедельников, записных книжек. А почему бы не потренировать свою память и не попытаться зазубрить наизусть все номера телефонов своих друзей и знакомых?

Ведь не случайно же раньше в школах детей заставляли зубрить очень многое наизусть. В том числе, заучивать без всякой разговорной практики так называемые "мертвые языки", на которых люди уже давно не разговаривают. Зубрежка вообще была одним из методов обучения. Мы же ее всегда очень критиковали и в конце концов ликвидировали. А вместе с ней выкинули на свалку хороший тренажер для памяти. Для тренировки памяти очень полезно заняться изучени-

ем какого-нибудь иностранного языка, заучивать ежедневно хотя бы по пять-десять новых слов. Или учить наизусть стихи — казалось бы, совершенно пустое занятие, но, поверьте моему опыту, это очень эффективное упражнение. Многие люди увлекаются разгадыванием кроссвордов — тоже неплохой метод для развития памяти и ассоциативного мышления.

Обязательно нужно пополнять свой словарный запас, больше читать. И не только газеты, хотя пресса сейчас у нас достаточно интересная и разнообразная, но и фантастику, и лирику, и специальную литературу — для того, чтобы получать как можно больше информации. То есть заставлять работать свой мозг. Вообще, чем больше разнообразной информации человек будет стараться запомнить,

тем лучше у него будет с памятью. Поэтому не делайте больших перерывов в умственной работе.

Разумеется, мы не отказываемся от медикаментозного лечения, от применения фармакологических препаратов, улучшающих деятельность мозга. Они, как правило, помогают и в детском, и в зрелом, и в преклонном возрасте — тогда, когда нарушается память, замедляются ассоциативные процессы в мозгу. Есть и другие способы укрепления памяти. Например, естественный отдых на природе. Очень благотворны лесные прогулки, потому что это не только другой состав воздуха, другие запахи, но это еще и принципиальная смена обстановки, которая сама по себе оказывает положительное воздействие на механизм нашей памяти. ■

ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ

Уважаемые читатели!

У вас появилась возможность подписаться на "Смену" через Интернет.

Посетив подписную страницу нашего журнала в интернет-магазине "Пресса", вы получите возможность всего за несколько секунд оформить и оплатить подписку на "Смену"

на любой период до полугодия.

Ждем вас по адресу

<http://pressa.apr.ru/index/70820>

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Будете в Барыше, загляните в Счастье

"Меняю Дружбу на Свободу". Такое объявление, если убрать некоторые уточняющие географические сведения, попало мне недавно в одной из украинских газет в разделе объявлений об обмене квартир. Дружба — небольшой город в Сумской области, на границе с Россией, Свобода — такой же, чуть меньших размеров, городок в Курской области. А с советских времен запомнилось подобного же рода объявление, где Равнина менялась на Остров. Равниной назывался населенный пункт в бывшей Туркменской ССР, Остров же — это город неподалеку от Пскова, на реке, носящей громкое имя Великая.

Кто бы и что ни говорил, а есть в такой игре названий что-то будоражащее, веселящее и восхищающее одновременно, питающее душу и ум. Человек потому и человек, что обладает речью, что всякий предмет и явление обозначает словом. Можно сказать, человек живет не только в стихии природы, но равным образом и в стихии языка. В мире вещественном и мире сугубо нематериальном. Собственно, вещественный

мир только тогда и начинает существовать для него в полной мере, только тогда и становится вполне реальным, когда назван и обозначен словом. А что не названо, того вроде и нет. Вот в турецких языках голубое и зеленое обозначается одним словом — "нок". И все, два разных цвета сливаются в один, голубое и зеленое становятся неразличимы.

Таков парадокс взаимоотношений человека с окружающим его материальным миром. Без мира языка нет мира, в котором человек обитает. И как он наслаждается видами природы, ландшафтами и пейзажами, так же естественно для него любоваться "видами" языка. Помню, как мы с сыном, находившимся тогда в том возрасте, когда все дети — великие лингвисты, вошли в переполненный, как сельдью бочка набитый автобус. "Слово "толкучка" нравится, а сама толкучка — нет", — сказал он.

Названия населенных пунктов, названия улиц — континент, путешествие по которому может доставить не меньшее наслаждение душе, чем реальное путешествие

в самую экзотическую страну — вроде Таиланда или Сьерра-Леоне.

Речь не о "геологических" изысканиях, когда предпринимаются попытки раскрыть первоначальный смысл названия "Москва" или "Волга" (в отличие от настоящих геологических изысканий, такие лингвистические раскопки обычно малоуспешны, полученные же результаты не слишком достоверны), а об истинно путешествиях, когда важно собственно созерцание открывающихся "видов", их "коллекционирование" и "описание".

Вот, например, кроме упомянутой Дружбы, которую можно поменять на Свободу, или Равнины, которую хотелось бы обменять на Остров, есть в Калужской области городок Передел — название, весьма актуальное по нынешним временам. Надо надеяться, что там в ходе приватизации начала 90-х годов уже все поделили и больше никакой передел собственности городку не угрожает. А в Ставропольском крае есть город Благодарный; за что и кому он так уж благодарен, автору не известно, но так и представляешь, как жители данного населенного пункта низко кланяются родному правительству за светлое свое будущее. Если же говорить о временах нынешних, то сейчас они все так же благодарны руководству Отечества за светлое капиталистическое настоящее. В Бессоновке, городке неподалеку от Пензы, надо думать, у жителей очень скверные отношения с господином Морфеем, и они потребляют изрядное количество снотворного. А в Свече (Нировская область), возможно, сильно осложнены отношения с "лампочкой Ильича", и там пред-

почитают освещать свои жилища по старинке.

Вообще, надо сказать, где только не селятся люди. Вот в Удмуртии, например, — прямо в Фанеле. На Брянщине — в Локте. На Алтае — в Волчихе. На Вологодчине — в Зайчихах. В Амурской области, неподалеку от Зейского водохранилища, — в Золотой Горе. В Тверской — в Котловане. В Немецовой — в Осинниках. В Омской — в Таборах и Таре. В Рязанской — в Сараях. На Полтавщине — в Погребях. В Прикарпатье — в Гвоздеце. В Белоруссии, в Брестской области, — в Березе.

Существует целый пласт названий, связанных с минералами и просто полезными ископаемыми. Так на Урале, неподалеку от Екатеринбурга, стоит город Асбест. В Украине, весь сверкая и блистая на склонах, — шахтерский город Антрацит. В Читинской области на ветке бывшей КВЖД расположился городок с именем Оловянная. На западной окраине Кольского полуострова, у самой границы с Норвегией, люди живут прямо в 28-й клетке таблицы Менделеева — городе Никеле. Живут — на том же Кольском полуострове — в городе Апатиты. А в Ленинградской области, на границе с Эстонией, — в городе Сланцы. Неподалеку от уже названного Асбеста на Урале находится городок с изумительным названием Изумруд. Так же неподалеку от всем известного Мирного в Якутии, центра добычи российских алмазов, стоит собственно город Алмазный. Пермская область, следуя доброй уральской традиции, гордо носит на своей карте ожерелье, именуемое Жемчужным. Не знаю, как сейчас, но прежде, в советские

времена — в Казахстане, в непосредственной близости от границы с Омской областью, на ветке железной дороги стоял городок Железинна. И уж, конечно, не остался в стороне царь благородных металлов — золото: в Украине, в Ворошиловоградской области, стоит город, который без особых затей так и называется: Золотое.

И ноль скоро в названиях населенных пунктов присутствуют всякие полезные ископаемые, то, разумеется, дело не обошлось и без всякого съестного, напрямую даруемого природой и состряпанного. Всем известен Калач в Воронежской области, но есть также и еще один Калач, в Волгоградской области, стоящий на берегу Цимлянского водохранилища, в которое в здешних краях превратился Дон, и этот Калач, чтобы его отличить от воронежского, так и называется: Калач-на-Дону. Сладкий город Изюм расположен в Украине, в Харьковской области, на реке Северский Донец. Собственно виноград на территории бывшего СССР присутствовал в названиях двух населенных пунктов. Это — Виноградов в Прикарпатье, неподалеку от границы с Венгрией и Румынией, а также Виноградово в Крыму. Впрочем, насколько автор осведомлен, так они называются и по сию пору.

Справедливости ради следует заметить, что "съестных" названий на карте современной России не слишком много. Что, конечно же, симптоматично. Можно сказать, о брюхе наши предки думали не слишком. Во всяком случае, быть сосредоточенными на гастрономических проблемах — это было им чуждо. Вот назвать поселение Мутный Материк (Ю-

ми республика), Искателей (Архангельская область), Полуночное (Северный Урал), Караул (Красноярский край), Перевоз (Иркутская область), Дружина (в Якутии, на реке Индигирна), Преображение или Находна (Приморье), Заставна или Сторожинец (Буковина, Прикарпатье), Кордон или Чусовой (Пермская область) — это было нормально, естественно и привычно. Так и чувствуешь по этим названиям, что русский человек приходил на землю не для того, чтобы наилучшим образом обустроиваться на ней, а землепроходствовать, биться с врагами и судьбой, противостоять стихиям и приручать их.

В связи с этим весьма интересно поговорить о тех основных принципах, что лежат в основе названия населенного пункта. При том, что седая древность недоступна для проникновения нашего взгляда и мы никогда точно не скажем, почему Москва — Москва, можно с уверенностью говорить, что населенные пункты в России и на Руси всегда назывались словно бы в увеночение памяти о ком-то или о чем-то. О человеке или о явлении. А если не о явлении, то о качественности места, где ставилось поселение. Скажем, таких названий, которые четко прослеживаются в названиях рек — Великая, Межа, Луна, Северка, Юг, Медведица, Сосна, Соленая, Каменка, — как, равным образом, озер и гор, то есть названий смысловых, указывающих на характер, нрав и качественность собственно называемого, подобных названий у городов немного. Безусловно, есть (города Светлый и Ясный в Оренбургской области, Прохладный в Кабарде,

Солнечный в Хабаровском крае и Якутии), но все-таки они нетипичны. Что вполне объяснимо. Откуда взялся характеру и качественности у того, что не существует, пона не будет создано человеческими руками? И все эти Светлые, Ясные и Прохладные, если уж быть точными, отражают не существующую реальность, а человеческое желание. Вернее даже так: пожелание.

Зато, глянешь на карту, несть числа Ивановкам, Васильевкам, Михайловкам — если говорить о деревнях, Ивановским, Васильевским, Михайловским — если о селах, да всяким Заозерным, Заречным, Запольным, Лесным, Тумановым, Кольчугиным, Красным. Лысые Горы в Саратовской области, Белый Колодезь на Белгородщине, Родники в Ивановской области, Грязи в Липецкой области, Марьины Колодцы на Ставропольщине, недалеко от Минеральных Вод — это все названия, которые увековечивают качественность тех мест, где стоять поселению. Так что не так давно возникшие (в историческом плане) города, что носят название природных ископаемых, те самые Никель, Асбест, Антрацит, названы абсолютно в соответствии с традицией.

А вот что было не в соответствии с традициями — так это называть города и поселки понятиями. А именно это в идеологическом ране стала делать молодая большевистская власть. Так на карте Советского Союза и появились названия Памяти 13 Борцов (неподалеку от Красноярска), Пролетарий (Новгородчина), Промышленный (Номи республика). Не в том дело, что некоторые из этих назва-

ний состояли из двух и более слов, а есть что-то в таких названиях противоестественное для слуха, неорганичное, даже диное. А вот, скажем, Ерофей Павлович — город на Дальнем Востоке, названный так в 1909 году в честь знаменитого землепроходца Ерофея Хабарова, — звучит удивительно тепло, сердечно, вызывает улыбку своей необычностью, но — никакого внутреннего отторжения. Почему? Да потому, что строго выдержана традиция: называть в увековечение памяти о ком-то. Разница тут с теми самыми бесчисленными Ивановками, Андреевками и Павловками лишь та, что в честь известного исторического лица и по имени-отчеству, а не просто по имени.

Что менее подвержено диктату традиции и потому более "лояльно" к разным экспериментам с собой — это названия улиц. Возможно, потому, что традиционно названия улиц никогда не были устойчивы, улицы часто меняли имена, причем как бы сами по себе, без всякого властного установления. Просто потому, что, скажем, менялся хозяин главного, самого большого, приметного дома на ней.

Вот Лопухинский переулочек в центре Москвы. Это одно из тех названий, которое прилепилось к улице само собой, родилось собственно жизнью. А родилось потому, что на улице в начале XIX века жил, владел видным домом гвардии поручик Лопухин. Можно представить себе такой разговор между извозчиком и седоком, когда переулочек еще не был Лопухинским: "Нуда ехать-то? — Да вот, где лопухинский дом стоит, знаешь? — А, лопухинский. Знаю. На

его улицу, значит". При этом до того, как стать Лопухинским, переулком именовался Репнинским. Репнинская была такой же, как Лопухин, домовладелицей, но только в конце XVIII века.

А неподалеку от Лопухинского — Большой и Малый Лёвшинские переулки. И тот, и другой получили названия от имени главы стрелецкого полка Лёвшина. Здесь в XVII веке находилась слобода, в которой жили его стрельцы. Как кончили стрельцы, всем известно из истории, такой род войск вообще перестал существовать, — и вместе с ним перестали было существовать и Лёвшинские. Малый Лёвшинский в XVIII веке, как и положено, именовался сначала по имени одного видного домовладельца, сержанта Плещеева — Плещеевым, потом по имени домовладельца капитан-поручика Ермолова — Ермоловым, в середине XIX века был даже Денежным, так как словно бы продолжал собой одноименный переулочок, но вот странность: тогда же, в XIX веке, он вновь вернул себе старое, полуторавеновой давности название. То же произошло и с Большим Лёвшинским. Побыв некоторое время Понцовским, вернул себе прежнее название и он. Такова особенность памяти: необъяснимо хранить в себе одно и забывать другое.

Кроме того, улицы часто назывались, если можно так выразиться, по обстоятельствам места. Болотная, Лесная, Полевая, Овражная, Зеленая, Липовая, а то и 1-я Лесная, 2-я Лесная, 3-я Лесная — таких улиц всегда было не перечесть. Они были в любом населенном пункте. Вплоть до всяких Пья-

ных, Грязных, Темных, Больших и Малых Кочек, Кладбищенских. Надо при этом непременно заметить, что предки наши, называя, предположим, улицу ли, переулочок ли Болотной или Кладбищенской, вовсе не вкладывали в название некоего уничижительного, обидного, "низкого" смысла. Название улицы имело чисто утилитарный смысл. Вела улица к болоту, так как же ее еще было называть, как не Болотной, — дабы все и сразу понимали, о какой улице речь. То же и с Кладбищенской, и Кочками, и с Пьяной. Разве что Пьяной улица становилась не по причине окружающих природных условий, а потому, что на ней стоял кабан и она всегда была усеяна пьяным людом.

Кстати, называть улицу по "обстоятельствам" жизни обитающих на ней людей — это было таким же правилом, как называть по "обстоятельствам" места. В прежние времена в городах селились по сословиям, по ремесленным группам (что нередко было обусловлено тем, что производство находилось во дворе, и кожевнику, сназем, легче было переносить всякие жуткие соседские запахи, которыми сопровождается дубильное производство, чем соседский кузнечный грохот). Так и появлялись Кожевнические и Кожевенные улицы, Гончарные и Котельнические, Ружейные и Пушечные, Хлебные и Скотертные, а также Мещанские, Дворянские, Лабазные.

При этом, так как в названиях улиц вкладывался прямой, конкретный смысл, они могли состоять и более чем из одного слова, могли нести в себе понятийную нагрузку. Характерным приме-

ром тому может служить знаменитая московская улица Матросская Тишина. Здесь в свою пору стояла больница для матросов, работавших на парусной фабрике, основанной еще Петром I, многие из калечных и увечных задерживались в ней надолго, "отдыхали", жили в покое и тишине, — и вот родилось это замечательное, поэтическое название. А нынешняя московская улица Ленивка называлась в прежние времена Ленивый Торжок и Ленивый Вражек. Был Горлов тупой переулочек, улицы Дачный поселок, Нуриная слободка, переулочек Загородного двора Воспитательного дома, Суцневский проезжий переулочек, по-прежнему существует проезд Соломенной сторожки, улицы Соколиной горы, улица Каретный ряд (ранее называвшаяся Тележный ряд), а также улица Охотный ряд.

Поэтому-то, когда в XX веке после прихода к власти большевиков улицам стали давать именно понятнейшие, обусловленные идеологическими целями названия, эти названия, хотя и небезболезненно, но прижились, стали привычны для слуха и не корябают его. Улица 26 Банинских комиссаров, улица 8 марта, улица Героев сибиряков, площадь Имени 1905 года, площадь Имени Первой пятилетки, улица 1812 года, улица 25 Октября, улица Индустрии, улица Стахановская, Коммунистическая, Социалистическая — вот отдельные реальные названия из сотен и тысяч таких названий. Некоторые из них после августа 1991 года перестали существовать — той же улице 25 Октября в Москве вернули историческое имя, Никольская.

Стоит отметить, что за советское время была создана вообще новая традиция поименования улиц: в честь кого или чего-либо. Ни Клара Цеткин, ни Карл Либнехт, ни Санко с Ванцетти никогда не были в тех десятках и десятках населенных пунктов, где их именами названы улицы, переулочки, площади. Ну, а уж если человек, живший на какой-нибудь там Болотной или Лесной, совершал какой-нибудь подвиг или каким-либо иным образом становился знаменитым, то улица его проживания едва не автоматически переименовывалась в улицу его имени. Так по всем городам и весям бывшего СССР появились бесчисленные улицы Васильевых, Бабушкиных, Леонтьевых, Кузнецовых, которые никогда не были видными домовладельцами, и которых улица (в смысле жителей, проживавших на ней) никогда при их жизни не знала. Улицы Воздухоплавателей, Авиаторов, Космонавтов, Героев Стратосферы, как, равным образом, улицы Танкистов, Артиллеристов, Пехотинцев, Чекистов, Паровозостроителей и т.п. появились как знак увековечения общественной моды, увлечения общества определенными идеями, воодушевления его теми или другими чувствами. Хотя на улицах Воздухоплавателей и Авиаторов никогда не жили люди, имеющие отношение к небу, на проспект Космонавтов, в отличие от Луны, никогда не ступала нога ни одного покорителя онолоземных пространств, а улица Танкистов всегда была вполне мирной жилой улицей.

Надо сказать, что в идеологическом раже власти, переименовывая и давая новые названия

улицам, иногда допускали такие ляпы, что, найдись на них кто бдительный, их вполне можно было бы назвать "врагами народа". Так в городе Рузе Московской области долгие годы существовал Коммунистический тупик. В одном из городов Украины был тупик Основоположников. И — уж не знаю, правда или нет — один давно покойный знакомый рассказывал мне, что в 30-е годы жил в Сибири на улице Светлого Будущего, которая прямоком вела в Социалистический тупик.

Любопытно, что первые годы советской власти дали очень много названий с прилагательным "красный". Улица Красных партизан, улица Красных зорь, улица Красных борцов, улица Краснопролетарская и так далее. Почему прилагательное "красный" было до такой степени в ходу — понятно. Замечательно то, что все эти названия прижились и не вызывают никакого внутреннего отторжения. Тогда как мы уже совершенно не воспринимаем такие чисто идеологические названия, как Коммунистическая, 40-летия Октября или Имени XXII партсъезда. Объяснение этому простое: слово "красный" было все-таки отнюдь не прерогативой новой власти, а исконно принадлежало русскому языку, обозначая в недалеком историческом прошлом понятие "красивый", и вот с годами идеологическое значение из слова, а вместе с ним и из названия, выветрилось, осталось традиционное, просто обозначающее цвет, причем цвет не обычный, а "красивый".

Называть улицы и города именами известных и прославленных людей, а также понятиями — это,

между прочим, отнюдь не изобретение советской власти. В данном случае советская власть была (вероятней всего) последовательной ученицей Америки. Страна эмигрантов, Соединенные Штаты, заселяясь и строясь, остро нуждалась в названиях своим новым поселениям. Выдумки не хватало, и поэтому многие города без особых затей назывались именами европейских городов, из которых прибыли поселенцы, разве что подчас с добавлением свежего прилагательного "новый". Так на карте нынешних США появились Бирмингем, Ричмонд, Берлин, Парма, Москва, Йорк, а также Нью-Йорк, Нью-Берн, Нью-Бедфорд, Новый Орлеан. Так как в Америку переселялись различные религиозные сенты, то многие поселения названы именами, взятыми из Библии. Наиболее характерный пример тому — Мемфис, крупный город на юге США. Мемфисом же называлась древняя столица Египта, развалины которой до сих пор можно видеть близ современной Гизы. Или Филадельфия, один из крупнейших городов США, бывший в свое время даже их столицей. Филадельфией назывался город, один из центров раннего христианства в Малой Азии, существует он и сейчас на территории современной Турции, в ста с небольшим километрах от Измира, только уже под другим названием.

Но все же ни имен европейских городов, ни имен библейских не хватало, а кроме того, Америка как бы старалась обрести собственную историю, и она стала называть города именами своих прославившихся граждан. Как и положено Америке, немилосердно в

том усердствуя. В результате именем Вашингтона названо сейчас в США 23 города, и столица — лишь один, самый крупный из них. Именем Линкольна — 19 городов. Именем еще одного, седьмого президента Джексона, — также 19 городов. Есть в Америке, в штате Северная Дакота, город Бисмарк, названный так в честь прусского канцлера, есть в штате Вашингтон город Пульман, поименованный в честь изобретателя спального вагона.

И, между прочим, в той же Америке, как и у нас, полно смешных, двусмысленных и просто слишком оригинальных названий. В штате Пенсильвания есть, например, города Король Пруссии, Красный Лев, Голубой Шар. Эти названия образовались не из чего другого, как из названий популярных местных салунов. В штате Арканзас имеется город со школьным названием Чернила. В штате Техас, в соответствии с его репутацией, — город Зарежь-и-Пристрели. В штате Оклахома — город Скрытые Ноги. В штате Орегон — город Скучный. Не обошлось, естественно, и без съедобных названий: в штате Западная Виргиния люди живут не где-нибудь, а прямо в Огурце.

Конечно же, в каком-нибудь светском разговоре приятно бросить известное всем, прошедшее испытание веками название улицы или города, где ты живешь — Ордынка, Волхонка, Воронеж, Смоленск, — но, в принципе, на самом-то деле это все равно, где жить. Главное, жить хорошо. Достоинно.

Напоследок же еще небольшой список замечательных названий. Вроде сладкого на закуску.

Вот где у нас, в любимом нашем Отечестве и на просторах СНГ, живут люди.

В Хабаровском крае, на реке Охота, — прямо в Арке.

В Иркутской области, хоть весна, хоть лето, хоть осень, — в Зиме.

В Немеровской области, как где-нибудь на Западе в каменных джунглях, — в Тайге.

В Челябинской области, хоть и с нормальной температурой, — но в вечных Бредах. Там же — в Пласте; правда, неизвестно каком: угольном, серебряном, золотом...

В Костромской области — в Буге. В Кировской — в Рожках.

В Воронежской области — не в каком-нибудь там, а Верхнем Быке.

В Ворошиловградской области Украины — в Счастье.

В Якутии, на реке Лене, живут до самой смерти с неперерезанной пуповиной, так как живут в Маме.

В Тверской — живут в Родне.

В Новгородской области, как одни в Московской устроились в Вожде Пролетариата, так другие — прямо в самом Пролетарии.

В Хмельницкой области Украины некоторые устроились в Антолинах.

Но лучше всех кое-кто устроился в Ульяновской области: в Барыше! Должно быть, там собрался самый удачливый в финансовом плане российский люд.

Впрочем, можно полагать, тем, кому повезло обитать в Ставропольском крае, неподалеку от Пятигорска, ничуть ульяновским барышням не завидуют. Они живут в Свободах! Какой бы режим в России на дворе ни стоял. ■

Чего только не пишут о группе "Руки вверх": то они якобы распадаются, то собираются кого-то пристрелить... А на самом деле Алексей Потехин и Сергей Жуков — люди очень мирные. Эпатаж, разборки — не их профиль.

"Руки Вверх", но...

— Насколько успешно прошла презентация и концерт вашего последнего альбома "Здравствуй, это я"? Говорят, на премьерных сольных творилось что-то неопишное?

Сергея: Так сложилось, что за пять лет существования "Руки вверх" мы ни разу не давали сольные концерты в Москве, на большой площадке. И вот, наконец,

свершилось — провели настоящее шоу в "Лужниках" режиссерами которого выступали мы сами. Самое сложное было выстроить концертную программу таким образом, чтобы никто не устал за время шоу. Мы исполнили почти все свои песни: от "Нрошки моей" и "Студента" до совсем новых, не вошедших в новый альбом. Я в

Робята только
собирают песни,
записывают
их на студии
и исполняют
на концертах,
колятся по российским
городам
с гастролем.

СЕМ НЕ СТРАШНО...

восторге от концерта. Мне понравилась море пуха в лучах лазеров, разлетающегося из брошенных в толпу подушек, под песню "Баю-бай". Потом мы поехали в Питер. На вокзале нас чуть не разорвали на части поклонницы, хотя мы приняли все меры предосторожности, засекретили номер поезда. Но поклонницы торчали на вокза-

ле двое суток, встречали все подряд поезда из Москвы и вели себя так, что некоторых даже забрали в милицию.

Леша: В Питере творилось что-то невероятное. В новый Ледовый дворец, построенный для чемпионата по хонкью и рассчитанный на 12 тысяч человек, набилось 15 тысяч. Аншлаг был

фантастический, к сцене не протолкнуться, девчонки буквально висели на заграждениях. В Питере вообще публика сильно отличается от московской. Они понимают, что мы приехали к ним только на два часа, поэтому не теряют времени: оттягиваются на полную катушку. Нас не хотели выпускать из зала, пришлось три часа ждать, пока основная часть зрителей разоидется. Но потом все равно еле-еле пробежали до машины. Даже тридцатиметровый коридор охраны не смог помочь нормально выйти.

— На кассетах и компакт-дисках никогда не увидишь ваших фото. Верите в привороты по фотографиям?

Серена: Мордочек наших не бывает на кассетах по другой причине. Символом группы давно стал нарисованный человечек. Он служит чем-то вроде талисмана. Мы его придумали, когда только дебютировали с первой песней.

— Хитов, как всегда, много?

Серена: Недавно я получил письмо от поклонницы. Она пишет: "Вы написали плохой альбом, понравилось всего 9 песен из 12". Я же считаю, что это настоящий успех.

Леша: Хиты создают определенные проблемы. Когда ты написал хит, и он зазвучал из каждой палатки, каждого окна, то в следующем альбоме песни должны быть лучше предыдущих. А это не просто. Например, "переплюнуть" песню "Крошка моя, я по тебе скучаю" было очень тяжело. Поэтому мы постоянно вынуждены "прыгать выше собственной головы".

— Девчонки, как правило, заваливают своих кумиров подарка-

ми. Например, "Иванушки" просят, чтобы им пренратили дарить игрушки, мол, выросли давно.

Серена: Мы не жалуемся, отдаем игрушки, подаренные нам, в детские дома.

Леша: А мне запомнился подарок — торт с физиономией Сергея из желатина.

— Ходят слухи, что "Руки вверх" заделались модельерами и выпускают собственную одежду.

Серена: Мне с детства нравилось рисовать эскизы модельного платья. Конечно, мы не шьем одежду сами. Просто фабрика выпускает прикольные футболки с нашими физиономиями.

— В последнее время вы вообще тщательно следите за имиджем: "мальчики из Самары" обзаводятся дорогими костюмами, цветными прическами.

Серена: Ты хотела сказать, "два гопника из Самары", именно так нас назвала московская пресса, когда первая песня "Малыш" зазвучала на радиостанциях. Нас любят за то, что у нас "имидж без имиджа" — мы простые парни. Хотя сейчас мы более тщательно следим за собой.

Леша: Я, например, обзавелся собственным стилистом. Дима Жилин упорно трудится над моей головой. Я уже несколько раз менял цвет волос: в клипе "Ай-яй-яй" был красно-синим, а теперь вот солнечный желто-оранжевый.

— Ребята, поклонниц мучает вопрос, женаты ли вы?

Леша: Нет. После песни "Ты назови его, как меня" многие девчонки-поклонницы недоумевали: "У кого-то из вас сын родился?" На самом деле думать о детях нам рано.

— Я заметила, что в любых ситуациях более раскованно ведет себя Аленсей, а ты, Сережа, все время смущаешься. Неужели популярность не избавила от скромности?

Сережа: Я как артист играю определенную роль. У нас в группе все роли распределены: Леша хулиганит, шокирует чем-нибудь, говорит ужасно, а я — наоборот, пытаюсь все делать спокойно и пристойно.

— Насколько я поняла, поклонницы вам досаждают, но других проблем нет?

Леша: Есть в профессии артиста еще более ужасные вещи. Например, отсутствие на гастролях горячей воды.

Сережа: Для нас это большая тема. Хотя уже почти привыкли к таинам с нагретой водой. Правда, приезжая в Москву, все равно деремся за право первым отмокать в ванной.

— А вы что, живете вместе?

Леша: Мы редко бываем в Москве и поэтому снимаем одну большую трехкомнатную квартиру на двоих. Но не подумайте ничего плохого. Просто в целях экономии.

— Значит, ссоритесь только из-за ванной?

Леша: Еще из-за порядка в доме. Конечно, до драки не доходит, но это только благодаря моему терпению, с которым я постоянно убираю разбросанные по всей квартире вещи Сергея.

— Выходит, Леша — и домработница, и кухарка?

Сережа: Он крупный специалист по части ведения домашнего хозяйства. Но когда приходят гости, то и я люблю приготовить что-то неординарное, например, суперпорт какой-нибудь.

— Многие артисты увлекаются коллекционированием чего-нибудь экзотического. А вы?

Сережа: А у нас тоже есть очень необычная коллекция... водни. Приезжая на гастроли, покупаем спиртное с названием города. Раньше отправляли по магазинам менеджера, а теперь поклонницы чаще всего дарят водку вместо цветов. У нас уже все полки в квартире заставлены бутылками.

— Спиться не боитесь?

Леша: Ну, это же просто коллекция. Если бы мы всю ее выпили, нас не то что в шоу-бизнесе, вообще на свете не было бы. Мечтаем лет эдак через 45 пригласить всех друзей и отпраздновать юбилей группы "Руки вверх". ■

Беседовала

Галина СИРИК.

фото **Бориса Кудрявова**

ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ

История многолетней человеческой боли, которую старается победить рязанский врач Алексей Епифанов и которую усиливает медицинская бюрократия при поддержке судебной

Андрей ТАРАСОВ

В 1992 году, навестив в Ташкенте отца, я увидел то, что уже никогда не забуду. Его иссиня-черную, холодную ногу, обреченную на ампутацию. Собственно, ампутирование уже началось, части ступни у него не было, остались только фантомные боли на месте бывших пальцев. Но это была отсрочка окончательного приговора. Сердобольные хирурги поддались отчаянному сопротивлению отставного полковника и отрезали малую часть онемевшей ноги. Тогда как для решительного избавления от мертвеющей плоти, грозящей гангреной, надо было забирать уже до колена. Меня поразила беспощадная быстротечность этой агрессии. Каких-нибудь два года назад он бодрее меня вышагивал по Москве от Савеловского до Назанского вокзала, не признавая транспорта. Фанат

утренней гимнастики. Постоянный посетитель парной с крепким вечным паром. И вот мы движемся по теплым осенним улицам с непривычной медленностью, не успевая за один светофорный просвет перейти дорогу на "зеленый", подолгу застревая на разделительной линии... Клюка и мой локоть поддерживают его, и тащимся мы в госпиталь получить направление очередного консилиума на радикальную ампутацию, медлить с которой нельзя. Никакие массажи, припарки, примочки, лекарства не могут остановить бедствие.

Через две недели после прохождения (кончился отпуск) я вернулся в Ташкент его хоронить. Буквально перед операцией точку поставил жестокий инфаркт. Очень уж он ее не хотел, не сумел примириться.

журнал, оглядываю аскетичный кабинет в давно не отремонтированном углу больницы — сухую подвальную каморку, забитую до потолка историями болезни, научными журналами, схемами, электротехническими деталями. Кроме докторской неприхотливости и скромности, есть еще причина этой задвинутости. В отделении все мало-мальски подходящие помещения, даже ординаторская, отданы под койки, очередь сюда готова заполнить не сорок мест, а сотни. Из палаты то и дело прибегают то попросить седунсена, то сообщить, что повязка сочится, то с тревогой от приступа боли —

ГАНГРЕНА

Про Рязань и "Звезду" доктора Елифанова мне чуть позже рассказали обратившиеся в редакцию инвалиды. У них грозили отобрать единственное спасение от той же самой напасти, которая сгрызла отца.

...Прежде, чем увидеть самого доктора, я застаю крайне печальную картину вывоза из его операционной тележки с безногим больным. Парню лет тридцати, не больше, заведующий отделением лично только что ампутировал вторую ногу, выше бывшего колена, дальше некуда. Свежий бинт сочится кровью, пациент запрокинул голову в забытьи. Елифанов выходит из операционной в сумрачном духе, крайне не расположенный к разговору. Ампутация — поражение его метода, особо не похваляешь. Пока он молча заполняет операционный

реальной или фантомной, но одианово непереносимой и знакомой каждому ампутанту.

Доктор снова бежит в перевязочную, потом на процедуры других больных, потом на консилиум, оставляя меня в отделении. Через пару часов я уже общаюсь в палате с исхудавшим, вдвое укороченным Виктором, несчастным пациентом — от ног остались два перебинтованных обрубка. Приступы боли он укрощает то порциями седунсена, то хрипом кассетника, то просто руками молоденькой жены, стискивающими его плечи. От приступа до приступа успеваю по частям выведать его горькую историю. Сюда, к Елифанову, он поступил, потеряв одну ногу. Пальцы второй уже прихватила гангрена. Это необратимая стадия, когда восстанавливать ногу поздно. Можно только спасать оставшее-

ся. Но Виктор все равно прошел курс и оттянул развязку. Потом не приезжал несколько лет, забросив лечение. Нога неумолимо разваливалась, снова метнулся в Рязань на своем костыле. Но выбора уже не оставалось. "Что теперь?" — спрашивает он убито, а я могу лишь виновато отвести глаза.

Вот вам — не семьдесят семь лет, как у моего отца, и не афганские мины, хотя парень и там побывал, не дорожная авария, а просто так, ни с того, ни с сего по внешнему взгляду, какая-то гидра отгрызла ноги. Тут я неизмеримо пополнил сведения, полученные в печальных домашних условиях. Гидра эта — поражение сосудов конечностей, *облитерирующий эндартериит*. Справочник не вдаетсь в причины, а просто и зримо фиксирует печальную картину. *"Прогрессирующее заболевание внутренней оболочки артерий, которое ведет к сужению их просвета вплоть до полной облитерации"*. Облитерация проклятая, стало быть, и есть полная непроходимая закупорка сосудов, ведущая к омертвлению плоти от потери кровоснабжения. Но причина-то, причина? Скуп справочник. *"Чаще поражает нижние конечности. Возникновению и развитию заболевания способствуют спазмы сосудов, возникающие под влиянием длительных охлаждений ног, нервно-психические травмы, хроническая интоксикация (курение). Встречается преимущественно у мужчин"*.

На самом деле у мединов много споров о причинах этой напасти. Одни кивают на питье-курево, дурное питание, от которых деградируют сосуды по всему организ-

му. Другие валят на генетику и уверяют, что наследственность не обойдешь, как бы себя ни берег. По жизни же, как и в полных эпифановских палатах, встречаются все варианты, их гибриды и комбинации, не укладывающиеся в строгие правила. Есть и диабетический, со склерозом сосудов, очень частый и у женщин. Особенно трагично, что именно у молодых, 30-40-летних, как несчастный Виктор, болезнь течет гораздо агрессивней. Начинается вся неприятность, как правило, с зябкости ног, быстрой усталости при ходьбе, затем боли в икрах. Нога холодеет, как ее ни растирай, синееет, кожа иссушается, пальцы немеют... Боли все невыносимей, лезут трофические язвы, предвестники некроза и гангрены... Человек, к сожалению, не сразу бросается к врачам, долго надеется кто на сауну, кто на шерстяные носки, кто на массаж, кто на авось...

А явившись на прием, слышит: "Что же вы, больной, так тянули..."

Лечение столь же разнообразно, сколь и малорезультативно. Что только ни звучит в качестве рецептов и назначений. От *"устранения факторов, вызывающих раздражение нервной системы"* до витаминов и мазей. Гормональные препараты, внутривенный хлорид натрия для разжижения крови, сернистые ванны в Мацесте и Серноводске, и постоянно сосудорасширяющие. Расширяющие, расширяющие, расширяющие — даже резина такого не держит. А нога продолжает деревенеть и чернеть. Приходит время хирургического скальпеля. Впрочем, многие решительные врачи

уверяют, что промежуточный период из компрессов и припарок можно пропустить и начинать с ножа. Для экономии средств, времени и сил больного. Как минимум с шунтирования пораженных сосудов. На что еще более решительные добавляют: и это лишь лишняя мучительная резня перед неотвратимой ампутацией.

Весь этот цикл и самую мучительную часть его проходит такое множество людей, что мы (которых Бог пока миловал) и не подозреваем. Но гляньте вокруг повнимательней — и возле своего подъезда, и на улице, и в метро вы насчитаете скорбно повышенное число "клюшечников", еле волочащих ноги. А среди известных имен — спортивнейший Лев Яшин, любимейший народом артист Павел Луспенаев, президент Академии наук Мстислав Келдыш, спасти которого еще в 74-м прилетал из Америки не кто иной, как будущий консультант президентского сердца Дебейни, и участвовал в операции, где трижды Герою Соцтруда заменили на обеих ногах пять метров непроходимых артерий... Разные люди, разные судьбы, разный, видно, уровень лечения, но одинаковые мучения ампутаций перед уходом из жизни, беспощадным и преждевременным. Кажется, эти правила для всех одинаково неумолимы.

Исключение из правил я все же нахожу — в палатах того же епифановского отделения. Еще через часок-другой прогуливаюсь по коридору с молодым питерцем Олегом, ровесником только что искромсанного Виктора. Статный, красивый парень, с черной интел-

лектуальной бородкой, в цветущем работоспособном возрасте. И еще семь лет назад услышал от врачей категорическое: "Резать!" По приговору официальной медицины давно пора обезножить, а он все на своих двоих. И абсолютно уверен, только потому, что нашел дорогу в Рязань. Седьмой раз проходит месячный курс лечения, и тревога лишь одна: как бы отделение не закрыли для иногородних.

Всего лишь сорок коек на громадную страну, попасть к Епифанову — выстоять не однолетнюю очередь. Пока еще по старым полусоветским меркам и правилам. Долго пробиваться — зато бесплатно лечиться, как в любой советской больнице. Только теперь эти советские правила ломаются, и что будет дальше — мои собеседники тоже ломают головы, тревожась за ноги.

Рязанцу Николаю Яновлевичу повезло: и местный, и после первого курса о болезни не вспоминал, сидя за рулем своего грузовичка. А еще в 90-м на первом же осмотре в местном кардиоцентре молодой деловой хирург с ходу бросил сестре: "Запиши на 29-е". И нуда-то сорвался. "Куда это запиши?" — встревожился Н.Я. "Ты что, маленький? — удивилась сестра. — На операцию, куда же еще". Но и этот больной на операцию до сих пор не явился, потому что явился в отделение Епифанова...

Когда плановые процедуры заканчиваются, допускается и мне влезть в установку, которая называется "магнитный снафандр". Внутри его меня охватывают секции элентромагнитных катушек. Врач за столиком набирает на па-

нели управления программу сеанса. Субъективно никаких ощущений, когда волны частотой сто килгерц пронизывают конечности и тело прямо через одежду. С точки зрения пострадавших больных это не просто лечение, а сказка. Можно принимать сеансы для профилактики общего тонуса, что практикует сам Елифанов и другим советует. Если бы не уникальный результат, только что увиденный своими глазами и задокументированный в отчетах о клинических исследованиях, можно даже подумать, что ничего, собственно, не происходит. Но на самом деле происходит и произошло очень многое.

Алексей Елифанов, сын рано умершего безрукого солдата-фронтовика, кончил Рязанский медицинский институт с полным отличием в 1973 году. Еще на третьем курсе, начиная профилироваться в сосудистой хирургии, он "заболевает" этой проблемой: почему молодым ребятам отрезают ноги, и никто не может им помочь. В тридцать ты еще летчик-истребитель, годный к сверхзвуковой без ограничения, в тридцать пять — калек без обеих ног. Статистика обескураживает: ежегодно без всякой минной войны в стране десятки тысяч ампутаций. Бессильны и массажи, и ультразвук, и токи Бернара.

Если помните, 70-е — время магнитного бума в медицине и самолечении. Множество народу щеголяло в магнитных браслетах в основном японского происхождения, поступавших через комиссии, целители намагничивали водопроводную воду, по рукам ходила тьма инструкций по примене-

нию магнитной панацеи. Даже серьезные лаборатории пытались через магнит подступиться к раку — но вездливая экспертиза этот пыл охлаждала, и волна сама собой стихла. Алексей Елифанов однако с тех пор "зацепился" за магнитное поле, связав с ним энергетическое состояние клетки как основу окислительно-восстановительных процессов. Изучал поведение зарядов на поверхности клетки и внутри клетки — думаете, в шинарной институтской лаборатории? Нет, в сельской больнице, куда попал по распределению, совмещая науку с лечением. Ведь здесь же вместе с простудами, запорами, запоями, остеохондрозами, переломами и другими народными недугами полный набор сосудистых поражений. У них ведь тоже уйма особенностей — закупорки, спазмы, разрывы, выводящие из строя сердце, мозг, конечности... И вдруг просвет: магнитное поле нормализует энергетический процесс в клетке, улучшает текучесть крови и сосудистый тонус.

С этим стартовым наблюдением он и наездился из своей сельской больницы в Рязань, где с инженерами радиотехнического института и опытными коллегами из медицинского осуществлял идею: "закольцевать" электромагнитами руки и ноги больного для создания управляемого магнитного поля. Так рождалась полимагнитная система "Звезда", в конце концов реализованная в виде снафандра нескольких модификаций. Еще в стадии эксперимента через него прошли первые больные, и эффект оказался таким, что весть о нем облетела все больницы Союза. Елифанов удостоился золотой

медали ВДНХ, стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Но главное — очередь из тысяч людей достучалась до дверей Минздрава СССР, и его специальным приказом 1982 года в 11-й горбольнице Рязани открыли клиническое научно-исследовательское отделение сосудистой хирургии с применением полимагнитной системы. Заведующим и стал Алексей Епифанов. Мало того, директора крупнейших НИИ с их КБ обязывались вместе с Епифановым довести его авторский экспериментальный образец снафандра до опытного и промышленного, чтобы запустить серию и снабдить установками региональные больницы.

С тех пор много воды утонуло, рухнула, как известно, и общая система, а с ней и система здравоохранения, и база наукоемкой промышленности. Епифанов не получил обещанных минздравовских средств на развитие темы. Пришлось самому и средства искать, и соисполнителей среди таких же мыкающихся КБ.

Одно пока казалось незбытым — отделение принимало больных, до него добирались страждущие, как до последней соломинки. Епифановская "соломинка" держала их — пока. Магнит побеждал пилу на этой крохотной площадке. Но предвестники будущей бури уже витали в атмосфере.

Снова в Рязань — по делу, срочно, в составе целой делегации. Два доктора медицинских наук, профессора Владимир Толпин и Геннадий Амосов — ведущие специалисты столичного Института трансплантологии и искус-

ственных органов. По-народному — института пересадки сердца во главе с великим академиком Шумаковым. Это наш головной институт и по проблеме сосудистой хирургии. В нем Алексей Епифанов защитил докторскую диссертацию по своей методике. Также стоит отметить, зная извечную ревность столичных законодателей школ и направлений к провинциальным мечтателям, забегающим на их поле. Что там — в какой-то Рязани грибы с глазами? Кто-то осмеливается идти поперек всемогущего скальпеля в спасении сосудов? Зная и крутой характер самого Шумакова, по крайней мере такого можно ожидать. Однако посмотрим — моим попутчикам предстоит быть экспертами и арбитрами в конфликте, который разгорается в Рязани.

За это время главный врач горбольницы № 11 Барсук успел издать приказ о ликвидации — под видом реорганизации коечного фонда — уникального отделения, (15 лет успешной работы, около десяти тысяч пролеченных больных), а Епифанов, единственный в штате больницы доктор медицинских наук, получил персональное послание под заголовком: "Предупреждение о сокращении должности".

Одновременно, как ни странно, Рязанский горсовет, заваленный протестующими письмами больных (около 300 подписей), силами наиболее разумных депутатов ставит вопрос о создании на базе отделения "Звезд" специализированного центра полимагнитных систем. То есть самостоятельного хозрасчетного медицинского учреждения, которое будет

совершенствовать уникальную методику, может быть, для всей страны. И вот кто вперед: главврач Барсуку успеет разгромить отделение или муниципальная власть отделение защитит?

Мы с шумановскими профессорами присутствуем на заседании горсовета по этому поводу, и страсти накаляются до предела.

Вообще-то конфликт имеет очевидную подоплеку. После первого успеха "Звезды" авторская группа раскололась. В сущности, традиционно для многих изобретательских коллективов. Елифанов запатентовал свой вариант, его бывшие соавторы — свой, назвав его "Аврора". Типично для большинства таких случаев тянется многолетний хронический судебный процесс об изобретательском приоритете. Но счастье в другом. Те минздравовские средства на создание серийного образца, которые не получил Елифанов, отошли "авроровцам". В Минздраве в соответствующем научно-техническом отделе мне сухо и деловито объяснили, что Елифанов замешан на с предоставлением технической документации на свой промышленный вариант, а его коллеги-конкуренты успели первые, вот и сподобились финансирования. Но в Минздрав мы еще вернемся, повод будет, а вот в Рязани, где "грибы с глазами", главврач больницы после многих лет сотрудничества с отделением Елифанова, которым сам не мог нахвалиться, круто развернулся в пользу "Авроры" и отдает ей место, выбрасывая "Звезду". Дело даже не в том, почему одну систему надо утверждать ценой разрушения другой. По мне чем больше таких лечебных систем, тем лучше — их все

равно не хватает. А в том, что сосудистые страдалцы, попробовав то и другое, косяком рвутся именно к Елифанову. То ли он действительно секрет знает, то ли его методика и аппаратура эффективнее — неспециалисту судить трудно. Но очевиден медицинский факт: больные требуют сохранить отделение Елифанова.

На заседании горсовета сошлись, что называется, врукопашную. Главврач обвиняет Елифанова в том, что созданный им кооператив не отчисляет больнице положенных средств. Он даже возбуждал по этому поводу уголовное дело "за незаконное врачевание". Доктор Елифанов объясняет, что больница фактически давно отказала отделению в положенных ему средствах. Ни ремонта, ни мебели, ни аппаратуры, ни мединвентаря, ни даже канцтоваров он из больничного бюджета не получает. Бедные больные здесь лечатся бесплатно за счет богатых, из средств кооператива создается аппаратура нового поколения. Не где-нибудь — в Пензенском КБ моделирования, высококвалифицированном НПО, создающем точные приборы для подводных лодок.

По мнению экспертов из Москвы, методика и аппаратура Елифанова представляют уникальную технологию лечения, которая достойна всяческого развития. Такой центр на ее базе необходим тысячам больных, обреченных на калечащие операции. Читают письмо директора своего института академика Шуманова: "...НИИ трансплантологии и искусственных органов МЗ РФ берет на себя всю научно-методическую помощь по организации данного центра в Ря-

зани". Вообще-то выдающийся шанс — можно вспомнить Нурган Илизарова, Киев Амосова и другие хоть не частые, но убедительные случаи торжества региональных талантов. Тем более, письма бывших пациентов Епифанова, уехавших в Западную Европу и Израиль, подтверждают: там они даже в лучших клиниках не нашли нужного лечебного эффекта.

Горсовет принимает обнадеживающее решение. Просить администрацию города остановить раскулачивание полимагнитного отделения и рассмотреть вопрос о создании на его базе специализированного центра.

Телефонный звонок из Рязани в начале марта 97-го — как отчаянное SOS. В отделении Епифанова полный погром: его больных насильно выбрасывают из палаты, кабинеты с установкой опечатывают. Сам Епифанов, прибежавший ночью в больницу с бюллетеня, видит ужасающую картину. Охрана омовского типа воюет с хромыми и безногими стариками, больными женщинами. Рязанских изгоняет вон, иногородние, которым некуда деваться, забаррикадировались внутри. Представьте, что такое нынче насобирать на лечение и на дорогу из Владивостока или Челябинска, из Тюмени или с Украины. Врачей в отделение не пускают, двери заперты, они видят это через стекло, а когда Епифанов все же прорывается внутрь, получает от охранника умелую подсечку и серьезный ушиб. Да что доктор — на пол летит одноногий инвалид, ного-то вытаскивают в коридор вместе с кроватью, в которую бедняга намертво вцепился. Из тумбочек, как мусор, летят в коридор

личные вещи больных, скучные продукты, одежда. За всем этим с невозмутимым спокойствием надзирают представители администрации, выполняющие приказ главврача о закрытии отделения.

Что же придало Барсуну столь вопиющую смелость для варварского исполнения своего приговора? Ларчик довольно прост. Чиновники российского Минздрава поддержали своего давнего сотоварища (когда-то Барсук был начальником аж Рязанского облздрава) несколькими письмами, в которых епифановская "Звезда" фактически объявляется вне закона, не разрешенным к применению медицинским средством. С этими письмами наперевес Барсук берет на испуг городскую власть, штурмует судебную, запугивает лицензионную. Как будто, кстати, не он же лично пару лет назад восхвалениями "Звезды" не выхлопотал для нее лицензию. Теперь ее отнимают. При нынешней юридической самостоятельности и демократии для крутых администраторов эти бумаги просто развязывают главврачу чешущиеся руки.

В ту пору в Минздраве России царит Татьяна Борисовна Дмитриева. К кому, как не к министру, было бросаться за помощью. Тем более, что еще в преддверии катастрофы ей были посланы статьи и письма об угрозе разгрома уникального отделения, созданного самим же Минздравом. Ни ответа, ни привета. Чужа недоброе, я даже повисаю на редакторской "вертушке", чтобы достать ее лично. Наскад командировок, конференций, заседаний правительства, ученых и очень ученых сове-

тов — и наконец, как с другой планеты, пробился очаровательный женский голос.

— Какие письма? — с живейшей непосредственностью переспрашивает первая медицинская леди. — Какая Рязань? Я ничего об этом не знаю.

Судорожно пересказываю суть дела: гангрены, ампутации, уникальный метод, тысячи обреченных, не сегодня-завтра из-за фальсифицированных минздравовских писем больных выкинут на улицу, отзовите их, накажите чиновника. Очень интересно, отвечает она, надо во всем этом внимательно разобраться, и она это сделает.

Через месяц после этого любезного обещания все и рушится. Снова повисаю на телефоне, но теперь этого зануду дальше помощника (Агеев Владимир Васильевич) сквозь приемное сито не пропускают. И помощник, представьте, все вопросы начинает сначала. Какая-то Рязань? А кто таной Бельгов? Мы разберемся, только не надо министра тревожить по пустякам. И назавтра даже радостным голосом сообщает, что все улажено, больные как ни в чем ни бывало лечатся на "Звезде" и получают полное удовольствие.

Первая же связь с Рязанью рушит эту иллюзию. Ни на какой "Звезде" больные не лечатся, да и места их в палатах уже заняты другими. Впечатление таное, будто в официальном Минздраве, который хоть как-то дипломатничает, существует подпольный, более реальный и заправляющий судьбами несчастных больных. Дальше — больше. Минздравовский же Комитет по новой технике,

структура, очевидно, принципиальная, принимает решение о технических и клинических испытаниях модифицированного промышленного скафандра. Ура! Но бундально на другой день после этого решения Барсук (получивший предписание обеспечить условия для проведения испытаний в условиях стационара) — что делает? Совершенно верно, приказывает демонтировать опечатанные в кабинетах скафандры и вынести как лом в подсобки.

И все потому, что проклятая бумажка о якобы "незаконности" епифановской аппаратуры все еще гуляет по выгодным главрачу инстанциям и закрывает его, как юридический бронезилет. Еще раз общаюсь с министром. На сей раз в интересном месте — на организованной с ее руководящим участием конференции "Медицина и средства массовой информации". Со свойственной ей чарующей улыбкой она призывает прессу работать бок о бок с врачами: "и вообще давайте чаще общаться неформально". Сдуру поверив, подкарауливаю министра у выхода из президиума и бундально бухаюсь в ноги. От писем, говорю, инвалидов кровь в жилах стынет и волосы шевелятся. Давайте, пока не поздно, спасти людей. В полном соответствии с только что высказанными тезисами о неформальном общении, министр мелодично отрубает: "Я с вами разговаривать не буду!" Тут же ее, как от террориста, отгораживает здоровый лысый "шкаф" и бережно уводит в кулуары на чаепитие начальников.

Гуманнейшего министра так и не пронял всероссийский вопль о помощи. Люди с чернеющими

ногами выли от боли и обреченности. Но честь чиновничьего мундира оказалась роднее и ближе. В Рязани, к счастью, к страданиям несчастных отнеслись сердечней. Приструнить Барсуна не удалось, но с помощью начальника Рязанского горуправления здравоохранения И.П.Чернова и главврача другой, 10-й, горбольницы А.П.Харламова, Елифанов буквально из обломков на новом месте восстановил отделение. С опозданием на год новая "Звезда" — "Снафандр Елифанова" — на базе нового стационара проходит весь комплекс испытаний.

Лечение восстановлено, а справедливость? Пытаясь отыскать ее, оскорбленный и униженный доктор подал в суд на Минздрав с иском о защите чести и достоинства и возмещении всех видов убытков. Для этого надо было признать недостоверными выданные Минздравом бумажки. И тут свершилась сенсация. Чиновничья машина сломала зуб об упорного доктора. Тверской суд Центрального округа Москвы в лице судьи Федосовой, проработав весь пакет документов, признал правоту упорного доктора, а не его оппонентов.

Браво! Но какие же теперь последуют меры? А никаких. Ни предписания отозвать злополучные письма, ни взыскания вреда и ущерба за разгром отделения. Минздрав, как и любая государственная контора, может продолжать в том же духе, и с него все издержки, как с гуся вода. И это понимает городской суд Москвы, который по кассационной жалобе Елифанова отменяет "недопроявленное" решение первой инстан-

ции и возвращает на новое рассмотрение в новом составе для оценки всех последствий пресловутой недостоверности, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию истца. Еще раз "браво!"

И вот уже в нынешнем апреле выходим мы с Елифановым снова из Тверского суда. И я пытаюсь понять одну вещь. Прикидывалась судья Быковская, что не понимает объяснений Елифанова или в самом деле не могла осилить ситуацию. Вот спрашивает она со всей беспристрастностью обе стороны: "Так получается, значит, что истец должен был представить медино-техническое задание на "Звезду", а представил на "Снафандр Елифанова"? И на "Звезду" ничего не представлено?" О, да, да, поддерживают проницательность судьи представители Минздрава, защищающие своего наследившего коллегу. "Звезда" — это одно, а "СН" — совсем другое, и истец не выполнил протокола!

Елифанов со своей стороны: ваша честь, я представил МТЗ на "Звезду", которая в новой серийной модификации названа "Снафандр Елифанова". Это и есть выполнение протокола. Судья опять задумчиво: "Значит, на "Снафандр Елифанова" это ваше МТЗ представлено, а на "Звезду" нет?" И никто на свете не знает, что у судьи в голове. В самом деле она не понимает, что очередной этап можно назвать "Звезда-10", а можно "СН" — или прикидывается? Вы спросите: а какое это имеет значение? А вот такое. После короткого совещания сама с собой судья выходит с решением: истцу в иске к Минздраву отка-

зять. То было хоть частично, а теперь полностью.

Но одно-то мы с Епифановым понимаем четко. Всей шкурой, к сожалению, не только своей, но и несчастных инвалидов-больных. Система, основанная на наказании непокорных, послабления и спуска не дает никому. Ни старому, ни малому, ни здоровому, ни больному. А она у нас и министерская, и судебная, и пока что всеобщая.

Имеет ли смысл Епифанову и дальше оспаривать в суде несправедливый министерский документ? Если отделение все-таки возрождено, снова заполнено страждущими пациентами, а снафандр нового поколения успешно прошел все минздравовские испытания и рекомендован к применению? Наверное лучше бы забыть и беречь силы, измотанные многолетней борьбой — все более хромающему, на грани нервного срыва Епифанову силы эти очень нужны. Но тогда кто же оградит талантливо-го доктора и его больных от торжествующего бюрократического вандализма, ломающего целебную аппаратуру, здоровье и жизни? Горе в том, что быстрое забывание таких историй чревато безнаказанным повторением тех же болей и бед, которые повсюду испортили и пролили нам столько крови.

Административная гангрена начинается так же, как и физиологическая, с омертвления живой клетки. Сколько раз мы с такой же горечью видели, как рожденное с умом и призванием живое и необходимое дело подвергается коррозии и распаду силами окружающего "порядка". Они не вмешиваются. Что для них голоса родственников многолетних пациентов рязанского доктора, находивших у него единственное спасение! "Папа не дождался восстановления "Звезды", умер..." "Брат умер, не дождался..." Кто-то попал под ампутацию, кто-то под тяжелейшие осложнения. Хоть вой от записей в историях болезни. Но горькие эти последствия остаются безнаказанными...

В чью пользу склоняются весы справедливости — мы, увы, ощущаем. Как перетянуть в другую сторону — думаем.

P.S. В конце августа, когда очерк уже был подготовлен к печати, иск врача-изобретателя рассматривался в Московском городском суде, но и здесь рязанскому доктору не удалось убедить судей, что "Звезда" и "Снафандр Епифанова" — этапы развития и усовершенствования одного аппарата. Все варварские последствия недостоверной министерской проверки судом оправданы. ■

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

133. В. КАЛАНДАДЗЕ
Грузия

б) $ne7-g4$ # 2

134. З. ЛАБАЙ
Словения

2

135. Ю. ПОДБЕРЕЗСКИЙ
Беларусь

2

136. Д. БАНЧИ,
Л. ЗОЛТАН
Венгрия

б) $\Phi d1$ # 3

137. Е. БОГДАНОВ
Украина

3

138. Д. ГИЖНО
Украина

3

139. Е. БОГДАНОВ
Украина

5

140. С. МАТВЕЕВ
Санкт-Петербург

9

141. М. ХОФМАН
Швейцария

10

**Приз
В. ЖЕГЛОВ**

5

**Приз
Ю. СУШНОВ**

б) a4-b4 в) K8-a7, a4-b4

5

**Приз
В. МОРОЗОВ**

9

**Специальный приз
В. МОРОЗОВ**

9

МНОГОХОДОВКА-99

В конкурсе многоходовок 1999 года участвовало 152 задачи 45-ти авторов (48 миниатюр опубликовано). Из конкурса исключены: №№ 62, 71 — как ранее опубликованные, №№ 90, 100, 101, 155 — из-за предшествеников, 156 — с побочным решением.

Приз — В. ЖЕГЛОВ (Москва)

1...Hpd4 2.Hb6 Hpe4 3.Hd5 Hpd4 4.Lf4x
1. Hpd7!! Hpd4 2. Hd6 Hpc5 3.Lb3 Hpd5 4.Hf3 Hpc5 5.Lb5x, 1...Hpd5 2. Hd6 Hpd4 3.Hc2 Hpc5 4.Lb3 Hpd5 5.Lb5x

Прекрасная задача-блок с эхо-хамелеонными правильными матами с редким для подобных задач вступлением, отдающим два поля черному королю! Жаль, что иллюзорная игра нороче решения.

Приз — Ю. СУШНОВ (Санкт-Петербург)

а) 1. Ca5? Hpd6 2. Hpd4 — пат! 1. Ce7! a5 2. Cd8 Hpd6 3. Hpd4 a4 4. Lf4 Hpe6 5. Lf6x, 2...Hpc5 3. Cc7 a4 4. Hpc3 Hpd5 5. Le5x

б) 1. Ca5! Hpd6 2. Hpc4 a3 3. Ha6 a2 4. Hc5 a1D 5. Le6x, 1...a3 2. Cc7 Hpc5 3. Hpc3 Hpb5 4. Le5 Hpa4 5. La5x

в) 1. Le7! b6 2. Hb5 Hpc6 3. Hd4 Hpd5 4. Lf7 Hpe5 5. Lf5x

Очень содержательная миниатюра с двумя парами правильных эхо-матов. Выделяется первый близнец с красивым обходным маневром белого слона (во избежание пата!).

Приз — В. МОРОЗОВ (Москва)

Главный план: 1. Hpd1? (2. Hd2x) — пат! 1. Ha5! Hpa2 2. Hb7! (Hc6?) Hpb1 3. Hpe2 Hpc2 4. Lc8 Hpb1 5. Hpd1! Hpa2 6. La8 Hpb1 7. Ha5 Hpa2 8. Hc4 Hpb1 9. Hd2x

Превосходная миниатюра логического стиля! Ясный план осуществляется четко и изящно! В результате многоходовой игры конь и ладья возвращаются на исходные позиции.

Специальный приз — В. МОРОЗОВ (Москва)

1. Hf6 Hpb5 2. He4 Hpa5 3. Hc3 b5 4. Hd5 b6 5. Hpc2! Hpa4 6. Hpc3 Hpa5 7. Hc7 Hpa4 8. b3 Hpa3 9. Kb5x

Точный длинный маршрут белого коня с далекого поля g8 обеспечивает возможность белому королю выигрывать необходимого темпа!

1-й почетный отзыв — М. МАРАНДЮН и Н. НАГНИБИДА (Украина)

а) 1. Fe7 Hpg6 2. g3 Hph6 3. Фf7 Hpg5 4. Фg7x

б) 1. Фf7 Hpg5 2. Fe6 Hph5 3. Фf6 Hpg4 4. Фg6x

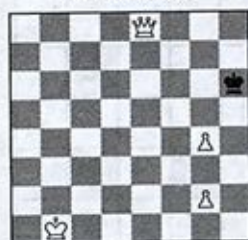
в) 1. g5 Hpg7 2. g4 Hph7 3. Фf8 Hpg6 4. Фg8x

Малютка с тремя правильными эхо-матами. Технично сконструированные близнецы, однако вступительные ходы оставляют желать лучшего.

2-й почетный отзыв — М. МАРАНДЮН и В. МЕЛЬНИЧЕНКО (Украина)

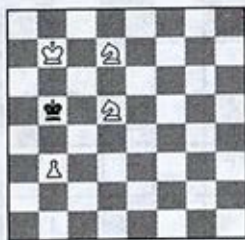
1...Hpa5 2. Hpc6 Hpa6 3. b4 Hpa7 4. b5 Hpa8 5. Hc7 Hpa7 6. b6x

1-й почетный отзыв
М. МАРАНДЮК
Н. НАГНИБИДА

б) *ng4-g3 а) Kph6-h7* # 4

М. МАРАНДЮК
В. МЕЛЬНИЧЕНКО

9

3-й почетный отзыв
В. КОВАЛЕНКО

9

1. Kpc7! Kpa6 2.Kpb8 Kpa5 3.Kpa7 Kpb5 4.Kpb7 Kpa5 5.Kpc6 Kpa6 6.b4 Kpa7 7.b5 Kpa8 8.Kc7 Kpa7 9.b6x

Девятиходовая малютка-блок. Потеря темпа осуществляется "оппозиционным" маневром белого короля.

3-й почетный отзыв — В. КОВАЛЕНКО (г. Большой Камень)

1. Kpf7? h2 Ch1 — пат!
 1.Hg6! Kph7 2.He7 Kph8 3.Kpf7 h2 4.Ch1 Kph7 5.Hg8 Kph8 6.Kpf8 Kph7 7.Ce4 Kph8 8.Hh6 h1Ф 9.Hf7x

Еще одна хорошая задача логического стиля.

1-й похвальный отзыв — С. СУШКОВ (Санкт-Петербург)

Kpc5, Фg3, Hh4 — Kpe4, nn.e6,e7, g4 #5

1...e5 2.Kpc4 e6 3.Фf2 g3 4.Фf3x
 Вынидательного хода нет, но есть лишний: 1.Фc4! e5 2.Фf2 e6 и теперь возможно 3.Hf5! ef 4.Фg3 f4 4.Фd3x

2-й похвальный отзыв — И. СОРОКА (Украина)

Kpc6, Ла8, Hc8, n.b4 — Kpa6, Cb8, n.a7 #4

1...C — 2.Ла7x 1.Hb6 Cd6 2.Hd7 Cb4 3.Hb8 Kpa5 4.Ла7x

Псевдодвухходовна с активной контригрой черных.

3-й похвальный отзыв — Ю. ФОНИН (Санкт-Петербург)

Kpc5, Лf3, nn.e2, g3, g4 — Kpe4, n.c7 #4

1.Ла3! Kpe5 2.Ла6 c6 3.Лс6 Kpe4 4.Ле6x, 1...c6 2.Лd3 Kpe5 3.Лd6 Kpe4 4.Ле6x

Простыми средствами осуществлены два красивых маневра белой ладьи.

4-й похвальный отзыв — В. ИВАНОВ (п. Повенец)

Kpe6, Cd5, Cg5, Hg8, n.e4 — Kpe6, n.d6 #5 б) Hg8-c4

а) 1.He7 Kpd8 2.Kpd6 Kpe8 3.Hf5 Kpf8 4.Ce7 Kpe8 5.Hg7x, 1...Kpf8 2. Kpd7 Kpg7 3.Cg8 d5 4.ed Kpf8(h8) 5.Ch6(f6)x

б) 1.Hb6 Kpf8 2.Kpf6 Kpe8 3.Kpg6 Kpf8 4.Cf7 d5 5.Hd7x

Четыре правильных мата, но игра невыразительна.

5-й похвальный отзыв — В. ЖЕЛТОННИНО (Екатеринбург)

Kpg4, Фc7, Hh4, n.f2 — Kpe6 #4

1. Фd8 Kpe5 2. Hf3 Kpe6 3.Hg5 Kpe5 4.f4x, 1...Kpf7 2.Kpf5 Kpg7 3.Hg6 Kph7 4.Фh8x.

Два правильных мата. Есть еще один: 1... — 2. Hf5 Kpf7 3. Фe7 Kpg8 4. Фg7x, но эта угроза виртуальна.

Специальный почетный отзыв — С. КОВАЛЕВ (Барнаул)

Kpg8, Фd6, Cc1, nn.d3,e2 — Kpa4, n.g6 #4

1.Cg5 Kpa5 2. Фc6 Kpb4 3.Фc4 Kpe5 4.Cd8x, 3...Kpa3 4.Cc1x, 1...Kpb3 2. Фd4 Kpa2 3.Cc1 Kpb3 4.Фc4x, 3...Kpa2 4.Фb2x, 2...Kpc2 3.Фb4 Kpd1 4. Фd2x, 2...Kpa3 3.Cc1 Kpb1 4.Фb2x, 1...Kpb5 2.Фc7 Kpa6 3.Cd8 g5 4. Фb6x, 3...Kpb5 4.Фc4x.

Восемь правильных матов, но с малой долей оригинальности.

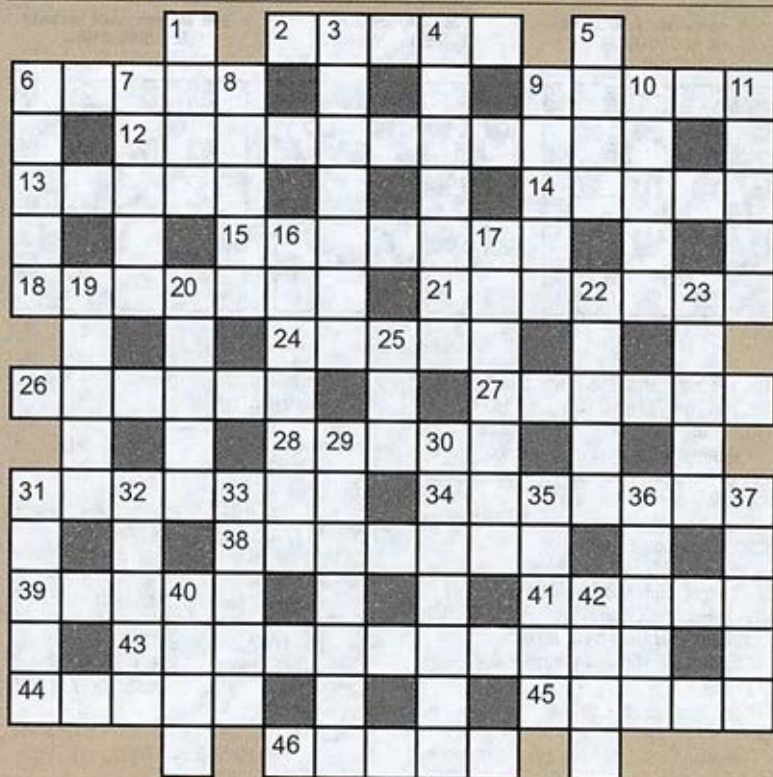
Специальный похвальный отзыв — Г. АМИРЯН (Армения)

Kpf3, Фd5, Cb4, nn.e3, f4 — Kph1, Лg2 #4

1.Ce1 Kpg1 2.Cg3 Лg3 3.Kpg3 Kpf1 4.Фd1x, 2...Kph1 3.Kpg4 Kpg1 4.Фd1x,

1...Kph2 2. Cf2 Лf2 3.Kpf2 Kph3 4.Фh5x, 2...Kph1 3.Kpe2 Kph2 4.Фh5x

Симпатичная (увы, симметричная) игра заканчивается правильными матами.

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Женщина, чьим именем назван один из штатов США. 6. Английский ботаник, первым разглядевший беспорядочное движение молекул в воде. 9. Синеклювый нырок. 12. Молочный продукт. 13. Парад в художественной самодеятельности. 14. Прозвище Ахилла по деду. 15. Правительственный чиновник. 18. И горы, и заповедник в Камбодже. 21. Спортсмен-борец, вольный применять любые приемы. 24. Бунсир на колесах. 26. Представитель живущего на Колыме древнейшего народа Сибири. 27. Пособница США в агрессии против Югославии. 28. Каждый из братьев-близнецов, искусных врачей-терапевтов в брахманизме. 31. Немецкий писатель, помещенный фашистами в исправительное заведение как "нервнобольной". 34. Снежная эрозия. 38. Один из переводчиков на русский язык "Алисы в стране чудес".

39. Архитектурный полукупол, похожий на раковину. 41. Неразлучные герои Троянской войны, совместно совершавшие подвиги. 43. Представительница второй древнейшей профессии, порой продажная, как проститутка. 44. Спортивное начало. 45. Деревня под Ялтой, где у А.Чехова была дача. 46. Рена бассейна Тобола, чье дно вымощено сплавным лесом.

По вертикали. 1. Ребро монеты. 3. Сваха в комедии А.Островского "Свои люди — сочтемся". 4. После выпивки. 5. "Причина и начало живого тела" (Аристотель). 6. Голь перенатная. 7. Устой моста по сути. 8. Опера В.Беллини. 9. Отец Одиссея. 10. Высокооплачиваемый городской транспорт. 11. Дооктябрьский суворовец. 16. Небольшая музыкальная пьеса как вступление к большому музыкальному произведению. 17. Бег воды или времени. 19. Азиатский извозчик на самом себе. 20. Откорм скота на пастбище. 22. Сосуд сначала веселья, а потом горя. 23. Распускать ... (ныть, хныкать). 25. Мультишный котенок с присобаченной кличкой. 29. Игра, где ходят сидя. 30. Религия, сделавшая лотос священным. 31. Крупное домашнее растение, не столь давно бывшее символом мещанства. 32. Последняя надежда циркача под куполом цирка. 33. Чувство, умело подогреваемое в казино. 35. В стихотворении "Есть в стане моем офицерская прямоть..." М.Цветаева говорит: "А зорю слышу — отец ты мой родной! — хоть райские — штурмом — ...!" 36. Арбузная корка, сваренная в сахаре. 37. Ханыга в старину. 40. Шведский государственный деятель, заключивший в 1724 году оборонительный союз с Россией. 42. Житель республики в Сибири, который не прочь отведать мухоморов. ■

Составил **К. БОРОДИН**,
Алейск Алтайского края

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 3. Коринна. 8. Моруа. 10. Щитомордник. 13. Юбочник. 15. Филенка. 17. Мазай. 19. Трюк. 23. Парк. 25. Звук. 26. Чернослив. 28. Мышь. 29. Апилак. 30. Невежа. 31. Улов. 32. Дипломник. 33. Нина. 34. Краб. 35. Хани. 37. ...орала... 40. Жиронда. 41. Ермолов. 43. Преступница. 46. Сосед. 47. Рассказ.

По вертикали. 1. Гром. 2. Шнур. 4. Омоним. 5. Ирод. 6. Кадмий. 7. Винчи. 9. Линер. 11. Убаюкивание. 12. Экзаменатор. 14. Наннелюра. 15. Фансимиле. 16. Отвална. 18. Якшание. 20. Рупор. 21. Пекин. 22. Циник. 24. Рыжик. 26. Чад. 27. Вен. 36. Бояре. 37. Одесса. 38. Аренда. 39. Шорцы. 42. Мусс. 44. Тост. 45. "Пекс".

щее светлые предметы на темном фоне больше, а темные на светлом — меньше настоящих размеров. 35. Ядовитый газ, открытый Ж. Гей-Люссаном. 36. Русский балетмейстер, 17-й ребенок в семье. 38. Английская писательница, ставшая вместе с мадам де Сталь, по мнению Байрона, "зрелищем" 1813 года. 43. Американский биохимик, ставший в 54 года чемпионом мира в парусных гонках. 44. Ювелирный камень цвета шампанского. 45. Рысь в песках. 46. Страна, где были найдены почти полутонные пластины самородного серебра. 47. Каждый лепесток в венчике морской актинии. 48. Исходный пункт в сюжете повести, романа.

По вертикали. 1. Струны, на которых лучше других играют подлецы. 2. Руководитель артели, ватаги на Руси. 3. Место, где зимой бывает лето. 4. Герой песни со словами: "С нашим атаманом не приходится тужить". 5. Скоростная киносъёмка. 6. Нязь Мышкин с точки зрения купца Рогожина. 7. Нить, связывающая рыбака с природой. 8. Музыкальный инструмент, с которым не расставался отец И.С.Баха. 15. Небольшая римская серебряная монета (грош, пустяк в переносном смысле). 16. Ватикан по отношению к Италии. 17. Эстрадное действо, скроенное из разных сцен на одну тему. 18. Самая популярная тнянь из продававшихся в России на Фоминой неделе. 19. Немецкий физик, открывший в 1869 году катодные лучи. 20. Персонаж комедии "Крок ноткам", в котором А.Шаховской нарицательно изобразил В.Жуковско-го. 21. Крестьянская повинность, замененная Онегиным на оброк. 25. Поэт, написавший первую биографию В.Белинского. 29. Зона, благоприятная и для дроф, и для рябчиков. 31. Самая нечистоплотная в России птица. 32. Поминание Аллаха как прославление его имени в мусульманских молитвах. 35. Инструмент, всегда готовый изобразить символический портрет круглого дурака. 37. Город, откуда В.Маяковский привез автолитографию П.Пинассо, неразделенную любовь и стихи о гордости советского человека. 38. Художественный набросок, способный стать самоценным произведением. 39. Советский киноактер, все герои которого пьют отнюдь не чай. 40. Девушка-украинка вынесла на крыльцо сватам арбуз (суть). 41. В "Подражании псалму 71" И. Крылов пишет о солнце: "И не затмит его лучей вся ... туч, весь мрак ночей". 42. Одно из самых известных стихотворений Н.Некрасова — "Дедушка Мазай и ...".

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 4. Остролист. 11. Ереван. 12. Ырчи. 13. Бабирусса. 14. Щеголь. 15. Кнут. 16. Деление. 17. Неф. 22. Траур. 25. "Элефант". 27. Туннель. 28. Ванна. 29. Лапша. 30. Никомах. 32. Истукан. 33. Радев. 38. Цирк. 41. Истерия. 43. Вах. 45. ... чардаш. 46. Коловорот. 47. Урал. 48. Потуги. 49. Минроскоп.

По вертикали. 1. Земщина. 2. Лесгафт. 3. Галлы. 5. Статер. 6. Ртишев. 7. Лиувиль. 8. Сыск. 9. Транс. 10. Диета. 18. Француз... 19. Шут. 20. Афганец. 21. Юноша. 23. Рубин. 24. Ангоб. 25. Элюар. 26. Насса. 30. Надсмотр. 31. Хам. 34. Виндхук. 35. Якушкин. 36. Пелопс. 37. Жиголо. 39. Авгур. 40. Окнам. 42. Масон. 44. Холи.

ГУТА КЛИНИК

КУРОРТ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ

“ГУТА КЛИНИК” предлагает Вам широкий спектр немедикаментозных методов курортной медицины. Специально разработанные комплексы лечебно-оздоровительных процедур обеспечивают высокую эффективность лечения и совмещают программу релаксации, оздоровления, снижения веса, профилактики и лечения различных заболеваний.

● **Мощнейший комплекс бальнеотерапии – все виды курортных процедур первоклассного водного курорта в самом центре Москвы** (Водолечение: подводный

Массаж, подводное горизонтальное вытяжение позвоночника, сухое углекислые ванны, электро-гальванические, йодо-бромные, жидкие, скандинавские, хлоридные натриевые, железные ванны, душевые кабинеты Шарко и Визш; грязелечение Анапским сульфидно-иловыми и Сосорокскими грязями и природной серо-зеленой глиной Делонского периода - грязевые обертывания, грязевые аппликации, грязевые маски, гиалуроновые и ретиноловые грязевые тампоны, талассотерапия, горчичные и аюрведические обертывания с микроинвазивными морскими красками и коралловыми водорослями, скрабирование тела с использованием косметики фирмы Thalgo и Vichy).

● **Вся классическая и аппаратная косметология**

(Гельминизация, дарсонвализация, дезакризация, электрофарез, ультразвуковая чистка, лифтинг, устранение угрей, нормализация работы сальных желез, осветление пигментных пятен, лечебные препараты GELYSIS и профессиональные линии Gotlineo и Vichy, фруктовые кислоты, коллагеновые эластифицирующие маски и мезотим препараты Restylane)

● **Колонгидротерапия** - мониторинг очистки толстого кишечника по рекомендациям и под контролем врача, очищает организм от шлаков, улучшает качество кожи, придает бодрость и легкость телу

- **Ингаляции соляных растворов, трав, масел**
- **Ароматерапия**
- **Криомассаж жидким азотом**
- **Оксигеноозонотерапия**
(Лечение газобразным озонем и озано-кислородной смесью - улучшение снабжение кислородом органов и тканей, ликвидация очагов хронической инфекции, бактериальных и вирусных заболеваний, лечение целлюлита)
- **Диетология и контроль веса, индивидуальный подбор программ питания**
- **Мануальная терапия и массаж**
(Классический, антистрессовый, антицеллюлитный, рефлексно-точечный, лечебно-сегментарный, лимфный, спортивный и др.)

И многое, многое другое

Более подробно на все Ваши вопросы ответят наши администраторы по тел. 250-26-40, 251-80-02 или 250-58-03, факс: 251-66-76, Звоните, мы ждем Вас!
Государственная лицензия ЦЛМД №6780/6776

Новая клиника, открытая в центре Москвы, предлагает лечебные ванны и грязи, талассотерапию, услуги косметолога. Высочайший уровень обслуживания гарантирует оздоровление, лечение, косметический уход, улучшение физической формы. Клиника снабжена самым современным оборудованием, обеспечивающим широкий ассортимент процедур.

Мы предлагаем иодобромные, хлорилные, натриевые, хвойные, скипидарные, электрогальванические, жемчужные, сухие углекислые ванны, подводное вытяжение позвоночника, подводный душ-массаж, душ Шарко, душ Виши.

Разнообразные по составу ванны имеют как расслабляющий, так и тонизирующий и закаливающий эффект, оказывают тренирующее действие на сердечно-сосудистую систему и стимулируют обмен веществ, что способствует похудению и уменьшению явлений целлюлита.

Пребывание в теплой ванне с подводным душем-массажем, вызывающее расслабление мышц, в сочетании с энергичным механическим воздействием позволяет достичь максимального эффекта.

Большое распространение у нас и за рубежом получил метод горизонтального вытяжения позвоночника в воде. Специальное устройство фирмы "Unbecheiden" позволяет провести горизонтальное вытяжение позвоночника в воде, поднять пациента из ванны в горизонтальном положении и переложить его на кушетку для отдыха. Такая методика транспортировки позволяет закрепить эффект, достигнутый расслаблением и растяжением тканей в теплой воде. При приеме душа Виши сочетание теплых струй воды и мягких рук массажиста поможет расслабиться и получить новый заряд жизненной силы.

С помощью природной серо-зеленой глины, намного превосходящей по лечебно-оздоровительному эффекту голубые, белые, серые глины, очищается, омолаживается, восстанавливается упругость кожи лица и шеи.

Мы предлагаем два вида грязей: иловые сульфидные анапские грязи и лечебную грязь месторождения "Сестрорецкое", а наши специалисты посоветуют сделать выбор. Грязевые обертывания, грязевые аппликации, гальваногрязи, гинекологические и ректальные грязевые тампоны повышают сопротивляемость организма, так как содержащиеся в грязях биологически активные вещества улучшают деятельность желез внутренней секреции.

Для совершенствования и укрепления силуэта можно воспользоваться обертываниями из микронизированных морских водорослей, обработанных специальным образом фирмой "Thalgo", холодными и горячими обертываниями с продукцией фирмы "Belnatur", позволяющими необходимым для здоровой кожи питательным веществам, минералам свободно проникать в кожу и предохранять ее от преждевременного старения.

А физиотерапевтические процедуры, **лечебная физкультура, мануальная терапия, различные виды массажа, иглорефлексотерапия** восстановят здоровье и прочность организма на многие годы. В клинике проводится мониторинг очистки кишечника с помощью аппарата "Colon-Hydromat". Метод колонгидротерапии заключается в вымывании содержимого толстой кишки, которое накапливается годами — для улучшения микроциркуляции в слизистой оболочке и создания хороших условий для жизнедеятельности полезных микроорганизмов. После проведения курса процедур улучшается качество кожи, появляется чувство легкости и бодрости, снижается риск онкологических заболеваний.

Сочетание новейшей аппаратуры, классических методов водогрязелечения с комфортом частной клиники — это то, что необходимо для улучшения здоровья.

МАСЛО ЛЬНЯНОЕ — НАШЕ ЗДОРОВЬЕ СЕГОДНЯ, ЗАВТРА И ВСЕГДА

Новое — это хорошо забытое старое. Так получилось не только с модными нынче тканями из льна, но и с льняным маслом. Этот старый, исконно русский продукт сегодня попал в категорию пищевых новинок.

Еще в Киевской Руси на льняном масле готовили праздничные блюда, добавляли для аромата в сдобную выпечку. Аромат у льняного масла особенный: так пахнет первая весенняя травка. Поэтому именно это масло идеально подходит для заправки овощных салатов. Придаст оно приятный желтовато-оранжевый оттенок и сдобной выпечке, пирожкам, жареной картошке, караваем.

А уж как полезно льняное масло!

М. Левачев, заведующий лабораторией липидного анализа института питания РАМН, называет его природным эликсиром молодости. Благодаря содержанию полинасыщенной линоленовой кислоты, которой нет ни в подсолнечном, ни в хлопковом масле, этот продукт эффективно снижает уровень холестерина в крови, препятствует образованию тромбов и нормализует сердечную деятельность.

Масло одобрено и рекомендовано институтом питания РАМН.

Внимание! Указанные лечебно-профилактические свойства характерны только для льняного масла, изготовленного по защищенной технологии директора предприятия "Вера" — Л.Г.Болобана (товарный знак — летящий сокол балобан).

Кстати, о производстве масла. Поскольку сегодня всем ясно, что льняное масло — это здоровье, появилось много желающих такое масло выпускать. Но дело это не настолько простое, как кажется. У льняного масла своя формула и для получения продукта высокого качества необходима особая технология. И состав масла, и технология его производства запатентованы. Те, кто берется за дело, не зная этого, нарушают патентное законодательство (нарушением исключительного права патентообладателя признается несанкционированное изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа или иное введение в хозяйственный оборот).

Так что тем, кто хочет действительно укрепить и поправить здоровье, рекомендуется внимательно смотреть на этикетку. У истинного производителя на этикетке бутылки имеется товарный знак, указаны номера патентов. Если этого на этикетках нет, масло лучше не покупать.

**Производство ООО "Вера",
г. Кашии Тверской области.
Тел.: (08234) 6-26-18, (095) 237-86-74, (0742) 46-22-80.**

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета **"один балл - один километр полета"** (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и **бесплатный билет Ваш**. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более 70 000 баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;

www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

УЗНАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТИ СВОЕГО ТЕЛЕФОНА

Телефон дал человеку новую степень свободы. Вместе с тем, многие пользователи не довольны сегодня работой своих аппаратов или не умеют в полной мере использовать их функциональные возможности. Давно работающие на рынке отечественные производители предлагают сегодня, в основном, устаревшие дисковые аппараты. Импортные модели или недостаточно надежны (дешевые модели из стран Юго-Восточной Азии), фирменные же не всем по карману. Решить эти проблемы помогут новые разработки зеленоградской фирмы "Ремикон".

Эта динамично развивающаяся компания предлагает целую серию **кнопочных аппаратов, обладающих современным дизайном** и адаптированных к нашим телефонным линиям. Специалисты разработали более десятка моделей, успешно конкурирующих с импортом не только по качеству, но и по цене. Здесь вы можете приобрести современный кнопочный телефон всего за 260 рублей. Разработки "Ремикона" решают и другие проблемы телефонии.

Типичная ситуация для небольшого офиса, коммунальной квартиры или современного коттеджа — это наличие нескольких аппаратов, работающих на 1-2 телефонных линиях. Исправит положение целая **серия мини-АТС "PicStar"**. Эти мини-АТС не только исключают негативное влияние одного телефонного аппарата на другой, но и добавляют много новых и полезных возможностей: переадресация звонка с одного номера на другой, объединение абонентов в конференц-связь, режим "директор-секретарь" и множество других. Такие мини-АТС выполнены для 1-2-3 телефонных линий, объединяющих до 8 внутренних абонентов. Отличительными особенностями этих станций является работа со всеми видами телефонов, включая дисковые, простота установки и эксплуатации, низкая цена.

Есть и специфически российские проблемы. Это нестандартные (с точки зрения международных норм) абонентские линии. В сложной ситуации оказываются пользователи УПАТС типа "Квант", абоненты линий с аппаратурой высокочастотного уплотнения (АВУ) и спаренных линий. НПО "Ремикон" выпускает простые и недорогие устройства — **адаптеры**, которые позволяют подключить к нестандартным линиям кнопочные телефонные аппараты, фансы, модемы.

"Ремикон" производит не только телефоны и мини-АТС, но позволяет решить другие важные проблемы. Как, например, защититься от телефонных пиратов? Пират — это тот, кто незаконно подключается к телефонной линии либо радиоканалу радиотелефона и звонит за счет законного владельца — в другие города, за границу, в платные службы и т.д. Избежать такой ситуации поможет **блок защиты линии "Антипират"**.

Ну а если у вас радиотелефон? Ведь существуют устройства, позволяющие любому злоумышленнику-пирату звонить с вашего радиотелефона, как со своего собственного! Избавиться от этой проблемы можно, купив **блок защиты радиотелефона**.

Большой ущерб владельцу телефона может нанести звонок по междугородней связи или различные коммерческие службы. Даже дети, балуясь с аппаратом, могут невольно причинить убытки каждому из нас. Выход прост — поставить **блокиратор междугороднего номера**.

Все эти разработки решают серьезные проблемы отечественной телефонии. Ведущий производитель таких изделий — НПО "РЕМИКОН" постоянно разрабатывает и осваивает производство новых устройств (в том числе и на заказ). Специалисты НПО стараются сделать так, чтобы вся продукция была **доступна любому человеку** вне зависимости от его материального достатка. Вся продукция имеет **сертификаты Госстандарта РФ и Минсвязи РФ** и позволяет сберечь немало денег, времени и здоровья.

Телефонные аппараты. Мини-АТС (1x2, 1x4, 1x5, 2x6, 3x8 и т.д.). Блоки защиты линий, радиотелефонов. Адаптеры и блокираторы телефонных линий. И многое другое

НПО "РЕМИКОН"

Тел. в Москве: (095) 455-19-77,

в Зеленограде: (095) 534-22-77,

E-mail: remicon@orc.ru

<http://www.remicon.ru>

РЕМИКОН

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2001-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 31 руб., за три — 93 руб., полугодичная подписка — 186 рублей (по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера тоже 31 рубль, но такая подписка все-таки дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлению удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 26 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-17, 212-15-07.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам**

257-30-55,

257-39-45.

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

Марина ДАНИЛОВА

Она пишет нарядные, жизнерадостные картины. Свежие и чистые по цвету, они словно наполнены трепетностью и красотой самой жизни. И возникает ощущение, что художница сознательно погружает своих зрителей в прекрасный мир сладких мечтаний, где нет места ни скучной будничности, ни повседневных забот.

Марина Данилова родилась в Москве. В детстве посещала изостудию известного педагога и художника Юрия Злотникова, затем окончила художественно-промышленное училище имени Калининина, отделение народного костюма. После учебы работала в художественном комбинате, в издательстве "Панорама", а в начале 90-х стала одним из организаторов малого предприятия — разрабатывала коллекции на темы народного костюма и орнамента. Но живопись не оставляла, активно сотрудничала с галереями "Красный угол" и "Ольга" в Совинцентре.

Марина работает в жанрах портрета, натюрморта, городского пейзажа — в основном пишет виды Москвы и городов Испании, по которым она часто путешествует. Натюрморты у Марины своеобразные — любит изображать всевозможные стеклянные сосуды и то, что в избытке нашему столу даруют щедрые лес и море. В портретах преобладают женские модели: изысканные, чувственные, всегда красивые и милые... И также элегантные и очаровательные "портреты" птиц, в основном цапли и журавли. Марина создала целую серию "Птицы", посвященную в основном болотным пернатым. "Я никогда долго не размышляю над тем, что буду изображать, — говорит художница. — Для меня главное — эмоции, мое внутреннее состояние. Пере-

полняющие меня чувства "выплескиваю" на холст". Для художника, как считает Марина, важны стиль и манера живописи. Поэтому в ее полотнах и пейзажах, и различные предметы служат лишь поводом, чтобы посредством композиции, колорита и манеры исполнения передать внутреннее ощущение от увиденного. А стиль художницы можно определить как романтический реализм. Выражается он в умышленной незавершенности, недосказанности, размытости образов. Делается это специально, зрителю предоставля-

Натюрморт с рыбой.

ется возможность самому домысливать сюжет.

“Каждая серия картин, — говорит Марина, — это большое поле для полета фантазии, чувства. И еще работы должны приносить радость и восхищение жизнью, должны воспевать красоту и гармонию мира”.

Людмила КАНДАЛОВА

Воздушный букет.

интернет

окно в мир информации

Мы делаем
Ваш веб сайт
Ваше лицо в Интернете

студия веб дизайна "Крон"

RON
STUDIO

т. (095)737-705

www.cron.ru